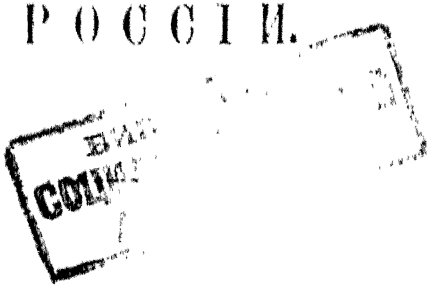
СУДЬБЫ КАПИТАЛИЗМА

В Ъ Р О С С І И.



В. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.
1882.

Пров. 1959

БЕ
591
.В7
С4А6

(672)

19641

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

Глава I. Капиталистическое производство и международная торговля . 9

Глава II. Успѣхи машиностроенія 32

Глава III. Капитализація кустарнаго промысла 70

Глава IV. Современное положеніе помѣщичьяго хозяйства и его отношеніе къ рабочей силѣ 125

Глава V. Крупное земледѣліе, капиталъ и сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства за границу 173

Глава VI. Экономическій упадокъ 222

Глава VII. Капиталистическое обращеніе товаровъ 292

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый сборникъ составленъ изъ статей, печатавшихся въ разныхъ журналахъ. Выпуская ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, мы придали имъ лишь внѣшнее единство, нѣсколько иначе расположили матеріалъ, выкинули повторенія. Содержаніе ихъ осталось прежнее, новыхъ фактовъ и аргументовъ приведено не много; и если, тѣмъ не менѣе, мы рѣшаемся вторично предлагать свои работы вниманію читателя, то дѣлаемъ это съ единственною цѣлью одновременностью нападенія всѣмъ арсеналомъ на его міросозерцаніе заставить интеллигенцію обратить вниманіе на поднятый вопросъ, вызвать нашихъ ученыхъ и присяжныхъ публицистовъ капитализма и народничества на изученіе закона экономическаго развитія Россіи—основу всѣхъ остальныхъ проявленій жизни страны. Безъ знанія этого закона невозможна систематическая и успѣшная общественная дѣятельность, а господствующія у насъ представленія о ближайшемъ будущемъ Россіи врядъ ли могутъ быть названы закономъ и врядъ ли способны дать практическому міросозерцанію прочную основу.

По данному вопросу въ литературѣ можно различить слѣдующія три направленія. Одно—къ которому принадлежатъ какъ публицисты буржуазіи на западно-европейскій манеръ, такъ и соціалисты школы Маркса — считаетъ, что въ Россіи должно непремѣнно получить господство капиталистическое производство (замѣтьте — капиталистическое производство, а не кулачество или ирландское фермерство). Предполагается, что самостоятельные производители—ремесленники не въ состояніи произвольно организовать свое производство въ мануфактуру и фабрику, примѣняя для этого, насколько возможно, всѣ техническія усовершенствованія; что выполненіе задачи этой организаціи беретъ

на себя капиталъ, и подъ его желѣзнымъ управленіемъ рабочіе теряютъ чрезмѣрный индивидуализмъ, дисциплинируются, пріобрѣтаютъ свойства, дѣлающія возможной общественную форму труда со всѣми благими ея послѣдствіями. Причемъ первые утверждаютъ, что на этой ступени развитія промышленный строй останется вѣчно; вторые же вѣрятъ, что когда капиталъ организуетъ всѣхъ или главную массу рабочихъ, миссія его окончится: воспитанные подъ его вліяніемъ для крупнаго производства, рабочіе поведутъ послѣднее безъ его посредства. Но это уже дѣло отдаленнаго будущаго, предметъ заботъ нашихъ внуковъ и правнуковъ; намъ же остается примириться съ наступающимъ господствомъ капитализма и постараться только смягчать черезчуръ рѣзкія его проявленія. Бороться съ наступающимъ порядкомъ вещей излишне; онъ явится вооруженный непобѣдимыми естественными соціологическими законами, онъ завоюетъ арену труда не прямымъ насиліемъ (хотя не чуждается и послѣдняго), ему не нужна непремѣнно помощь власти: мелкій ремесленникъ добровольно отдастся въ его руки, ибо найдетъ для себя болѣе выгоднымъ хотя кое-какъ существовать заработной платой, чѣмъ умирать съ голоду въ собственной мастерской. Въ силу этого-то обстоятельства, въ силу того, что крупное капиталистическое производство бьетъ мелкое технико-экономическими вліяніями — противъ него невозможно бороться политическимъ оружіемъ; если оно разбило средне-вѣковыя преграды, нарочно воздвигнутыя для замедленія его роста, то тѣмъ легче ему воспрепятствовать возникновенію новыхъ препятствій: вернуться къ регламентаціи производства въ такихъ размѣрахъ, какіе существовали нѣсколько вѣковъ назадъ,—невозможно, а при свободѣ экономическаго развитія оно неизбѣжно попадетъ подъ руководство капитала.

Другія два литературныя направленія не считаютъ доказаннымъ положеніе о необходимости каждой странѣ пройти капиталистическую ступень развитія. При этомъ одно изъ нихъ,— основываясь на фактѣ, что русскій народъ не только сохранилъ до сихъ поръ многія черты общиннаго быта, давно утраченныя другими народами, но еще и развилъ ихъ дальше,—вѣритъ, что это развитіе будетъ продолжаться и въ будущемъ, что воспитаніе и дисциплинированіе нашего народа для общественной формы труда происходитъ и безъ руководства капитала, силою общины, и выработанный ею артельный духъ приведетъ народное производство къ той же организаціи, какая достигнута была на Западѣ при помощи капитала. Это оптимистическое міро-

созерцаніе, однако, не свело еще окончательно счетовъ со многими явленіями жизни, прямо ему противоположными: обезземеленіе крестьянъ, разрушеніе общинной связи, развитіе въ народѣ индивидуализма, ростъ спекуляціи и т. п. указываютъ, повидимому, на то, что наше дальнѣйшее развитіе, вопреки надеждамъ разсматриваемаго мнѣнія, идетъ по направленію, выработанному Западомъ, что капитализмъ беретъ верхъ надъ общиной и артельнымъ духомъ народа. Практическое міросозерцаніе и мотивы общественной дѣятельности этой партіи неизбѣжно будутъ носить на себѣ слѣды такой двойственности научныхъ основаній: вѣра въ общину предпишетъ рядъ дѣйствій въ извѣстномъ направленіи, а совершающіяся вокругъ явленія, противоположныя ожидаемымъ и желательнымъ, будутъ, подобно ушату холодной воды, охлаждать пылъ черезъ чуръ увлекшихся дѣятелей.

Третье направленіе говоритъ слѣдующее: «Мы не думаемъ, что община неизбѣжно должна пойти временно на выучку капитализму, но не думаемъ также, что она вездѣ и всегда останется невредимой. Все дѣло въ томъ, при какихъ условіяхъ происходитъ борьба общности и индивидуализма. Не рѣшайте вопросы жизни a priori, не выкручивайте системъ изъ головы; смотрите всегда въ приходо-расходную книгу общественной жизни, оцѣнивайте явленія, заносимыя туда изслѣдователями. Значитъ, все дѣло сводится къ тому, чтобы смотрѣть вокругъ себя, группировать факты и дѣлать изъ нихъ выводы». («Дѣло» № 12 «Противъ экономическаго оптимизма»). Приступая съ этой точки зрѣнія къ оцѣнкѣ современной русской жизни, разсматриваемое направленіе приходитъ къ заключенію, что въ Россіи существуютъ всѣ условія для быстраго развитія капиталистическаго производства. Правда, дешевизна рабочей силы мѣшаетъ заимствовать съ Запада машины новѣйшей конструкціи, но «мануфактурный періодъ капиталистическаго производства вполнѣ мыслимъ у насъ»; и хотя форма эта въ настоящее время совершенно излишня въ техническомъ отношеніи, но для русскаго капитализма она пока какъ разъ по плечу. «Объединеніе рабочихъ кустарей въ мануфактурѣ — вотъ естественная форма русскаго капитализма въ ближайшемъ будущемъ» (предлагаемъ рѣшить самому читателю, насколько такой анахронизмъ — мануфактура при возможности фабрики — доказываетъ существованіе благопріятной обстановки для развитія въ Россіи капит. производства). «И эта форма вовсе не придумывается для того, чтобы провести аналогію между прежнимъ зап.-европейскимъ и современнымъ русскимъ положеніемъ вещей. Напротивъ, она естественно воз-

никаетъ въ жизни, разъ есть на лицо дешевый рабочій, владѣющій инструментомъ, и этотъ самый инструментъ. Конечно, русская мануфактура, опирающаяся на кустарей, не успѣетъ вполнѣ развиться, какъ будетъ смѣнена крупной машинной промышленностью, разъ въ отдѣльныхъ центрахъ цѣна труда поднимется до высокаго уровня». Подобно тому, какъ дешевизна русскаго рабочаго, препятствуя перенесенію къ намъ новѣйшей зап.-европ. индустріи, способствуетъ (?) превращенію самостоятельнаго кустаря въ работника мануфактуры, такъ «возможность для Россіи пользоваться механическими изобрѣтеніями самой послѣдней конструкціи не отниметъ у капитализма почвы для развитія, а напротивъ, облегчитъ ему переходъ къ машинной промышленности». Какъ видитъ читатель, по этому мнѣнію развитіе капиталистическаго производства въ Россіи должно произойти еще легче, чѣмъ на Западѣ, ибо у насъ оно можетъ пользоваться такими выгодными условіями, какъ дешевизна труда и готовыя техническія изобрѣтенія. Послѣ сказаннаго естественно заключить, что разсматриваемое направленіе общественной мысли въ практическомъ отношеніи примыкаетъ къ первому изъ описанныхъ нами, что лица, его [illegible] борьбѣ съ капит. производ[illegible] расходная книга экономич[illegible] имъ никакой надежды н[illegible], приверженцы этого нап[illegible] работать, нужно боро[illegible] врага народнаго благосостоянія, нужно выискивать цѣлесообразныя средства для борьбы съ нимъ дѣломъ и словомъ». Предоставляю читателю вообразить себя въ шкурѣ дѣятеля, прущаго противъ рожна: какъ бодръ будетъ онъ духомъ, какая вѣра одушевляетъ его, какъ прочны его надежды на побѣду!...

И такъ, въ разсмотрѣнныхъ направленіяхъ общественной мысли, призывающихъ на борьбу съ капитализмомъ, нѣтъ надлежащей цѣльности, способной совершенно увлечь человѣка; въ обоихъ есть нѣчто, постоянно смущающее дѣятелей, могущее менѣе энергичныхъ заставить и совсѣмъ положить оружіе. И наоборотъ, народная партія много бы выиграла въ практическомъ отношеніи, если бы двойственность, раздирающая ея міросозерцаніе, была уничтожена, еслибы къ ея вѣрѣ въ живучесть народныхъ устоевъ присоединилось убѣжденіе въ исторической невозможности развитія капиталистическаго производства въ Россіи. Такое убѣжденіе способны дать наши обобщенія (если они только истинны). Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро по особенностямъ

современнаго историческаго момента Россіи невозможно достичь высшей ступени промышленнаго развитія капиталистическимъ путемъ, если всѣ мѣры въ пользу этого послѣдняго способны только разрушить благосостояніе народа, но не привести къ организаціи производства, если поэтому замѣченныя явленія разрушенія исконныхъ формъ народной жизни происходятъ не въ силу экономической борьбы мелкаго производства съ крупнымъ и побѣды послѣдняго, а суть результатъ неудачнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа правящихъ классовъ, слѣдовательно произведены политическими мѣрами, то лица, желающія добра народу и имѣющія возможность помочь ему, смѣлѣе выступятъ на борьбу съ угнетающими его вліяніями, такъ какъ они могутъ не опасаться, что всѣ ихъ успѣхи въ общественно-политической сферѣ будутъ разбиты неумолимыми и не поддающимися никакой политикѣ законами промышленнаго прогресса.

Нужно здѣсь замѣтить, что отрицая возможность господства въ Россіи капитализма, какъ формы производства, я ничего не предрѣшаю относительно его будущаго, какъ формы и степени эксплуатаціи народныхъ силъ. Поэтому *мыслимо*, что рядомъ съ упроченіемъ мелкой промышленности будетъ идти развитіе кулачества, разрушеніе общины и т. д. Правда, рабочему рѣшительно все равно, кто деретъ съ него шкуру: кулакъ, рентьеръ или фабрикантъ; но это не все равно для судьбы производства, которое въ одномъ случаѣ сохраняетъ свою мелкую форму, въ другомъ преобразуется въ крупное; не все равно это и для политическаго развитія страны, такъ какъ буржуазія въ западноевропейскомъ смыслѣ была носительницей и заступницей либеральныхъ и просвѣтительныхъ идей, нашимъ же Разуваевымъ, Колупаевымъ, Сладкопѣвцевымъ, не нужны ни политическая свобода, ни истинное просвѣщеніе. Очевидно, что вмѣстѣ съ невозможностью развитія въ Россіи капиталистическаго производства (хотя бы капитализмъ въ широкомъ смыслѣ слова и заполонилъ страну) теряетъ свои корни и подражаніе исторіи политическаго развитія запада;—послѣднее должно пойти у насъ много отличнымъ путемъ.

На Западѣ борцомъ за свободныя политическія учрежденія явилась просвѣщенная и экономическая сильная буржуазія. Эти два свойства ея находились во взаимной зависимости: буржуазія получила экономическое значеніе, опираясь на науку, которая помогла ей организовать крупную форму промышленности; благодаря такому союзнику, она выросла образованной и либеральной.

Такимъ образомъ экономическая сила этого класса общества доставила ему политическое значеніе, а просвѣщеніе выработало политическую программу. Если въ Россіи нѣтъ господствующаго капиталистическаго производства, то нѣтъ и класса, подобнаго либеральной европейской буржуазіи, нѣтъ естественной опоры политической свободѣ. Насколько можно судить по нѣкоторымъ явленіямъ настоящаго — возможно, что кромѣ рабочаго слоя у насъ въ будущемъ образуется классъ крупныхъ поземельныхъ собственника и кулака скупщика. Какъ тѣ, такъ и другіе, основывая свое экономическое вліяніе на *грубой* эксплуатаціи народа, не чувствуютъ надобности въ помощи науки. Поэтому они не стоятъ особенно за просвѣщеніе и изъ нихъ не можетъ образоваться сословіе, идущее впереди вѣка. Ихъ политическое развитіе никогда не возвысится надъ среднимъ уровнемъ страны; ихъ некритическая мысль никогда не будетъ поражаться отсталыми формами дѣйствительности; они не образуютъ изъ себя партіи, сильной экономически и страстно стремящейся къ осуществленію своихъ политическихъ идеаловъ. Существующая власть не будетъ имѣть въ обществѣ противника, который бы вынуждалъ ее на уступки либерализму; эти уступки власть можетъ сдѣлать добровольно, но свобода общества и въ этомъ случаѣ будетъ фиктивна, ибо также легко изорвать клокъ бумаги, «хартію свободы» какъ подарить его.

Не имѣя солиднаго противника въ обществѣ, наша власть можетъ не опасаться тѣхъ факторовъ прогресса, съ которыми вели непрестанную война западно-европейскія правительства. Мы укажемъ лишь на одинъ изъ нихъ — свободу печати. Она опасна для правительства въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обществѣ есть элементы, способные организоваться въ партію сильную экономически (ибо безъ матеріальной силы нѣтъ и политической). А такъ какъ въ русскомъ обществѣ — кромѣ утрачивающаго свое значеніе дворянства и пріобрѣтающаго экономическое вліяніе невѣжественнаго кулачества — существуетъ только народъ, активная политическая роль котораго еще очень далеко впереди, то наша власть можетъ безъ всякаго опасенія пользоваться свободой слова, — единственнымъ орудіемъ дѣйствительнаго контроля надъ своими подчиненными и единственнымъ средствомъ знать истинное положеніе дѣлъ при существующемъ и еще надолго исключительно возможномъ государственномъ устройствѣ Россіи.

И такъ, намъ кажется, что благодаря невозможности развитія въ Россіи капиталистическаго производства, европейскій конституціонный либерализмъ теряетъ у насъ свое значеніе, и

что прогрессивные дѣятели, выставляющіе на своемъ знамени принципы послѣдняго, явились у насъ вслѣдствіе невыработанности экономическаго міросозерцанія, вслѣдствіе того, что требующій своего отысканія законъ экономическаго развитія нашей родины былъ a priori принятъ тождественнымъ съ закономъ развитія западныхъ обществъ.

Невозможность подражанія формѣ промышленнаго прогресса, выработанной западомъ, неизбѣжность еще долгое время мириться у насъ съ мелкимъ производствомъ приводятъ къ важнымъ результатамъ и въ области государственной экономической политики. На Западѣ власть могла смѣло поддерживать буржуазію, которая организовала промышленность, увеличивала производительную силу труда и тѣмъ создавала новые источники для финансоваго обложенія; въ Россіи ростъ буржуазіи, не ведя за собой организаціи крупнаго производства, даетъ лишь усиленную эксплуатацію народнаго труда, подрывая этимъ источникъ финансовъ государства. Поэтому кулачество, напримѣръ, бывшее въ Европѣ первой инстанціей грандіознаго капиталистическаго порядка и потому вызывавшее къ себѣ симпатіи власти, русскимъ правительствомъ считается зломъ, съ которымъ неизбѣжно бороться.

Изъ сказаннаго ясно, какое важное значеніе имѣетъ для насъ вопросъ о русскомъ капитализмѣ, и потому мы увѣрены, что идеи, изложенныя въ предлагаемомъ сборникѣ, вызовутъ въ русскомъ обществѣ потребность такъ или иначе порѣшить его.

ГЛАВА I.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ.

Промышленная организація Россіи представляется гораздо болѣе сложной, чѣмъ западно-европейская. Наблюдая, напримѣръ, такую страну, какъ Англія, мы можемъ большую часть, если не всѣ ея явленія, подвести подъ такъ называемые законы политической экономіи: въ сферѣ производства мы будемъ имѣть здѣсь однообразныя крупныя капиталистическія единицы, подчиняющіяся, всѣ вмѣстѣ и каждая порознь, однимъ и тѣмъ же законамъ капиталистической экономіи, выйти изъ сферы вліянія которыхъ для нихъ невозможно; распредѣленіе продуктовъ совершается между тремя группами людей, обыкновенно рѣзко разграниченными одна отъ другой (землевладѣльцы, капиталисты, рабочіе). Если мы здѣсь подчасъ встрѣчаемся еще съ ремесломъ, то намъ будетъ совершенно ясно, что это или послѣдній проблескъ прежней, уже догорающей жизни, или высшее проявленіе ремесленнаго искуства, граничащее съ настоящимъ художествомъ и потому не поддающееся усиліямъ всенивелирующей техники. Даже такія явленія экономической жизни, какъ періодически повторяющіеся кризисы, пауперизмъ, эмиграція, которыя, повидимому, противорѣчатъ цвѣтущему состоянію производства, національному богатству и т. д., даже они легко объясняются законами капиталистическаго строя и потому, вмѣстѣ съ другими, положительными сторонами жизни, могутъ быть подведены подъ немногіе основные принципы. Словомъ, экономическая европейская жизнь построена на легко опредѣлимомъ основаніи; всѣ ея, повидимому, разнообразныя явленія сводятся къ нѣсколькимъ положеніямъ; изучая ее, мы опредѣлимъ планъ, по которому она организована.

Не то мы видимъ въ Россіи. Трудно даже сказать, чтобы

у насъ прочно утвердился какой-либо строй, а о выясненіи принциповъ экономической жизни можно развѣ только мечтать. Въ самомъ дѣлѣ, въ сферѣ обрабатывающей промышленности, мы имѣемъ, напримѣръ, одинъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что крупное производство болѣе или менѣе быстро усвоивается на нашей почвѣ; другой же рядъ указываетъ на процвѣтаніе его антагониста—кустарнаго промысла. Въ земледѣльческой области идетъ борьба мелкой культуры съ крупной, причемъ, если даже предположить, что побѣда останется за первой, то неизвѣстно еще какую форму приметъ крестьянское земледѣльческое хозяйство: мелкихъ-ли самостоятельныхъ единицъ на манеръ французскихъ (на что, повидимому, намекаетъ стремленіе къ раздѣлу общинныхъ земель, проявившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ), германскую мужицко-аристократическую систему (зачатки которой можно видѣть въ раздѣленіи членовъ общины на «хозяйственныхъ» мужиковъ и «маломощныхъ», или въ выдѣленіи изъ общины кулаковъ, міроѣдовъ, пользующихся кабальнымъ крестьянскимъ трудомъ), или, наконецъ, у насъ выработается новая форма съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ общинныхъ чертъ. Затѣмъ, если принять, какъ болѣе вѣроятное, что побѣда въ борьбѣ за форму земледѣльческой культуры клонится въ пользу мелкой, то почему же одновременно существуетъ такой упадокъ хозяйства побѣдителей, забрасываніе крестьянами своихъ земель и бѣгство изъ селъ и деревень даже такихъ губерній, гдѣ еще болѣе низко пали ихъ антагонисты—представители крупнаго землевладѣнія? А при существованіи такой вынужденной погони народа за заработкомъ, что̀ думать о жалобахъ фабрикантовъ на недостатокъ и дороговизну рабочихъ? и т. д.

Такая масса противорѣчащихъ другъ другу явленій, перечень которыхъ можно бы продолжить до безконечности, указываетъ на то, что въ нашей экономической жизни идетъ борьба нѣсколькихъ началъ, существуютъ рядомъ процессы разрушенія и созиданія, что направленіе дальнѣйшаго движенія еще не выяснилось. А между тѣмъ, выяснить это направленіе было бы весьма важно, какъ для оцѣнки успѣховъ и значенія мѣръ, принятыхъ правительствомъ для упроченія быта крестьянъ и развитія нашей промышленности, такъ и для установленія основаній будущихъ экономическихъ мѣропріятій. Но и независимо отъ этихъ практическихъ соображеній, изученіе текущей русской жизни полно интереса теоретическаго, такъ какъ даетъ возможность провѣрить законы промышленнаго прогресса, установленные западной общественной наукой. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи у насъ еще

почти ничего не сдѣлано, и причина тому—поразительное легкомысліе, съ которымъ общество относится къ окружающимъ его явленіямъ. Повидимому, до послѣдняго времени оно не рѣшалось взглянуть истинѣ прямо въ глаза, боялось быть послѣдовательнымъ въ оцѣнкѣ явленій дѣйствительной жизни. Врядъ ли, напримѣръ, можно указать на сколько-нибудь вліятельное направленіе нашей общественной мысли, которое бы прямо заявляло о необходимости и желательности перенесенія къ намъ всѣхъ порядковъ западной промышленной жизни, не смущаясь ея пролетаріатомъ, пауперизмомъ, какъ естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ капитализма. Одними мечтаніями и пожеланіями ограничивался и противоположный оттѣнокъ общественной мысли, почти не анализируя дѣйствительной жизни въ ея цѣломъ, не пытаясь сопоставить отдѣльныя ея явленія другъ съ другомъ и съ исповѣдываемыми общественными принципами, разграничить въ текущей жизни неизбѣжное и желательное отъ вреднаго и случайнаго. Но за то сколько вы встрѣтите лицъ и партій, силящихся удержаться въ равновѣсіи между двухъ стульевъ, заявляющихъ, напримѣръ, свои симпатіи политикѣ покровительства нашей крупной промышленности, поднятію помѣщичьей земледѣльческой культуры, упроченію международной торговли продуктами нашего сельскаго хозяйства въ видахъ развитія послѣдняго, тоже, разумѣется, подъ флагомъ капитализма, стремящихся, слѣдовательно, закрѣпить разсчлененіе народа на два враждебные лагеря и въ то же время славящихъ Бога за то, что надѣленіемъ крестьянъ землею онъ избавилъ Россію отъ язвы пролетаріата и порождаемой послѣднимъ борьбы классовъ. Нѣкоторые изъ таковыхъ стоятъ даже за нашу народную форму землевладѣнія съ значительнымъ, разумѣется, ограниченіемъ размѣровъ отведенной каждой общинѣ земли. Средній русскій культурный человѣкъ—т. е. такой, который господствуетъ въ настоящемъ—понималъ, напримѣръ, значеніе крупнаго производства, его преимущества надъ мелкимъ и невозможность послѣднему съ нимъ бороться; но когда заходила рѣчь о нашемъ кустарномъ промыслѣ, это не мѣшало ему заботиться (на словахъ, конечно) о его процвѣтаніи, проповѣдывать пользу ремесленныхъ школъ, необходимость образцовъ издѣлій и пр. Еслибы такая забота вытекала изъ серьезнаго мотива и оправдывалась исповѣдываемыми принципами, она необходимо повела бы къ соотвѣтствующимъ практическимъ дѣйствіямъ: приняты были бы мѣры къ отдѣленію промысловъ, имѣющихъ право на существованіе, отъ такихъ, которые неминуемо будутъ уничтожены фабрикой; устроены были

бы школы, склады и пр. для поддержанія первыхъ, сдѣлано что-нибудь для облегченія гибели послѣднихъ. Но, такъ какъ «заботы» культурнаго человѣка о народномъ благосостояніи имѣютъ своимъ основаніемъ, съ одной стороны, страхъ передъ заключеніями послѣдовательно проведенныхъ принциповъ, съ другой—неспособность критически отнестись къ основнымъ положеніямъ своихъ воззрѣній, то и неудивительно, что эти заботы ограничиваются одними словесами, а дѣйствительная жизнь продолжаетъ идти своимъ порядкомъ, направляемая эгоистическими интересами того же культурнаго человѣка.

Въ виду такого отношенія интеллигенціи къ существующему, неудивительно, что истинное положеніе дѣлъ въ нашей экономической жизни никому не извѣстно, и потому она имѣетъ полную возможность дарить намъ репримандъ за репримандомъ. Чтобы не быть голословнымъ и въ то же время далеко не отвлекаться отъ настоящаго предмета статьи, скажемъ, что лишь въ самые послѣдніе годы наше общество сознало, наконецъ, что оно не имѣло до сихъ поръ яснаго представленія о такихъ трехъ капитальнѣйшихъ вопросахъ русской экономической жизни, какъ община, кустарные промыслы и состояніе хлѣбной производительности: ученыя общества приступили къ изученію первыхъ двухъ, а литература болѣе или менѣе точными данными доказываетъ невѣрность общераспространеннаго мнѣнія на счетъ сильнаго развитія послѣдней. Поэтому, въ настоящее время невозможно кому-нибудь взять на себя задачу нарисовать полную картину современнаго экономическаго быта Россіи хотя, съ другой стороны, излишне было бы требовать воздержанія отъ попытки освѣтить совершающіяся явленія съ точки зрѣнія того или другого принципа; напротивъ, можно только пожелать, чтобы каждый былъ послѣдовательнѣе при такой оцѣнкѣ, ибо тогда скорѣе опредѣлится ложь и истина, какъ въ нашемъ міросозерцаніи, такъ и въ жизни. Это соображеніе даетъ намъ смѣлость предложить вниманію читателя слѣдующія заключенія и выводы о событіяхъ современной русской экономической жизни.

Если вы, читатель—человѣкъ европейски образованный, знакомы, слѣдовательно, съ законами промышленнаго прогресса, выведенными на основаніи фактовъ западно-европейской исторіи, и придаете имъ значеніе законовъ общечеловѣческаго развитія, то вы, безъ сомнѣнія, съ нѣкоторымъ, можетъ быть, легкомысліемъ, но за то быстро, заключите, что Россія находится на первыхъ ступеняхъ той капиталистической лѣстницы, по которой другія европейскія страны сдѣлали уже большее или меньшее число

шаговъ, а Англія добралась почти до самой вершины. Россія, какъ отставшая во всемъ отъ Европы, должна была позже другихъ приступить и къ развитію у себя общественной формы труда (разумѣется, капиталистическимъ способомъ); но нѣтъ сомнѣнія, что она принялась, наконецъ, за этотъ необходимый процессъ и очень легко и быстро пройдетъ весь путь, благодаря тому, что всѣ орудія прогресса уже приготовлены ея болѣе просвѣщенными сосѣдями. Посмотримъ, однако, насколько основательны теоретически эти предположенія интеллигентнаго человѣка и какъ они оправдываются на практикѣ.

Страны, позже другихъ выступившія на путь историческаго развитія, имѣютъ то громадное преимущество надъ своими предшественницами, что могутъ, на основаніи опыта послѣднихъ, составить себѣ болѣе или менѣе вѣроятное представленіе о слѣдующемъ своемъ шагѣ и потомъ сознательно стремиться или оберегаться того, чего другія достигали лишь инстинктивно. Къ числу такихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ привиллегированныхъ странъ принадлежитъ и Россія; изъ жизни болѣе развитыхъ сосѣдокъ она можетъ почерпнуть богатый матеріялъ для сужденія о своемъ вѣроятномъ будущемъ, для принятія мѣръ къ избѣжанію ихъ ошибокъ, къ преодолѣнію ожидаемыхъ на пути препятствій. Однако, путь такого предвидѣнія скользокъ; здѣсь возможна масса ошибокъ, центръ тяжести которыхъ лежитъ въ невѣрной оцѣнкѣ смысла наблюдаемыхъ явленій. Нѣтъ ничего легче, какъ принять явленіе мѣстное или частное за общечеловѣческое, увидѣть законъ тамъ, гдѣ есть лишь одна изъ формъ его проявленія. Такъ, напримѣръ, въ промышленной области мы встрѣчаемся на Западѣ съ рядомъ грандіознѣйшихъ фактовъ и безобразнѣйшихъ явленій. Съ одной стороны, безпримѣрное увеличеніе производительности труда, какъ результатъ организаціи крупнаго производства; съ другой—извращенное направленіе этой увеличенной производительности, вызвавшее въ концѣ-концовъ обезземеленіе народа, пауперизмъ, эмиграцію и вырожденіе рабочаго. Такое извращеніе произошло потому, что развитіе общественной формы труда было произведено капиталистическимъ путемъ, и вездѣ, гдѣ повторится процессъ въ той же формѣ, явятся въ болѣе или менѣе рѣзкомъ видѣ тѣ же и результаты. Спрашивается: есть-ли необходимость для Россіи повторять всецѣло исторію западнаго промышленнаго развитія? Въ чемъ нужно видѣть законъ: въ развитіи-ли крупной промышленности, какимъ бы способомъ оно ни произошло, или же въ обобществленіи труда не иначе, какъ *капиталистическимъ спосо-*

бомъ, въ неизбѣжности народному производству пройти сквозь тиски капиталистическаго?

Я не буду разбирать этого вопроса по существу: коль скоро онъ все задается и только задается, это значитъ, въ наукѣ нѣтъ пока данныхъ для его разрѣшенія. Я хочу лишь этой замѣткой обратить вниманіе изслѣдователей русскаго быта на одну сторону развитія капитализма въ Россіи, сторону, которая до сихъ поръ почти упускалась изъ вида, именно на международную обстановку, въ которой придется вращаться русскому капитализму. Историческая особенность нашей крупной промышленности заключается въ томъ, что ей приходится расти во время, когда другія страны достигли уже высокой степени развитія. Это приводитъ къ двумъ послѣдствіямъ: во-первыхъ, она можетъ пользоваться всѣми формами, выработанными Западомъ, не переползая черепашьимъ шагомъ съ одной ступени на другую, то есть, повидимому, имѣетъ возможность развиваться очень быстро; во-вторыхъ, ей приходится конкурировать съ опытными, давно установившимися въ промышленномъ отношеніи странами, а соперничество такихъ противниковъ можетъ совершенно заглушить слабые ростки вновь возникающаго капитализма. Объяснимся подробнѣе.

Процессъ организаціи труда капиталомъ основанъ на извращеніи истиннаго смысла развитія общественной формы труда: вмѣсто облегченія рабочаго,—уменьшенія времени работы при лучшемъ, однако, удовлетвореніи его разнообразныхъ потребностей—процессъ этотъ ведетъ къ обремененію трудящагося, къ удлиненію рабочаго дня, возвышенію его интенсивности съ одновременнымъ пониженіемъ расходовъ на содержаніе рабочаго. Такъ какъ это идетъ параллельно съ развитіемъ крупнаго производства и вытекающимъ отсюда громаднымъ наростаніемъ успѣшности труда; такъ какъ все увеличеніе этой производительности служитъ не къ облегченію рабочаго, не къ созданію ему досуга для развитія и удовлетворенія его умственныхъ и нравственныхъ потребностей, а тратится цѣликомъ на возрастаніе производства, то есть, на увеличеніе количества продуктовъ, то совершенно естественно является при этомъ избытокъ послѣднихъ для внутренняго потребленія, необходимость во внѣшнемъ рынкѣ. Поэтому-то, параллельно съ развитіемъ капиталистическаго производства на Западѣ, идетъ и погоня соотвѣтствующихъ странъ за рынкомъ: вся внѣшняя политика Англіи была ничѣмъ инымъ, какъ именно такой жаждой рынка, а съ теченіемъ времени, на тотъ же путь международной политики, мало по малу, вступаютъ и другія цивилизован-

ныя страны. И такъ, развитіе общественной формы труда на капиталистической почвѣ ведетъ все къ бо́льшему и бо́льшему противорѣчію между производствомъ продуктовъ и ихъ потребленіемъ внутри страны; производство расширяется съ громадной быстротой, между тѣмъ, какъ запросъ на его продукты внутри страны,—въ силу того, что не происходитъ соотвѣтствующаго возвышенія заработной платы, и увеличеніе потребленія совершается только въ средѣ кучки богатѣющихъ фабрикантовъ и аферистовъ всякаго рода—запросъ на продукты, говоримъ, ростетъ значительно медленнѣе и чѣмъ дальше, тѣмъ больше отстаетъ отъ производства. То есть, чѣмъ быстрѣе въ какой-либо странѣ развивается капиталистическая промышленность, тѣмъ скорѣе она напитаетъ продуктами свой внутренній рынокъ и станетъ нуждаться во внѣшнемъ, и чѣмъ дальше и ходчѣе идетъ развитіе капиталистическаго производства, тѣмъ интенсивнѣе становится потребность во внѣшнемъ рынкѣ, тѣмъ недостаточнѣе будетъ внутренняго сбыта. Отсюда ясно, насколько можетъ быть устойчиво новѣйшее производство, какимъ естественнымъ явленіемъ будутъ въ немъ кризисы. Къ чему, напримѣръ, долженъ былъ привести хотя бы такой фактъ: въ теченіи 1870—73 годовъ общее производство десяти особенно выдающихся въ промышленномъ отношеніи странъ Европы и Америки почти удвоилось, между тѣмъ, какъ ни возрастаніе населенія, ни возрастаніе его потребностей, а тѣмъ болѣе заработной платы внутри каждой страны, вовсе не оправдывали подобнаго расширенія производства. Случись такое явленіе въ одной странѣ, она могла бы спустить избытокъ продуктовъ въ другія; но такъ какъ это произошло одновременно въ нѣсколькихъ, то каждая изъ нихъ явилась по преимуществу продавцомъ, а не покупателемъ, расширеніе рынка не имѣло мѣста, и дѣло разразилось кризисомъ 1873 года, кризисомъ, послѣдствія котораго чувствуются и по настоящее время [1])

Имѣя въ виду такую тенденцію капиталистическаго производства къ безмѣрному возрастанію, мы можемъ съ большимъ вѣроятіемъ предсказать, что, чѣмъ позднѣе начнетъ какая-либо страна развиваться въ промышленномъ отношеніи, тѣмъ труднѣе завершить ей это развитіе капиталистическимъ путемъ. Ей необходимо придется при этомъ вступить въ борьбу за рынки съ такими, напримѣръ, опытными и ловкими противниками, какъ Англія и Америка, противниками, имѣющими надъ нею преимущество во всѣхъ отношеніяхъ, и борьба, по всей вѣроятности,

[1]) „Сково“ 1879, 2: „Мысли объ отношеніи между общественной экономіей и правомъ“.

окончится не въ ея пользу. Но, какъ бы ни кончилась борьба, кто бы ни остался побѣдителемъ, во всякомъ случаѣ, здѣсь долженъ быть и побѣжденный: рынка для всѣхъ не достанетъ; то-есть, побѣда капитала одной страны служитъ препятствіемъ развитію капиталистическаго производства въ другой. Если это вѣрно, то относительно законовъ промышленнаго развитія человѣчества мы должны выставить слѣдующее положеніе:

Такъ какъ обобществленіе труда не можетъ одновременно совершиться повсюду капиталистическимъ путемъ, то, при столкновеніи нѣсколькихъ странъ слѣдуетъ допустить возможность одного изъ трехъ исходовъ: 1) или страны, позднѣе выступившія на путь промышленнаго развитія, должны вѣчно оставаться на низкой, напримѣръ, ремесленной ступени его, 2) или процессъ обобществленія труда можетъ совершиться у нихъ инымъ, не капиталистическимъ путемъ, 3) или, наконецъ, оно совершится лишь послѣ того, какъ въ странахъ, ушедшихъ впередъ, капиталистическое производство закончитъ весь циклъ своего развитія и превратится въ народное; въ такихъ странахъ производство перестанетъ стремиться къ возможному расширенію; цѣлью его будетъ не наводненіе иноземныхъ рынковъ товаромъ ради возрастанія прибавочной стоимости, а удовлетвореніе потребностей самихъ производителей, которые въ тоже время и хозяева, и рабочіе; всякое техническое улучшеніе въ орудіяхъ производства будетъ служить не къ расширенію послѣдняго, а къ сокращенію труда работающихъ, увеличенію ихъ досуга. Предоставляя воображенію читателя развивать любой изъ этихъ исходовъ, мы будемъ продолжать разборъ условій и послѣдствій организаціи труда капиталомъ.

Для развитія капиталистическаго производства въ странахъ, гдѣ оно совершалось впервые, необходимо было существованіе рабочихъ, свободныхъ для найма, т.-е. лишенныхъ земли и другихъ орудій самостоятельной продукціи. Разъ появившись на свѣтъ Божій и развиваясь дальше, капиталистическое производство въ свою очередь способствуетъ обращенію мелкихъ производителей въ наемныхъ рабочихъ, прямо или косвенно побуждая къ обезземеленію народа правительство и землевладѣльцевъ, побивая конкуренціей ремесло, привлекая на фабрику рабочихъ высокой заработной платой—результатомъ быстраго развитія промышленности подъ вліяніемъ открытія новыхъ рынковъ для сбыта. Всѣ эти воздѣйствія на мелкаго хозяина приводятъ къ тому, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи капиталистическое производство, наконецъ, вполнѣ насыщается рабочимъ матерьяломъ; затѣмъ,

послѣдній начинаетъ возстановляться даже въ размѣрахъ излишнихъ для возрастанія капитала; и не будучи столь самоотверженными, чтобы остановиться въ своемъ размноженіи или обречь излишекъ на голодную смерть на родинѣ, рабочіе отправляются искать счастья на чужбину. Въ Англіи, напримѣръ, эмиграція уноситъ почти весь приростъ населенія [1]). И такъ, въ странахъ, раньше выступившихъ на путь промышленнаго прогресса, гдѣ капиталистическое производство развивалось медленно, такъ какъ должно было вырабатывать методъ своего развитія, который уже послужилъ образцомъ для послѣдующихъ странъ, тамъ *постепенно* сокращалась область самостоятельнаго приложенія рабочими своего труда и расширялась сначала параллельно первой, а потомъ отставая, область приложенія труда наемнаго. Вслѣдствіе такого параллелизма въ развитіи двухъ дополняющихъ одна другую сторонъ промышленной жизни, не происходило быстраго и повальнаго обѣдпѣнія массы населенія; рабочіе привыкли къ извѣстному сравнительно высокому уровню благосостоянія, и эта привычка позволила имъ, хотя бы даже такимъ героическимъ средствомъ, какъ выселеніе, удержать заработную плату на извѣстной высотѣ въ то время, когда избытокъ населенія при другихъ обстоятельствахъ могъ бы свести ее даже ниже minimum'а, необходимаго для обезпеченія жизни и здоровья рабочаго. Такъ что изъ двухъ естественныхъ послѣдствій господства капитализма— освобожденія рабочихъ отъ средствъ производства и ихъ обѣднѣнія (послѣднее будетъ имѣть мѣсто, если такъ-называемый «излишекъ населенія» разовьется столь быстро, что не успѣетъ очистить мѣста и конкуренціей съ дѣйствующей арміей рабочихъ понизитъ заработную плату) — въ классическихъ странахъ крупной промышленности развивалось по преимуществу первое.

Иное будетъ въ мѣстностяхъ, позже приступившихъ къ обобществленію труда, но обладающихъ однако условіями, необходимыми для совершенія такого обобществленія капиталистическимъ путемъ. Такія страны не нуждаются въ быстромъ процессѣ обезземеленія крестьянъ, ибо онѣ могутъ обойтись и съ небольшимъ сравнительно числомъ рабочихъ: любая отрасль ремесленнаго производства не обязана и не будетъ здѣсь проходить всѣ тѣ ступени развитія ея въ крупную, какія были пройдены тою же отраслью въ странахъ, гдѣ капитализмъ развивался впервые; она можетъ прямо перескакивать черезъ нѣсколько ступеней. Теперешнему русскому, напримѣръ, производителю въ но-

[1]) „Землевладѣніе и земледѣліе". Т. I, стр. 18.

вой отрасли, стремящейся сдѣлаться крупной, нѣтъ необходимости сначала ввести машину, дѣйствовавшую въ Англіи 50 лѣтъ назадъ, потомъ замѣнить ее изобрѣтенной спустя 20 лѣтъ и, наконецъ, перейти къ новѣйшей; онъ даже не всегда можетъ это сдѣлать, такъ какъ отъ многихъ прежнихъ машинъ остались одни только воспоминанія; онъ прямо примѣнитъ одно изъ послѣднихъ изобрѣтеній. А всѣ эти послѣдовательныя изобрѣтенія отличаются одно отъ другого тѣмъ, что послѣ-явившееся сильнѣе сокращаетъ участіе рабочей силы въ производствѣ. Если, напримѣръ, прежде (т.-е. нѣкогда, въ зрѣлыхъ нынѣ странахъ) переходъ съ одной ступени капиталистическаго обобществленія труда на другую сопровождался сокращеніемъ участія рабочей силы въ производствѣ на $^1/_{10}$, то для странъ, начинающихъ развиваться въ настоящее время, возможенъ сразу переходъ, уменьшающій потребность въ наемномъ трудѣ, можетъ быть, въ 10—20 разъ. Поэтому, тогда какъ прежде, для занятія вытѣсненныхъ такимъ образомъ рабочихъ, достаточно было расширить производство на $^1/_{10}$, въ настоящее время (т.-е. для странъ, начинающихъ только свое развитіе), для той же цѣли нужно увеличить его въ 10—20 разъ. Если молодыя страны такъ отстали отъ зрѣлыхъ въ дѣлѣ удержанія рабочей силы въ производствѣ по мѣрѣ его развитія, то что же сказать о привлеченіи къ нему совершенно новыхъ рабочихъ, тѣхъ, напримѣръ, которые принуждены были покинуть самостоятельное ремесло, вслѣдствіе быстраго скачка, сдѣланнаго крупной промышленностью. Принимая во вниманіе, что молодымъ странамъ гораздо труднѣе расширить свое производство, благодаря невозможности конкурировать съ классическими странами крупной промышленности на международныхъ рынкахъ, можно сказать съ большой вѣроятностью, что этимъ рабочимъ прекращенъ доступъ на фабрику. Это значитъ, что въ молодыхъ странахъ капитализмъ будетъ развиваться не столько экстенсивно, сколько интенсивно, не столько привлекая къ производству новыхъ рабочихъ, сколько усиливая успѣшность труда прежнихъ. Иначе говоря, для развитія капитализма, хотя бы въ Россіи, нѣтъ надобности въ освобожденіи населенія отъ средствъ производства въ размѣрахъ, въ какихъ оно совершалось, напримѣръ, на Западѣ.

Но это освобожденіе, тѣмъ не менѣе, будетъ идти своимъ порядкомъ. Не имѣя возможности конкурировать съ крупнымъ производствомъ своихъ старшихъ братьевъ на внѣшнихъ рынкахъ, капитализмъ легко можетъ вытѣснить продукты мелкаго производства съ внутренняго рынка и вынудить такимъ образомъ

самостоятельныхъ ремесленниковъ искать заработка въ наемномъ трудѣ или отыметъ у земледѣльцевъ-кустарей часть ихъ дохода. Не нуждаясь въ новыхъ наемныхъ рабочихъ, капиталистическое производство не будетъ настаивать на обезземеленіи массы крестьянъ, оно только лишитъ ихъ части необходимаго заработка (отъ промысловъ), предоставивъ на волю каждаго — остаться-ли полуголоднымъ, но самостоятельнымъ земледѣльцемъ или бросить падѣлъ и пойти рыскать по свѣту. Изъ двухъ послѣдствій развитія капитализма, здѣсь выступаетъ на первый планъ не столько освобожденіе рабочихъ отъ средствъ ихъ производства или, по крайней мѣрѣ, *ихъ обезземеленіе, сколько ихъ обѣднѣніе.* Не думаемъ, чтобы такая перспектива для работника молодыхъ странъ имѣла какія-либо преимущества передъ участью рабочаго странъ зрѣлыхъ. Тамъ рабочій-пролетарій бросалъ родину, не желая конкуренціей понизить заработную плату до minimum'а; здѣсь самостоятельный земледѣлецъ бросаетъ свое хозяйство, убѣгая отъ голодной смерти или полуголоднаго существованія. Послѣдствія одинаковы — бѣгство, эмиграція — здѣсь только съ болѣе острымъ характеромъ. Хорошо еще, если человѣкъ успѣетъ убѣжать, а то въ Остъ-Индіи, напримѣръ, введеніе англійскихъ хлопчато-бумажныхъ машинъ въ 30-хъ годахъ сопровождалось буквально немедленной гибелью побитыхъ кустарей: «равнины Индіи бѣлѣютъ костями ткачей хлопчатой бумаги» писалъ тамошній губернаторъ [1]). Не успѣли собраться и бѣжать! Такой результатъ не есть необходимое послѣдствіе обобществленія труда въ молодыхъ странахъ; онъ явится только въ случаѣ, если это обобществленіе произойдетъ капиталистическимъ путемъ, т.-е. если для развитія капитализма не будетъ существовать другихъ препятствій, кромѣ международныхъ, если притомъ отсутствіе внѣшнихъ рынковъ не подорветъ окончательно возникающаго капитализма настолько, что онъ не въ состояніи будетъ завоевать и внутренній рынокъ. Если же крупное капиталистическое производство станетъ здѣсь расти съ трудомъ и столь медленно, что не успѣетъ побить кустарный промыселъ, то развитіе общественной формы труда, мож ть и имѣть иное направленіе еди друг репятствій для развитія кап низкій уровень знаній вообще и техническихъ въ частности, плохіе пути сообщенія и проч.), мы укажемъ на одно, особенно важное для насъ, русскихъ, это—дешевизна труда.

Дѣло въ томъ, что примѣненіе машины въ капиталистиче-

[1]) Марксъ, Капиталъ, стр. 382.

скомъ производствѣ будетъ выгодно фабриканту, а, слѣдовательно, сдѣлано имъ лишь въ томъ случаѣ, когда стоимость машины ниже стоимости труда, ею замѣщаемаго: если, напримѣръ, машина дѣлаетъ излишними, т.-е. замѣняетъ 30 человѣкъ рабочихъ, то фабрикантъ введетъ ее у себя, коль-скоро она ему будетъ стоить меньше, чѣмъ онъ тратилъ прежде на этихъ 30 рабочихъ, ибо только въ этомъ случаѣ она возвратитъ ему затраты съ избыткомъ (прежнее количество продуктовъ получится при меньшихъ затратахъ). Это случится только при извѣстной высотѣ заработной платы. Поэтому, машина, которую выгодно ввести, напримѣръ, въ Америкѣ или Англіи, можетъ быть непримѣнима въ Россіи или Турціи; въ Германіи XVI и XVII вѣковъ изобрѣтались машины, которыя употреблялись только въ Голландіи. «Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ англійской шерстяной мануфактуры въ теченіе послѣднихъ лѣтъ дѣтская работа очень сократилась, а мѣстами и совсѣмъ упразднилась. Это произошло оттого, что, по низведеніи парламентомъ дѣтской работы до 4—6 часовъ въ день, родители требовали прежней платы, а мануфактуристы на это не соглашались и замѣнили дѣтей машинами. До запрещенія дѣтямъ и женщинамъ работать въ рудникахъ, капиталъ нашелъ способъ пользоваться трудомъ голыхъ женщинъ и дѣтей, часто вмѣстѣ съ мужчинами, въ угольныхъ копяхъ и другихъ рудникахъ, и считалъ это въ такой степени согласнымъ съ кодексомъ своей морали и своего гауптбуха, что только послѣ запрещенія обратился къ машинамъ. Далѣе, янки изобрѣли машину для разбиванія камней, но англичане находятъ невыгоднымъ ввести ее у себя въ употребленіе вслѣдствіе дешевизны рабочей силы [1]).

Все вышеизложенное позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующее заключеніе о судьбахъ капиталистическаго производства въ молодыхъ странахъ. Такія страны встрѣчаютъ громадныя препятствія на пути развитія своего капитализма, и главнѣйшее изъ этихъ препятствій, это — необходимость бороться за внѣшній рынокъ съ странами, побѣдить которыя очень трудно. Вновь возникающій капитализмъ можетъ добиться лишь устраненія иностранныхъ товаровъ съ внутренняго рынка и, самое бо́льшее, побить внутреннее мелкое производство. Такимъ образомъ, если только крупное капиталистическое производство охватитъ всѣ области внутренняго труда, оно грозитъ лишить все населеніе самостоятельнаго хозяйства, но въ замѣнъ дать ему работу на фабрикѣ

[1]) „Слово“, 1878, 3: „Экономич. теорія Маркса“.

не въ состояніи: лишь небольшая часть раззорившихся крестьянъ найдетъ себѣ тамъ занятіе, масса же его должна эмигрировать, дабы, въ концѣ-концовъ, устроиться гдѣ-нибудь на новомъ мѣстѣ, опять-таки въ качествѣ самостоятельныхъ производителей. Это—идеалъ, только мыслимый, но вовсе не вѣроятный. Идеалъ этотъ—кучка фабрикантовъ и землевладѣльцевъ, командующихъ среди необъятнаго пространства (напримѣръ, Россіи) тамъ и здѣсь небольшими сравнительно группами рабочихъ [1]), и милліоны эмигрирующихъ — представляетъ до того нелѣпую и безобразную картину, что нѣтъ возможности смотрѣть на нее иначе, какъ на логическое послѣдствіе какихъ-нибудь нелѣпыхъ посылокъ. Т.-е., мы должны отвергнуть и основное положеніе—необходимость для каждой страны достигнуть развитія общественной формы труда непремѣнно *капиталистическимъ путемъ*. Слѣдуетъ принять, какъ наиболѣе вѣроятное, что не каждый народъ обязанъ неизбѣжно пройти капиталистическій фазисъ въ развитіи своей промышленности, что въ молодыхъ странахъ капиталистическое производство тщетно будетъ стараться занять то положеніе, какого оно достигло въ странахъ классическаго капитализма, а обобществленіе труда, если оно неизбѣжно, произойдетъ инымъ путемъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, обратимся къ настоящему предмету нашей статьи—русскому капитализму.

Относительно значенія капитализма въ Россіи, вопросъ, какъ извѣстно, остается открытымъ. Одни безповоротно рѣшили, что наше дальнѣйшее развитіе должно совершаться по западно-европейскому шаблону, и обставляютъ это положеніе болѣе или менѣе солидными, хотя по преимуществу теоретическими соображеніями; другіе, по мѣрѣ силъ, отбиваются отъ такихъ заключеній, но противопоставляютъ имъ, главнымъ образомъ, отрицательные доводы о необязательности для насъ слѣдовать Западу, или славянофильскія тенденціи о противоположности Востока и Запада и проч. Попробуемъ отнестись къ вопросу самостоятельно, основываясь на вышеразвитыхъ положеніяхъ.

Есть много признаковъ, не только указывающихъ, что мы находимся на пути развитія капитализма, но даже способныхъ обмануть невнимательнаго наблюдателя, заставивъ его думать, что мы довольно быстро подвигаемся по разъ избранному пути. Такъ, за послѣднія 20 лѣтъ мы построили 20,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, а это—первое условіе для развитія капитализма, и въ глазахъ его поклонниковъ можетъ служить яснымъ дока-

[1]) Мы говоримъ о нелѣпости съ точки зрѣнія самаго капитализма, для котораго эмиграція населенія значитъ сокращеніе запроса на его продукты.

зательствомъ прочности, съ какою онъ у насъ водворился: построить и поддержать такую сѣть нуженъ и капиталъ, и предпріимчивость, и оживленные торговые обороты. Нѣтъ у насъ недостатка и въ мѣрахъ, направленныхъ къ концентраціи мелкихъ капиталовъ въ крупные, къ развитію кредита не только для крупнаго промышленнаго, но и земледѣльческаго производства въ видѣ разныхъ акціонерныхъ обществъ и банковъ. Существуетъ много учрежденій, задавшихся спеціальною цѣлью способствовать развитію нашего производства и, главнымъ образомъ, крупнаго. Учрежденія эти наряжаютъ комиссіи для изслѣдованія торговли тѣмъ или другимъ продуктомъ не только внутри Россіи, но и за-границей; они—по пословицѣ, куда конь съ копытомъ туда и ракъ съ клешней—повидимому, серьезно толкуютъ, тратятъ время и деньги, напримѣръ, хотя бы для принятія мѣръ къ прекращенію конкуренціи Америки нашей хлѣбной торговлѣ въ Европѣ, или для вытѣсненія Англіи съ азіатскихъ рынковъ и т. д. Однимъ изъ любимѣйшихъ вопросовъ нашей періодической прессы служитъ та же забота о побитіи Англіи, Америки, о развитіи у себя той или другой отрасли машинной индустріи. Эта послѣдняя съ давнихъ временъ считается любимымъ дѣтищемъ и нашего правительства, которое уже не мало принесло ему жертвъ въ прошедшемъ и еще больше, можетъ быть, принесетъ ихъ въ будущемъ. Среди народа мы видимъ какое-то броженіе, объясняемое обыкновенно борьбой отживающаго мелкаго производства съ возникающимъ крупнымъ, и объ исходѣ этой борьбы якобы свидѣтельствуетъ не по днямъ, а по часамъ увеличивающаяся масса безземельныхъ крестьянъ. Наиболѣе рѣшительные «западники» въ новомъ духѣ прямо заявляютъ о неизбѣжномъ исходѣ этой борьбы въ пользу крупнаго производства (и, разумѣется, капиталистическаго), пророчествуютъ гибель кустарнаго промысла и настаиваютъ на необходимости помочь водворенію новаго порядка вещей, между прочимъ, уничтоженіемъ общины. Среди народа размножается масса пьявокъ и эксплуататоровъ всякаго рода, обдирающихъ его, какъ липку, и эти пьявки тоже считаются однимъ изъ элементовъ возникающаго на почвѣ капитализма третьяго сословія, однимъ изъ признаковъ развитія крупнаго производства. Въ пользу послѣдняго говоритъ и привлеченіе къ промыслу женщинъ и дѣтей, ибо капиталъ, «по мѣрѣ увеличенія своей массы и введенія все новыхъ и новыхъ механическихъ усовершенствованій, все болѣе и болѣе уменьшаетъ поле для приложенія мужской рабочей силы, взамѣнъ которыхъ требуетъ употребленія незрѣлаго женскаго и

дѣтскаго труда» [1]). Въ дополненіе сходства нашихъ промышленныхъ порядковъ съ западно-европейскими, можно указать еще на развивающееся у насъ такъ-называемое рабочее движеніе [2]),

[1]) „Слово“, 1879, 2: „Мысли объ отношеніяхъ между общественной экономіей и правомъ“.

[2]) Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ стачекъ двухъ послѣднихъ годовъ въ Петербургѣ, было не мало мелкихъ въ провинціи, и такъ какъ это явленіе среди нашихъ фабричныхъ рабочихъ сравнительно рѣдкое и новое, то читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ, если мы приведемъ что намъ удалось узнать о нихъ изъ газетъ. Движеніе это только зарождается, еще не осистематизировано, какъ на Западѣ, поэтому не удивительно, что подчасъ оно принимаетъ курьезныя формы. Такъ, въ Воронежѣ на желѣзной дорогѣ рабочіе получаютъ жалованье обыкновенно черезъ 2—3 недѣли послѣ срока. 17-го іюля 1879 г., 700 человѣкъ собрались у вокзала и подъ угрозой бросить работу требовали выдачи задержаннаго заработка; дѣло принимало угрожающій характеръ, какъ вдругъ проходящій поѣздъ разрѣшилъ его неожиданно для той и другой стороны: рабочіе легли на рельсы, а управляющій дорогой выдалъ имъ послѣ этого деньги (Р. Пр. 79, 83). Близъ Шанхая, станціи козловско-воронежской желѣзной дороги, находятся антрацитовые рудники общества пароходства и торговли; 1-го іюля 1879 г., рабочіе потребовали другого, болѣе справедливаго разсчета за прошлую работу и на 5 дней прекратили работу. Послѣ прибытія казаковъ, ихъ уговорили приняться за дѣло, а удовлетворенія своихъ требованій добиваться законнымъ путемъ (Id.). Лѣтомъ того же года была стачка золотничниковъ (нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ) на Міусскомъ заводѣ Оренбургской губерніи; чѣмъ она окончилась—неизвѣстно (Id., № 76). Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ было нѣсколько стачекъ въ прошломъ году изъ-за низкой заработной платы; нѣкоторыя продолжались всего лишь нѣсколько часовъ, другія—нѣсколько дней; на нѣкоторыхъ фабрикахъ требованія рабочихъ были удовлетворены (Id. 49 и изъ устныхъ разсказовъ). Въ мартѣ 1879 г., рабочіе въ числѣ 2,000 человѣкъ юго- западной желѣзной дороги въ Кіевѣ протѣстовали противъ прибавки лишняго часа работы, и управленіе уступило ихъ требованію („Новое время“ 1879 г. 28-го марта); въ томъ же мѣсяцѣ и городѣ, рабочіе на пассажирскомъ вокзалѣ заявили начальнику движенія о своемъ неудовольствіи на нѣкоторые порядки и низкую плату; начальникъ обѣщалъ разсмотрѣть ихъ заявленіе и по возможности удовлетворить („Голосъ“, 1879 г. 90) Въ Москвѣ въ сентябрѣ была стачка рабочихъ на суконной фабрикѣ Шрадера; рабочіе протестовали противъ нѣкоторыхъ правилъ; была приглашена полиція: 3 объяснившихся съ нею рабочихъ были арестованы, 30—разсчитаны, 120—ушли сами. При фабрикѣ оставлена полицейская стража, по ночамъ усиливаемая („Голосъ“, 1879, 286). Въ текущемъ году, на московской ткацко-шерстяной фабрикѣ Каверина въ продолженіи 5-ти дней длилась забастовка двухсотъ слишкомъ рабочихъ изъ за заработной платы; при посредствѣ администраціи, требованія рабочихъ были удовлетворены; они состояли въ слѣдующемъ: въ отмѣнѣ вычета 10% за деньги, забираемыя рабочими впередъ на харчи, отмѣнѣ платы за дрова для разогрѣванія въ кубѣ воды къ чаю, въ уравненіи цѣнъ на продукты изъ хозяйской лавки съ цѣнами городскихъ лавокъ, поднятіи заработной платы на 1 коп. съ аршина, какъ это было до новаго года („Русскія Вѣдомости“ 1880, № 52). Вмѣшательствомъ администраціи была предупреждена стачка на фабрикѣ Бровкина—тоже въ Москвѣ: при разсчетѣ за нѣсколько мѣсяцевъ оказалось, что цѣны на провизію поставлены очень высокія; рабочіе заявили протестъ, нашедшій себѣ удовлетвореніе (Id., № 55). Въ заключеніе упомянемъ о двухъ стачкахъ не настоящихъ фабричныхъ, а приходящихъ на работу изъ деревень; это—стачка Вологодскихъ трепальщиковъ льна зимой прошлаго года, длившаяся нѣсколько недѣль и кончившаяся побѣдой крестьянъ: заработокъ ихъ былъ увеличенъ („Голосъ“, 1879, 82); и менѣе удачная стачка Трубчевскихъ трепальщиковъ льна, на которыхъ въ концѣ-концовъ была принесена ихъ хозяевами жалоба мировому судьѣ на неисполненіе обязательствъ; хотя тотъ и приговорилъ ихъ возвратить задатки, но нѣкоторые хозяева возвысили плату, согласно желанію рабочихъ („Недѣля“ 1879, № 11—13). Хозяева, съ своей стороны, приготовляются къ отпору; такъ, къ мировому судьѣ Горбатовскаго уѣзда являлось 3 фабриканта для заключенія между собою союза съ цѣлью установленія одинаковой платы ихъ рабочимъ и непринимавія однимъ изъ нихъ работника, ушедшаго съ фабрики другого; несоблюденіе уговора вело за собой штрафъ („Русская Рѣчь“, 1879, 7). Коль скоро фабри-

выражающееся главнымъ образомъ организаціей стачекъ. Наконецъ, мы не свободны и отъ неизбѣжныхъ отрицательныхъ атрибутовъ капиталистическихъ порядковъ: краховъ и банковаго воровства.

Вотъ тѣ признаки, которые повидимому довольно громко вопіютъ о развитіи у насъ капитализма, о томъ, что въ дѣлѣ обобществленія труда намъ, volens-nolens, приходится помириться съ методомъ, выработаннымъ Западомъ, пойти по проторенной нѣмцемъ и англичаниномъ дорожкѣ.

Несмотря на такую внушительную внѣшность, мы склонны, однако, считать все это больше игрой въ капитализмъ, нежели проявленіемъ его дѣйствительныхъ отношеній. Правда, мы построили и содержимъ 20 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, но это вовсе не свидѣтельствуетъ объ обширности нашихъ сношеній вообще и товарныхъ перемѣщеній въ частности; дороги хотя и находятся въ частныхъ рукахъ, но содержатся не промышленностью, а правительствомъ: объ этомъ черезчуръ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ милліардъ долгу, который считаетъ за ними казна. Несмотря на существованіе банковъ и акціонерныхъ обществъ, концентрирующихъ капиталы, мы неустанно взываемъ къ правительству о поддержаніи промышленности, о субсидіяхъ ей и банкамъ, о запретительныхъ тарифахъ. Земельные банки, такъ тѣ прямо, кажется, задались цѣлью погубить наше частное землевладѣніе, нашихъ *капиталистовъ*-землевладѣльцевъ, призванныхъ яко бы развить капиталистическое производство. Объ успѣхахъ этого развитія свидѣтельствуютъ, напримѣръ, такіе факты: въ Херсонской губерніи заложены почти всѣ имѣнія, въ Самарской, Уфимской и Оренбургской — больше половины; въ Харьковской, Полтавской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской—около половины и т. д. Гдѣ земля лучше, гдѣ доходовъ больше, тамъ оказывается и долговъ больше—такъ производительно тратятъ владѣльцы занятыя деньги. Просроченные платежи по отдѣльнымъ банкамъ считаются сотнями тысячъ. По 1-е января 1878 г. 12-ю банками публиковалось въ продажу 6,365 имуществъ, изъ которыхъ продано лишь 523, осталось за банками 414. Бессарабско-таврическій банкъ далъ дивиденда: въ 1874 г.—22%, въ 75—12%, въ 76—10%, въ 77—3%, въ 78—0%, въ 79, пожалуй, потянулъ съ акціонеровъ («Голосъ», 1879 г. № 81) и т. д. Перечисленіе подобныхъ фактовъ, если бы это было нужно, можно продолжить до безконечности; мы переняли съ Запада всѣ атрибуты и орудія капиталистическаго

канты нашли нужнымъ составить коалицію, значитъ уже не разъ терпѣли они отъ противниковъ; но до публики слухъ объ этомъ не доходилъ.

производства и меньше всего самое производство. Жалобы на дороговизну рабочихъ, стремленіе къ разрушенію общины и прочія якобы проявленія молодого капитализма, бьющагося въ тискахъ стѣсняющей его развитіе отсталой формы древней промышленности, по нашему мнѣнію указываютъ скорѣе на мертворожденность русскаго капитализма, на потребность его какъ-нибудь оправдаться въ своемъ fiasco, свалить съ больной головы на здоровую. Дешевле нашего труда нѣтъ нигдѣ; къ тому-же дорогой трудъ вовсе не препятствуетъ водворенію крупной промышленности. Крестьянское населеніе рыскаетъ повсюду за работой, готово идти за кусокъ хлѣба хоть на край свѣта — причемъ же здѣсь недостатокъ рабочихъ, причемъ тутъ община! Только теоретики капитализма, считающіе его неизбѣжной ступенью въ развитіи промышленности каждой страны и неимѣющіе возможности почерпать матерьялъ для своей пропаганды этой формы обобществленія труда въ дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ, неимѣющіе возможности потому что идетъ оно у насъ изъ рукъ вонъ плохо и отъ причинъ неустранимыхъ,—только такіе теоретики, говоримъ, могутъ утѣшать себя киваньемъ на дороговизну рабочаго, на общину, могутъ съ серьезнѣйшимъ видомъ примѣнять къ нашей жизни (разумѣется пока только въ воображеніи) всѣ детали историческаго развитія промышленности на Западѣ, не понимая того, что тамъ это было развитіе, а у насъ пересадка, подражаніе.

Но, впрочемъ, все это—косвенные признаки развитія капитализма въ Россіи; обратимся, къ прямымъ его проявленіямъ въ нашей земледѣльческой и фабричной промышленности.

Если примѣнить къ Россіи тѣ заключенія, которыя выше мы сдѣлали относительно странъ, поздно выступившихъ на сцену исторіи, то мы должны признать, что границы расширенію ея крупнаго производства даны заранѣе опредѣленнымъ (внутреннимъ) рынкомъ, вслѣдствіе чего свободному полету капитализма положены у насъ довольно тѣсные предѣлы; во вторыхъ—что расширяться наше крупное производство будетъ не столько въ ширину, сколько такъ сказать, въ глубь, т.-е. не столько охватывая все большее число рабочихъ, сколько увеличивая производительность труда уже занятыхъ (вводя новыя машины) [1]). Эти

[1]) Въ сущности, тоже дѣлается въ настоящее время во многихъ другихъ странахъ: развитіе техники, вмѣстѣ съ соперничествомъ сосѣдей, дѣлаетъ излишнимъ привлеченіе къ производству новыхъ рабочихъ, такъ, въ Англіи почти весь годовой приростъ населенія эмигрируетъ. Но за то тамъ процессъ объединенія рабочихъ капиталомъ уже почти завершился, а у насъ только-что еще начинается.

два условія, которыми ограничивается поле распространенія капитализма въ Россіи, совершенно измѣняютъ для насъ его историческое значеніе. Задача, предоставленная на Западѣ капиталу исторіей, это—преобразованіе единичной формы труда въ общественную; ради этого, онъ долженъ охватить по возможности всѣ отрасли промышленности, доступныя кооперації, вытѣснить совершенно мелкое производство. Если онъ этого добьется у насъ въ Россіи, то такъ какъ обобществленный трудъ обладаетъ такой производительностью, что одна его единица (напримѣръ, 1 рабочій) удовлетворитъ потребности 5—10 человѣкъ, а потребителями его продуктовъ будутъ лишь мѣстные жители, то очевидно, что лишь $^1/_5$—$^1/_{10}$ всего населенія можетъ быть занята капиталомъ и слѣдовательно получитъ средства покупать его продукты, остальные принуждены будутъ бѣжать съ своей родины. А въ такомъ случаѣ они не станутъ и потреблять продуктовъ капиталистическаго производства; послѣднее, слѣдовательно, будетъ производить въ пустую. Иначе говоря, русскій капиталъ не охватитъ нетолько всѣхъ областей производства, но и значительной ихъ доли; обобществитъ онъ трудъ лишь небольшой части рабочихъ, слѣдовательно не совершитъ у насъ своей специфической миссіи, а въ такомъ случаѣ какой смыслъ стараться всячески насадить его? Однако, обратимся къ фактамъ, которые должны подтвердить или опровергнуть наши предположенія.

Изъ статьи: «Русская промышленность и ея нужды» мы почерпнемъ слѣдующую таблицу, касающуюся исторіи русскихъ фабрикъ и заводовъ, не обложенныхъ акцизомъ:

	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Сумма производ. въ рубляхъ.	Производительность 1 рабочаго въ рубляхъ.
Въ 1761 г. было . .	200	7,839	2.122,000	
„ 1804 „ „ . .	2,423	95,202	26.750,000	около 300
„ 1842 „ „ . .	6,930	455,827	97.865,000	
„ 1854 „ „ . .	9,444	459,637	151.985,000	330
„ 1866 „ „ . .	16,451	393,371 [1]	342.910,000	870

О чемъ поютъ эти цифры? до 1842 года наше производство непрерывно расширялось на старомъ технологическомъ основаніи; т.-е. производительность труда почти не измѣнялась, но за то, пропорціонально расширенію оборотовъ, происходило и привлеченіе на фабрики рабочихъ. Въ 1842 году, въ Англіи разрѣшенъ былъ свободный вывозъ машинъ и съ этихъ поръ, а глав-

[1] „Вѣстникъ Европы“, 1870, X.

нымъ образомъ съ 1854 года развитіе русскаго производства начало слѣдовать выше развитому нами закону: рядомъ съ увеличеніемъ его оборотовъ идетъ уменьшеніе числа рабочихъ—производство расширяется не въ ширь, а въ глубь. Для большей ясности приведемъ изъ докладовъ комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства таблицу, обнимающую двадцатилѣтіе 1850—70 гг.

	Число фабрикъ и заводовъ.	Число рабочихъ.	Увелич. или уменьш.	Сумма произ.	Увелич.
Въ 1851 г.	9,256	456,596)	+ 11%	157.000,000)	30%
„ 1856 „	10,748	513,898)		203.000,000)	
„ 1861 „	14,066	559,533	— 30%	295.000,000	
„ 1866 „	15,515	387,096)	+ 20%	335.000,000)	30%
„ 1870 „	18,892	463,093)		452.000,000)	

Мы замѣчаемъ, что, тогда какъ въ числѣ фабрикъ и суммѣ производства идетъ изъ года въ годъ возрастаніе, количество рабочихъ колеблется въ ту и другую сторону. Это значитъ, что расширеніе производства, непрерывно продолжавшееся во все двадцатилѣтіе, совершалось то, по преимуществу, на старомъ технологическомъ основаніи, то увеличеніемъ производительности труда, т.-е., введеніемъ лучшихъ машинъ. Такъ возрастаніе производства въ 1856 году (на 30%) сопровождалось увеличеніемъ же, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ числа рабочихъ (на 11%), т.-е., совершилось частью путемъ введенія новыхъ машинъ, частью расширеніемъ на прежнемъ технологическомъ основаніи; тоже нужно сказать и про слѣдующее пятилѣтіе. Но въ 1866 г., одновременно съ незначительнымъ, правда, расширеніемъ производства, явилось сокращеніе въ числѣ рабочихъ на $^1/_3$; это нужно понимать такимъ образомъ, что наши фабрики и заводы примѣнили въ это время новѣйшія усовершенствованія, на столько повысившія производительность труда, что сдѣлалось возможнымъ съ уменьшеннымъ числомъ рабочихъ получить количество продуктовъ, удовлетворившее усиленный спросъ. Рабочій 1861 года добывалъ слишкомъ на 500 р., а съ орудіями 1866 онъ произвелъ уже на 900 р. Въ слѣдующее пятилѣтіе мы видимъ опять возрастаніе производства на $^1/_3$, рабочихъ на $^1/_5$, т.-е. когда усиленный запросъ потребовалъ расширенія производства, то даже послѣ такого широкаго шага въ дѣлѣ примѣнія лучшихъ машинъ, какой мы наблюдали въ первое пятилѣтіе послѣ реформы, оно все-таки ввело еще нѣкоторыя усовершенствованія, сократило относительно число рабочихъ, повысивъ производительность труда каждаго изъ нихъ почти до 1,000 р. Обращаясь исключительно

къ цифрамъ движенія обработывающей промышленности послѣ реформы, видимъ, что по прошествіи десяти лѣтъ сумма производства увеличилась на 157.000,000 р. или 50%, число же рабочихъ сократилось почти на 20%, но за то производительность труда возросла почти вдвое.

Нѣтъ ничего краснорѣчивѣе этихъ цифръ, и хотя онѣ не опредѣляютъ совершенно будущей судьбы и значенія нашего капитализма, но довольно прозрачно намекаютъ на это. Правда, здѣсь нѣтъ прямого указанія на незначительность нашего производства для иностранныхъ рынковъ [1]), но за то вполнѣ подтверждается другое наше заключеніе, именно, что въ молодыхъ странахъ развитіе крупной промышленности совершается не столько экстенсивно, сколько интенсивно, т.-е. гораздо меньше привлеченіемъ бо́льшого числа рабочихъ, чѣмъ увеличеніемъ производительности ихъ труда: число рабочихъ за 10 лѣтъ не только не увеличилось, но даже уменьшилось (можно даже сказать, что его не тронули цѣлыя 30 лѣтъ). Если предположить, напримѣръ, что этотъ прогрессъ крупнаго производства заставилъ замолчать какой-нибудь кустарный промыселъ, то побитые капиталомъ ремесленники не будутъ даже допущены на фабрчку; тѣмъ очевиднѣе, что для происшедшаго развитія капитализма вовсе не было надобности въ обезземеленіи крестьянъ въ размѣрахъ бо́льшихъ, чѣмъ это случилось до 1861, даже 1842 года, ибо существовавшаго тогда числа рабочихъ оказалось для него слишкомъ много. Поэтому, если крупное производство стерло хотя нѣкоторыя мелкія, то сейчасъ сказаннымъ подтверждается третье наше положеніе, именно, что, развиваясь въ молодыхъ странахъ, капитализмъ ведетъ не столько къ обезземеленію крестьянъ, сколько къ ихъ обѣдненію. Предоставленныя цифры о движеніи крупной промышленности касаются только первыхъ десяти лѣтъ послѣ реформы; но и исторія послѣднихъ семи лѣтъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ эти выводы и даетъ даже нѣчто бо́льшее: наше капиталистическое производство за этотъ періодъ нетолько не развилось на столько, чтобы нуждаться въ дальнѣйшемъ обезземеленіи народа и, слѣдовательно, разрушеніи его общиннаго землевладѣнія, но сдѣлало шагъ назадъ

[1]) Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ данныхъ торговли Россіи съ Востокомъ: Мы вывозимъ въ Турцію товаровъ на 9—10 милл. руб., а получаемъ оттуда на 25 милл. руб.; въ Персію отпускаемъ на 1½, а получаемъ на 4—5 милл. руб. Фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ издѣлій въ 76 г. отпущено по азіатской границѣ на 2,7 мил. руб.; торговля съ Хивой и Бухарой впрочемъ, вѣроятно, значительнѣе предыдущей.

во всѣхъ отношеніяхъ, и еслибы только оно обладало даромъ рѣчи, то, разумѣется, потребовало бы упроченія общины и расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ о необложенныхъ акцизомъ фабрикахъ и заводахъ Европейской Россіи (исключая Финляндіи, Царства Польскаго и Кавказа).

	Число рабочихъ.	Сумма производства.	1 раб. производитъ на
1851 годъ.	456,600	157.000,000 руб.	340 руб.
1861 „	559,533	295.000,000 „	530 „
1870 „	463,100	452,000,000 „	975 „
1877 [1]) „	417,000	379,000,000 „	900 „

Въ первое десятилѣтіе обороты фабрикъ увеличились вдвое, что въ среднемъ составляетъ возростаніе на 14 мил. руб. или 10% въ годъ; съ 1861—1870 обороты возросли только въ $1^1/_2$ раза или на $6^1/_2$% въ годъ, хотя абсолютная цифра ежегоднаго возростанія поднялась до 19 мил. руб.; наконецъ, за послѣднее 7-милѣтіе производство *сократилось* на 73 мил. руб., т.-е. ежегодно на 10 мил. или на 2 слишкомъ процента. Предполагая даже, что послѣдній выводъ есть результатъ невѣрныхъ данныхъ, мы однако не можемъ не замѣтить въ исторіи нашей промышленности совершенно обратнаго тому, что должно быть при успѣшномъ развитіи капитализма: тамъ онъ распространяется въ геометрической прогрессіи, и ростъ производства пріостанавливается только кризисами. Невеликъ прогрессъ замѣчается и въ движеніи нашего труда: въ 1877 году наши фабрики требуютъ для своего существованія не больше рабочей силы, чѣмъ онѣ занимали ее въ 1842 г. Въ продолженіе цѣлыхъ 35 лѣтъ крупное производство толклось на одномъ мѣстѣ, капитализмъ вопилъ о препятствіяхъ, противупоставляемыхъ ему общиной, требовалъ обезземеленія народа ради пополненія своего рабочаго персонала и въ это время выталкивалъ на улицу часть уже обезземелившихся, которая до того находила себѣ работу на фабрикахъ!

Итакъ, цыфровыя данныя, касающія крупной промышленности, приводятъ насъ къ заключенію, что въ послѣднее десятилѣтіе она близка къ абсолютному упадку.

Прибавимъ, что цифры 1877 года не исключительны; онѣ очень мало отличаются отъ данныхъ предыдущихъ годовъ и потому не могутъ быть приписаны военнымъ обстоятельствамъ. Правда, по заключеніи мира произошло оживленіе нашей про-

[1]) Послѣдній годъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія въ Ежегодникѣ Министерства Финансовъ.

мышленности, но о прочности этого оживленія свидѣтельствуетъ вновь наступившій въ 1880 году ея упадокъ. Вы скажете, что причина послѣдняго — временное несчастіе, неурожай, и что черезъ годъ, два она опять начнетъ безпрепятственно развиваться. Но въ томъ то и дѣло, что эти «временныя» несчастія сдѣлались у насъ постояннымъ явленіемъ, а, при отсутствіи внѣшняго сбыта продуктовъ нашей мануфактурной промышленности, всякое колебаніе благосостоянія населенія уничтожаетъ успѣхи, достигнутые послѣднею въ благопріятные годы. Теперешній голодъ не есть случайное и единственное бѣдствіе; кромѣ космическихъ (да и то еще космическихъ-ли!) причинъ, приведшихъ къ неурожаю, разорившему нѣсколько губерній, существуютъ постоянныя соціальныя вліянія, не столь быстро, но не менѣе вѣрно разоряющія почти весь русскій народъ.

Обращаясь къ исторической миссіи капитала, — пріученію рабочихъ къ коллективному труду,—мы видимъ, что и эта сторона его дѣятельности въ Россіи болѣе чѣмъ хромаетъ. Предполагается, что самостоятельные ремесленники не въ состояніи произвольно организовать производство въ мануфактуру и фабрику, примѣняя для этого, насколько возможно, всѣ техническія усовершенствованія; что выполненіе задачи этой организаціи беретъ на себя капиталъ, и подъ его желѣзнымъ управленіемъ рабочіе теряютъ чрезмѣрный индивидуализмъ, дисциплинируются, пріобрѣтаютъ свойства, дѣлающія возможной общественную форму труда со всѣми благими ея послѣдствіями. Когда капиталъ организуетъ такимъ образомъ всѣхъ или главную массу рабочихъ, миссія его окончена, онъ становится излишнимъ бременемъ и въ свою очередь экспропріируется: воспитанные подъ его вліяніемъ для крупнаго производства рабочіе ведутъ послѣднее безъ его посредства. Отсюда видно, что, для выполненія своего историческаго назначенія, капиталистическое производство должно непремѣнно расширяться экстенсивно, охватывая не только бо́льшую часть областей промышленности, но, и это главное, *бо́льшую часть рабочихъ*, такъ какъ процессъ воспитанія послѣднихъ—его главное назначеніе. Если же онъ только и дѣлаетъ, что, пользуясь разными открытіями, увеличиваетъ производительность труда небольшой кучки своихъ рабочихъ; уничтожаетъ ремесленное производство, не организуя его прежнихъ руководителей, а пуская ихъ на вѣтеръ, то онъ не выполняетъ своего назначенія, онъ — не признанный руководитель общества, а узурпаторъ, незаконное дитя исторіи. Крупное производство въ такомъ случаѣ должно быть причислено къ элементамъ разло-

женія экономическаго строя, такъ какъ въ результатѣ окажется лишь дезорганизація старыхъ порядковъ, бѣгство населенія, что въ концѣ-концовъ дѣлаетъ невозможнымъ существованіе и самого капитала. Обращаясь къ его исторіи въ Россіи, мы видимъ, что въ продокженіе 17-ти лѣтъ онъ увеличилъ производительность труда на 50%, но въ дѣлѣ воспитанія рабочихъ сдѣлалъ шагъ назадъ: въ 1861 г. подъ его образовательнымъ вліяніемъ находилось около 560 тысячъ человѣкъ, а въ 1877 г. всего 417,000. Почти 150,000 были изгнаны изъ этой своеобразной школы, за сокращеніемъ штатовъ. Вмѣсто исполненія своей исторической миссіи, вмѣсто непрерывной дѣятельности въ сферѣ воспитанія народа для новой формы труда, нашъ капитализмъ думаетъ, повидимому, ограничиться жуйованіемъ. Или, можетъ быть, его задача у насъ другая, не обобществить трудъ призванъ онъ, а создать, такъ сказать, модель, которая послужитъ образцомъ для организаціи общественной формы труда уже на иномъ, не капиталистическомъ основаніи. Да и эту послѣднюю заслугу можно признать за нимъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ не разложилъ кустарнаго промысла, не сдѣлалъ существованіе мелкаго ремесла невозможнымъ. Въ противномъ случаѣ, онъ долженъ быть тоже причисленъ къ элементамъ разложенія нашей экономической жизни.

Вотъ вкратцѣ наши заключенія и сами собой напрашивающіеся выводы:

1) Ризвитіе у насъ крупной промышленности совершается при сильномъ ограниченіи внѣшняго сбыта и при возможности широко пользоваться всѣми техническими усовершенствованіями болѣе развитыхъ странъ.

2) Вслѣдствіе этого, она будетъ развиваться не столько экстенсивно, сколько интенсивно, т.-е весьма мало измѣняя абсолютную цифру своихъ рабочихъ (или ея отношеніе ко всему населенію), но увеличивая производительность ихъ труда.

3) Поэтому, для ея преуспѣянія нѣтъ надобности въ дальнѣйшемъ обезземеленіи русскаго народа, а слѣдовательно и въ уничтоженіи общины, и лишившійся земли крестьянинъ не найдетъ работы на фабрикѣ.

4) Напротивъ, такъ какъ крупная наша промышленность должна разсчитывать главнымъ образомъ на внутренній сбытъ, то степень ея процвѣтанія находится въ прямомъ отношеніи къ зажиточности массы населенія; каждый же безземельный крестьянинъ, въ силу того, что онъ принужденъ бѣжать съ родины, уменьшаетъ запросъ на ея продукты.

ГЛАВА II.

УСПѢХИ МАШИНОСТРОЕНІЯ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что крупное производство въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе осталось in statu quo, а это — имѣя въ виду естественную прибыль населенія, происшедшую въ означенный періодъ — должно быть признано за указаніе на его упадокъ. Мы можемъ указать и на вѣроятную причину такого явленія: лишенное внѣшняго сбыта, наше капиталистическое производство находится въ зависимости исключительно отъ внутренняго потребителя, а такъ какъ послѣдній, въ лицѣ русскаго мужика, несмотря на развитіе своихъ потребностей, сильно за послѣднее время отощалъ, то естественно, если это отощаніе отразилось на его поставщикахъ, крупныхъ фабрикантахъ, сокращеніемъ ихъ оборотовъ.

Видное исключеніе изъ общаго правила представляетъ механическая отрасль крупнаго производства. Тогда какъ вся промышленность вообще не двинулась въ прошедшемъ десятилѣтіи ни на шагъ впередъ, обороты механическихъ заводовъ возросли за это время съ $27^1/_3$ милл. руб. до $45^2/_3$ милл., а число рабочихъ у нихъ увеличилось съ 27 тыс. человѣкъ до 45 тысячъ; вся эта отрасль поднялась на $66^0/_0$. Это значитъ, что послѣднее десятилѣтіе было особенно благопріятно для развитія разсматриваемой области крупнаго производства; иначе говоря, что капитализмъ нашелъ здѣсь себѣ убѣжище, гдѣ онъ могъ свободно укрыться отъ напастей, преслѣдующихъ его на другихъ пунктахъ промышленнаго поля, и безпрепятственно развивать свойственныя ему тенденціи. Механическая область есть та самая, гдѣ новѣйшій капитализмъ сдѣлалъ наибольшіе успѣхи; поэтому ознакомленіе съ нею даетъ намъ возможность судить какъ о внутреннихъ достоинствахъ русскаго капитализма, такъ и о всѣхъ шансахъ его на высокое развитіе въ будущемъ.

И такъ, мы знаемъ, что экстенсивно крупная механическая промышленность развилась въ симилѣтіе на $66^0/_0$. Каково же теперь ея внутреннее состояніе и почему, въ противоположность общему направленію фабрично-заводской жизни, она такъ быстро двинулась впередъ?

Съ перваго взгляда это даже можетъ показаться нелѣпостью: механическая промышленность создаетъ орудія производства для различныхъ отраслей труда; если послѣднія находятся въ упадкѣ,

то какъ же могло случиться, что поднялась первая; гдѣ она почерпала возбужденіе для своей оживленной дѣятельности?

Отвѣтъ на это мы найдемъ, когда отъ голыхъ общихъ цифръ обратимся къ отдѣльнымъ конкретнымъ фактамъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1875 году русскимъ техническимъ обществомъ, у насъ существуетъ до 362 механическихъ заведеній, но изъ нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія есть только о 180 спеціально машиностроительныхъ заводахъ, изъ которыхъ $^3/_4$ занимаются постройкой и ремонтомъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, а одна четверть приготовляетъ земледѣльческія орудія. Но названіе «машиностроительныя» для этихъ заведеній чересчуръ громко, такъ какъ большая ихъ часть возникла просто для починки машинъ, выписываемыхъ желѣзными дорогами изъ-за границы; съ постройкой сѣти желѣзныхъ дорогъ естественно росло и число такихъ починочныхъ или, по-русски, «машиностроительныхъ» заведеній. «Существованіе ихъ, говоритъ одинъ изъ видныхъ русскихъ машиностроителей, г. Нобель: — вполнѣ понятно, какъ кузницъ для ковки лошадей и починки телѣгъ у большой дороги. Дѣйствительно, часть этихъ такъ называемыхъ заводовъ есть не что иное, какъ простыя кузницы для выдѣлыванія изъ иностранныхъ матеріаловъ самыхъ простыхъ предметовъ, какъ-то рельсовыхъ скрѣпленій и пр.» Тѣ немногіе заводы, которые дѣйствительно производятъ что-либо новое, возникли вслѣдствіе предоставленія имъ казенныхъ заказовъ желѣзнодорожныхъ предметовъ или вещей, нужныхъ военному вѣдомству [1]). Краткую ихъ исторію разскажетъ намъ тотъ же г. Нобель. Самъ онъ занимается заводскимъ дѣломъ 35 лѣтъ, и русское машиностроеніе возникло и развилось на его глазахъ.

Въ началѣ этого періода, машины мы получали изъ-за границы (безпошлинно), и заботы правительства обращены были на развитіе чугунно-литейнаго дѣла, для каковой цѣли ввозъ чугуна былъ совершенно запрещенъ, а желѣзо обложено запретительной пошлиной. Единственный, кажется, заводъ, пытавшійся въ это время строить машины, былъ Берда, призванный къ жизни правительствомъ въ концѣ прошлаго вѣка и поддерживаемый все время имъ же. Въ сороковыхъ годахъ началась постройка николаевской желѣзной дороги, причемъ локомотивы, вагоны и другія принадлежности, по волѣ императора Николая, рѣшено было построить въ Россіи. Призваны были изъ Америки инженеры, которымъ поручена организація дѣла; возникло и нѣсколько

[1]) Труды съѣзда главныхъ по машиностроительной промышленности дѣятелей, в. I, с. 63—64; в. II, с. 8.

частныхъ заводовъ (между прочимъ и Нобеля-отца), выдѣлывавшихъ простыя чугунныя издѣлія. Вся эта дѣятельность сразу прекратилась, заводы закрылись съ окончаніемъ дороги. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ толчекъ нашему машиностроенію даетъ морское министерство своими заказами въ ожиданіи крымской войны; тогда основаны были заводы герцога Лейхтенбергскаго и Карра и Макферсона (нынѣ Балтійскій), которые съ прекращеніемъ заказовъ пріостановили и свою дѣятельность. Слѣдующее оживленіе машиностроительной промышленности произошло благодаря послѣднему польскому возстанію: для вооруженія арміи призваны были къ жизни многіе заводы; такъ, въ это время поднялись заводы Семянникова и Полетики, Путилова и пушечно-сталелитейный Обуховскій. Всѣ эти заводы съ прекращеніемъ заказовъ стали опять падать и нѣсколько оживились, когда кандіотскій вопросъ заставилъ правительство подумать о новой войнѣ и предпринять соотвѣтствующее вооруженіе арміи.

До сихъ поръ возбудителемъ механической промышленности служили, какъ мы видѣли, военныя потребности страны; съ половины же 60-хъ годовъ роль эту беретъ на себя постройка желѣзныхъ дорогъ, усиливающаяся около этого времени. Можно было ожидать, что наши заводы настолько укрѣпились и окапитализировались при обезпеченномъ сбытѣ предшествовавшаго періода, что теперь имъ ничего не будетъ стоить воспользоваться наступившимъ оживленіемъ рынка для завоеванія себѣ прочнаго положенія, и время желѣзно-дорожной горячки послужитъ у насъ, какъ это было и въ другихъ странахъ, для высокаго развитія разсматриваемой отрасли промышленности. Но въ дѣйствительности вышло иначе. Оказалось, что нашему машиностроенію далеко было недостаточно той привилегіи, какую оно имѣло предъ иностраннымъ, вслѣдствіе близости къ мѣсту сбыта, и что безъ другихъ покровительственныхъ мѣръ оно не можетъ принять участіе въ томъ промышленномъ движеніи, которое возбуждено было постройкой желѣзныхъ дорогъ. И вотъ правительство обратило на эту сторону дѣла свое вниманіе и приняло опять рядъ мѣръ, способствующихъ нашему машиностроенію конкурировать съ за-граничнымъ. Мѣры эти слѣдующія: 1) казенные заказы желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, сдѣланные двадцати русскимъ заводамъ на сумму 130 мил. р.; при этомъ оказалось, что въ предыдущемъ періодѣ военныхъ заказовъ капитализмъ такъ мало утвердился въ разсматриваемой отрасли промышленности, что въ кассахъ заводовъ не нашлось по нѣскольку сотъ тысячъ рублей, нужныхъ для ихъ приспособленія къ новому

производству, почему правительство должно было выдать даже лучшимъ изъ нихъ (Балтійскому, Полетики и Семянникова, Путиловскому, Мальцева) ссуды на этотъ предметъ; 2) обязательство частныхъ лицъ давать заказы русскимъ заводамъ, если они согласятся работать съ повышеніемъ цѣнъ противъ заграничныхъ не больше какъ на 15%, а также обязательство всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ заказывать непремѣнно въ Россіи не менѣе трети нужныхъ имъ паровозовъ, заводовъ и рельсовъ; 3) выдача преміи за паровозы, изготовляемые изъ русскихъ матеріаловъ (3,000 р. за паровозъ) и стальные рельсы, приготовленные изъ русскаго чугуна или изъ старыхъ рельсовъ (35 коп. за пудъ) [1]) Эти мѣропріятія послужили источниками, которыми питалось наше новѣйшее машиностроеніе.

Остановимся здѣсь на минуту и осмотримся. Съ перваго взгляда видно, что характеристическими чертами новѣйшаго машиностроенія являются: работа ихъ на желѣзныя дороги и существованіе милостями правительства. Этимъ разрѣшается указанное нами выше противорѣчіе между общей отсталостью промышленности въ Россіи и быстрымъ будто бы движеніемъ впередъ механической ея отрасли. Теперь мы видимъ, что послѣдняя обязана своимъ существованіемъ внѣшней поддержкѣ и что она не находится въ тѣсной связи съ общей промышленной жизнью страны, ибо работаетъ не для производства (которое получаетъ машины изъ-за границы), а для обращенія товаровъ; а такъ какъ развитіе послѣдняго и составляетъ характеристическую черту нашего экономическаго прогресса, вовсе не вытекающую изъ аналогичнаго процесса въ сферѣ производства продуктовъ, то естественно, что и основанное имъ машиностроеніе представляетъ какъ бы исключеніе въ ряду другихъ отраслей промышленности: оно процвѣтаетъ, когда тѣ падаютъ. Впрочемъ, о его процвѣтаніи говорить пока рано: мы еще не познакомили читателя со всѣми свойствами нашей механической промышленности. И такъ, насколько укрѣпилось механическое дѣло въ Россіи? Достигло ли оно высоты развитія, обусловливаемой состояніемъ техническихъ знаній, укрѣпило ли за собой рынокъ, который вначалѣ былъ отданъ въ его распоряженіе насильственно; можетъ ли снабдить внутренняго потребителя, не опасаясь иностранной конкурренціи; словомъ, представляетъ ли оно разви-

[1]) Труды комиссіи при технич. общ., 1875 г. Бесѣда 26-го января; Труды съѣзда главныхъ по машиностроит. промышленности дѣятелей, вып. I, докладъ Холодова.—Антиповъ. Обзоръ правит. мѣропріятій по развитію въ Россіи металлич. промышленности, II.

вающійся капиталистическій организмъ или мертворожденное его дѣтище?

Въ двухъ словахъ можно отвѣтить на это, передавъ сущность постановленія съѣзда главныхъ по машиностроительной промышленности дѣятелей, бывшаго въ 1875 году. Онъ призналъ, что положеніе разсматриваемой отрасли производства крайне низко, и пришелъ къ заключенію о необходимости болѣе послѣдовательнаго проведенія правительствомъ покровительственной политики, въ какомъ смыслѣ и постановилъ свои резолюціи. Но мы неудовольствуемся такимъ сознаніемъ самихъ заводчиковъ и другихъ лицъ, близко стоящихъ къ производству, а укажемъ на нѣкоторые факты, подтверждающіе правильность ихъ заключенія о положеніи механическаго дѣла въ Россіи, послѣ чего намъ не трудно оцѣнить и мѣры, предлагаемыя съѣздомъ для его исправленія. Всѣ машиностроительные заводы мы можемъ раздѣлить на нѣсколько группъ: 1) собственно машиностроительную, особый отдѣлъ которой составляетъ 2-я группа, выдѣлывающая земледѣльческія орудія, и 3) заводы, приготовляющіе желѣзно-дорожныя принадлежности, а также работающіе для военнаго вѣдомства. Изъ 73 мастерскихъ первой группы, о которыхъ есть болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія, 38 перерабатываютъ въ годъ сырого матеріала менѣе 10,000 пудовъ каждый, что побуждаетъ насъ признать ихъ занимающимися только починкою машинъ; 27 заводовъ бо́льшую часть своей дѣятельности посвящаютъ тому же, такъ какъ перерабатываютъ всего отъ 10—50 тысячъ пудовъ чугуна и желѣза; семь заводовъ могутъ быть причислены уже къ небольшимъ машиностроительнымъ, и только одинъ (Шольце и Ретана въ Варшавѣ) «можетъ считаться настоящимъ машиностроительнымъ заводомъ, подобнымъ такимъ, какіе существуютъ за-границей» (онъ перераббтываетъ больше 100 тыс. пудовъ чугуна и желѣза въ годъ) [1]) Если читатель приметъ во вниманіе, что машиностроеніе въ техническомъ отношеніи стоитъ на высшей ступени развитія, что оно требуетъ большихъ, дорого стоющихъ приспособленій и что отъ размѣровъ производства зависитъ качество, дешевизна и даже самый родъ приготовляемыхъ машинъ, то онъ согласится, что наши такъ называемые машиностроительные заводы съ ихъ годичнымъ оборотомъ металла въ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ представляютъ лишь слабую зачаточную попытку подражать западному капитализму, попытку, про которую нельзя даже сказать, разовьется ли она когда-нибудь въ организмъ, хотя нѣсколько при-

[1]) Антиповъ, id., с. 55—57.

ближающійся къ своему образцу, или вѣчно останется жалкой пародіей на западно-европейское производство. О мастерскихъ, приготовляющихъ земледѣльческія машины, мы скажемъ подробнѣе ниже, а теперь остановимся нѣсколько на заводахъ, работающихъ на желѣзныя дороги и на военное вѣдомство.

Продукты ихъ дѣятельности (паровозы, рельсы, мосты, пушки, желѣзныя суда и пр.) принадлежатъ технически къ наиболѣе сложнымъ и очень громоздкимъ предметамъ, а потому заводы, ихъ приготовляющіе, естественно должны характеризоваться оборотами, значительно превышающими обороты заводовъ первой группы. Тѣмъ не менѣе, больше половины ихъ (по крайней мѣрѣ, это относится къ тѣмъ, которые служатъ желѣзно-дорожному дѣлу), по своимъ размѣрамъ, приближаются къ разсмотрѣннымъ нами раньше (30 изъ 47 заводовъ, работающихъ на желѣзныя дороги, обработываютъ менѣе 50,000 пудовъ сырого матеріала и шесть—отъ 50 до 100,000 пудовъ). Но, что главное, заводы эти отличаются крайней неустойчивостью: почти каждый изъ нихъ готовъ сейчасъ же погибнуть, чуть только отстранится поддерживающая его рука правительства. Они представляютъ изъ себя такимъ образомъ нѣчто, нашей почвѣ совершенно чуждое, не связанное съ нею сколько-нибудь прочными узами, своего рода инородное тѣло, удерживаемое въ организмѣ силою. Исчезни они—и никто, кромѣ развѣ зоводскихъ служащихъ, не помянетъ ихъ добрымъ словомъ; а заказчики—тѣ первые перекрестятся, ибо это избавитъ ихъ отъ обязанности получать дорогіе и плохіе туземные продукты вмѣсто дешевыхъ и хорошихъ иностранныхъ. Въ подтвержденіе сказаннаго, мы приведемъ нѣсколько фактовъ и отзывовъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ.

Разсматриваемые заводы возникли не по естественному росту промышленной жизни страны; они не были результатомъ развившагося спроса на механическія издѣлія, удовлетворять который иностранными продуктами было бы дорого и затруднительно. Они родились по волѣ правительства, вопреки прямому экономическому разсчету и для временныхъ потребностей: понадобилось перевооружить армію, завести суда новой конструкціи—и вотъ, частныя лица снабжаются деньгами, обезпечиваются заказами и впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ получаютъ хорошіе барыши. Кончились заказы—пришелъ конецъ и заводамъ, такъ какъ другого рынка для своихъ издѣлій, кромѣ упразднившагося казеннаго, они не найдутъ. Приспособленія, сдѣланныя заводами для извѣстной цѣли, опытъ, пріобрѣтенный въ данной отрасли рабочими, пропадаютъ даромъ; промышленность изъ пройденнаго урока не почерпнула

почти ничего. Заводчикъ, положивъ болѣе или менѣе солидный кушъ въ карманъ, спѣшитъ раздѣлаться съ имуществомъ, которое отъ него переходитъ въ руки другого лица, пріобрѣтающаго его тоже не ради продолженія полезнаго дѣла, а потому что предвидится казенный заказъ какого-либо обыкновенно совершенно новаго предмета, вмѣсто пушекъ, напримѣръ, паровозовъ или вагоновъ. Купленный заводъ перестраивается для новаго производства и пускается въ ходъ ради набиванія кармана своего новаго хозяина. Такимъ образомъ, наше механическое дѣло имѣетъ чисто спекулятивный характеръ; заводы возникаютъ ради временныхъ требованій рынка, а задача, ими преслѣдуемая, заключается не въ постановкѣ дѣла на прочномъ основаніи, а въ доставленіи ихъ хозяевамъ большихъ барышей. Поэтому заводчики считаютъ излишнимъ заботиться о тщательной отдѣлкѣ своихъ произведеній, первымъ условіемъ чего должна быть спеціализація производства; вмѣсто стремленія къ такой спеціализаціи, мы замѣчаемъ у нихъ готовность браться за всякое дѣло, лишь бы оно приносило барыши. Такъ, Невскій заводъ русскаго общества механическихъ и горныхъ заводовъ получилъ отъ правительства заказъ паровозовъ, но одновременно же онъ строитъ броненосныя суда, желѣзные мосты и приготовляетъ нѣкоторыя другія издѣлія; машиностроительный заводъ Коломенскаго общества, кромѣ паровозовъ и вагоновъ, занимается изготовленіемъ желѣзныхъ мостовъ и балокъ; Семеновскій заводъ Голубева, независимо отъ выдѣлки снарядовъ и лафетовъ, приспособленъ еще къ вагонному производству; заводъ Фронштейна занимается ремонтомъ паровыхъ машинъ, хозяйственными издѣліями, исполненіемъ заказовъ артиллерійскаго вѣдомства и приготовленіемъ паровыхъ водокачалокъ; одинъ изъ ветерановъ-заводовъ, бывшій Берда, принималъ заказы отъ артиллерійскаго вѣдомства, строилъ суда, прокатывалъ рельсы, выдѣлывалъ сталь; заводъ Балтійскаго общества (бывшій Карра и Макферсона) брался строить локомотивы и вагоны, и т. д.

Вслѣдствіе такой разбросанности производства, издѣлія нашихъ заводовъ не отличаются большими достоинствами и имѣютъ сбытъ только благодаря казеннымъ заказамъ и обязательству принимать ихъ, наложенному на желѣзныя дороги. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ спеціалистовъ, близко знакомый съ дѣломъ, оцѣниваетъ продукты ихъ дѣятельности слѣдующимъ образомъ. «Подвижной составъ, сдаваемый заводчиками, бываетъ иногда въ такомъ видѣ, что положительно представляетъ опасность при движеніи. Мнѣ случилось быть пріемщикомъ вагоновъ отъ одного

общества. Сборка этихъ вагоновъ оказалась весьма недоброкачественною: въ вагонѣ съ трудомъ можно было найти 2—3 гайки одного размѣра; разница въ діаметрѣ двухъ колесъ доходила до 1/2 дюйма. Что касается дерева, то оно было сырое и давало трещины: самый кузовъ былъ такъ собранъ, что при запертыхъ дверяхъ внутри его можно было свободно читать. Тоже самое можно сказать и относительно паровозовъ». Рессоры, напримѣръ, «при первой пробѣ должны давать прогибъ не болѣе 1/8 дюйма, при послѣдующихъ пробахъ прогиба не должно быть вовсе, между тѣмъ на одномъ изъ нашихъ заводовъ при трехъ пробахъ рессоръ не было ни одной, которая давала бы прогибъ менѣе 1/8 дюйма, а были и такія, которыя сразу гнулися на 1 6/8 дюйма. Такія рессоры опасны, и ихъ нельзя пускать въ движеніе». А пускать приходится: «при открытіи дороги требуется извѣстное количество вагоновъ; что же дѣлать, чтобы не задержать движенія? Пріемщикъ видитъ всю недоброкачественность вагоновъ, но ему не остается ничего болѣе, какъ принять ихъ и сдѣлать донесеніе о томъ, что имъ найдено». Даже очень большіе заводы, занимающія 7—8 тысячъ рабочихъ, и тѣ далеко отстаютъ отъ иностранныхъ. Объ одномъ изъ нихъ тотъ же инженеръ говоритъ: «Всѣ паровозы, которые выходятъ оттуда за дорогую цѣну, довольно порядочны, но нѣтъ ни одного, который могъ бы состязаться сколько-нибудь съ паровозами заграничными. Въ то время, какъ на одной дорогѣ вагоны, приготовленные за-границей, работали по нѣскольку лѣтъ, вагоны нашихъ заводовъ работали только 6 мѣсяцевъ». Браковку вагоновъ приходится иногда производить цѣлыми сотнями сразу. Немудрено, что русскіе концессіонеры и другіе предприниматели руками и ногами открещиваются отъ обязательныхъ заказовъ, з которые приходится еще платить дороже, и находятъ тысячи способовъ отбить у заводчиковъ охоту воспользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ закономъ [1]).

Понятно, что положеніе заводовъ при такихъ условіяхъ крайне непрочно: не имѣя обезпеченнаго, естественно-явившагося сбыта, водворившись на русской почвѣ внѣшней силой и чувствуя дисгармонію со всѣмъ окружающимъ, наши заводы, что называется, дышатъ на ладонъ: побывавъ въ однѣхъ рукахъ, заводъ переходитъ въ другія, надѣющіяся на помощь правительства, и, въ концѣ-концовъ, становится подобно желѣзнымъ дорогамъ, неоплатнымъ должникомъ послѣдняго. Извѣстна, напримѣръ, исторія

[1]) Труды съѣзда и проч., вып. II, засѣданіе III отдѣл., стр. 4, 7; Труды комиссіи при технич. общ., стр. 192, 8.

Балтійскаго и Обуховскаго заводовъ, задолжавшихъ вдвоемъ казнѣ больше 10 милл. руб. и отдавшихся, наконецъ, совсѣмъ въ ея руки; въ послѣднее время прошелъ слухъ, что казна озабочена пріисканіемъ охотника пріобрѣсти Путиловскій заводъ, большая часть акцій котораго находится тоже въ ея рукахъ; потерявъ надежду спустить его русскимъ капиталистамъ, правительство ищетъ желающихъ за-границей. Не нужно забывать, что это—лучшіе наши заводы. (Путиловскій, напримѣръ, перерабатываетъ больше 1 милл. пудовъ чугуна и желѣза). Для лучшаго выясненія недостатковъ нашихъ машиностроительныхъ заводовъ, мы остановимся подробнѣе на сельско-хозяйственномъ машиностроеніи, спеціально изслѣдованномъ г. Черняевымъ и описанномъ въ его докладѣ техническому обществу. (Труды комиссіи, учрежденной при технич. общ. для изслѣдованія положенія въ Россіи машиностроенія) и въ Журналѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства (1879, № 4, 9). Интересная черта этой отрасли машиностроенія заключается въ томъ, что она довольно быстро развивается, несмотря на безпошлинный ввозъ машинъ этого рода изъ-за-границы; это значитъ, что она удовлетворяетъ дѣйствительной потребности общества, а потому можетъ претендовать и на будущее. Производство это начало развиваться еще во время крѣпостного права, но быстро пошло впередъ оно съ середины 60-хъ годовъ; въ 1874 г. въ дѣйствіи находилось 112 заведеній, а въ 1877—уже больше 200. Впрочемъ, не станемъ очаровываться этой цифрой: быстрый ростъ числа мастерскихъ доказываетъ, что сельско-хозяйственное машиностроеніе не можетъ развиваться интенсивно и что оно обречено на второстепенную роль. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ вы возьмете въ Россіи потребителей для 200 большихъ заводовъ, выдѣлывающихъ только однѣ земледѣльческія машины высокаго достоинства, если всякіе другіе машиностроительные заводы считаются у насъ единицами и, много, десятками? Очевидно, что цифра 200 относится ко всѣмъ мастерскимъ, имѣющимъ дѣло съ земледѣльческими орудіями, будутъ-ли то строительныя, или только починочныя. И нужно ожидать, что большинство занимающихся, кромѣ починки старыхъ, приготовленіемъ новыхъ машинъ, производятъ развѣ только самыя простыя изъ нихъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что около половины мастерскихъ принадлежитъ землевладѣльцамъ, открывшимъ ихъ сначала для починки выписанныхъ изъ-за-границы орудій; затѣмъ, въ пользу этого свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что лишь 85 мастерскихъ имѣютъ литейныя для чугуна и потому находятся внѣ зависимости отъ заводовъ дру-

гого рода, могутъ сами производить всѣ нужныя имъ части машинъ; но и эти мастерскія имѣютъ такъ мало работы, что, кромѣ своего спеціальнаго дѣла, берутся еще отливать ограды, рѣшетки, кресты и проч. Наконецъ, низкое состояніе нашего сельско-хозяйственнаго машиностроенія видно и изъ того, что наиболѣе сложныя машины (грабли, рядовыя сѣялки, жнеи, косилки и проч.) ими вовсе не производятся. Впрочемъ, все это сдѣлается понятнымъ, если заявить, что только одинъ заводъ перерабатываетъ въ годъ до 25,000 пудовъ чугуна и желѣза (Рудзскаго въ Варшавѣ, да и того спеціальность—архитектурныя издѣлія), а громадное большинство ограничивается тысячами пудовъ и, можетъ быть, и меньше [1]). Такимъ образомъ, въ сельско-хозяйственномъ машиностроеніи господствуютъ мелкія заведенія, что, разумѣется, обусловливается размѣрами сбыта. Но каково будетъ удивленіе читателя, если онъ узнаетъ, что эти лилипуты-мастерскія усвоили себѣ систему, которая подъ силу развѣ только немногимъ лучшимъ заграничнымъ фирмамъ: именно берутся за приготовленіе различныхъ предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно-ли, что заведеніе съ нѣсколькими десятками рабочихъ объявляетъ о постройкѣ имъ 30—40 различныхъ машинъ, которыя за-границей каждая выдѣлывается на отдѣльномъ заводѣ. Естественнымъ результатомъ такого разнообразія производства являются плохія и устарѣлыя издѣлія. Но противъ указаннаго недостатка ничего нельзя предпринять: при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ и плохихъ путяхъ сообщенія, заводъ не будетъ имѣть рынкомъ всю Россію, какъ бы широко ни повелъ онъ дѣло. Его потребителями будутъ жители извѣстнаго ограниченнаго района, а ихъ требованія на машины не настолько обширны, чтобы каждый заводъ могъ ограничиться приготовленіемъ одного какого-либо предмета. Ему нельзя поэтому спеціализироваться, а приходится удовлетворять разнообразнымъ требованіямъ заказчиковъ; и мы видѣли, какъ далеко заходитъ такое приноравливаніе завода къ потребителю: вмѣстѣ съ приготовленіемъ машины онъ льетъ крестъ или рѣшетку.

И такъ, здѣсь мы наблюдаемъ тотъ же недостатокъ, съ какимъ встрѣчались выше: именно, отсутствіе спеціализаціи производства — перваго условія для возможности двинуться впередъ. Такой характеръ этой отрасли промышленности означаетъ, что машиностроеніе у насъ вовсе не развито, что оно только дѣлаетъ попытки привиться на русской почвѣ, при чемъ идетъ по ложному пути. Для достиженія благопріятныхъ результатовъ ему

[1]) Антиповъ, id., стр. 57.

слѣдуетъ прежде всего перемѣнить систему—спеціализироваться, иначе оно всегда будетъ или держаться только помощью правительства, какъ наши крупные заводы, или оставаться на ступени мелкой мастерской, скорѣе починочной, нежели строительной, какъ наши заводы, приготовляющіе земледѣльческія орудія. Спеціализація производства есть основное условіе и въ то же время конечный результатъ развитой промышленности: если ея не существуетъ — мы навѣрное можемъ сказать, что приготовляемыя издѣлія дороги и плохи; но появиться она можетъ лишь въ случаѣ, если промышленная жизнь настолько разовьется, что представитъ достаточный запросъ на предметы разнаго рода. Отсутствіе спеціализаціи въ Россіи показываетъ неразвитость производства—какія же этому причины? Что намъ мѣшаетъ воспользоваться урокомъ Запада и приготовлять самимъ предметы, которые теперь мы выписываемъ изъ за-границы? Есть-ли тому препятствія въ самомъ существѣ нашей жизни, т.-е. немыслимо вообще, чтобы мы могли сдѣлать любой предметъ такъ же хорошо и дешево, какъ иностранцы? кроются-ли причины въ невѣрномъ методѣ, которому мы слѣдуемъ, методѣ свободной конкурренціи, или, наконецъ, методъ этотъ вѣренъ, но неправильно примѣняется, стѣсняемый недостаточными пошлинами на иностранныя издѣлія,—какъ думаютъ протекціописты,—или ограниченіемъ участія въ промышленной борьбѣ иностранныхъ заводчиковъ системой покровительственной таможенной политики,—какъ утверждаютъ фритредеры? Для рѣшенія этого вопроса нужно понять обстановку, въ какой обращается наша промышленность, выяснить различія Россіи отъ Европы въ климатическомъ, топографическомъ и общественно-историческомъ отношеніяхъ; различія, обусловливающія и неодинаковое направленіе промышленной жизни.

Вопросъ этотъ достаточно выясненъ техническимъ обществомъ и съѣздомъ машиностроителей 1875 г., и намъ остается только подвести итоги.

Уже климатическія условія Россіи не благопріятствуютъ водворенію у насъ капиталистическаго строя промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, для развитія послѣдняго необходимо, чтобы продукты его на рынкѣ отличались дешевизной, дабы могли конкуррировать съ заграничными. Въ виду этого, имѣетъ свое значеніе всякое естественное или искуственное обстоятельство, удорожающее или удешевляющее производство, а наши климатическія условія принадлежатъ къ числу обстоятельствъ перваго рода. Суровый климатъ обязываетъ насъ строить болѣе прочныя, а

слѣдовательно, и болѣе дорогія постройки и тратиться на ихъ отопленіе и освѣщеніе впродолженіи длинной зимы; содержаніе рабочихъ по той же причинѣ обходится сравнительно дороже (кромѣ лѣтняго, имъ нужно зимнее, болѣе дорогое, платье, лучшая пища и отопленіе квартиры зимою, и т. д.), каковой расходъ отражается тоже на цѣнѣ продукта. Но гораздо сильнѣйшее вліяніе оказываетъ нашъ климатъ въ союзѣ съ огромными пространствами нашего отечества.

Удобства путей сообщенія составляютъ главное условіе существованія крупной промышленности, а тѣмъ болѣе капиталистической, ибо послѣдняя требуетъ большого сбыта, чего она можетъ добиться лишь дешевизной своихъ продуктовъ. А какая дешевизна мыслима при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, дозволяющихъ безпрепятственно доставлять заводамъ матеріалъ и пр., и посылать продукты своего производства въ отдаленнѣйшіе уголки рынка? Пути сообщенія имѣютъ огромное значеніе, особенно для такихъ широкораскинутыхъ странъ, какъ Россія и Сѣверо-Американскіе Штаты; и чтобы судить о вліяніи, какое оказываетъ то или другое ихъ устройство на дешевизну продуктовъ и, слѣдовательно, на возможность капиталистическаго производства, мы сравнимъ стоимость перевозки въ обѣихъ названныхъ странахъ. Въ Америкѣ желѣзныя дороги находятся подъ дѣйствіемъ той же конкурренціи, какая господствуетъ и въ другихъ производствахъ; по одному направленію тамъ идутъ нѣсколько путей, удешевляющихъ другъ передъ другомъ перевозку; вслѣдствіе такого соперничества, стоимость перевозки быстро понижается: такъ, съ 1872 по 1876 стоимость перевозки четверти пшеницы на 1,000 верстъ была уменьшена съ 2 руб. 64 к. до 1 р. 56 к., а водою съ 1 р. 86 к. до 77 к.; общество такъ-называемыхъ Грэнджеровъ ловкими манёврами заставило желѣзныя дороги понизить тарифъ на перевозку пшеницы отъ Чикаго до Нью-Йорка съ 1872—76 г. съ 150 долларовъ до 30 за четверть. Большая часть дорогъ въ Америкѣ, пожалуй, и вовсе не приноситъ прямыхъ барышей своимъ хозяевамъ-акціонерамъ, и они довольствуются выгодами косвенными: увеличеніемъ цѣнности прилегающихъ къ путямъ земель (принадлежащихъ тѣмъ же компаніямъ), развитіемъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе акціонеры желѣзныхъ дорогъ, наравнѣ съ другими гражданами Америки и пр. У насъ же какая-нибудь несчастная желѣзная дорога можетъ себѣ дѣлать съ публикой все, что ей угодно; Поляковъ, напримѣръ, хозяйничаетъ на всемъ югѣ, какъ въ своей вотчинѣ: владѣя же-

лѣзной дорогой и каменно-угольными копями, онъ держитъ цѣну угля на какомъ хочетъ уровнѣ. Механическому заводу графа Бобринскаго, въ Кіевской губерніи, антрацитъ, необходимый для переплавки чугуна и стоющій на мѣстѣ добычи 10 коп. пудъ, обходится съ доставкою на заводъ по 57 коп. за пудъ. Цѣна антрацита въ Новочеркаскѣ, отстоящемъ отъ мѣстозарожденія каменнаго угля всего на 36 верстъ, поднялась до небывалой высоты — 23 коп. за пудъ. Неудивительно, что многіе заводчики, несмотря на сильный недостатокъ древеснаго топлива, не рѣшаются приспособить свои печи къ минеральному отопленію, опасаясь въ одинъ прекрасный день очутиться, по милости Полякова, безъ топлива и быть вынуждену прекратить работу; а одинъ изъ двухъ частныхъ чугунно-плавильныхъ заводовъ на югѣ, Пастухова, лежащій на желѣзной дорогѣ и въ 25 верстахъ отъ Грушевскихъ угольныхъ копей, долженъ былъ устроить собственныя копи, ибо правильно получать антрацитъ по воронежской желѣзно-дорожной линіи было невозможно. Судите сами, какъ дешевы будутъ произведенія заводовъ, работающихъ при подобныхъ обстоятельствахъ, какъ легко имъ завоевать отдаленные рынки!

Но это — только часть бѣды! Произведя дорого продуктъ, нужно еще доставить его потребителю; отъ этого цѣна его возрастетъ еще на 10—20%. Изъ Москвы до Самары, напримѣръ, перевезти товаръ стоитъ втрое дороже, чѣмъ изъ Англіи въ Москву; привозъ сельско-хозяйственной машины изъ Англіи въ Москву стоитъ столько же, какъ перевозка ея по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ не далѣе 800 верстъ; перевести пудъ пшеницы съ бассейна средняго Днѣстра въ Одессу стоитъ 40 коп., втрое больше, чѣмъ обойдется доставка того же груза изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ, на разстояніе вчетверо дальнѣйшее; иначе говоря, перевозка хлѣба у насъ стоитъ въ 12 разъ дороже, чѣмъ въ Америкѣ — и это по направленію большой рѣки, которую до сихъ поръ не потрудились привести въ состояніе, годное для навигаціи. Въ концѣ-концовъ продуктъ русскаго капиталистическаго производства окажется настолько дорогимъ, что его пріобрѣсти могутъ лишь ближайшіе къ заводу потребители [1]).

Впрочемъ, виною такого положенія не однѣ существующія желѣзныя дороги, а вообще неустройство русскихъ путей со-

[1]) Тр. В. Э. О., 1880, 12; Янсонъ, Сравнительная Статистика, Т. II; Орбинскій, О хлѣбной торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ, с. 69; Антиповъ, id., с. 7 Тр. В. Э. О., 1880, 1; „Русскій Курьеръ“, 1880, 278, 309; „Новости“, 1881 157, изъ „Голоса“.

общенія. Нашъ Уралъ, напримѣръ, снабжающій желѣзомъ половину Россіи, готовъ чуть не сокращать свое производство потому только, что близь лежащіе лѣса уже вырублены, а возить дрова или каменный уголь издалека не дозволяютъ существующія дороги. Самые дешевые пути сообщенія—водяные, но они у насъ закрыты для движенія впродолженіи большей половины года, а за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, готовые громоздкіе продукты должны лежать на заводахъ непроизводительно полгода и больше въ ожиданіи навигаціи. И сырой матеріалъ заводы могутъ получать только одинъ разъ въ годъ. Судите, какова быстрота обращенія капитала у насъ, въ сравненіи, напримѣръ, съ Англіей, гдѣ заводчикъ можетъ доставать все ему нужное каждую недѣлю!

Какъ ни плохи и ни дороги наши желѣзные пути, но они все-таки лучше грунтовыхъ, которые уже совершенно ни на что не похожи. И бѣда въ томъ, что желѣзныхъ дорогъ въ Россіи очень мало: на восьмидесяти-милліонное населеніе ихъ всего какихъ-нибудь 20—22 тысячи верстъ; сходная съ нами по внѣшнимъ условіямъ Америка построила слишкомъ 140 тыс. верстъ желѣзныхъ путей. Такое обиліе желѣзныхъ путей въ Америкѣ дѣлаетъ совершенно излишними заботы о грунтовыхъ дорогахъ: первыхъ такъ много, что почти не приходится пользоваться послѣдними. Сравнивая густоту желѣзнодорожной сѣти Россіи и Европы, мы узнаемъ, что тогда, какъ въ первой 1 в. рельсоваго пути приходится на 227 кв. верстъ поверхности, въ Австріи она будетъ 1 на $34^1/_2$ кв. в., во Франціи—1 на $22^1/_2$, въ Германіи—1 на $17^3/_4$, въ Англіи—1 на $11^1/_2$ [1]). Догонять своихъ сосѣдей намъ теперь невозможно: и построенныя дороги достаточно опустошаютъ казну; тѣмъ большую важность имѣетъ для насъ то или иное состояніе грунтовыхъ дорогъ. Каково же оно? Шоссейныхъ дорогъ выстроено:

	Тыс. верстъ.	Что на 1000 кв. в. будетъ;
Въ Англіи. . .	$198^1/_2$	686 вер.
„ Франціи . .	281 „	419 „
„ Пруссіи . .	32 „	105 „
„ Россіи. . .	13 „	0,3 „

Вотъ и извольте русскому капитализму принимать за образецъ Западъ, извольте ему слѣдовать совѣту разныхъ благожелателей: завоевывать рынки, изгонять иностранцевъ и пр. Не ясно ли, что въ Россіи не существуетъ элементарнѣйшихъ условій для развитія капиталистическаго производства, которое требуетъ не-

[1]) Орбинскій. с. 145, 292—294, 382.

премѣнно возможности постоянныхъ перемѣщеній огромныхъ массъ продуктовъ и рабочихъ съ одного конца страны въ другой, перемѣщенія скораго и дешеваго. А мы не можемъ достигнуть даже того, чтобы безпрепятственно передвигать по извѣстнымъ уже направленіямъ главную опору нашего финансоваго положенія—хлѣбъ: дабы онъ не задерживался на станціяхъ, подвижной составъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ долженъ быть увеличенъ до такихъ размѣровъ, что стоимость версты будетъ уже не 50,000 рублей, какъ нынѣ, а 140,000 р. Интересно знать, что бы запѣли наши желѣзныя дороги, еслибы отъ нихъ серьезно потребовать выполненія ихъ назначенія, хотя бы въ отношеніи главнаго продукта нашей торговли—хлѣба; долго ли протянули бы настоящія ихъ хозяева-акціонерныя общества, и теперь не прекращающія требовать отъ казны доплатъ по гарантіи. Если же только подумать о томъ, сколько будетъ стоить постройка въ Россіи такого количества шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, которое бы хотя до нѣкоторой степени уравнивало шансы борьбы нашего капитализма съ западно-европейскимъ (судя по примѣрамъ другихъ странъ, количество это должно быть нѣсколько сотъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и милліоны шоссейныхъ), то каждый не предубѣжденный умъ согласится, что дѣло этой формы производства въ Россіи—дѣло окончательно проигранное.

Къ такому выводу приводитъ насъ оцѣнка естественной обстановки нашей экономической жизни; посмотримъ теперь на общественныя условія, въ которыхъ долженъ обращаться капитализмъ въ Россіи.

Преимущества, приписываемыя западному капитализму передъ русскимъ, состоятъ въ слѣдующемъ: онъ можетъ пользоваться: 1) болѣе дешевымъ капиталомъ; 2) болѣе дешевымъ трудомъ (нашъ рабочій считается нетолько дорогимъ, но и тратящимъ значительную часть рабочаго времени на прогулы); 3) массою искусныхъ рабочихъ высшаго и низшаго порядка; 4) обезпеченнымъ сбытомъ продуктовъ, какъ результатомъ установившейся репутаціи заводовъ. Оцѣнивая всѣ эти преимущества на деньги, мы найдемъ, что для производства, напримѣръ, одного паровоза въ Россіи нужно затратить больше, чѣмъ за-границей: 1) процентовъ и погашенія основного капитала 650 р.; 2) вознагражденія администраціи завода 600 р.; 3) въ цѣнѣ матеріала, который нужно запасать на болѣе продолжительное время, 116 р.; 4) на рабочихъ, которыхъ у насъ требуется въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ за-границей — 2 — $2^1/_2$ т. р.; 5) порча вещей— 400 р., всего 3,700—4,200 р., это на 20,000 р. стоимости

одного паровоза [1]). Но всѣ эти обстоятельства не такого рода, чтобы ихъ нельзя было преодолѣть въ отдѣльныхъ случаяхъ; они не предрѣшаютъ непремѣнно судьбу каждой вещи, выходящей изъ русской мастерской, которая непремѣнно будто бы должна быть и хуже, и дороже заграничной. Нѣтъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наши заводы достигли того, что производятъ продукты высокаго достоинства. Такъ, по крайней мѣрѣ, заявлялось въ техническомъ обществѣ и на съѣздѣ машиностроителей, и мы не имѣемъ основанія не вѣрить сдѣланнымъ заявленіямъ. Напримѣръ, «ружья самой высокой отдѣлки обходятся у насъ такъ дешево, что ни одна страна Европы не можетъ сравниться съ нами, притомъ выдѣлка такъ высока по качеству, что Россія никогда изъ-за границы ничего лучшаго не получала», снаряды изъ закаленнаго чугуна для пробиванія бронепосныхъ судовъ были у насъ приготовлены гораздо лучшаго достоинства, чѣмъ германскіе; г. Нобель на своемъ петербургскомъ заводѣ выдѣлывалъ вещи, когда ихъ требовалась цѣлая масса, дешевле, чѣмъ обходились заграничныя и т. д. «Эти факты доказываютъ, что если только предметы выдѣлываются въ большомъ количествѣ и продолжительное время, то и у насъ дѣйствуетъ тотъ же самый законъ, какъ и за-границей: народъ получаетъ навыкъ, отъ навыка улучшается дѣло и увеличивается количество выдѣлываемыхъ вещей, а затѣмъ дешевизна есть естественное слѣдствіе» [2]). Но спрашивается: всѣ ли заводы и всѣ ли производства въ состояніи достигнуть указанныхъ результатовъ? Не суть ли приведенные случаи исключительныя явленія, не могущія служить образцами для массы? Оружейное дѣло, напримѣръ, тѣмъ отличается отъ другихъ, что наша громадная армія съиспоконъ вѣка представляла большой рынокъ для сбыта ея произведеній, а потому заводы этого рода могли дѣйствительно достаточно наловчиться. Что касается другихъ частныхъ примѣровъ, то и здѣсь мы встрѣчаемся не совсѣмъ съ обыденными условіями: г. Нобель, напримѣръ, принадлежитъ, кажется, къ числу лицъ, думающихъ не объ одной прибыли, какими бы путями она ни получалась, но заботится о постановкѣ дѣла на прочное основаніе и достаточно успѣлъ уже сдѣлать въ продолженіе 30—35-лѣтняго занятія машиностроеніемъ: помѣщеніемъ завода въ Петербургѣ онъ устранилъ препятствія, истекающія изъ нашихъ необъятныхъ пространствъ и неустройства путей сообщенія, такъ

[1]) Труды съѣзда и т. д., в. 2., засѣданія III отдѣленія, с. 49, 50.

[2]) Труды комиссіи при технич. общ. с. 58; Труды съѣзда и пр. в. II, Засѣданія II отдѣленія, с. 23.

какъ все нужное для завода онъ можетъ получать морскимъ путемъ изъ-за границы, а продукты своего производства ему не зачѣмъ отсылать за тысячи верстъ, ибо близость такого промышленнаго центра, какъ наша невская столица, и хорошая репутація завода, пріобрѣтенная долголѣтней добросовѣстной работой, обезпечиваютъ сбытъ — главнѣйшее условіе и больное мѣсто нашей капиталистической промышленности. Затѣмъ, владѣя капиталомъ, г. Нобель постарался обезпечить себя другимъ элементомъ производства — искуснымъ рабочимъ, котораго онъ не могъ достать готовымъ нигдѣ въ Россіи, а долженъ былъ воспитывать самъ. Для этого онъ останавливалъ свой выборъ на семейныхъ, какъ болѣе осѣдлыхъ рабочихъ, поощрялъ лучшихъ изъ нихъ хорошимъ жалованьемъ и даже принялъ общую мѣру: сократилъ число рабочихъ часовъ съ 12 въ день на 11, увеличивъ взамѣнъ этого число рабочихъ дней въ году на 10. Такими мѣрами въ продолженіе 12 лѣтъ онъ достигъ, наконецъ, того, что теперь имѣетъ постоянный кадръ искусныхъ и не пьянствующихъ рабочихъ [1]). Спрашиваю опять, можетъ ли этотъ примѣръ служить общимъ правиломъ, которому легко слѣдовать всякому заводу? Возможно ли разсчитывать, чтобы всѣ заводчики были нетолько аферисты, но и преслѣдующіе интересъ дѣла изъ любви къ послѣднему? Наконецъ, спасетъ ли наше машиностроеніе и такое любовное къ нему отношеніе со стороны капиталистовъ? Послушаемъ, напримѣръ, эпизодъ изъ исторіи другого завода, принадлежащаго г. Голубеву, человѣку, повидимому, также думающему не объ одной толщинѣ своего кармана, а и объ успѣшномъ ходѣ дѣла, какъ таковаго (въ интересѣ послѣдняго онъ предлагалъ, напримѣръ, сократить рабочее время, не уменьшая, разумѣется, заработанной платы, до 8 часовъ въ сутки). Взявшись поставлять одному фабриканту оковки для товарныхъ вагоновъ и настойчиво преслѣдуя свою цѣль удешевленія производства, онъ добился того, что вмѣсто 5—6 р. пудъ, сталъ ихъ производить за 3 р. 50 к. (цѣна недоступная даже для англичанъ), полагая прибыли по 35 к. съ пуда. «Такой результатъ, при валовомъ оборотѣ и постоянной работѣ, былъ бы желателенъ, такъ идти было бы весьма хорошо, но, къ несчастью, на этомъ дѣло только и стало. Ошибка моя, говоритъ г. Голубевъ: — была въ томъ, что я считалъ возможнымъ водворить производство въ большихъ размѣрахъ и образовать у себя склады готовыхъ оковокъ, а между тѣмъ оказалось, что что̀ ни желѣзная дорога, то типъ вагоновъ, что̀ ни вагонъ, то типъ оковокъ;

[1]) Труды комиссіи id., с. 130—131.

ничего нельзя сдѣлать въ запасъ, такъ что идея, которую я имѣлъ объ образованіи склада, изъ котораго можно было бы отпускать оковки по дешевой цѣнѣ — рушилась» [1]). Еслибы желѣзныхъ дорогъ у насъ было больше, въ такомъ случаѣ это разнообразіе формъ вагоновъ, паровозовъ и ихъ частей не мѣшало бы спеціализаціи производства, такъ какъ и при такомъ разнообразіи количество формъ одного образца было бы достаточно для занятія нѣсколькихъ заводовъ. Но, при нашемъ требованіи рынка, при томъ сбытѣ, какой представляется продуктамъ нашихъ капиталистическихъ предпріятій—невозможно достигнуть нужной спеціализаціи, вслѣдствіе каковаго обстоятельства имъ и приходится предлагать свои произведенія за цѣну, вдвое превышающую стоимость заграничныхъ издѣлій.

Вопросъ этотъ касается, разумѣется, не однѣхъ оковокъ товарныхъ вагоновъ, а всей нашей механической промышленности. Выше мы видѣли, что кореннымъ ея недостаткомъ, вполнѣ сознаваемымъ самими заводчиками, является отсутствіе спеціализаціи производства, безъ которой невозможно имѣть дешевую и хорошую вещь. Въ разсужденіяхъ о причинахъ такого отсутствія спеціализаціи ораторы техническаго общества и съѣзда машиностроителей подходили вплотную къ правильному рѣшенію вопроса, но тотчасъ же отъ него отклонялись подъ вліяніемъ экономическихъ идей, выработанныхъ Западомъ, которымъ они вѣрятъ, какъ евангелію. Они сознавали, что суть вопроса кроется въ размѣрахъ рынка, что сбытъ продуктовъ механической промышленности внутри Россіи не великъ «потому, что не развиты еще потребности народа», не надѣются и на вывозъ ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ за границу; и однако, разсчитываютъ, что различными мѣрами покровительства отечественной промышленности и, главнымъ образомъ, наложеніемъ достаточныхъ пошлинъ на иностранные товары, мы можемъ достигнуть развитія этого дѣла до уровня, на какомъ оно стоитъ въ Европѣ. «Сомнѣваться въ томъ, что водвореніе въ Россіи машиностроенія возможно—не представляется никакихъ данныхъ. Оно болѣе чѣмъ возможно! Оставьте дѣло такъ, чтобы работа велась послѣдовательно, чтобы заводы не разнообразили своихъ работъ, не отрывались отъ дѣла, а спеціализировались на каждой вещи—и вы увидите такіе поразительные результаты, о которыхъ мы нынѣ не имѣемъ понятія» [2]). Но чѣмъ же, спрашивается, обставить дѣло для достиженія столь прекрасныхъ результатовъ?

[1]) Тр. комиссіи, id., с. 120—121, 147.

[2]) Id., стр. 121.

Пошлинами, отвѣчаютъ, которыя бы изгнали изъ Россіи иностранные товары и предоставили весь внутренній рынокъ отечественному производству. Но достаточно ли внутренняго сбыта? спрашиваемъ мы опять: — такихъ ли онъ размѣровъ, чтобы обезпечить достиженіе спеціализаціи и вообще высокой степени техническаго совершенства нашей промышленности *путемъ свободной конкурренціи отдѣльныхъ заводчиковъ*, т.-е. способомъ специфическимъ для капитализма? Отвѣтить на этотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ все направленіе даннаго дѣла, не потрудился ни съѣздъ машиностроителей, ни техническое общество.

Развитіе техническихъ улучшеній въ производствѣ, когда оно руководится капиталомъ, совершается путемъ соперничества отдѣльныхъ фабрикантовъ между собою. Капиталисты, стремясь къ полученію наибольшей прибыли и къ расширенію сбыта на счетъ своихъ соперниковъ, заботятся о дешевизнѣ и хорошемъ качествѣ производимыхъ ими издѣлій, для чего они пристально слѣдятъ за техническими изобрѣтеніями, чтобы поскорѣе примѣнить ихъ на своемъ заводѣ, тѣмъ болѣе, что, пока улучшеніе не сдѣлается общераспространеннымъ, иниціаторы могутъ спустить цѣны своего товара на меньшую величину, чѣмъ это допускаетъ новое изобрѣтеніе, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ обезпеченнымъ сбытомъ получить необыкновенно большіе барыши. Если на зарѣ капиталистическаго производства въ какой-либо странѣ развитіе промышленной техники совершается, главнымъ образомъ, изъ-за корыстныхъ побужденій владѣльцевъ заводовъ, то съ теченіемъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ для разсматриваемой формы организаціи производства, стремленіе къ барышу въ фабрикантѣ соединяется съ другимъ, болѣе безкорыстнымъ психическимъ мотивомъ. Современемъ происходитъ соединеніе капитала, техническихъ знаній и изобрѣтательности въ одномъ лицѣ; вырабатывается типъ фабриканта-техника, способнаго руководить какъ финансовой, такъ и технической стороной промышленнаго предпріятія. Но въ молодыхъ странахъ и при началѣ дѣла, когда капиталистъ обыкновенно не соединяется въ одномъ лицѣ съ техникомъ, когда капиталъ привыкъ дѣйствовать по разъ заведенному образцу, когда онъ черезъ-чуръ вялъ и неподвиженъ, боится риска и доволенъ малымъ—при такихъ порядкахъ, безъ внѣшняго толчка, безъ опасенія за свои барыши, безъ надежды на большія прибыли, капиталъ не рѣшится пуститься въ безграничное море техническихъ улучшеній изъ-за какихъ-то идеаль-

ныхъ требованій совершенства производства, не опирающихся на понятныя капиталисту матеріальныя выгоды.

Россія относится къ числу такихъ начинающихъ странъ; заводы у насъ принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ купцамъ или помѣщикамъ, весьма мало знакомымъ съ техникой и чуждымъ стремленію къ прогрессу. Работаютъ они по разъ заведенному изстари образцу, получаютъ извѣстную прибыль, боятся новизны, какъ бы она да не ухудшила ихъ положенія! Борьбы здѣсь почти не существуетъ, столкновеніе интересовъ не имѣетъ мѣста; поэтому вездѣ царствуетъ тишь и гладь, да Божья благодать. Новый капиталъ остается въ сторонѣ отъ промышленной жизни, онъ устремился въ гораздо болѣе обѣщающую область обращенія товаровъ. Это отстраненіе капиталовъ отъ производства и являющееся его результатомъ отсутствіе среди заводчиковъ соперничества Техническое общество и съѣздъ машиностроителей считаютъ характеристической чертой нашей промышленности. Дѣло, по ихъ словамъ, стоитъ такъ плохо, что для привлеченія къ механическому производству капитала предлагается «заинтриговать» его гарантіей извѣстнаго дохода [1]). При такомъ ровномъ ходѣ дѣла, отсутствіи риска, но и возможности получить необыкновенные барыши, немыслимо усовершенствованіе производства: для этого не существуетъ необходимыхъ мотивовъ. Положеніе можетъ измѣниться лишь при такомъ расширеніи сбыта, которое было бы достаточно для привлеченія многихъ свѣжихъ силъ къ производству, дабы эти свѣжія силы встряхнули старые, заплесневѣвшіе элементы, показали опасность, угрожающую имъ при застоѣ, и заставили неспособныхъ къ прогрессу лицъ передать свои заводы другимъ. Но созданію такой обстановки мѣшаетъ конкурренція заграничныхъ произведеній; поэтому наши заводчики настаиваютъ на возвышеніи покровительственныхъ пошлинъ, которыя бы устранили съ внутренняго рынка иностранные товары и предоставили его всецѣло въ распоряженіе туземныхъ производителей. Послѣдуемъ и мы за ними въ этихъ предположеніяхъ; посмотримъ, настолько ли увеличится сбытъ произведеній русскихъ заводовъ съ закрытіемъ доступа къ намъ продуктовъ иностранной механической промышленности, что онъ развяжетъ крылья свободной конкурренціи, этому рычагу экономическаго прогресса на капиталистическомъ основаніи, и поведетъ Россію по тому же пути промышленнаго развитія, съ которымъ мы достаточно хорошо знакомы по примѣру Запада.

Чтобы дѣло промышленнаго прогресса на капиталистической

[1]) Труды комиссіи, и т. д. стр. 127.

почвѣ было обезпечено, предполагаемое расширеніе сбыта, вслѣдствіе покровительственнаго тарифа, должно достигнуть такихъ размѣровъ, чтобы: 1) теперешніе наши сложные заводы распались на простѣйшіе, приготовляющіе нетолько отдѣльные цѣльные предметы, но части послѣднихъ; 2) заводы каждаго рода считались десятками, а можетъ быть и сотнями, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ промышленность овладѣетъ рычагомъ капиталистическаго прогресса—свободной конкурренціей. Посмотримъ же, можно ли надѣяться, что запросъ на продукты внутренняго механическаго производства послѣ устраненія съ русскихъ рынковъ иностранныхъ товаровъ возрастетъ до размѣровъ, сколько-нибудь приближающихся къ тѣмъ, которые мы сейчасъ очертили. Взглянемъ сначала на уральскую горную промышленность.

Въ послѣднее время, въ Россіи добывается чугуна 25 милліоновъ пудовъ, да столько же привозится этого металла въ сыромъ видѣ и въ переработкѣ въ желѣзо, сталь и издѣлія изъ нихъ. На Уралѣ добывается чугуна около 17-ти милліоновъ пудовъ. Промышленность эта—любимое дѣтище нашего правительства, и для ея развитія оно впродолженіи долгаго времени запрещало ввозъ въ Россію иностраннаго чугуна и желѣза. Несмотря на то, что производство это на Уралѣ упрочилось издавна, сдѣлалось его спеціальностью, въ настоящее время оно находится тамъ на крайне низкой ступени развитія. Характеристическими его чертами являются здѣсь техническій застой и отсутствіе конкурренціи, несмотря на то, что число заводовъ на Уралѣ простирается до 150-ти. О неподвижности производства можно составить понятіе изъ того, что хотя въ настоящее время оно сильно страдаетъ отъ недостатка древеснаго топлива, но это ни мало не побуждаетъ его примѣнять такія улучшенія въ техникѣ, которыя ведутъ къ сбереженію послѣдняго. Такъ, уральскіе заводчики нетолько не примѣнили у себя требующаго большихъ затратъ для приспособленія завода способа Бессемера, «какъ будто бы для нихъ придуманнаго» [1]), ибо онъ сокращаетъ расходъ топлива въ $2-2^1/_2$ раза, но не позаботились даже утилизировать горячіе газы введеніемъ такъ называемаго горячаго дутья, давно примѣненнаго въ средней Россіи и которое позволяетъ достигнуть экономіи топлива на 20—30% Устраненіе съ русскихъ рынковъ иностранныхъ металловъ врядъ ли серьезно повліяетъ на положеніе дѣла на Уралѣ, ибо, хотя добываніе чугуна должно послѣ этого удвоиться, но увеличеніе производства послѣдуетъ, вѣроятно, въ другихъ мѣстностяхъ, тоже богатыхъ металломъ, но стоящихъ

[1]) Труды съѣзда и т. д., в. 1, с. 51.

ближе къ рынку: въ Новороссіи, Прибалтійскомъ краѣ и проч. На Уралѣ же, можетъ быть, и возникнетъ нѣсколько новыхъ заводовъ, но не видно, почему они должны будутъ прекратить общую спячку, а не послѣдуютъ сами заразительному примѣру.

Но развиваемую нами мысль легче будетъ уяснить на другихъ примѣрахъ. Желѣзныя дороги являются въ настоящее время главнымъ потребителемъ произведеній механическихъ заводовъ разнаго рода. По неразвитости всего механическаго дѣла въ Россіи, оно является у насъ не спеціализированнымъ и стоитъ почти внѣ вліянія внутренней конкурренціи; соперничество же съ иностранными товарами черезчуръ для него непосильно. Вслѣдствіе этого, постройка желѣзныхъ дорогъ не оказала у насъ того благопріятнаго вліянія на развитіе механическаго производства, какое она имѣла въ другихъ странахъ. Устранимъ же заграничнаго производителя съ нашего рынка и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Возьмемъ, для примѣра, приготовленіе паровозовъ: какъ быстро двинется оно впередъ, не стѣсняемое иностранной конкурренціей; сколь широко примѣнится здѣсь принципъ спеціализаціи и какъ легко попадаетъ оно подъ дѣйствіе благодѣтельнаго внутренняго соперничества?

Въ настоящее время, въ Россіи дѣйствуетъ пять паровозныхъ заводовъ (число ихъ предполагается довести до семи), занятыхъ также приготовленіемъ и другихъ предметовъ. Чтобы удовлетворить требованію спеціализаціи производства, заводы эти должны бросить всѣ остальныя занятія и посвятить свои силы исключительно приготовленію паравозовъ. Но что такое, въ сущности, паровозный заводъ? Это «большая сборная мастерская, отъ которой требуется только хорошая сборка частей». Самыя же части приготовляются отдѣльно, и за-границей такихъ заводовъ, приготовляющихъ составныя части паровозовъ—семь родовъ [1]). У насъ, слѣдовательно, паровозо-производящая единица должна состоять изъ семи заводовъ, выдѣлывающихъ части, и одной сборной мастерской. Этимъ будетъ удовлетворено требованіе спеціализаціи производства; но затѣмъ остается еще не менѣе важный элементъ—достаточная конкурренція. Для этой второй цѣли число заводовъ каждаго рода должно считаться десятками, такъ что вообще паровозное дѣло въ Россіи, чтобы удовлетворить требованіямъ современной техники, должно занять нѣсколько десятковъ и даже сотенъ различныхъ заводовъ. Можетъ ли дать работу столькимъ заводамъ нашъ внутренній рынокъ? Считайте! «Къ 1-му января 1879 года на нашихъ дорогахъ находилось 5,074 паровоза, слѣдо-

[1]) Труды съѣзда и т. д., в. II, засѣданія III отдѣл., с. 2.

вательно, принимая эту цифру за основаніе, выходитъ, что наши дороги требуютъ ежегодно постройки 423 новыхъ паровозовъ (служба каждаго продолжается 12 лѣтъ). Для того, чтобы паровозный заводъ могъ съ выгодою заниматься своимъ производствомъ, признается необходимымъ, чтобы въ немъ выдѣлывалось ежегодно не менѣе ста паровозовъ. Слѣдовательно, настоящая потребность желѣзныхъ дорогъ могла бы быть удовлетворена четырьмя паровозными заводами» [1]) И такъ, до сотни заводовъ—вотъ требованіе теоріи и четыре—что даетъ намъ жизнь! Интересно знать, какъ здѣсь спеціализируется паровозное дѣло и что заставитъ четырехъ заводчиковъ соперничать между собою для соблюденія требованія теоріи? Ничто ихъ незаставитъ соперничать, читатель! будутъ они монополистами, и дѣло промышленнаго капиталистическаго прогресса, такимъ образомъ, не обезпечится и устраненіемъ иностранной конкурренціи.

Еще яснѣе это видно на другомъ примѣрѣ — приготовленіи вагоновъ. Паровозное дѣло сдѣлаетъ послѣ прекращенія иностранной конкурренціи шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что тогда всѣ паровозы, употребляемые въ Россіи, будутъ приготовлены здѣсь же, между тѣмъ, какъ теперь многіе изъ нихъ выписываются изъ-за-границы. Вагонное же дѣло и въ настоящее время дошло до того, что существующіе 12 заводовъ въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ [2]). Т.-е. съ прекращеніемъ доступа къ намъ заграничныхъ вагоновъ должно произойти весьма небольшое измѣненіе во всей постановкѣ этого дѣла, которое гораздо проще паровознаго. Оно будетъ состоять въ томъ, что существующіе уже заводы дадутъ полный ходъ своему производству вагоновъ, между тѣмъ, какъ ихъ современная дѣятельность сдерживается иностранной конкурренціей. Что же касается въ частности рычага прогресса—соперничества, то оно даже ослабѣетъ, ибо съ поля битвы устранится иностранный заводчикъ, котораго все-таки побаивались наши русскіе; и если, несмотря на эту боязнь, они поставляли своимъ заказчикамъ вагоны, въ которыхъ нельзя было найти двухъ одинаковыхъ гаекъ, гдѣ рессоры, вмѣсто $^1/_8$ дюйма, давали прогибъ въ $1^6/_8$ дюйма, а внутри вагоновъ можно было безъ искуственнаго освѣщенія читать при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ, то можно себѣ представить, какимъ золотомъ будутъ они снабжать желѣзныя дороги послѣ того, какъ перестанутъ опасаться критики; до чего безопасно сдѣлается путешествіе на нашихъ желѣзныхъ

[1]) Антиповъ, id., с. 39.

[2]) Труды съѣзда и проч., в. 1, с. 17.

дорогахъ; какой крѣпкій рычагъ промышленнаго прогресса окажется въ рукахъ нашего капитала!

Мы не имѣемъ подъ руками данныхъ для того, чтобы подобнымъ же образомъ разобрать всѣ отрасли нашей механической промышленности, но врядъ-ли отъ этого мы что-нибудь потеряли. Разсмотрѣнныя производства — не какія-нибудь третьестепенныя въ нашей промышленной жизни, а выводы, къ которымъ мы пришли, не представляютъ чего-нибудь неожиданнаго. Они какъ нельзя лучше вяжутся съ основнымъ нашимъ положеніемъ, что безъ внѣшняго сбыта невозможно процвѣтаніе капиталистическаго производства и что, поелику Россіи приходится развивать свою промышленную жизнь именно при отсутствіи внѣшняго рынка для сбыта продуктовъ ея обработывающей промышленности, то мы и не можемъ надѣяться, чтобы капитализмъ въ Россіи сослужилъ службу, къ которой онъ призванъ на Западѣ, чтобы онъ организовалъ у насъ трудъ по высокимъ техническимъ образцамъ Европы. У насъ возможны отдѣльные хорошо устроенные заводы, если случайно за дѣло возьмется богатый, образованный и любящій это занятіе человѣкъ; возможно процвѣтаніе нѣкоторыхъ отраслей промышленности, обезпеченныхъ въ сбытѣ своихъ продуктовъ на внутреннемъ рынкѣ; но это еще не цѣлая капиталистическая система, которая при этомъ можетъ никуда не годиться. Подтвержденіе сказанному мы теперь находимъ въ такой большой области, какъ механическая промышленность: мы видѣли, что внутренняго сбыта недостаточно для развитія здѣсь двухъ сторонъ, необходимыхъ для промышленнаго капиталистическаго прогресса—спеціализаціи производства и конкурренціи. Посмотримъ, насколько въ его силахъ создать третій элементъ желательнаго порядка вещей — искусныхъ и спеціализированныхъ рабочихъ.

Безъ такихъ рабочихъ немыслимо крупное производство, и, для безпрепятственнаго развитія послѣдняго, въ странѣ долженъ быть постоянный запасъ спеціалистовъ разнаго рода, готовыхъ къ услугамъ расширяющихся и вновь открывающихся заводовъ. Такіе спеціалисты не должны быть рѣдкими экземплярами, которыхъ днемъ съ огнемъ не отыщешь: для возможности конкуррировать съ другими заводами, вновь открывающійся долженъ начать дѣло въ полномъ вооруженіи, и не завидна его судьба, если ему приходится еще воспитывать для себя рабочихъ.

Такое воспитаніе въ странахъ классическаго капитализма происходило безъ сознательнаго вмѣшательства фабрикантовъ, а само собой, вмѣстѣ съ развитіемъ крупнаго производства. Но даже и

тамъ, гдѣ послѣднее утвердилось издавна, гдѣ все населеніе къ услугамъ нанимателей, гдѣ рабочихъ избытокъ сравнительно съ требованіемъ на нихъ, и тамъ капитализмъ по временамъ испытываетъ недостатокъ въ мастерахъ и готовъ принимать спеціальныя мѣры для его пополненія. Такъ, въ Англіи до 1815 года была запрещена эмиграція машинистовъ; а во времена промышленныхъ кризисовъ, фабриканты, въ другое время проповѣдывающіе о второстепенномъ значеніи искусства рабочихъ сравнительно съ вліяніемъ машины, начинаютъ вопить противъ эмиграціи временно избыточнаго населенія, составляющаго, по ихъ выраженію, «духовную и вышколенную силу, которая не можетъ быть замѣщена въ одно поколѣніе», машины же «могутъ быть съ выгодою замѣнены и улучшены въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ» [1]).

Если отъ недостатка мастеровъ не застраховано англійское производство, то каково должно себя чувствовать русское механическое дѣло, еще такъ недавно появившееся на нашей почвѣ! Здѣсь не иногда и не нѣкоторые, а всегда и почти всѣ заводчики страдаютъ отъ недостатка мастеровъ, и каждый изъ нихъ долженъ особо для себя воспитывать цѣлую мастерскую. Мы слышали, напримѣръ, выше заявленіе г. Нобеля о томъ, какъ впродолженіи 12-ти лѣтъ онъ успѣлъ на своемъ заводѣ образовать постоянный кадръ рабочихъ; другой петербургскій заводчикъ, г. Голубевъ, добылъ свой рабочій персоналъ подобнымъ же образомъ, и это предстоитъ дѣлать всякому русскому механическому заводу, потому что производство это для насъ еще ново. Но не всякому заводу посчастливится въ этомъ дѣлѣ достичь благопріятныхъ результатовъ: чтобы составить себѣ кадръ рабочихъ, заводъ самъ долженъ имѣть постоянное занятіе, дабы не быть вынужденну по временамъ разставаться съ своимъ рабочимъ персоналомъ. Г. Нобель именно этому обстоятельству и приписываетъ свой успѣхъ въ дѣлѣ организаціи у себя труда [2]). Но многіе-ли заводы могутъ похвастаться постоянной работой, и что имъ дѣлать, если состояніе рынка потребуетъ сокращенія производства? Въ такомъ положеніи былъ въ текущемъ году кронштадтскій казенный пароходный заводъ: онъ-было рѣшился отпустить излишнихъ рабочихъ, о чемъ заблаговременно и объявилъ во всеобщее вѣдѣніе; но затѣмъ администрація завода сообразила, что разсчитать рабочихъ не трудно, но гдѣ станешь искать мастеровъ, когда понадобится расширить производство — и угроза отпустить рабочихъ не была приведена въ исполненіе [3]).

[1]) Марксъ, Капиталъ, с. 497—498.

[2]) Труды комиссіи при техническомъ обществѣ, с. 130—131.

Хорошо, у казеннаго завода денегъ много, онъ можетъ и переплатить лишнее; но что остается дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ частному заводчику? вѣдь только въ исключительномъ случаѣ онъ можетъ послѣдовать примѣру кронштадтскаго пароходнаго завода!

Если вновь устраивающійся заводъ пожелаетъ обойти обычный путь—воспитанія для себя рабочихъ, ему нужно выписать ихъ изъ-за-границы или сманить у сосѣда. И дѣйствительно, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемся съ тѣмъ и другимъ. Такъ, г. Юзъ для своего желѣзодѣлательнаго завода въ Новороссійскомъ краѣ выписалъ мастеровъ изъ Англіи, а простыхъ рабочихъ (для прокатки рельсовъ) привезъ съ завода Путилова; во время крымской войны, рабочіе для казеннаго литейнаго завода набирались особо командированными для этого офицерами въ Костромской, Нижегородской и Ярославской губерніяхъ и пр. Но такой способъ не можетъ быть названъ дешевымъ и безвреднымъ для дѣла уже хотя бы потому, что онъ основанъ на лишеніи рабочаго персонала другихъ заводовъ. Но и помимо указанной стороны, это положеніе, говоримъ, крайне неблагопріятно для дѣла: послѣднее лишь тогда прочно станетъ на ноги, когда будетъ въ состояніи удовлетворить всякому требованію рынка, научится приноравливаться къ измѣняющимся его потребностямъ, когда оно въ этомъ не будетъ встрѣчать препятствія со стороны рабочаго персонала, когда послѣдній увеличится до такихъ размѣровъ и настолько спеціализируется, что будетъ готовъ въ каждый данный моментъ откликнуться на призывъ капиталиста. Слѣдовательно, для успѣшнаго хода дѣлъ въ какой-либо отрасли промышленности, здѣсь должно существовать постоянное движеніе рабочихъ на заводы и обратно, долженъ образоваться рынокъ рабочихъ, куда бы вытѣснялись лишніе въ данный моментъ для производства и гдѣ бы каждый вновь устраивающійся заводъ могъ себѣ набрать нужный контингентъ мастеровъ. И это относится одинаково какъ къ высшему, такъ и къ низшему спеціальному труду. Но дабы такой рынокъ образовался, чтобы сохранялась постоянная связь между частными отраслями производства и спеціалистами-рабочими, чтобы техникъ, ушедшій съ одного завода, зналъ, куда ему обратиться для занятія такого же мѣста, а предприниматель, которому нужны спеціалисты извѣстнаго рода, былъ увѣренъ, что онъ ихъ найдетъ тамъ или здѣсь — для созданія такого положенія (если только производство не основалось испоконъ вѣка въ опредѣленной мѣстности, гдѣ поэтому всѣ жители сдѣлались мастерами), нужно, чтобы производство

было тѣмъ болѣе развито, чѣмъ обширнѣе страна и чѣмъ гуще ея населенность.

Если какая-либо отрасль промышленности одного города занимаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рукъ мѣстныхъ жителей, если рабочій, бросающій заводъ, остается здѣсь же, въ городѣ, стараясь естественно пріискать себѣ такое же занятіе, то вновь открывающемуся предпріятію не представляется никакого затрудненія въ пріисканіи нужныхъ ему мастеровъ, такъ какъ обѣ стороны ищутъ другъ друга и по прежнимъ опытамъ знаютъ, гдѣ имъ встрѣтиться. Но совершенно другое дѣло, если такихъ же размѣровъ производство раскинуто по огромному государству: при подобныхъ условіяхъ, связь между рабочимъ и той или иной промышленной отраслью гораздо слабѣе, спеціализація труда развита очень мало. Здѣсь мало развитое крупное производство теряется среди необъятнаго пространства, настоящіе спеціалисты составляютъ атомъ среди остальной массы населенія. Десять заводовъ, сосредоточенныхъ на небольшой площади, имѣютъ, повторяемъ, совершенно иное значеніе, чѣмъ тоже ихъ количество, раскинутое по огромному пространству. Въ послѣднемъ случаѣ, техникъ, ушедшій съ завода, не имѣетъ возможности отыскивать себѣ совершенно подобнаго же мѣста на другомъ заводѣ, который отстоитъ отъ него, можетъ быть, на сотни или тысячи верстъ; но ему и нѣтъ надобности добиваться его во что бы то ни стало, ибо, при отсутствіи строгой спеціализаціи труда, характеризующемъ неразвитыя въ промышленномъ отношеніи страны, онъ легко пристроится на заводы другого, близкаго рода. Съ своей стороны, и новый предприниматель развѣ только случайно нападетъ на подготовленныхъ мастеровъ, а въ большинствѣ случаевъ долженъ будетъ удовольствоваться такими рабочими, которыхъ еще придется пріучать къ дѣлу. Слѣдовательно, для того, чтобы въ странѣ образовался достаточный контингентъ искусныхъ рабочихъ, ея промышленность должна быть развита пропорціонально ея пространству (если только все производство не сосредоточено искуственно въ одной мѣстности). По отношенію къ Россіи, это значитъ, что, судя по ея размѣрамъ, абсолютныя цифры промышленныхъ оборотовъ должны быть гораздо больше, чѣмъ въ другихъ государствахъ. А чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о томъ пути, какой предстояло бы пройти, если бы капиталистическое производство имѣло у насъ какіенибудь виды на будущее, мы сравнимъ добываніе чугуна (дѣло, давно у насъ водворившееся) въ Россіи и другихъ странахъ.

	Выплавляется въ годъ.	Что на каждаго жителя будетъ.
Въ Россіи . . .	25 милл. пуд.	. . 12 фунтовъ.
„ Австріи . . .	24 „ „	. . 27 „
„ Германіи . . .	98 „ „	. . 95 „
„ Франціи . . .	89 „ „	. . 98 „
„ Соедин. Штат. .	143 „ „	. . 146 „
„ Швеціи. . . .	21 „ „	. . 195 „
„ Бельгіи . . .	30 „ „	. . 226 „
„ Англіи	406 „ „	. . 510 „ [1]

Въ Россіи добывается столько же чугуна, сколько въ маленькой Бельгіи и Швеціи; такого оборота промышленности достаточно, чтобы создать необходимый контингентъ рабочихъ въ этихъ послѣднихъ странахъ, но для Россіи это — капля въ морѣ, и, чтобы догнать своихъ сосѣдей, ей нужно увеличить добычу въ 10—20 разъ; но куда же ей дѣть этотъ чугунъ? Устранивъ съ рынка иностранный металлъ, мы удвоимъ запросъ на русскій чугунъ, т.-е. дадимъ возможность добывать его 50 милл. пуд.; но отсюда вѣдь еще очень далеко до 200 милл., которые мы должны выплавлять, чтобы сравниться съ Германіей и Франціей, а тѣмъ болѣе до 400—500 милл.—цифры, при которой мы догоняемъ Швецію или Бельгію. Словомъ, возможность образовать у себя достаточный для безостановочнаго развитія капиталистическаго горнаго производства контингентъ рабочихъ лежитъ въ такомъ отдаленномъ и потому сомнительномъ будущемъ, что строить на этой возможности какія-либо практическія мѣропріятія было бы непростительной необдуманностью.

Еще въ болѣе шаткомъ положеніи находятся другія отрасли механическаго дѣла, водворившіяся у насъ позже горной части и разсчитанныя для болѣе развитой промышленной жизни. Какой контингентъ свободныхъ спеціалистовъ-техниковъ создадутъ, напримѣръ, наши несчастные 4 паровозные завода? Имъ впору каждому воспитать рабочихъ только для самого себя, а о будущихъ заводахъ пускай ужь позаботится Господь Богъ! Впрочемъ, гдѣ же эти будущіе заводы, къ чему они намъ? Если наши желѣзныя дороги станутъ расти даже съ такой быстротой, съ какой онѣ строились въ минувшее двадцатилѣтіе (а желѣзнодорожная горячка вѣдь теперь остываетъ), то намъ за глаза будетъ достаточно прибавлять каждое пятилѣтіе по одному новому локомотивному заводу, и то если старые, расширяя свои обороты, не возьмутъ на себя снабженіе паровозами и вновь построенныхъ путей. Не жить же это время рабочимъ-спеціалистамъ го-

[1] Антиповъ, id., стр. 4.

лодомъ, а потому, если бы паровозные рабочіе и приготовлялись ежегодно въ какой-нибудь лабораторіи, то за отсутствіемъ на нихъ спроса, они бы пристраивались къ другимъ, сходнымъ занятіямъ.

У насъ создалась привычка, говоря о промышленномъ прогрессѣ въ Россіи, прилагать различныя точки зрѣнія къ земледѣлію и фабрично-заводскому промыслу. Когда заходитъ рѣчь о замѣнѣ у насъ экстенсивнаго земледѣлія интенсивнымъ, находится значительное количество лицъ, понимающихъ невозможность большого шага впередъ въ этомъ направленіи и разъясняющихъ, что развитіе указанной отрасли человѣческаго труда находится въ зависимости отъ общаго культурнаго развитія страны и въ частности отъ скученности населенія, распредѣленія труда между сельскимъ хозяйствомъ и другими промыслами, высоты ренты, дешевизны капитала, рабочихъ и пр. Но коль скоро начнутъ высказываться различныя пожеланія, относящіяся къ заводско-фабричному дѣлу, его настоящей постановкѣ въ Россіи и желательному будущему—нѣтъ никого, кто бы охладилъ разыгравшуюся фантазію, и она продолжаетъ свободно рисовать роскошныя картины, долженствующія замѣнить сѣренькіе виды настоящей дѣйствительности, заимствуя образцы и краски съ милаго Запада, забывая различіе нашей исторіи, нашихъ особенностей общественныхъ, топографическихъ и другихъ, какъ будто бы весь успѣхъ дѣла зависитъ только отъ сознанія его выгоды и добраго желанія. Повидимому, наша мысль спотыкается здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что мы сознаемъ возможность построить одинъ, нѣсколько заводовъ, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ новѣйшей техники, въ странахъ, далеко отставшихъ въ промышленномъ отношеніи; и, несмотря на дисгармонію, существующую между этими заводами и общимъ тономъ промышленной жизни, они тѣмъ не менѣе будутъ исполнять дѣло, для котораго созданы. Всѣ забываютъ тѣ искуственныя средства, которыми были водворены эти два, три чуждыя растенія, недостаточно оцѣниваютъ тѣ жертвы, которыя несетъ для ихъ поддержанія общество; всѣмъ кажется, что если нѣсколько такихъ искуственныхъ насажденій и представляютъ довольно жалкое подражаніе высокимъ образцамъ болѣе развитыхъ странъ, ложащееся значительной тяжестью на шею плательщиковъ, то цѣлая масса ихъ, хотя бы насажденная столь же искуственно, вскорѣ водворится здѣсь какъ у себя дома, сольется въ одно цѣлое съ остальными проявленіями общественно-экономической жизни, какъ будто бы она естественно изъ нихъ выросла. Не договариваютъ только, кто

кого переработаетъ и какимъ образомъ примирятся въ жизни противорѣчія, непримиримыя въ теоріи: напримѣръ, создадутъ ли вновь насажденныя хотя бы въ Россіи капиталистическія предпріятія тѣ сотни тысячъ верстъ желѣзныхъ путей и милліоны шоссейныхъ, которыя, какъ мы видѣли, необходимы для ихъ процвѣтанія, или же сами они, по щучьему велѣнію и нашему прошенію, измѣнятъ свои свойства капиталистическихъ предпріятій, приноравливаясь къ требованіямъ окружающей обстановки?

Общественная мысль достаточно освоилась съ тѣмъ положеніемъ, что развитіе интенсивныхъ системъ земледѣлія становится естественнымъ явленіемъ въ то время, когда скученность населенія достигнетъ извѣстныхъ предѣловъ. Хотя при такомъ утвержденіи имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, невозможность прежнимъ экстенсивнымъ хозяйствомъ прокормить размножившееся населеніе, занимающее извѣстную площадь, но для введенія интенсивнаго земледѣлія необходимо существованіе и другихъ условій, обыкновенно развивающихся параллельно съ ростомъ населенія. Именно, такъ какъ возвышеніе сельско-хозяйственной культуры сильно подымаетъ производительность труда, вслѣдствіе чего одинъ земледѣлецъ начинаетъ добывать хлѣба для прокормленія нѣсколькихъ человѣкъ, то для возможности такого возвышенія необходимо широкое распространеніе другихъ родовъ промышленности, рабочіе которыхъ явились бы потребителями продуктовъ развивающагося земледѣлія. Затѣмъ, такъ какъ съ описаннымъ измѣненіемъ промышленной жизни общества, съ диференцированіемъ производства и развитіемъ общественной формы труда связано и усиленіе обращенія товаровъ, (торговля), ибо каждый работаетъ здѣсь для продажи, то вмѣстѣ съ процессомъ возвышенія сельско-хозяйственной культуры должно идти улучшеніе путей сообщенія, безъ котораго немыслимъ и прогрессъ земледѣлія. Такое улучшеніе путей сообщенія есть также естественный результатъ размноженія населенія и происходящаго оттого оживленія спошеній между поселеніями. Такимъ образомъ, размноженіе населенія, развитіе и диференцированіе производства, упорядоченіе путей сообщеній и многія другія явленія культурной жизни связаны другъ съ другомъ неразрывной цѣпью, и первенствующимъ здѣсь является первое, т.-е. скученіе населенія.

Указанная зависимость того или другого положенія промышленности отъ скученности населенія не всѣми признается даже относительно земледѣлія; что же касается заводско-фабричной части, то здѣсь она постоянно упускается изъ виду. Но если ее

можно игнорировать при построеніи плановъ скорѣйшаго обогащенія Россіи крупными капиталистическими предпріятіями, то она даетъ себя знать, когда отъ теоріи приходится перейти къ практикѣ. Это именно и случилось въ недавнее время на югѣ Россіи, при водвореніи тамъ чугунно-плавильнаго и каменноугольнаго производства. По мнѣнію нашихъ публицистовъ капитализма, почему бы тамъ и не цвѣсти названнымъ отраслямъ промышленности — вѣдь залежей угля и рудъ здѣсь видимо невидимо. Когда же пришлось осуществлять розовыя предположенія, то оказалось, что «не легко создать промышленность въ пустомъ мѣстѣ; прежде всего нужно создать тамъ жизнь, а чтобы создать жизнь — нужно извѣстное время. Безъ этихъ условій нельзя серьезно приступать къ постройкѣ заводовъ и ожидать отъ нихъ правильныхъ дѣйствій. Д. А. Пастуховъ, какъ живой свидѣтель, можетъ подтвердить, а также г. Юзъ (единственные, прибавимъ, частные желѣзные заводчики на югѣ), что они испытали на югѣ Россіи. Нужно было найти известь, сдѣлать кирпичъ, разработать каменный уголь (все это, замѣтимъ, должно быть сдѣлано мѣстными жителями—будь это край заселенный); одна постройка жилыхъ помѣщеній для рабочихъ стоила г. Юзу нѣсколькихъ тысячъ рублей. Онъ долженъ былъ это сдѣлать, чтобы привлечь рабочихъ, а между тѣмъ рабочіе, живущіе на квартирѣ у хозяина, не могутъ быть такъ дешевы, какъ имѣющіе свою осѣдлость. Живущимъ на заводѣ одни харчи обходятся въ мѣсяцъ minimum 7—8 руб., между тѣмъ, какъ работающимъ на Лубанскомъ заводѣ (имѣющимъ собственную осѣдлость) харчи обходятся 1—2 р.» [1]). Такое положеніе дѣлъ и заставило сунувшихся въ воду, не спросясь броду, южныхъ горнозаводчиковъ на съѣздѣ въ Таганрогѣ постановить слѣдующій рядъ ходатайствъ передъ правительствомъ, имѣющихъ цѣлью то созданіе жизни, о которомъ говорится въ выше приведенной выпискѣ: «привлеченіе къ дѣлу рабочихъ силъ и возможное облегченіе переселенія ихъ на югъ Россіи; различныя льготы переселенцамъ; заселеніе казенныхъ земель Екатеринославской губерніи и выгодныхъ участковъ въ Донецкой области» [2]).

Здѣсь будетъ кстати указать на противорѣчіе, существующее между практическими дѣятелями на различныхъ поприщахъ промышленной жизни и нашими публицистами извѣстнаго лагеря:

[1]) Матеріалы комиссіи для пересмотра постановленій о таможенныхъ пошлинахъ. Отзывы заводчиковъ и техниковъ, стр. 9—10.

[2]) Труды съѣзда машиностроителей, выпускъ 2, засѣданіе I-го отдѣленія. стр. 50—51.

послѣдніе чуть не всѣ бѣды нашей экономической жизни приписываютъ истощенію земли экстенсивнымъ хозяйствомъ крестьянъ, а первые однимъ изъ главныхъ неблагопріятныхъ явленій южнаго хозяйства считаютъ чрезмѣрную рѣдкость населенія, препятствующую эксплуатировать всю землю даже господствующими экстенсивными системами. Эта рѣдкость населенія признается задерживающимъ успѣхи промышленной жизни юга элементомъ какъ горнопромышленниками, такъ и сельскими хозяевами, тоже ходатайствовавшими о заселеніи степей.

И такъ, идя капиталистическимъ путемъ, мы не создадимъ у себя высоко-развитой механической промышленности. Мы не имѣемъ внѣшняго рынка для своихъ продуктовъ, а внутренній сбытъ такъ незначителенъ, что не можетъ дать пищи для конкурренціи, — этого рычага промышленнаго прогресса, при капиталистической организаціи общества. Столь же тщетно будетъ надѣяться и на развитіе спеціализаціи производства, безъ которой, однако, немыслимо приготовленіе дешевыхъ и хорошихъ продуктовъ, а также на созданіе постояннаго запаса искусныхъ рабочихъ. Весьма ограниченное, сравнительно съ громадными размѣрами страны, производство не въ силахъ построить и поддерживать всю ту массу желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, какая необходима для сноснаго существованія капитализма, а безъ этого условія значеніе внутренняго запроса на продукты еще болѣе съуживается; страна разбивается на нѣсколько округовъ, изъ которыхъ каждый будетъ имѣть свою промышленность (по крайней мѣрѣ, это нужно сказать о громоздкихъ продуктахъ); поэтому рынокъ каждой серіи заводовъ еще съузится, условія для конкурренціи, спеціализаціи производства и проч. еще болѣе ухудшатся (припомнимъ, что этому обстоятельству обязанъ своимъ существованіемъ настоящій характеръ заводовъ, приготовляющихъ земледѣльческія орудія, которые берутся за все и все исполняютъ худо) и т. д. Поэтому, мы никогда и не добьемся, чтобы наше капиталистическое производство возвысилось до того уровня, на какомъ оно стоитъ въ Европѣ.

Наши противники могутъ сказать, что они и не думаютъ догонять Европу, что они почтутъ себя совершенно удовлетворенными, если Россія собственными средствами станетъ добывать все то, что теперь она выписываетъ изъ-за границы. При такой постановкѣ вопроса, наше обычное отношеніе къ капитализму существенно измѣняется: онъ уже не станетъ играть въ нашихъ глазахъ роль цѣльной экономической системы, долженствующей получить первостепенное значеніе въ промышленной организаціи

страны; мы будемъ его считать одною изъ формъ, которою, какъ и многими другими, воспользуется, можетъ быть, жизнь для своихъ прогрессивныхъ цѣлей. Съ этой точки зрѣнія, задача сознательнаго вмѣшательства въ промышленное развитіе Россіи сводится вовсе не на рѣшеніе вопроса: какими мѣрами содѣйствовать скорѣйшему превращенію въ крупныя капиталистическія предпріятія, организованныя по всѣмъ правиламъ техники, одной за другой, всѣхъ отраслей промышленности? Еще раньше предстоитъ узнать, какія изъ различныхъ производствъ безъ ущерба дѣлу промышленнаго прогресса можно отдать подъ руководство капитала. Большая часть отраслей русской промышленности не вынесетъ такого испытанія: неблагопріятныя климатическія, историческія и общественно-экономическія условія препятствуютъ капиталу получить въ Россіи то значеніе, къ какому онъ привыкъ на Западѣ; но въ нѣкоторыхъ производствахъ онъ найдетъ себѣ болѣе или менѣе удобное мѣстечко. Сюда относятся, напримѣръ, тѣ изъ нихъ, которые приготовляютъ продукты общаго употребленія, такъ что одного внутренняго сбыта достаточно для болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ производства; при этомъ требуется еще, чтобы уровень техническаго развитія данной промышленной отрасли былъ слишкомъ высокъ для кустарной организаціи. Затѣмъ благопріятными для захвата капиталомъ являются тѣ отрасли производства, которыя, по размѣрамъ основного и оборотнаго капитала, недоступны мелкому производителю, но которыя въ тоже время не очень сложны, слабо подчинены регулирующему вліянію науки (всего лучше, если онѣ еще не вышли изъ мануфактурной стадіи развитія) и гдѣ поэтому измѣненіе способовъ производства совершается медленно, такъ что слѣдить за ними въ состояніи и нашъ тяжелый на подъемъ капитализмъ. Но совершенно непосильными русскому капиталу оказываются тѣ промыслы, которые распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ производствъ, въ сильной степени подчиненныхъ воздѣйствію науки и потому достигшихъ высокой технической сложности. Здѣсь улучшенія слѣдуютъ одно за другимъ съ такой быстротой, что слѣдить за ними капиталу мыслимо лишь при такомъ напряженіи свободной конкурренціи, какое можетъ развиться не иначе, какъ при существованіи огромнаго рынка для продуктовъ производства. Къ такимъ отдѣламъ промышленности относится механическая часть, и еслибы судьба производства опредѣлялась исключительно участіемъ, принимаемымъ въ немъ капиталомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что механическая промышленность была бы для Россіи вѣчной terra

incognita или, водворившись у насъ, при помощи покровительственной политики, она представляла бы очень жалкую пародію на настоящее производство.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны оставаться въ вѣчной зависимости отъ иностранцевъ или довольствоваться дорогими и низко-качественными продуктами отечественной фабрикаціи, а другого выхода намъ такъ и не найти? Вопросъ этотъ сводится на другой: руководство капитала — есть ли единственный свѣточъ промышленнаго прогресса?

Развитіе промышленности, замѣна отсталыхъ способовъ производства усовершенствованными на Западѣ является результатомъ борьбы частныхъ интересовъ отдѣльныхъ заводчиковъ. У насъ, въ механической отрасли промышленности, этой борьбы не существуетъ, а судя по размѣрамъ сбыта, она и не можетъ развиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Слѣдовательно, обычный двигатель промышленнаго прогресса къ намъ неприложимъ; нашъ капитализмъ лишенъ того рычага, помощью котораго его западный собратъ перевернулъ экономическую организацію Европы и возвысилъ ея промышленность до наблюдаемой высоты. А безъ указаннаго рычага-конкурренціи — онъ теряетъ всякое прогрессивное значеніе: изъ формы, исторически необходимой для промышленнаго прогресса, какимъ капитализмъ фигурируетъ на Западѣ, у насъ онъ превращается въ форму эксплуатаціи народнаго труда въ частныхъ интересахъ небольшого кружка лицъ, не играющихъ никакой исторической прогрессивной роли, а скорѣе стоящихъ тормазомъ на пути правильнаго развитія промышленной жизни.

Но мыслимъ и иной путь промышленнаго прогресса: рычагомъ его можетъ являться или стремленіе сократить и облегчить трудъ работающихъ (такъ какъ такой результатъ есть неизбѣжная черта развитія техники), если работники суть въ тоже время и хозяева предпріятія, или сознаніе пользы предлагаемаго улучшенія для дѣла, т.-е. для общества. Первый способъ приложимъ въ настоящее время къ тѣмъ производствамъ, которые легко доступны для артельной организаціи, къ числу послѣднихъ не принадлежитъ механическое дѣло, и потому къ нему долженъ быть приложенъ второй способъ. Для этого необходимо, чтобы производство находилось въ рукахъ учрежденія, нестолько заинтересованнаго въ его минутныхъ матеріальныхъ успѣхахъ, сколько заботящагося о прочной постановкѣ дѣла и относящагося къ вопросу съ точки зрѣнія общественной пользы. Такимъ учрежденіемъ является правительство; оно и должно завѣдывать инте

ресующими всѣхъ въ настоящее время промышленными предпріятіями. Въ Россіи такъ оно и было до послѣдняго времени: наша крупная промышленность явилась на свѣтъ Божій по желанію правительства, и нѣкоторыя ея отрасли на половину оставались въ его прямомъ завѣдываніи, другія оно поддерживало пособіями и заказами. Наша интеллигенція, однако, относилась неодобрительно къ казеннымъ заводамъ и до самаго послѣдняго момента агитируетъ въ пользу перехода ихъ въ частныя руки; въ томъ же смыслѣ высказался и съѣздъ машиностроителей. Такое отношеніе къ казеннымъ заводамъ есть естественный результатъ капиталистическаго міросозерцанія общества, и оно раціонально постольку, поскольку имѣетъ смыслъ послѣднее. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, частная промышленность выгоднѣе правительственной, такъ какъ она, находясь въ непосредственномъ распоряженіи полныхъ собственниковъ предпріятій, можетъ быстрѣе слѣдовать за успѣхами техники, скорѣе двигаться по пути прогресса; второе ея преимущество заключается въ томъ, что, подчиняясь законамъ соперничества, частная промышленность обходится дешевле казенной, ея продукты стоятъ меньше. Все это совершенно вѣрно; но оно имѣетъ значеніе для частной или, что тоже, для капиталистической промышленности, развившей всѣ присущія ей свойства, а не застывшей, какъ наша, въ зачаточной формѣ. Выдающимися чертами нашего капиталистическаго производства и являются именно его неподвижность и дороговизна, и такъ какъ обѣ эти стороны зависятъ отъ недостаточнаго сбыта, являющагося, въ свою очередь, результатомъ закрытія для русской промышленности международнаго рынка, занятаго раньше вставшими на путь прогресса сосѣдями; такъ какъ существующая преграда между нашимъ производствомъ и внѣшнимъ рынкомъ сохранитъ, вѣроятно, все свое значеніе на очень и очень продолжительное время, то ждать исправленія нашего капитализма и до тѣхъ поръ испытывать на своей шкурѣ только остроту его шиповъ будетъ по отношенію къ нему излишней деликатностью и большой ошибкой передъ исторіей.

И такъ, раньше, чѣмъ артельная организація охватитъ механическую отрасль промышленности, послѣдняя, вѣроятно, перейдетъ въ казенное завѣдываніе. На этотъ путь дѣло постоянно стремится стать само собой, а мы съ своей близорукостью гнемъ его въ противоположномъ направленіи: казна призываетъ къ жизни и разнообразными мѣрами поддерживаетъ отдѣльныя частныя предпріятія; тѣ, потоптавшись на мѣстѣ и перемѣнивъ нѣсколькихъ хозяевъ, отдаются съ руками и ногами казнѣ, а

эта послѣдняя, вмѣсто того, чтобы послушаться голоса судьбы, начинаетъ сказку о бѣломъ бычкѣ и пріискиваетъ для заводовъ новыхъ хозяевъ. Но дѣло, такимъ образомъ, не можетъ тянуться вѣчно: сказка надоѣстъ и самому разсказчику. Правительство побьется еще нѣкоторое время, пробуя различныя мѣропріятія въ пользу капитализма, затратитъ немалое количество рублей ради упроченія этой формы промышленной организаціи, но затѣмъ, видя, что желанная экономическая независимость Россіи отъ иностранцевъ не наступаетъ, что крупное производство держится все равно лишь внѣшней поддержкой и все равно поглощаетъ народныя средства — какъ прямо получая ихъ отъ правительства, такъ и косвенно вытягивая ихъ съ потребителей подъ видомъ платы за издѣлія, часть которой при покровительственномъ тарифѣ на самомъ дѣлѣ есть пошлина въ пользу внутренняго производителя — правительство, говоримъ, убѣдится, наконецъ, въ тщетѣ надежды пересадить къ намъ западно-европейскіе порядки и должно будетъ или предоставить крупныя предпріятія ихъ естественной судьбѣ, что значитъ обречь ихъ на погибель, либо прямо возьметъ ихъ въ свое завѣдываніе. Производство отъ этого, можетъ быть, и не подешевѣетъ значительно, но за то будетъ достигнуто нѣсколько весьма важныхъ результатовъ: во-первыхъ, производство оспеціализируется и станетъ, хотя медленнѣе европейскаго, слѣдить за успѣхами техники; во-вторыхъ, судьба рабочихъ будетъ обезпечена, такъ какъ казна, не гоняясь за прибылями, можетъ давать имъ вознагражденіе, достаточное для сноснаго существованія, понемногу пріучать ихъ къ управленію предпріятіемъ, дабы впослѣдствіи передать въ ихъ руки все веденіе дѣла; этимъ пріемомъ будетъ достигнута и другая цѣль, недоступная частному производству: будетъ созданъ постоянный контингентъ искусныхъ рабочихъ, крѣпко связанныхъ съ заводомъ; въ-третьихъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдуетъ и передача въ руки правительства и желѣзныхъ дорогъ, то изсякнетъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ накопленія капитала; накопленіе это, имѣя извѣстное значеніе на Западѣ, лишено всякаго смысла въ Россіи: сосредоточенный такимъ образомъ капиталъ не пойдетъ у насъ на дѣло прогрессивнаго развитія промышленности—на организацію высшей формы производства, — а станетъ служить исключительно для эксплуатаціи массы населенія въ интересахъ небольшого кружка счастливцевъ. Это не настолько почтенная цѣль, чтобы ради ея стоило поддерживать и развивать процессъ образованія капитала.

Но не утопія ли все это, скажетъ читатель? Исправится ли

дѣло съ переходомъ въ руки казны; сдѣлаются ли его руководителями люди талантливые, способные организовать производство по всѣмъ правиламъ техники; будетъ ли администрація заводовъ заботиться о благосостояніи рабочаго и не станетъ ли она напротивъ того урѣзывать всякій его кусокъ съ цѣлью наполненія собственнаго кармана; такимъ образомъ, процессъ накопленія капитала не перемѣнитъ ли только внѣшнюю оболочку, и капиталистъ-казнокрадъ не займетъ ли мѣсто современнаго дѣльца?

Да, читатель! Если бы завтра исполнилось то, что мы проэктируемъ, то именно по твоему бы и вышло. Хищные инстинкты такъ сильны въ современномъ обществѣ, что въ той или иной формѣ — а ближайшее будущее принадлежитъ имъ. Но это-то хищническое направленіе общества и послужитъ препятствіемъ скорому выполненію нашего проэкта; ибо указанная переорганизація промышленности поведетъ къ уничтоженію обычныхъ пріемовъ, которыми до сихъ поръ хищничество питалось, а тамъ еще жди, когда и какъ выработаются новыя орудія хищенія и попадутъ ли онѣ въ твои руки! Современные руководители хищниковъ, повторяемъ, воспрепятствуютъ перемѣнѣ, ближайшимъ результатомъ которой было бы измѣненіе формы хищенія.

Указанное преобразованіе промышленности тогда проявитъ свои благодѣтельныя послѣдствія, когда измѣнится все направленіе нашей общественной жизни, когда сдѣлается общепризнаннымъ, что руководство капитала и связанныя съ нимъ привилегіи составляютъ зло русской жизни и что прогрессивное развитіе страны возможно лишь при отсутствіи всякихъ стѣсненій для проявленія народной дѣятельности и при строгомъ преслѣдованіи общественными учрежденіями принципа пользъ рабочаго населенія, принципа, незатемняемаго никакими другими болѣе или менѣе почтенными формулами. Тогда отыщутся и нынѣ отсутствующіе честные и талантливые дѣятели, которымъ можетъ быть поручено преобразованіе нашего капиталистическаго производства въ государственное и артельное.

Курьёзна, въ самомъ дѣлѣ, судьба русскаго капитализма: мы носимся съ нимъ, какъ съ писаной торбой, стараемся, чтобы русскій предприниматель, при помощи русскихъ капиталовъ и рабочихъ, избавилъ Россію отъ необходимости обращаться за всякой вещью за-границу, но труды наши вознаграждаются тѣмъ, что вмѣсто поднятія русскаго капиталистическаго производства мы множимъ у себя иностранныхъ капиталистовъ. Еще на съѣздѣ машиностроителей было высказано опасеніе, что чрез-

мѣрнымъ покровительствомъ отечественной промышленности мы только приманимъ къ себѣ иностранныхъ капиталистовъ, которые вмѣсто русскихъ и станутъ собирать плоды заботъ правительства о нашей промышленности. Тамъ же разъяснялась и нерацiональность подобныхъ опасеній, ибо результатомъ вмѣшательства иностранцевъ въ русскую жизнь будетъ лучшее искусство нашихъ рабочихъ. Но чтобы ни дали намъ иностранцы, это не послужитъ на пользу русскому капитализму; мало его утѣшаютъ и покровительственныя мѣропрiятія правительства: онъ остается все тѣмъ же неподвижнымъ, непредпрiимчивымъ, когда дѣло коснется производства, и оживляется только въ сферѣ обращенія товаровъ. А производство попрежнему двигается иностранцами, и, судя по фактамъ послѣдняго времени, можно предположить, что они дѣйствительно думаютъ заполонить Россію. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ о скольких новыхъ предпрiятiяхъ иностранныхъ капиталистовъ въ Россiи встрѣчаемъ мы извѣстія только въ лѣтнихъ номерахъ газетъ.

Французская компанія, вмѣстѣ съ однимъ кiевскимъ негоціантомъ, намѣревается эксплуатировать лѣсныя богатства Россiи, для чего она пріобрѣла уже участокъ въ 200 тыс. десятинъ по р. Припети и думаетъ здѣсь устроить заводы; стеклянный, для древесной массы, папки и проч.; еврейско-французская компанія торгуетъ громадные чугунно-плавильные и желѣзодѣлательные заводы Губина, заложенные въ сохранной казнѣ за 3 мил. р. с.; конкурентомъ ей является кунгурскій купецъ Губкинъ: для разработки богатыхъ залежей магнитной руды и желѣзнаго блеска въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, образуется общество при участіи французскихъ капиталистовъ; французская акціонерная компанія заполучила въ свои руки и криворожскія рудныя мѣсторожденія. Нефтяное дѣло переходитъ въ руки американцевъ; они проѣхали въ Баку, гдѣ вѣроятно пріобрѣтутъ землю недавно раздѣленной между различными высокопоставленными лицами балаханской нефтяной площади; на другомъ концѣ Кавказскаго перешейка, въ Черноморскомъ округѣ, къ нефтяному дѣлу примазался тоже американецъ, какой-то Тведель. Въ Крыму ищетъ нефть французская компанія. Даже Сибирью, и тою не брезгаютъ иностранные капиталисты; такъ въ Томскъ «пріѣхали какіе-то датчане, обладающіе капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ рублей и намѣревающіеся строить въ Томскѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири разные заводы и открывать разныя промышленныя заведенія». Во истину правъ былъ г. Голубевъ, предсказывая на съѣздѣ,

что «одолѣютъ насъ силы иноземныя». Но одолѣютъ онѣ собственно не насъ, а нашихъ капиталистовъ.

ГЛАВА III.

КАПИТАЛИЗАЦІЯ КУСТАРНАГО ПРОМЫСЛА.

Промышленность извѣстныхъ намъ странъ, достигнувъ нѣкоторой ступени своего развитія, продолжаетъ его уже по преимуществу капиталистическимъ путемъ: мелкая мастерская самостоятельнаго ремесленника уступаетъ свое мѣсто заведенію съ наемными рабочими. Но для возможности такого процесса долженъ былъ предварительно совершиться другой—процессъ разобщенія мелкихъ производителей со средствами производства, которыя бы сосредоточивались въ рукахъ сравнительно незначительной кучки людей: это—такъ-называемое первоначальное накопленіе. Лишь незначительной частью оно обязано тому, что экономисты называютъ «воздержаніемъ» и «сбереженіемъ». Дѣйствительно, мелкій ремесленникъ, при крайнемъ напряженіи своихъ рабочихъ силъ, таковомъ же ограниченіи потребностей и благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, можетъ сберечь, скопить сумму, достаточную для найма одного-двухъ рабочихъ. Но очевидно, что насколько первоначальное накопленіе зависитъ лишь отъ условій въ сферѣ производства и потребленія отдѣльныхъ ремесленниковъ, оно будетъ процессомъ крайне медленнымъ, не говоря уже о томъ, что для своего дальнѣйшаго развитія нуждается въ существованіи рабочаго, уже лишеннаго средствъ производства. Разумѣется, и появленіе такового можно объяснить пьянствомъ, лѣностью и т. п., но все это причины случайныя, и не отъ нихъ зависитъ историческій ростъ общества. Такъ-называемое первоначальное накопленіе имѣло въ своемъ основаніи не производственныя условія, часто даже вовсе не экономическія: завоеваніе одного народа другимъ; превращеніе самостоятельнаго крестьянина въ раба и крѣпостного; торговля, особенно международная, нерѣдко соединенная въ однѣхъ рукахъ съ прямымъ грабежемъ и почти всегда основанная на грабежѣ замаскированномъ; ссуда подъ огромные проценты—вотъ главнѣйшіе факторы *первоначальнаго накопленія*, создавшіе въ концѣ-концовъ капиталъ и готоваго продать свой трудъ рабочаго. Коль-скоро оба эти элемента капиталистическаго производства созданы, и послѣд-

нее въ должной мѣрѣ воспользовалось ихъ услугами, стало на ноги, оно уже перестаетъ нуждаться (при благопріятныхъ условіяхъ сбыта) въ чьей бы то ни было помощи; оно само въ себѣ носитъ условія, необходимыя для своего дальнѣйшаго процвѣтанія; процессъ капитализаціи производства, накопленіе идетъ тогда само собою. Народы, позже другихъ выступившіе на путь промышленнаго развитія, пользуются еще однимъ благопріятнымъ для этого условіемъ; у нихъ есть образцы, избавляющіе отъ необходимости идти ощупью, дающіе возможность смѣло и быстро подвигаться впередъ.

И такъ, въ странахъ, теперь вступающихъ на путь промышленнаго прогресса, послѣдній можетъ находиться подъ вліяніемъ одного, двухъ или всѣхъ трехъ слѣдующихъ условій:

1) Процессъ развитія общественной формы труда будетъ совершаться исключительно при посредствѣ капитала, образующагося *въ сферѣ самого производства.*

2) Кромѣ этого капитала, въ процессѣ приметъ участіе и другой, накопленный *инымъ путемъ*, привлеченный, можетъ быть, изъ-за-границы.

3) Наконецъ, организація промышленности будетъ совершаться подъ вліяніемъ какъ *иностраннаго* капитала, такъ и развитой тамъ техники.

Въ *первомъ* случаѣ развитіе промышленности будетъ медленное, но самое естественное: обобществленіе труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе его производительной силы станетъ совершаться постепенно, добываніе продуктовъ не будетъ сильно обгонять роста общественныхъ потребностей; предложеніе будетъ всегда соотвѣтствовать спросу, чѣмъ устраняется неизбѣжность кризисовъ со всѣми ихъ вредными послѣдствіями. Развиваясь при помощи *постороннихъ* капиталовъ, обобществленіе труда пойдетъ гораздо быстрѣе, столь же быстро возрастетъ его производительность; предложеніе товаровъ вѣчно будетъ идти впереди спроса на нихъ со стороны общества; промышленность станетъ нуждаться во внѣшнемъ рынкѣ, и самое ея развитіе дѣлается возможнымъ, лишь благодаря существованію послѣдняго. Но въ этой быстротѣ развитія лежатъ и причины ея слабыхъ сторонъ,—кризисовъ,—такъ тяжело отражающихся на рабочемъ населеніи. Еще въ сильнѣйшей степени это примѣнимо къ народамъ, пользующимся не только *внѣшними капиталами, но и чужими знаніями*, и быстрота развитія здѣсь капитализма была бы невообразима, привела бы къ неисчислимымъ бѣдствіямъ (для молодыхъ странъ, выступившихъ на путь промышленнаго прогресса), если бы не

произошло, наконецъ, столкновенія нѣсколькихъ государствъ, готовыхъ каждое только продавать, но не покупать, благодаря чему, всякому вновь возникающему капитализму при самомъ его появленіи на свѣтъ подрѣзываются уже крылья.

«И въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока одна Англія снабжала чуть не полміра произведеніями обработывающей промышленности, увеличеніе капитала могло казаться не имѣющимъ предѣловъ. Но разъ на этотъ же самый путь вступили и Франція, и Бельгія, и Германія, и Австрія, и другія государства, то откуда же взяться потребителямъ въ такомъ количествѣ, чтобы накопленіе капитала не подвергалось замедленію и *даже остановкѣ?* Вѣдь ограничены не одни только размѣры человѣческихъ желудковъ, какъ полагали Смитъ и Риккардо, но также и размѣры человѣческихъ кармановъ, или, по крайней мѣрѣ, карманы $^2/_3$ народонаселенія, служащихъ, въ качествѣ класса наемныхъ рабочихъ, однимъ изъ трехъ китовъ капитализма» [1]).

Вытекающая отсюда борьба за рынки между народами съ развитой уже промышленностью дѣлаетъ крайне труднымъ соперничество съ ними на томъ же поприщѣ народовъ молодыхъ, и чѣмъ позже страна вступаетъ на путь промышленнаго прогресса, тѣмъ эта трудность сильнѣе, тѣмъ больше препятствій для своего развитія встрѣчаетъ здѣсь капитализмъ. Если молодая Америка такъ блистательно выдержала борьбу со старой и опытной Англіей, то, не говоря уже о томъ, что ей пришлось бороться съ Англіей мануфактурной (а не фабричной), она пользовалась для этого англійскими же средствами; ея капиталы, населеніе, наука, это вѣдь англійскіе капиталы, населеніе, наука; это была борьба скорѣе двойниковъ, чѣмъ различныхъ странъ. Поэтому Америка не можетъ служить ободряющимъ примѣромъ для другихъ народовъ, а тѣмъ болѣе для начавшихъ развиваться гораздо позже.

Что же совершится въ такихъ мѣстностяхъ? какое направленіе приметъ экономическое развитіе народовъ, столкнувшихся съ промышленнымъ Западомъ и нежелающихъ превратиться въ его колоніи (въ экономическомъ смыслѣ), задача которыхъ поставлять сырье, а взамѣнъ получать продукты обработывающей промышленности?

Такая страна будетъ, безъ сомнѣнія, стараться насадить у себя крупную промышленность по образцу, имѣющемуся у нея передъ глазами, и усилія ея, разумѣется, не пропадутъ совер-

[1]) „Слово“, 1879 г., № 6, Н. Зиберъ „Экономическая теорія Маркса“, Ш. Оцѣнка теоріи машинъ.

шенно даромъ. Пользуясь пріемами, выработанными тѣми же промышленными странами — запретительными тарифами, ссудою правительственными капиталами частныхъ предпринимателей, предоставленіемъ имъ казенныхъ заказовъ и другими покровительственными мѣрами—она достигнетъ водворенія у себя крупной промышленности, но значеніе здѣсь послѣдней будетъ совершенно иное. Не имѣя возможности развиваться такъ, какъ требуетъ этого природа капитализма, послѣдній какъ появился, такъ и останется гостемъ, привлеченнымъ почти насильно, чувствующимъ себя не дома и потому не могущимъ оказать здѣсь того громаднаго вліянія на всѣ сферы жизни, какое онъ имѣлъ въ странѣ своего естественнаго зарожденія и процвѣтанія. Бокъ о бокъ съ нимъ будетъ существовать мелкое производство, будетъ продолжаться національный процессъ развитія общественной формы труда, тихое, естественное теченіе котораго было лишь слегка взволновано такимъ вмѣшательствомъ крупнаго капитала. Процессъ этотъ, насколько онъ совершается капиталистическимъ путемъ, пойдетъ, какъ мы видѣли, крайне медленно, ибо отсутствіе внѣшняго рынка мѣшаетъ ему развернуть всѣ свои силы. Весь запасъ опыта и все громадное развитіе техники, какіе онъ можетъ даромъ получить съ Запада — все это отразится на немъ очень мало по той же причинѣ. А если капитализація туземнаго производства пойдетъ такимъ черепашьимъ шагомъ, то есть надежда повернуть весь процессъ развитія общественной формы труда на народный путь, на путь артелей, гдѣ рабочіе трудятся не для возрастанія капитала, а для удовлетворенія собственныхъ потребностей, гдѣ стремленіемъ производства сдѣлается не безграничное его расширеніе, а сокращеніе труда работающихъ.

Раньше мы представили нѣсколько данныхъ и соображеній, наводящихъ на мысль, что капитализмъ не пріобрѣтетъ въ Россіи того значенія, какое онъ имѣлъ на Западѣ; при этомъ мы говорили главнымъ образомъ о крупной, фабричной, *перенесенной* къ намъ промышленности. Теперь воспользуемся матерьялами, изданными московской губернской земской управой, для ознакомленія съ процессомъ *развитія нашего національнаго капитализма*. Посмотримъ, какъ быстро совершается капитализація русскаго кустарнаго промысла, какой опасности подвергается здѣсь мелкое самостоятельное хозяйство; слѣдуетъ-ли пропѣть ему вѣчную память или можно надѣяться, что еще есть время и благопріятныя условія для того, чтобы повернуть процессъ развитія общественной формы труда на иной путь, что мысли, вы-

несенныя нами изъ разсмотрѣнія международной обстановки развитія капиталистическаго производства, подтверждаются и данными, почерпнутыми изъ жизни русскаго туземнаго капитализма.

Московская губернія представляетъ въ этомъ отношеніи то преимущество передъ массою другихъ, что, будучи одно изъ наиболѣе промышленныхъ и находясь въ условіяхъ, благопріятныхъ для сбыта, она (на ряду съ Владимірской, Нижегородской и др). должна отличаться и наибольшей капитализаціей кустарнаго промысла. Посмотримъ же, какой степени достигла капитализація тѣхъ производствъ, данныя о которыхъ уже находятся въ печати. Эти данныя сгрупированы въ двухъ изданіяхъ: «Промыслы Московской губерніи» А. Исаева, обнимающіе мебельное, столярное, металлическое и гончарное производства, и «Сборникъ Статистическихъ Свѣдѣній по Московской губерніи», отдѣлъ хозяйственной статистики, т. VI, вып. I, составленный В. Орловымъ и И. Боголѣповымъ, описывающій 8 промысловъ. Каждая статья, насколько возможно, подробно останавливается на исторіи промысла, его техникѣ и экономикѣ, условіяхъ закупки матеріала и сбыта продуктовъ, вліяній промысла на земледѣліе, умственное и нравственное состояніе населенія и проч.

Мебельный промыселъ нашелъ себѣ пріютъ въ 4-хъ волостяхъ Московскаго уѣзда и четырехъ же Звенигородскаго. Крестьяне изготовляютъ нетолько простые березовые стулья, но и лучшую мебель, которую московскіе торговцы выдаютъ своимъ покупателямъ за заграничную. Достаточно сказать, что ихъ произведенія идутъ, между прочимъ, въ магазинъ Шмита, считающагося торговцомъ наиболѣе изысканной мебели въ Москвѣ, и при омеблированіи Ильинскаго дворца въ лучшія комнаты была имъ, Шмитомъ, поставлена мебель, сдѣланная въ с. Ангеловѣ, Московскаго уѣзда.

Отсюда уже можно догадаться, что работа мебельщиковъ достаточно сложна, состоитъ изъ многихъ трудныхъ операцій и вполнѣ доступна раздѣленію труда, результатомъ котораго было бы значительное возвышеніе искусства производителей; это подтверждается еще и тѣмъ, что полный наборъ инструментовъ работника въ этой отрасли состоитъ изъ 70-ти различныхъ номеровъ. Несмотря, однако, на это, въ разсматриваемой области почти всецѣло господствуетъ ремесленный характеръ производства, и это тѣмъ интереснѣе, что подъ бокомъ, въ Москвѣ, есть мастерскія, основанныя на раздѣленіи труда, и нашимъ подмосковнымъ кустарямъ это хорошо извѣстно; по крайней мѣрѣ, они сами ссылаются на такія мастерскія въ доказательство вы-

годъ раздѣленія труда: «кто только и знаетъ, что полируетъ, тотъ дѣлается самымъ лучшимъ полировщикомъ», говорятъ они. И, однако, среди ихъ мало развито даже потоварное раздѣленіе труда: любая мастерская можетъ приготовить всякій сортъ мебели. Отсутствіе мануфактурнаго характера служитъ причиной, что промыселъ не попалъ всецѣло въ руки капитала, какъ это и видно изъ слѣдующихъ цифръ.

Въ мебельномъ районѣ существуетъ 708 самостоятельныхъ промышленныхъ единицъ, т.-е. изъ 4-хъ дворовъ населенія (всѣхъ дворовъ въ 8-ми волостяхъ 2,860) одинъ занимается издѣліемъ мебели; въ нѣкоторыхъ волостяхъ (Еремѣевская, Звенигородскаго уѣзда) число промышленниковъ доходитъ до 50%, въ другихъ (Аксиньинская, Ягунинская вол. того же уѣзда) промысломъ занимаются десятокъ, полтора дворовъ. Общее число работающихъ — 1,979 человѣкъ, изъ числа которыхъ трудятся по найму 846. Раздѣляя мастерскія по ихъ рабочему составу на пользующихся наемной силой, работающихъ цѣлой семьей и хозяевъ-одиночекъ, будемъ имѣть:

Мастерскихъ съ наемными рабочими	278	или	39,3%
Семейныхъ избъ	173	„	24,4 } 60,7%
Одиночекъ.	257	„	36,3 }

Мастерскія съ наемными рабочими составляютъ порядочный процентъ, около 40, но это не доказываетъ, что онѣ понемногу вытѣсняютъ небольшія заведенія. Это видно уже изъ того, что больше 10-ти рабочихъ имѣетъ только одна мастерская, т.-е. 0,4% и 93,5% держатъ менѣе 5-ти рабочихъ; въ среднемъ же на каждую мастерскую съ наемными рабочими приходится всего по три съ небольшимъ рабочихъ всѣхъ возрастовъ (1,8 взрослыхъ и 1,3 малолѣтнихъ). Но и такое соединеніе рабочихъ подъ главенствомъ капиталистовъ произошло не ради выгодъ сложной кооперації и не повело къ послѣдней, т.-е. результатомъ такой капитализаціи (хотя и слабой) промысла не было увеличеніе производительности труда, вслѣдствіе чего одинокій ремесленникъ имѣетъ полную возможность конкуррировать съ цѣлой мастерской. Трудность его положенія заключается, поэтому, не въ техническихъ условіяхъ производства, а въ экономическихъ и нравственныхъ особенностяхъ производителя, какъ земледѣльца и промышленника. Крайняя бѣдность одиночекъ и ихъ разрозненность не позволяетъ каждому изъ нихъ имѣть полнаго набора инструментовъ и отдѣльной избы для мастерской или завести то и другое сообща, артелью. Вслѣдствіе этого, онъ долженъ тратить время на отыскиваніе понадобившагося ему вдругъ орудія у сосѣда, а неимѣю-

щій большого помѣщенія принужденъ ограничиться производствомъ только негромоздкой мебели. Этими, чисто экономическими, а не техническими условіями производства объясняется и такое явленіе, что процентъ мастерскихъ съ наемными рабочими повышается, а одиночныхъ избъ понижается въ селеніяхъ, выдѣлывающихъ болѣе дорогую мебель. Раздѣленіе труда при этомъ играетъ столь подчиненную роль, что въ области кривой мебели, гдѣ оно развито всего больше, одиночныя избы составляютъ 35,3%, а мастерскія съ наемными рабочими—42,1%; въ области же крупной мебели первыхъ 27,7, а послѣднихъ 51,9. То есть въ отрасли мебельнаго промысла, всего больше приближающейся къ мануфактурѣ, типичная мастерская представляетъ изъ себя болѣе мелкую единицу, чѣмъ въ отрасли, гдѣ раздѣленіе труда развито меньше. Такое, съ перваго взгляда нелѣпое, явленіе сдѣлается намъ понятнымъ, если примемъ во вниманіе, что въ области кривья одинъ рабочій выдѣлаетъ въ годъ продуктовъ на 300 р., а въ округѣ крупной мебели на 500 р., т.-е. первая мастерская требуетъ затраты меньшаго капитала, чѣмъ вторая.

Такая организація производства въ техническомъ отношеніи ведетъ къ тому, что производитель-одиночка, а тѣмъ болѣе семейный, можетъ успѣшно конкуррировать съ самыми большими мастерскими, и слабѣйшія стороны промысла заключаются не въ сферѣ производства, а вытекаютъ изъ условій обмѣна: покупки матеріала и сбыта продукта. Такъ, главный матеріалъ, тесъ, обходится большимъ мастерамъ 13—14 р. за сотню тесинъ; среднимъ двумя рублями дороже; одиночкамъ же, покупающимъ по мелочамъ, въ 18—20 р., почти на 50% выше. Потеря еще увеличивается, когда они принуждены брать цѣнный матеріалъ (напримѣръ, орѣхъ) у торговцевъ, которымъ сбываютъ свою мебель, причемъ тѣ имъ, въ счетъ платы, всучаютъ и чай, и сахаръ, во все хотя бы имъ и ненужные. По отношенію къ сбыту всѣ вообще промышленники поставлены въ неблагопріятныя условія, такъ какъ магазины, покупающіе ихъ мебель, наживаютъ на ней 50—100%. Но и здѣсь мелкіе хозяйчики теряютъ еще больше, ибо не соглашаются ждать денегъ и должны продать свой товаръ сейчасъ же. Мы это легко поймемъ, если узнаемъ, что въ случаѣ нужды въ деньгахъ они ихъ могутъ достать не иначе, какъ за 5% въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе этого, мелкій производитель получаетъ за свой товаръ обыкновенно 10—15% меньше крупнаго. Такая двойная потеря (въ началѣ и концѣ производства) значительно ухудшаетъ положеніе мелкаго кустаря. Напримѣръ, матеріалъ для письменнаго стола стоитъ крупному

хозяину 13 р. 30 к., одиночкѣ же—17 р. 5 к.; продастъ его первый за 30 р., второй двумя-тремя рублями дешевле и получитъ доходу 10—11 р.; за работу же такого стола хозяинъ заплатитъ мастеру 8 руб., да на прокормленіе его уйдетъ 2 руб., всего 10 р. Слѣдовательно, самостоятельный производитель-одиночка выгадаетъ сравнительно съ наемными какой-нибудь рубль на вещи, за которой просидѣлъ около 2-хъ недѣль. Преимущество его заключается въ томъ, что, работая самостоятельно, онъ можетъ, удлинняя экстенсивно и интенсивно свой рабочій день далеко за предѣлы обыкновеннаго 13-ти часоваго дня наемнаго мастера, нагнать мѣсячный заработокъ на нѣсколько рублей выше. Еще хуже положеніе такъ-называемыхъ бѣлодеревцевъ, выдѣлывающихъ простые березовые стулья: дешевизна матеріала и техническая легкость производства привлекла къ этой отрасли мебельнаго промысла большое число самыхъ бѣдныхъ производителей, которые взаимнымъ соперничествомъ сильно сбиваютъ цѣны своихъ продуктовъ; паденіе ихъ, напримѣръ, передъ Рождествомъ и Святой, когда всякій старается зашибить лишнюю копейку къ празднику, доходитъ до 40%; между тѣмъ, какъ колебаніе цѣнъ крупной мебели не превышаетъ 10—12% ея основной стоимости.

Вслѣдствіе такихъ ненормальныхъ условій сбыта продукта, мелкій производитель никогда не знаетъ, сколько ему придется получить за свой товаръ; продажа его начинаетъ становиться тоже своего рода искусствомъ: торговецъ весьма небрежно указываетъ мастеру на недоброкачественность (часто фиктивную) товара, на невозможность вслѣдствіе отсутствія денегъ заплатить сейчасъ же; онъ «усердно дергаетъ за карнизы, рѣзьбу, и если отъ этого не слишкомъ нѣжнаго обхожденія отлетитъ какой-нибудь уголъ, то столяру не миновать весьма почтенной скидки. Если почему-либо скидку сдѣлать нельзя оффиціально, то торговецъ уплачиваетъ серіями, золотыми по высокому курсу и старинной истертой монетой, что влечетъ за собой для столяра нѣкоторую потерю. Когда всѣ эти средства пущены въ ходъ быть не могутъ, то нѣкоторые изъ мебельщиковъ прибѣгаютъ къ весьма своеобразному пріему: привозятъ, напримѣръ, мебель пять столяровъ; по русскому торговому обычаю, всѣ дѣла начинаются и оканчиваются чаемъ, и вотъ мебельщикъ зоветъ столяровъ въ въ трактиръ; пьютъ чай, и онъ платитъ за всѣхъ; затѣмъ, при разсчетѣ, вычитаетъ съ каждаго по 60—70 к., истраченныя на чай, и такимъ образомъ наживаетъ 3—4 р.» [1]).

---

[1]) „Промыслы Московской губ.“ А. Исаева, т. I, стр. 76.

Коль-скоро кустарникъ не отдастъ своего товара первому встрѣченному магазину,—ему не получить больше, проѣзди онъ хоть цѣлый день по Москвѣ: напрасно онъ старается въ слѣдующихъ магазинахъ показать, что еще никуда не заѣзжалъ, колеситъ для этого по улицамъ и переулкамъ—торговцамъ извѣстенъ этотъ маневръ. «Они знаютъ, что столяръ въ Москвѣ съ ранняго утра, что онъ уже заѣжалъ въ мебельныя лавки и, въ силу общеизвѣстности цѣнъ, даютъ ему за вещь никакъ не больше, а часто и меньше, чѣмъ далъ первый». Даже когда вещь нужна торговцу, онъ остается, повидимому, совершенно равнодушнымъ, но и столяръ не промахъ: онъ сводитъ дружбу съ приказчикомъ, поитъ его чаемъ и этимъ путемъ узнаетъ, когда и на его улицѣ можетъ быть праздникъ. Бѣлодеревцамъ, такъ тѣмъ и въ магазинахъ нѣтъ мѣста; они съ своимъ товаромъ располагаются на площади у Сухаревой башни, и здѣсь свободная конкурренція понижаетъ ихъ доходъ на 30—50%.

Еслибы мелкому кустарю можно было избѣжать только потерь ему одному присущихъ, при закупкѣ матеріала и сбытѣ продукта, то тогда заработокъ одиночки возвысился бы на 50%. На письменномъ столѣ, напримѣръ, такой кустарь теряетъ 2 р. при продажѣ и 3—4 р. при покупкѣ, всего 5—6 р. на 10 рублей своего заработка. Устраните только эти потери, и вы сдѣлаете излишнимъ то крайнее напряженіе силъ, къ которому побуждаетъ многихъ хозяевъ необходимость произвести возможно больше именно ради покрытія этихъ потерь. Это ведетъ, въ свою очередь, къ переполненію рынка товаромъ и къ еще большому паденію ихъ цѣны. Онѣ же служатъ причиною возможности существованія мастерскихъ съ наемными рабочими; столяръ, смотря по роду издѣлій, получаетъ у хозяина отъ 8—12 р. въ мѣсяцъ на его харчахъ—плата, хотя и порядочная, но въ условіяхъ производства нѣтъ ничего такого, что мѣшало бы ему получать гораздо больше въ качествѣ самостоятельнаго хозяина. Удерживаетъ его отъ перемѣны положенія именно необезпеченность сбыта; запросъ на мебель всего сильнѣе осенью, а кустари изготовляютъ ее, главнымъ образомъ, зимой, лѣто же посѣщаютъ земледѣлію; имѣй они возможность выждать, и этимъ устранилась бы еще одна изъ причинъ низкой цѣны ихъ продукта.

Такимъ образомъ, производство мебели, несмотря на столѣтія своего существованія, сохраняетъ всецѣло ремесленный характеръ и, вопреки разнымъ историческимъ соображеніямъ (не назовемъ ихъ законами), мелкое производство нетолько не падаетъ, а напротивъ, расширяется: не крупныя мастерскія поглощаютъ мелкія,

а мелкія выростаютъ изъ крупныхъ. «Въ 50-хъ годахъ, мастерская Зениныхъ—единственная тогда въ Лигачевѣ—насчитывала до 70 учениковъ и работниковъ и явилась весьма крупнымъ промышленнымъ заведеніемъ. Въ настоящее время всѣ четыре мастерскія Зениныхъ, образовавшіяся изъ одной, не имѣютъ болѣе 50-ти наемныхъ рабочихъ. Отчего такое уменьшеніе? Проведши черезъ стѣны своего заведенія нѣсколько сотъ лицъ и обучивъ ихъ ремеслу, Зенины создали себѣ соперниковъ, и съ половины 50-хъ годовъ стали открываться мастерскія одна за другой. Вначалѣ число ихъ увеличивалось медленно, но, *по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени, ихъ открывается все больше и больше*» [1]). Еслибы правительство и общество подарили мелкому промыслу хоть частичку того вниманія, съ какимъ они относятся къ процвѣтанію крупнаго производства; еслибы рядомъ съ этимъ были приняты мѣры къ земельному устройству промышленниковъ, то въ изслѣдуемомъ районѣ исчезли бы и существующіе теперь зачатки капитализаціи промысла. Бо́льшая часть тѣхъ 500 [2]) взрослыхъ рабочихъ, которые, при настоящемъ необезпеченномъ сбытѣ и другихъ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ своего положенія, не рѣшаются вести производство на свой страхъ, тогда бросили бы чужія мастерскія и сдѣлались самостоятельными хозяевами. Произошелъ бы интересный примѣръ полной декапитализаціи производства; и это, вѣроятно, случится въ будущемъ, такъ какъ покамѣстъ мы вовсе не замѣчаемъ технической трудности мелкому промышленнику соперничать съ крупнымъ, и интеллигенція имѣетъ время повліять на производителей такимъ образомъ, чтобы обобществленіе труда, когда придетъ тому время, произошло не капиталистическимъ путемъ. Пока замѣтимъ, что должны существовать основательныя причины, задерживающія процессъ капитализаціи описываемаго производства, и какъ на одну изъ такихъ причинъ мы укажемъ на подсобность промысла, на соединеніе въ одномъ лицѣ кустаря и земледѣльца.

Въ самомъ дѣлѣ, исключая района крупной мебели и отчасти кривья, гдѣ мастерскія закрываются только на время покоса—съ Казанской до Успенья—повсюду четыре мѣсяца лѣта посвящаются земледѣлію. Это значитъ, что капиталъ такъ мало пріоб-

---

[1]) Id., стр. 31.

[2]) Изъ 1979 человѣкъ, занятыхъ промысломъ, 846 наемныхъ рабочихъ, разпадающихся на 493 взрослыхъ и 353 малолѣтнихъ. Среди работающихъ членовъ семей взрослые составляютъ 894, малолѣтніе 209 душъ. Общая сумма годового производства 460,000 р. с.

рѣлъ власти надъ рабочимъ, что не можетъ заставить его трудиться по своему, а самъ подчиняется интересамъ рабочаго. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ какъ высокая, сравнительно, заработная плата, такъ и отсутствіе системы ея умепьшенія штрафами—truck-system. Но какъ заработокъ рабочаго, такъ и его независимость были бы еще больше, еслибы плохое состояніе земледѣлія не дѣлало необходимымъ заборъ у хозяина впередъ денегъ, что ведетъ къ прикрѣпленію его къ мастерской болѣе или менѣе насильно. Но и вышеизложеннаго достаточно, чтобы не опасаться за будущее мелкаго промышленника-мебельщика и нехвалиться развитіемъ капиталистическаго производства въ этой области.

О вліяніи промысла на благосостояніе населенія можно судить по тому, что тогда какъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ средняя недоимка на одного рабочаго равна 3 р., въ Еремѣевской его волости, гдѣ промыселъ распространенъ всего больше, недоимка не достигаетъ и 50 к. [1])

Столярный и токарный промыселъ (приготовленіе ящиковъ, катушекъ, балясъ для перилъ, мундштуковъ и проч.) распространенъ въ 11-ти деревняхъ Ягушевской волости Звенигородскаго уѣзда и 8-ми Орѣшковской Рузскаго. Въ одпѣхъ деревняхъ все населеніе сплошь занимается промысломъ, въ другихъ ему посвящаютъ свои силы только нѣсколько хозяевъ. Въ обѣихъ мѣстностяхъ промыселъ охватываетъ 274 двора и 576 человѣкъ работающихъ. Изъ числа промышленныхъ дворовъ 115 (42%) одиночныхъ избъ, 143 (52%) семейныхъ ассоціацій и 16 (6%) съ наемными рабочими, которыхъ всего 48 человѣкъ. Такимъ образомъ, описываемый промыселъ носитъ всецѣло ремесленный характеръ и, можно сказать, еще не началъ капитализоваться (наемный элементъ составляетъ 8,2% общаго числа работающихъ). Это обусловливается, во-первыхъ, дешевизной обзаведенія для самостоятельнаго хозяйствованія (инструменты стоятъ меньше 20 р.), общедоступностью матеріала (береза, ель) и лучшимъ состояніемъ земледѣлія. Послѣднее обстоятельство, давая нѣкоторое обезпеченіе производителю, позволяетъ ему быть до извѣстной степени внѣ зависимости отъ промысла, рискнуть производить на свой страхъ, вмѣсто того, чтобы обезпечить себя хотя бы меньшимъ (наемнымъ), но зато вѣрнымъ заработкомъ. Три-четыре мѣсяца, посвящаемые столяромъ земледѣлію, даютъ ему возмож-

[1]) Сборн стат. свѣд. по Моск. губ. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Т. II. Сводная таблица по Звенигородскому уѣзду. Для Московскаго уѣзда нѣтъ распредѣленія недоимокъ по волостямъ.

ность покрыть отъ 37 (Звенигородскомъ уѣздѣ) до 50% (Рузскомъ уѣздѣ) своихъ расходовъ [1]); остальные онъ добываетъ 8—9-тимѣсячнымъ занятіемъ промысломъ. $^1/_3$ — $^1/_4$ годоваго періода, посвященная земледѣлію, даетъ отъ $^1/_3$—$^1/_2$ годоваго заработка— земледѣліе оказывается болѣе выгоднымъ занятіемъ, нежели промыселъ. Зависимость самостоятельности промысла отъ состоянія земледѣлія видна еще изъ того, что изъ 48-ми наемныхъ рабочихъ 45 приходится на Звенигородскій уѣздъ (гдѣ земледѣліе поставлено хуже), что составитъ около 13% всѣхъ, занятыхъ въ этомъ уѣздѣ промысломъ (333 человѣка), тогда какъ въ Рузскомъ уѣздѣ изъ 240 промышленниковъ наемныхъ всего трое.

Такъ какъ описываемый промыселъ въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ истощенія лѣсовъ, падаетъ, то нѣкоторые промышленники урываютъ еще время на занятіе возкой дровъ, гонкой плотовъ и проч.

Кустари сбываютъ свои издѣлія въ Москву (хотя живутъ отъ нея на разстояніи 60—30 верстъ) торговцамъ или работаютъ на частныхъ заказчиковъ, особенно фабрикантовъ. Годичный оборотъ всѣхъ 19-ти деревень около 97,000 р. О вліяніи промысла на благосостояніе населенія можно судить по тому, что тогда какъ средняя по Рузскому уѣзду недоимка 10 р. на работника, въ Орѣшковской волости всего 3 р.; въ Ягунинской волости Звенигородскаго уѣзда недоимка около 70 к. (въ Звенигородскомъ уѣздѣ, какъ мы выше видѣли. 3 р.) [2]).

Промышленность, къ которой мы теперь переходимъ (металлическая), представляетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ отличается отъ предыдущей большей капитализаціей производства, присутствіемъ большаго числа чертъ, характеризующихъ мануфактуру. Здѣсь нужно различать двѣ главныя отрасли—желѣзную и мѣдную, которая, въ свою очередь, подраздѣляется на латунную и литейную.

Мѣдной промышленностью занято 16 деревень Новинской волости Богородскаго уѣзда, извѣстной больше подъ именемъ Загарья; желѣзный съ жестянымъ пріютился въ шести селеніяхъ Троицкой волости Московскаго уѣзда. Первый промыселъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ, но развился особенно сильно

---

[1]) Г. Исаевъ приводитъ бюджетъ средней семьи Звенигородскаго уѣзда, состоящей изъ 8-ми душъ и проживающей 333 р., изъ которыхъ земля даетъ 121 р., и семьи Рузскаго уѣзда, живущей сытно, но небогато, расходующей 302 р., изъ которыхъ земледѣліе (на 2 надѣлахъ) покрываетъ 150 р. „Промыслы Моск. губ.“, т. I, вып. 2.

[2]) Сборн. стат. св., т. II. Свободныя таблицы соотвѣтствующихъ уѣздовъ.

съ 1812 года, когда явился большой запросъ на мѣдныя пуговицы для войска, и многіе крестьяне изъ Загарья, работавшіе до того въ московскихъ мѣдныхъ заведеніяхъ, заручившись заказами, перебрались на родину, гдѣ и открыли самостоятельныя мастерскія. Лучше извѣстна исторія желѣзнаго промысла въ Троицкой волости. Онъ былъ занесенъ сюда изъ Москвы въ 1825 г.; сначала приготовлялись различныя издѣлія, между прочимъ и подносы, изъ матеріала, не имѣющаго ничего общаго съ желѣзомъ, изъ папье-маше; въ 30-хъ годахъ сбытъ бумажныхъ подносовъ сталъ затрудняться появленіемъ на рынкѣ сибирскихъ желѣзныхъ, и троицкіе ремесленники, не долго думая, припялись и сами за выдѣлку таковыхъ же, а въ послѣднее время прибавили сюда же и производство изъ жести пожардъ, досокъ для часовъ, церковныхъ свѣчъ и проч. О развитіи промысла во времени можно судить по тому, что изъ 29-ти заведеній, существующихъ въ настоящее время, всего 8 основано въ 25—30 гг., остальные 20 [1]) отъ 60—76 годовъ.

Всѣхъ работающихъ въ подносныхъ и жестяныхъ заведеніяхъ 340, на каждую мастерскую, слѣдовательно, приходится по 11,7 человѣкъ. Одиночныхъ и семейныхъ мастерскихъ всего 6 (20%), остальныя 80% употребляютъ наемныхъ рабочихъ; при этомъ до пяти человѣкъ держатъ 12 мастерскихъ или 40% всего ихъ числа, а выше 5—8 или 28%. Одиночныя и семейныя избы заняты почти исключительно выдѣлкою мелкихъ вещей изъ жести, лишь одна изъ нихъ (состоящая изъ четырехъ членовъ-работниковъ) приготовляетъ и подносы. Это даетъ намъ право заключить, что подносный промыселъ уже прошелъ ремесленную ступень и находится въ началѣ мануфактурнаго періода своего развитія, вслѣдствіе чего, для средней успѣшности производства, мастерская должна быть не ниже извѣстныхъ размѣровъ.

Въ мѣдно-промышленномъ районѣ значится 130 заведеній съ 716 работающими, т.-е. на каждое по 5,1. Одиночныхъ и семейныхъ мастерскихъ 54 или 38%, а 86 нанимаютъ 428 рабочихъ, по 5 на каждую; изъ послѣднихъ 64-хъ имѣютъ не больше 5-ти рабочихъ, а 8—больше 10-ти. Исключивъ 56 латунныхъ мастерскихъ съ 116-ю рабочими (по 2 на каждую), на 83 мѣдно-литейныхъ заведеній придется 600 работающихъ, т.-е. средняя мастерская состоитъ здѣсь изъ 7-ми человѣкъ. Отсутствіе самыхъ мелкихъ заведеній показываетъ, что и мѣдно-литейный промыселъ теряетъ уже ремесленный характеръ, но мы замѣчаемъ еще, что въ дѣлѣ капитализаціи онъ не достигъ

[1]) Одно исключаемъ, такъ какъ не показанъ годъ его основанія.

той ступени, на которой находится подносный (гдѣ средняя мастерская имѣетъ около 12-ти рабочихъ). Попробуемъ отыскать причины этого различія. Онѣ, во-первыхъ, не кроются въ размѣрахъ необходимаго для веденія дѣла капитала. Такъ, для мѣдно-литейнаго заведенія нужно имѣть зданіе подъ кузницу и печатню, токарный станокъ и разные мелкіе инструменты, на сумму 60 — 110 р.; подносное заведеніе для своего устройства требуетъ не больше; оборотный капиталъ въ обѣихъ отрасляхъ производства тоже приблизительно одинаковъ. Слѣдовательно, финансовая сторона дѣла не можетъ служить объясненіемъ преобладанія въ подносномъ производствѣ мастерскихъ большихъ размѣровъ. Посмотримъ на техническія условія обѣихъ отраслей металлическаго промысла. Въ мѣдно-литейной мастерской приготовляемая вещь проходитъ слѣдующія ступени развитія: *печатникъ*, вдавливая наполовину образецъ какой-либо вещи въ глину, наполняющую раму (ящикъ), покрываетъ ее (отверстіемъ внутрь) другой такой же, вслѣдствіе чего, по выпутіи образца, въ глинѣ того и другого ящика останется углубленіе, соотвѣтствующее формѣ приготовляемой вещи; форма эта *отливалой* наполняется расплавленной мѣдью. Черезъ нѣсколько часовъ, рамы разбираются и отлитая вещь поступаетъ на отдѣлку къ токарю, послѣ чего, если нужно, лудится. Искусство при этихъ операціяхъ требуется только отъ токаря, для остальныхъ работъ нужна лишь физическая сила; это дастъ возможность существовать мастерскимъ изъ 2—3 рабочихъ, но такія заведенія черезчуръ много теряютъ времени при переходахъ отъ одного занятія къ другому и существуютъ лишь благодаря крайнему напряженію своей рабочей силы. Нормальная мастерская, гдѣ бы каждый все время занятъ былъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, должна состоять изъ 10—11 человѣкъ: одного печатника, одного отливалы, пяти токарей, одного поддувала (для кузницы) и трехъ вертѣлъ (если токарный станокъ приводится въ движеніе не лошадиной силой).

Выдѣлка подносовъ начинается вырѣзываніемъ нужной величины листовъ желѣза, которые складываются 5 — 6 вмѣстѣ и *ковалъ* молоткомъ придаетъ всѣмъ имъ заразъ нужную форму. Потомъ подносы разбираются и идутъ къ *шпатлевщику*, красящему ихъ на черно, отъ шпатлевщика къ живописцу и, наконецъ, къ лакировщику и отдѣлывальщику. Хотя эта отрасль производства требуетъ бо́льшаго искусства со стороны работающихъ, чѣмъ мѣдно-литейная, но несовмѣстимыми въ одномъ лицѣ нужно считать только искусство коваля и живописца, а для наибольшей производительности труда подносная мастерская

должна состоять изъ девяти человѣкъ. И такъ, техническія особенности обоихъ промысловъ тоже не объясняютъ ихъ различія въ степени капитализаціи. Какъ величина капитала, такъ и размѣры мастерскихъ обоего рода для осуществленія наивысшей производительности труда должны быть одинаковы.

Нужно, однако, полагать, что въ дѣйствительности въ подносной мастерской строже проведено раздѣленіе труда, чѣмъ въ мѣдно-литейной (г. Исаевъ ничего объ этомъ не говоритъ) и потому-то здѣсь труднѣе существовать небольшому заведенію. Но какъ бы то ни было, а не въ экономическихъ и техническихъ условіяхъ обоихъ промысловъ кроется различіе въ степени ихъ капитализаціи, и за разъясненіемъ причинъ этого явленія нужно обратиться къ другимъ ихъ сторонамъ. Повторимъ, что подносный промыселъ въ отличіе отъ мѣднаго характеризуется запознымъ происхожденіемъ, большей капитализаціей и, можетъ быть, болѣе строгимъ проведеніемъ въ немъ принципа раздѣленія труда. Намъ кажется, что причина всѣхъ остальныхъ различій промысловъ кроется въ ихъ происхожденіи. Мы знаемъ, что первыя подносныя мастерскія были открыты богатыми лицами: Колобовъ и Вешняковъ (мастерская послѣдняго существуетъ въ деревнѣ Жестовѣ и по сіе время) имѣли свои заведенія сначала въ Москвѣ и потомъ перенесли ихъ въ деревню Жестово. Нужно полагать, что они сразу открыли здѣсь мастерскія солидныхъ размѣровъ и потомъ, когда пришло время замѣнить бумажныя издѣлія желѣзными, усвоивали пріемы послѣдняго ремесла тоже въ качествѣ капиталистовъ. Словомъ, капитализація этого промысла произошла не въ деревнѣ, а въ городѣ, и въ деревню-то онъ былъ занесенъ уже капитализованнымъ. Въ противуположность этому, извѣстный родоначальникъ мѣдно-литейнаго промысла, Русаковъ, до 12-го года работалъ въ московскомъ заведеніи въ качествѣ наемнаго, и потому уже былъ не въ состояніи повести дѣло на родинѣ, въ деревнѣ Крупиной, въ крупныхъ размѣрахъ — первыя мастерскія здѣсь, слѣдовательно, были маленькія. Неблагопріятныя для развитія капитализма условія повели къ тому, что и теперь оба промысла сохраняютъ отпечатокъ, наложенный на нихъ вначалѣ, хотя вовсе не существуетъ причинъ, препятствующихъ мѣдно-литейному промыслу стать въ отношеніи его капитализаціи на одну доску съ подноснымъ. Обычай оказался могущественнѣе свободнаго соперничества — таковъ нашъ доморощенный капитализмъ! Нужно, однако, прибавить, что и мѣдно-литейный промыселъ не оставался все время неподвижнымъ: имѣя своимъ образцомъ московскія мастерскія болѣе или менѣе круп-

ныхъ размѣровъ, онъ могъ заимствовать оттуда идею капиталистическаго производства и развивать ее у себя. Какъ же быстро идетъ это превращеніе мелкой мастерской въ крупную, ремесла въ мануфактуру, насколько интенсивно совершается у насъ процессъ *развитія* капитализма? Здѣсь мы просимъ читателя не забывать различія между туземнымъ развитіемъ капитализма и перенесеніемъ уже готовыхъ его формъ извнѣ; мы говоримъ лишь о первомъ, такъ какъ послѣднее пока еще не коснулось разсматриваемыхъ промысловъ. Просимъ еще припомнить, что говоритъ Марксъ о превращеніи ремесла въ мануфактуру: процессъ этотъ совершался бы очень медленно, если бы основывался только на капиталахъ, наживаемыхъ въ области самого ремесла, если бы происходило лишь *постепенное расширеніе* мастерской по мѣрѣ обогащенія ея хозяина — будущаго капиталиста. Дѣло ускорялось на Западѣ привлеченіемъ къ производству капиталовъ, нажитыхъ ростовщичествомъ и эксплуатаціей колоній, а условіемъ, давшимъ возможность приложить ихъ къ производству, прервать естественное и постепенное обобществленіе труда, идущее одновременно съ постепеннымъ же накопленіемъ капитала, такимъ условіемъ явилось существованіе внѣшняго рынка для сбыта продуктовъ быстро развившейся, подъ вліяніемъ посторонникъ капиталовъ, производительности труда.

Описываемые промыслы находятся, повидимому, въ благопріятныхъ условіяхъ для сбыта, и, дѣйствительно, ихъ издѣлія распространяются по всей Россіи и заходятъ даже въ Сибирь. И, однако, уже внѣшній видъ заведеній достаточно разъясняетъ въ чемъ дѣло: вмѣсто одного зданія для мастерской въ 30—40 человѣкъ вы встрѣчаете 3—4 дома, т.-е. сразу же натыкаетесь на нарушеніе законовъ экономіи. Это въ свою очередь показываетъ, какъ мало еще промыселъ вышелъ изъ состоянія капиталистическаго зарожденія и отвѣчаетъ на вопросъ объ участіи въ производствѣ постороннихъ капиталовъ. «Такъ какъ всѣ существующія нынѣ обширныя заведенія развились постепенно изъ кустарной избы, послужившей для нихъ зерномъ, то они помѣщаются въ нѣсколькихъ зданіяхъ и нѣтъ ни одного, устроеннаго на началахъ раціональныхъ, первымъ условіемъ которыхъ является единство мѣста. Заведенія, имѣющія въ настоящее время 20—30 и болѣе работниковъ, образовались постепенно и достигли этихъ размѣровъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Мѣдникъ начиналъ работать одинъ, нанималъ 2—3 мастеровъ и строилъ маленькую мастерскую; увеличивая число своихъ рабочихъ, онъ сперва тѣснился съ ними въ той же мастерской, потомъ строилъ

другую, потомъ третью и т. д. Этотъ фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о медленномъ накопленіи капиталовъ въ сельскопромышленной жизни и о томъ отсутствіи риска, которое не дозволяетъ начинающему обзаводиться въ обширныхъ размѣрахъ въ надеждѣ на будущія блага» [1]). Это о мѣдно-литейной области. Въ подносной, гдѣ нѣкоторыя заведенія появились недавно (и гдѣ, какъ мы видѣли, сразу устраиваются крупныя мастерскія), «онѣ болѣе или менѣе удовлетворяютъ требованіямъ новаго времени: единство мѣста въ значительной степени соблюдено». Но и здѣсь встрѣтилось только два случая привлеченія къ промыслу капитала, нажитаго внѣ его. Двое мѣстныхъ уроженцевъ, наживъ деньги торговлей, обратили ихъ «на заведеніе промысла, составляющаго главное занятіе въ ихъ округѣ. Эти крупные хозяева приближаются по своему общему облику къ купцамъ, стремясь уподобиться имъ и по сюртуку болѣе тонкаго сукна, и пріемами, и рѣчью» [2]). Хозяева остальныхъ заведеній сами когда-то работали и барствовать начали только послѣ цѣлыхъ десятилѣтій упорнаго труда; но и у нихъ младшіе члены семьи заняты наравнѣ съ рабочими.

И такъ, обобществленіе труда въ описываемыхъ промыслахъ совершается почти безъ участія постороннихъ капиталовъ и потому происходитъ очень медленно. «Пріемы производства и орудія въ теченіе всей исторіи изслѣдуемыхъ промысловъ претерпѣли весьма мало измѣненій». «Въ рядъ этихъ усовершенствованій нужно отнести введеніе конской силы, какъ двигателя, печей-самоплавовъ, упраздняющихъ мѣхи. Что касается до пріемовъ производства, то въ нихъ также замѣчено нѣкоторое, хотя весьма небольшое, движеніе впередъ. Такъ, подносы ковали прежде снаружи внутрь» и «коваль могъ ковать въ одинъ пріемъ только 4 подноса, теперь же онъ можетъ ковать 16. Это усовершенствованіе, происшедшее назадъ тому не болѣе 15 лѣтъ, было занесено сюда 2 мастерами изъ Петербурга. Живописцы передаютъ, что хотя пріемы расписыванья подносовъ остались неизмѣнными, но искусство (и быстрота) рукъ значительно увеличилось»; кокарды прежде красились отъ руки, а лѣтъ 10, какъ введена печатка, которая «не только многократно увеличила производительность труда, но и сдѣлала работу гораздо отчетливѣе» [3]). Конская сила для приведенія въ движеніе токарнаго станка стала примѣняться слишкомъ 20 лѣтъ назадъ и введена теперь всего

[1]) Промыслы Московской губерніи, А. Исаева, т. II, стр. 8—9.

[2]) Id., стр. 47.

[3]) Id., стр. 18—19.

въ 16 мѣдныхъ заведеніяхъ. Причина такой слабой распространенности—ея сравнительная дороговизна, ибо, замѣняя двухъ вертѣлъ (для послѣдней операціи нанимаются слѣпые изъ Рязанской губерніи), которые съ харчами обходятся хозяину въ 18 р. въ мѣсяцъ, лошадь съѣдаетъ за это время на 20 р. На 2—3 подносныхъ заведеніяхъ въ продолженіи послѣдняго десятилѣтія введена боевая машина, замѣняющая коваля. Несмотря на то, что она стоитъ всего 500 р., а дѣлая излишними 7 человѣкъ, сохраняетъ хозяину 700—800 р. въ годъ, нашъ капиталистъ такъ мало еще заразился свойственной его званію жадностью, что проходитъ равнодушно мимо такого усовершенствованія, увѣряя, что оно не приноситъ никакой выгоды (намъ кажется, что причиной малораспространенности боевой машины служитъ и ограниченность сбыта продуктовъ нашей капиталистической промышленности, такъ какъ она приготовляетъ подносы не больше 12 вершковъ). Наконецъ, въ одной мастерской есть машина, просверливающая втулки и краны.

Вотъ и всѣ усовершенствованія, способствующія организаціи общественной формы труда! Почему же процессъ этотъ совершается здѣсь такъ медленно?

Кромѣ неблагопріятной атмосферы для развитія у насъ капитализма вообще [1]), этому препятствуетъ еще и положеніе рабочаго въ разсматриваемыхъ производствахъ, Правда, заработная плата здѣсь не особенно высока: въ операціяхъ, требующихъ искусства, она колеблется отъ 100—180 р. въ годъ; въ чисто же механическихъ—50—60 руб. на хозяйскомъ содержаніи, а малолѣтнимъ и меньше. Тѣ робочіе, контролировать усердіе которыхъ трудно, получаютъ сдѣльную плату, что вызвало въ послѣднее десятилѣтіе появленіе домашней системы несамостоятельнаго производства: получая сдѣльно, рабочій предпочитаетъ бросить мастерскую, и взять работу на домъ. Рабочій день длится 12—14 часовъ, а у мелкихъ хозяевъ, стремящихся самъ другъ-третей конкурировать съ крупными, онъ растягивается до 16—17, въ

---

[1]) Здѣсь мы, кстати, приведемъ мнѣніе объ этомъ г. Исаева: „Я не буду говорить о томъ, какъ ввести совершенныя орудія въ производство. Техника идетъ впередъ, повинуясь велѣніямъ свыше, съ товарнаго рынка. Если употребляемые нынѣ пріемы производства устарѣли и замѣнены новыми и лучшими, товаръ, произведенный съ помощью старыхъ, не будетъ выдерживать соперничества, и отставшій производитель, чтобы не быть совершенно вытесненнымъ съ рынка, принужденъ будетъ усвоить введенныя усовершенствованія. Отсюда, содѣйствовать какому-либо улучшенію въ этомъ отношеніи едва ли можно: къ нему приводитъ только сама сила вещей“. Промыслы Московской губерніи т. II, стр. 90.

горячее время и до 20 часовъ. Работа прекращается на время съ 8-го іюля и до 15-го августа, которое населеніе посвящаетъ земледѣлію. Мелкіе хозяйчики, нуждаясь въ деньгахъ сейчасъ же, теряютъ при сбытѣ; но при закупкѣ матерьяла крупные хозяева мало имѣютъ предъ ними преимущества, ибо значительная выгода могла бы получиться при покупкѣ тысячами пудовъ и гдѣнибудь въ Нижнемъ или въ Питерѣ, что нашимъ «капиталистамъ» не по силамъ, да и не охота такъ далеко забираться отъ дому.

Хотя промысломъ покрывается большая часть расходовъ семьи (56—66%), но это не значитъ, что населеніе не ставитъ земледѣлія ни во что. Напротивъ, кустарникъ его очень уважаетъ, и понятно почему: „онъ знаетъ, что промыселъ, при успѣшномъ ходѣ, можетъ давать значительные доходы, но собственный горькій опытъ научилъ его, что доходъ отъ промысла не проченъ. Производя предметы, не имѣющіе для него самого никакой потребительной стоимости, онъ знаетъ, что „его выгоды зависятъ отъ цѣны, которая устанавливается на рынкѣ помимо его воли". „Земля же служитъ ему источникомъ доходовъ совершенно иного рода. Тамъ выше въ мастерской производятся стоимости, исключительно мѣновыя, земля же даетъ въ результатѣ потребительныя. Много хлѣба уродила она или мало, вся жатва принадлежитъ ему, онъ не повезетъ на рынокъ, онъ все потребитъ дома, въ своей семьѣ". „Если такъ велико значеніе земледѣлія для промышленника-хозяина, то для мастера оно еще больше. Онъ получаетъ плату, часто подверженную колебаніямъ, что зависитъ отъ состоянія товарнаго рынка; „заболѣлъ онъ, промышленный источникъ дохода быстро изсякаетъ" [1]) Поэтому, оставаясь на финансовой точкѣ зрѣнія, главнымъ занятіемъ загарцевъ является промыселъ; но если „признать главнымъ то занятіе, которое является болѣе постояннымъ, которое, хотя принося и небольшой доходъ, непремѣнно оставляетъ осязательный результатъ, то таковымъ будетъ земледѣліе, а подсобность промысла станетъ слишкомъ очевидной" [2]).

Это поясняетъ намъ, почему капитализація промысла совершается столь медленно: 2—3 мѣсячная работа на землѣ даетъ кустарю $^1/_3$—$^1/_2$ всѣхъ его доходовъ; очевидно, что земледѣліе для него выгоднѣе промысла, что оно же даетъ силы мелкому производителю соперничать съ крупнымъ или поступившему въ качествѣ рабочаго чувствовать себя до нѣкоторой степени самостоятельнымъ. И это въ мѣстности, гдѣ земледѣліе находится

[1]) Id., стр. 75.
[2]) Id., стр. 76.

въ крайнемъ упадкѣ (въ богородскомъ уѣздѣ 3—4 хозяина сообща покупаютъ одну лошадь, пашутъ ею по очереди лѣтомъ а къ осени, не имѣя чѣмъ ее кормить, продаютъ). И для поднятія экономическаго положенія крестьянина разсматриваемой мѣстности нужно вовсе не поднятіе искусства рабочихъ (устройствомъ, напримѣръ, рисовальныхъ школъ), какъ думаетъ г. Исаевъ [1]), а мѣры къ улучшенію земледѣлія. Рисовальная школа поведетъ къ тому, что мѣстнымъ произведеніямъ легче будетъ конкурировать, напримѣръ, съ тульскими, но никто не поручится, что этимъ не воспользуются лишь крупные хозяева, привлекши къ себѣ хорошихъ живописцевъ высокой заработной платой. Поэтому, мы съ большимъ сочувствіемъ приведемъ слѣдующія слова г. Исаева: „Пусть всѣ отдѣльныя лица и цѣлыя учрежденія, кому дорого благосостояніе русскаго простолюдина, стремятся къ тому, чтобы развитіе промысловъ прямо вело къ образованію изъ промышленниковъ болѣе свѣдущихъ, болѣе предпріимчивыхъ и болѣе *преданныхъ землѣ поселянъ*. Пусть, по мѣрѣ улучшенія изготовляемыхъ ими мѣновыхъ цѣнностей, все болѣе расширяется кругъ производимыхъ ими стоимости потребительныхъ продуктовъ почвы“ [2]). Дополнимъ ихъ съ своей стороны тѣмъ, что осуществленіе всѣхъ этихъ pia desideria мыслимо лишь при условіи, чтобы правительство сократило платежи крестьянъ и увеличило ихъ падѣлы.

Не забудемъ, что вовсе не естественныя условія мѣстности причиной столь низкаго состоянія земледѣлія въ Богородскомъ уѣздѣ. Прежде, до реформы, крестьянинъ имѣлъ и земли больше, и скота, и лѣсу. „Насколько положеніе крестьянина было въ тѣ времена лучше положенія промышленника и насколько промыселъ не былъ необходимъ, указываетъ сложившаяся въ то время поговорка: мастеръ паши, весь годъ не плоши, крестьянинъ три мѣсяца паши, а девять на печи лежи. По мѣстнымъ показаніямъ, особенно сильное развитіе промысловъ относится ко времени освобожденія крестьянъ. Что крестьянство было гораздо доходнѣе и почтеннѣе промысла, видно, кромѣ этой поговорки, и изъ того пренебреженія, съ которымъ старожили относятся къ человѣку, ставшему почти исключительно ремесленникомъ и забросившему земледѣліе: они называютъ такихъ людей голяками, бездомными; они считаютъ ихъ людьми несвободными, закрѣпощенными въ мастерской, и съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаютъ то доброе старое время, когда пахарю не нужно было

[1]) Id., стр. 90.
[2]) Id., стр. 94.

изыскивать сторонних заработковъ, когда онъ могъ по окончаніи полевыхъ работъ считать себя обезпеченнымъ на зиму и развѣ изрѣдка приработывать, возить по санному пути въ Москву на продажу дровъ изъ помѣщичьяго лѣса или сѣно съ барскихъ луговъ“ [1]). Слѣдовательно, поднятіе крестьянскаго земледѣлія будетъ лишь возвращеніемъ къ недавнему прошлому, т. е. оно вполнѣ возможно. А разъ мы достигнемъ этого, то избавимъ крестьянина отъ необходимости стремиться къ промыслу во что бы то ни стало; процессъ капитализаціи послѣдняго пойдетъ впередъ еще медленнѣе, а вліяніе интеллигенціи на народъ, въ смыслѣ развитія кроющихся въ немъ задатковъ общественнаго духа и артельныхъ предпріятій, будетъ съ теченіемъ времени не ослабляться, а возрастать. Это дастъ народу возможность взять организацію общественной формы труда въ свои руки, устранить съ этого поприща капиталъ.

Такъ какъ разсматриваемый промыселъ ускользаетъ изъ рукъ мелкаго производителя, причемъ послѣдній превращается въ наемнаго рабочаго, то онъ не отразился и на недоимкахъ. Именно средняя недоимка по Богородскому уѣзду 9,2 р. на рабочаго, а Новинской волости 11 р. [2]). О Московскомъ уѣздѣ, какъ мы уже знаемъ, нѣтъ свѣдѣній о распредѣленіи недоимокъ по волостямъ.

Область, въ которую мы вступаемъ, представляетъ еще шагъ на пути капитализаціи ремесла. Область эта — гончарное производство. Оно распространено въ Гжельской волости, Бронницкаго уѣзда, и Карповской—Богородскаго. Оно сосредоточено въ 178 заведеніяхъ, на которыхъ занято 2,626 рабочихъ; изъ нихъ 440 членовъ хозяйскихъ семей (403 взрослыхъ и 37 малолѣтнихъ) и 2,186 наемныхъ (1,617 взрослыхъ и 563 малолѣтокъ). Стоимость ежегодно производимыхъ издѣлій 1,852,800 р.

Описываемый промыселъ представляетъ наилучшую почву для процесса превращенія мелкаго ремесла въ крупное капиталистическое производство. Предметъ труда — горшокъ — былъ нуженъ населенію всегда, матеріалъ — глина — подъ рукой, лѣсу тоже много; поэтому исторія этого промысла считается столѣтіями. Такое продолжительное занятіе однимъ дѣломъ, вмѣстѣ съ плохимъ состояніемъ земледѣлія, сдѣлало изъ Гжельца истиннаго спеціалиста по гончарному ремеслу, каковую (спеціальность) онъ проявлялъ и на родинѣ, и въ отходѣ; это же приблизило

[1]) Id., стр. 74.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Московской губ., т. III, сводная таблица Богородскаго уѣзда.

его къ типу ремесленника-горожанина. Мы не знаемъ, въ какомъ положеніи было въ Гжели земледѣліе въ прошломъ: судя по тому, что оно представляетъ изъ себя теперь, оно врядъ ли было когда-нибудь въ удовлетворительномъ состояніи. Броницкій уѣздъ вообще самый населенный въ губерніи: удобной земли на рабочаго приходится 6 десятинъ — вдвое меньше, чѣмъ во всей губерніи. Надѣлъ на рабочаго 4 дес., а пахатной—2,27 дес. Въ Гжели еще хуже: тамъ рабочій пашетъ всего $1^1/_2$ дес., высѣваетъ 4—6 мѣръ ржи, урожай получаетъ самъ 2,1, чистый сборъ (безъ сѣмянъ), слѣдовательно, около 1 четверти, а весь доходъ отъ зерна—около 15 р. на рабочаго [1]). Неудивительно, что изъ 1,480 домохозяевъ волости, надѣленныхъ землей, бросило ее 571, т.-е. 40%, тогда какъ по всему уѣзду процентъ этотъ вдвое меньше [2]).

Земледѣлецъ съ такимъ устоемъ не предсгавляетъ собой солиднаго препятствія для отплифованія его капиталомъ по своему, послѣдній можетъ изъ него, какъ говорится, веревки вить (насколько вообще капиталъ въ состояніи сдѣлать это съ русскимъ мужикомъ). На такой почвѣ капиталистическое производство должно бы, кажется, нетолько пустить ростки, но и дать цвѣтъ, свой собственный русскій цвѣтъ, а не заимствованный. Поэтому, намъ здѣсь представляется удобный случай наблюдать нашъ *національный методъ развитія капиталистическаго производства*. Къ тому же и условія рынка оченъ благопріятны для послѣдняго процесса: Гжель производитъ посуду на всю европейскую и азіятскую Россію; гжельскіе гончары пользуются не меньшей славой и выписываются для насажденія производства въ другія губерніи. Какъ же всѣми этими благопріятными условіями воспользовался русскій капиталъ?

Нужно сказать, что гжельскій капиталистъ дѣйствительно бойчѣе, напримѣръ, новинскаго или троицкаго: онъ не побоялся вступить въ непосредственныя сношенія съ владѣльцами фарфоровой глины въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, и закупаетъ сразу 4 — 5 тысячъ пудовъ для производства цѣлаго года; нѣкоторые открыли въ Москвѣ собственныя лавки; онъ даже настолько пріобрѣлъ качества, свойственныя званію капиталиста, что не боится рискнуть бросить мѣсто своего рожденія ради увеличенія прибавочной стоимости: нѣкоторые здѣшніе за-

[1]) Мы приводимъ эти свѣдѣнія на основаніи данныхъ, заключенныхъ въ главѣ о цѣнности земель и экономическихъ таблицахъ по Броницкому уѣзду, см. „Сборн. стат. свѣд.“, т. III.

[2]) Id. Экономическая и сводная таблица Броницкаго уѣзда.

водчики основали фабрики въ Ригѣ, Владимірской губерніи и др. Но вотъ, кажется, и всѣ черты сходства нашего доморощеннаго капиталиста съ настоящимъ европейскимъ; въ остальныхъ онъ не потерялъ свойствъ хозяина-ремесленника, несмотря на то, что снабжаетъ своими издѣліями всю Россію.

Начать съ того, что онъ не признаетъ принциповъ капиталистической экономіи: только одинъ заводъ Харпунова устроенъ болѣе или менѣе раціонально, съ соблюденіемъ единства мѣста; остальные, вмѣсто того, чтобы помѣщаться каждый въ одномъ большомъ зданіи (какъ поучаетъ дѣлать хозяйственная экономія) разбиты по нѣсколькимъ маленькимъ: здѣсь происходитъ размельчаніе фарфоровой массы, тамъ размолъ (оба при помощи конной силы), третье теперь предназначено собственно для выдѣлыванія посуды (точки, формовки), въ четвертомъ помѣщается горнъ для обжиганія; наконецъ, гдѣ есть живописная, печатня — для каждой операціи опять отдѣльное зданіе. Словомъ, съ перваго взгляда видно, что заводъ создался цѣлымъ рядомъ небольшихъ успѣховъ, каждый шагъ впередъ отмѣчался подстраиваніемъ новаго зданія; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ еще неуспѣвшими погибнуть слѣдами первыхъ шаговъ туземнаго развитія капиталистическаго производства; оно, правда, теперь подросло, но еще не на столько считается возмужалымъ, чтобы снять съ него дѣтское платье. Да и на этомъ, единственномъ въ своемъ родѣ, заводѣ Харпунова сейчасъ видно, что хотя его новый костюмъ дѣйствительно модный (конную силу, напримѣръ, онъ замѣнилъ паромъ), но вдругъ тамъ и сямъ, нѣтъ нѣтъ да и проглянетъ ухватка, выдающая возрастъ щеголя. Такъ, этотъ наиболѣе окапитализировавшійся заводчикъ тѣмъ не менѣе на столько еще мало знакомъ со всѣми приличіями своего сана, что вмѣстѣ съ 150 наемными рабочими посылаетъ на заводъ и 3-хъ членовъ своей семьи; и всѣ хозяева въ разсматриваемой мѣстности дѣлаютъ тоже. Раздѣленіе труда проведено далеко не съ той строгостью, какая допускается степенью развитія здѣсь капитала и самого производства: хотя средняя мастерская (въ фарфоровой и фаянсовой отрасли) состоитъ изъ 100 рабочихъ, но трудъ раздѣленъ въ ней лишь настолько, чтобы одновременно шли самыя главные операціи. Такъ, одна группа рабочихъ занята наблюденіемъ за размельченіемъ матерьяла, другая за его расколомъ, третья точитъ (лѣпитъ отъ руки) или формуетъ (лѣпитъ по формѣ) посуду, четвертая поливаетъ ее глазурью; одинъ наблюдаетъ за горномъ. Трудъ раздѣленъ лишь соотвѣтственно самому грубому различію въ операціяхъ, проходимыхъ продук-

томъ, настолько грубому, что оно овеществилось даже въ постройкахъ (для каждой перечисленной операціи продуктъ переходитъ изъ одного зданія въ другое). Изъ болѣе тонкихъ дѣленій, которыя бы увеличивали производительность труда, сводя его на простѣйшія манипуляціи, проведено лишь одно: распредѣленіе формовщиковъ по родамъ посуды. Одинъ дѣлаетъ только чашки, другой—тарелки и т. д. Гдѣ формовкой заняты братья, работающіе вмѣстѣ безъ прогуловъ, тамъ они раздѣляютъ между собою собственно формовку посуды и отдѣлываніе ея, благодаря чему производительность труда возрастаетъ на 20—25%. Но всеобщему введенію этого промысла существуютъ препятствія, преодолѣть которыя капиталъ повидимому не въ силахъ; между прочимъ и рабочіе протестуютъ противъ далеко проведеннаго раздѣленія труда, такъ какъ послѣднимъ нарушается самостоятельность (хлопочутъ они не о технической самостоятельности, а о житейской — возможность, напримѣръ, погулять, не задерживая работы другого и проч.) каждаго изъ нихъ; — вотъ еще признакъ юности капитализма: рабочій здѣсь такъ силенъ или капиталъ столь непредпріимчивъ, что въ дѣлѣ развитія успѣшности труда игнорируется шагъ впередъ, очевидно выгодный хозяину, но не желательный рабочему. Соотвѣтственно этому идетъ и быстрота введенія техническихъ улучшеній: съ 30-хъ годовъ здѣсь произошла замѣна людской двигательной силы конною, простого точильнаго станка, двигаемаго руками, нѣмецкимъ (приводимымъ въ движеніе ногами, причемъ руки того же работника не будутъ отвлекаться отъ формовки посуды къ приведенію станка въ движеніе) и четырехугольнаго горна круглымъ. Харпуновъ, какъ мы упоминали, примѣнилъ паръ.

Вотъ и всѣ усовершенствованія, какія нашелъ нужнымъ сдѣлать нашъ доморощенный капиталистъ въ 19-мъ вѣкѣ, когда нетолько европейская, но и наша промышленность шагаетъ, говорятъ, семи мильными шагами. Лишнее, кажется, говорить, что здѣсь нѣтъ и тѣни сознательнаго примѣненія къ производству науки: кто-нибудь гдѣ-нибудь что-нибудь увидѣлъ очевидно выгодное и удобопримѣнимое и перенялъ, да не всегда и перенялъ. Наибольшей настойчивостью отличались первые предприниматели, вводившіе въ началѣ этого столѣтія фарфоровое и фаянсовое производство (они-то и начали употреблять глуховскую глину за неимѣніемъ англійской); но тѣхъ и трудно было тогда еще назвать капиталистами; знакомство съ техникой они почерпали въ качествѣ рабочихъ на настоящихъ фабрикахъ и заводахъ. Такъ, Киселевъ, замѣнившій русскій точильный станокъ нѣмец-

кимъ и четыреугольный горнъ круглымъ, знакомился съ производствомъ («химіей» какъ говорятъ его земляки) на фарфоровой фабрикѣ въ Воронежской губ. Да и какое дѣло наукѣ или какое дѣло до науки производству, занимающему всего какихъ-нибудь съ небольшимъ 2,000 рукъ? что значатъ эти 2,000 передъ десятками и сотнями тысячъ въ другихъ производствахъ!

Все, что мы говорили, относится собственно къ 19-ти фарфоровымъ и фаянсовымъ заведеніямъ, занимающимъ 1835 рукъ, около сотни каждое; къ этимъ крупнымъ заводамъ технически примыкаютъ 37 живописныхъ съ 313 работающими; они расписываютъ посуду, приготовляемую первыми, и составляютъ какъ бы ихъ отдѣленія (хотя и самостоятельныя). Эти двѣ отрасли гончарнаго промысла до нѣкоторой степени запосное явленіе; образцомъ для нихъ служили иностранныя издѣлія; матеріалъ выписывается издалека. Онѣ основались въ Гжели, потому что здѣсь съиздавна подготовлялась для этого благопріятная почва: гончарное дѣло извѣстно всякому гжельцу, и нигдѣ въ Россіи нѣтъ другой такой школы опытныхъ мастеровъ; такъ что и заводы, устроиваемые въ другихъ мѣстностяхъ, выписываютъ себѣ рабочихъ изъ Гжели. Чисто же туземнымъ, исконнымъ долженъ быть названъ собственно гончарный (горшечный) промыселъ, матеріаломъ которому служитъ мѣстная глина. Развитіе крупной гончарной промышленности не коснулось этой его отрасли, а охватило совершенно новую—фарфоровую и фаянсовую—имѣющую дѣло съ другимъ матеріаломъ и разсчитывающую на другого потребителя. И это тѣмъ интереснѣе, что и простой горшечный промыселъ способенъ также капитализоваться, ибо техника его одинакова съ техникой фарфороваго производства. Главное отличіе состоитъ въ томъ, что здѣсь не нужно приспособленія для измельченія и разлома матеріала, такъ какъ глина и безъ того достаточно мягка; поэтому помѣщеніе для мастерской можетъ быть очень не велико, въ крайнемъ случаѣ жилая изба. Это и есть главная причина самостоятельности промысла. Матеріаломъ для горшечныхъ заведеній служитъ лѣсъ или полевой камень, который жители собираютъ и выводятъ изъ него стѣны, скрѣпляя ихъ глиной. Все обзаведеніе для средняго завода въ 4 человѣка стоитъ 270 р. (150—мастерская, 50—амбаръ для посуды, 50—горнъ, 20—орудія); одиночка можетъ ограничиться затратой лишь 30 р. на устройство горна, а за неимѣніемъ денегъ обжечь горшки въ горнѣ сосѣда, угостивъ его за это чаемъ.

Отношеніе гжельца къ своему исконному занятію довольно своеобразно. Начать съ того, что искусство это извѣстно всякому

отъ мала до велика, «каждый гжелецъ можетъ дѣлать посуду. у каждаго вы найдете въ избѣ или на задворкѣ кругъ (станокъ), на которомъ работаетъ онъ или работали его отцы и дѣды». Но далеко не всякій пользуется своимъ искусствомъ; за исключеніемъ нѣкоторыхъ, посвятившихъ себя этой спеціальности всецѣло, остальные гжельцы, что называется, на всѣ руки. «Мнѣ приходилось слышать,—говоритъ г. Исаевъ: —отъ многихъ горшечниковъ, что они занимаются гончарствомъ только съ весны до зимы; всю же зиму возятъ дрова или торфъ на подмосковныя фабрики. Относя сюда же копаніе глины, какъ промыселъ, тѣсно связанный съ гончарствомъ, мы видимъ, что населеніе деревень Минской и Григоровой, копая зимой глину, лѣто вяжетъ вѣники, а деревня Обухова, бросая съ наступленіемъ весны застуръ, принимается за приготовленіе граблей» [1]). Вы встрѣчаете гжельца и приказчикомъ въ мануфактурномъ магазинѣ, и барочникомъ, и извозчикомъ; но чуть ему не посчастливилось здѣсь или оживился запросъ на посуду, «онъ садится за свой родовой, неизмѣнный кругъ»; т.-е. гончарный промыселъ служитъ гжельцу не только подсобнымъ, но и запаснымъ занятіемъ на случай отсутствія другихъ заработковъ, и цифра 2,626 работающихъ, показанная въ трудѣ г. Исаева, не есть нѣчто постоянное, а можетъ сильно измѣняться въ ту или другую сторону.

Обладая такой упругостью, промышленникъ гжелецъ—матеріалъ мало подходящій для производства надъ нимъ капиталистическихъ экспериментовъ; пожелай капиталъ затесаться въ самую сердцевину промысла—онъ можетъ быть потерпѣлъ бы полное fiasco; онъ и то, какъ мы видѣли, далеко не господинъ въ отвоеванныхъ уже областяхъ—фарфоровой и фаянсовой: организація труда здѣсь совершается не по требованіямъ только законовъ самовозрастанія капитала, но и по потребностямъ рабочаго, желающаго какъ можно меньше превратиться въ орудіе мануфактуры. Гжелецъ былъ бы еще самостоятельнѣе, если бы усерднѣе занимался земледѣліемъ. Нужно сказать, что послѣднее вовсе не безнадежно плохо; такъ, авторъ приводитъ бюджетъ семейства, состоящаго изъ 7 душъ, получающаго отъ земледѣлія 246 р., т.-е. покрывающаго его доходами 44% своихъ расходовъ, это въ 3 десятины пашни. Главная причина плохаго состоянія земледѣлія—недостаточность надѣла, вслѣдствіе чего многимъ крестьянамъ и не стоитъ приниматься за обработку своихъ участковъ. Но причина эта не неустранимая, если не въ настоящее время, то въ ближайшемъ будущемъ. Въ Броницкомъ

[1]) Промыслы Москов. губер. т. II, с. 163.

уѣздѣ всей удобной земли приходится около $6^1/_2$ дес. на работника, въ Богородскомъ больше 9; отъ $^1/_3$—$^1/_2$ ея вовсе не эксплуатируется крестьянами и не служитъ даже сельско-хозяйственнымъ цѣлямъ, а переходитъ въ руки купцовъ ради лѣса, который и свозится ими. Обезлѣсенная земля купцу не нужна, поэтому легко можетъ быть обращена на сельско-хозяйственное употребленіе въ интересахъ крестьянства. Я здѣсь заговорилъ объ этомъ только для того, чтобы показать, что и эта столь промышленная мѣстность вовсе не обречена неизбѣжно на съѣденіе капиталомъ, хотя нужно сказать, что здѣсь именно пріютились тѣ мелкіе и крупные эксплуататоры, для которыхъ по преимуществу работаетъ новѣйшая русская исторія.

Такая оторванность гжельца отъ земледѣлія причиною того, что, несмотря на выгодный промыселъ, недоимка, на немъ лежащая, не ниже средней по уѣзду (больше 11 р. въ Бронницкомъ и 9—въ Богородскомъ).

И такъ, развитіе крупнаго гончарнаго промысла произошло рядомъ съ мелкимъ, не тронувъ послѣдняго; напротивъ, это даже расширилось, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи родовъ издѣлій: начавъ съ кухоннаго горшка, противня, оно впослѣдствіи захватило цвѣтные горшки, огнеупорныя трубы, кирпичъ и т. п. Въ настоящее время въ изслѣдуемой мѣстности считается 121 такихъ мелкихъ (горшечныхъ) заведеній съ 452 работающими, по 3,7 на каждое. Изъ нихъ одиночныхъ избъ—6, семейныхъ—55, вмѣстѣ 61, держащихъ наемныхъ рабочихъ почти столько же, 60 съ 149 наемниками. Приэтомъ 46 заводовъ имѣетъ 2 наемныхъ рабочихъ и всего 5—нанимаетъ больше 5 человѣкъ.

Работа, требующая искусства, оплачивается довольно порядочно. Такъ, точильщикъ и формовщикъ при сдѣльной платѣ заработаютъ въ годъ въ среднемъ 120—150 р.; кирпичники—въ лѣто 100 р., живописцы—въ годъ 120—150 р. (женщины 80—100 р.), горновщикъ (отъ искусства котораго зависитъ весь успѣхъ дѣла, такъ какъ онъ можетъ испортить цѣлую партію обжигающейся посуды) 150—300 р. и больше. Для тяжелой работы гжельцы, ослабляемые въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній нездоровымъ воздухомъ мастерскихъ, не годятся; поэтому такія операціи поручаются крестьянамъ Тульской и Рязанской губерній съ годовой платою 50—100. При разсчетѣ съ рабочими, крупные заводчики практикуютъ truck-system. Работающій самостоятельно горшечникъ получитъ нѣсколькими десятками рублей больше нанятаго; при 4 работающихъ такой годовой избытокъ будетъ 222 р. Горшечники сбываютъ товаръ на ярмаркахъ или

въ Москвѣ съ возовъ; ихъ издѣлія идутъ круглый годъ довольно равномѣрно. Сбытъ фарфоровой посуды уменьшается вслѣдствіе соперничества англійскихъ издѣлій, и заводчики считаютъ единственнымъ средствомъ, могущимъ поправить дѣло, это—запретительный тарифъ.

Главный недостатокъ промысла — все возрастающая дороговизна дровъ, грозящая со временемъ прекратить вовсе производство въ малыхъ размѣрахъ, если, впрочемъ, дрова не замѣнятся торфомъ.

Мѣстность, къ которой мы переходимъ въ настоящее время, можетъ быть названа поистинѣ обиженнымъ Богомъ (если только Онъ отвѣтственъ за прегрѣшенія людей) уголкомъ даже такой обиженной губерніи, какъ Московская. Мѣстность эта—Кленовская волость Подольскаго уѣзда. Уже изъ слѣдующихъ фактовъ читатель можетъ судить, насколько она въ отношеніи благосостоянія населенія отступаетъ отъ средняго уровня: тогда какъ во всемъ уѣздѣ забросившихъ земледѣліе въ 1877 г. было 18%, въ Кленовской волости ихъ 37%; населеніе уѣзда за послѣднія 10 лѣтъ хотя и вымираетъ, но въ 77 г. сравнительно съ 58 годомъ показывало все-таки приращеніе, хотя бы только на 0,4%; Кленовская же волость положительно вымираетъ, и очень быстро: за 20 лѣтъ населеніе ея уменьшилось на 6,7%, а сравнивая 1877 г. съ 1869, увидимъ, что населеніе за это время сократилось съ 7785 до 6508 [1]) или на 1277 человѣкъ, на 16%. Каждая сотня жителей 1869 года, несмотря на то, что она все это время продолжала пытаться размножаться, превратилась въ 1877 г. въ 84 человѣка.

Такъ вотъ въ эдакомъ-то благодатномъ уголкѣ пріютился шляпный промыселъ. Хотя онъ существуетъ изстари, но особенно развиваться сталъ въ послѣдніе годы. Интересна его исторія: въ 1835 г. крестьянинъ с. Кленова, Семенъ Ивановъ, до этого времени работавшій въ Москвѣ и изучившій тамъ секретъ приготовленія касторовыхъ шляпъ (державшійся въ тайнѣ мастерами-иностранцами), по семейнымъ обстоятельствамъ принужденъ былъ поселиться въ родномъ селѣ и сталъ здѣсь въ свободное отъ земледѣлія время заниматься приготовленіемъ касторовыхъ шляпъ вмѣсто поярковыхъ, выдѣлываемыхъ его односельчанами. Въ Москвѣ ихъ брали на расхватъ, что̀ побудило нѣкоего Александрова предложить Семену Иванову устроить на его деньги большую мастерскую. Дѣло наладилось; крестьяне изъ Кленова и

[1]) „Сборн. стат. свѣд.“ по Моск. губ. т. II, отд. II, с. 35.

сосѣднихъ деревень охотно шли въ рабочіе къ Семену Иванову, такъ что въ 50 годахъ его заведеніе давало работу около 70 челов. Этимъ было положено основаніе для самостоятельнаго распространенія промысла.

Крестьяне, научившись мастерству въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, перешли работать на домъ; но первое время поставляли товаръ своему прежнему хозяину, а потомъ стали работать прямо на Москву [1]). И вотъ, въ настоящее время въ 16 деревняхъ насчитывается до 70 шляпныхъ заведеній, на которыя работаютъ 480 мужчинъ и до 400 женщинъ. Считая только тѣ 13 деревень Кленовской волости, въ которыхъ есть шляпныя заведенія, этимъ промысломъ занято больше половины населенія, достигшаго рабочаго возраста.

Отсюда уже видно, какую важную роль играетъ промыселъ въ экономической жизни крестьянства. Составители сборника приводятъ бюджетъ семидушной семьи средняго достатка, занимающейся, на ряду съ промысломъ, и земледѣліемъ, изъ котораго видно, что

ПРИХОДЪ.			РАСХОДЪ		
Отъ надѣла (4½ души).	142 р.	или 32,2%	Пища.	222 р.	или 50%
Шляпный промыселъ .	214 „	„ 48,5%	Одежда и обувь .	98 „	„ 22
			Разные хозяйств.	64 „	„ 14,3
Другіе заработки . .	85 „	„ 19,2	Подати	60 „	„ 13,3 [2])

И такъ, доходомъ отъ шляпнаго промысла покрывается около половины всѣхъ расходовъ: на его долю пали бы и всѣ $^2/_3$, не покрываемыя земледѣліемъ, еслибы самъ домохозяинъ не былъ отвлеченъ отъ промысла должностью старосты (за что и получаетъ 65 р). Земледѣліе же даетъ возможность удовлетворить только третью часть потребностей семьи.

Шляпное производство ведется исключительно ручными орудіями (во Франціи всѣ операціи, кромѣ стирки колпаковъ, выполняются машинами, двигаемыми парами). Раздѣленія труда внутри мастерской почти не существуетъ, и самое большое, что мастеру помогаетъ ученикъ. Существенныхъ операцій три: очищеніе пуха (стрижка его производится женщинами дома), валянье колпаковъ и стирка ихъ; всѣ онѣ такъ просты, что легко усвоиваются каждымъ. Составители сборника думаютъ даже, что „переходъ отъ одной операціи къ другой скорѣе полезенъ, чѣмъ

[1]) На мѣстѣ приготовляются одни колпаки, которые окончательно отдѣлываются въ Москвѣ.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Московской губ., т. VI, вып. I. Промыслы Моск. губ. с. 183.

вреденъ для успѣшности производства, такъ какъ даже очень привычная рука мастера скоро устаетъ отъ однѣхъ и тѣхъ же манипуляцій".

Несмотря, однако, на отсутствіе техническихъ затрудненій при производствѣ шляпъ, мастерская средней величины состоитъ изъ 7-ми человѣкъ (480 мужчинъ рабочихъ на 69-ти мастерскихъ; женщины, стригущія мѣхъ, производятъ это дома); заведеній, ограничивающихся только силами семьи, 24 (34%) съ 46 работающими, остальныя 45 нанимаютъ рабочихъ (4 изъ нихъ основаны исключительно на наемномъ элементѣ). По числу работающихъ укажемъ на 42 мастерскія (60%), имѣющія ихъ не больше пяти, и на три, эксплуатирующія рабочую силу слишкомъ 20 человѣкъ каждая.

Если большинство крестьянъ-промышленниковъ продаетъ свой трудъ вмѣсто того, чтобы работать самостоятельно, то причина этого, повторяемъ, кроется не въ техническихъ, а финансовыхъ условіяхъ промысла. Вести его въ жилой избѣ крайне непріятно. Если семья довольно большая, то въ кустарной избѣ бываетъ невообразимая тѣснота, пыль и духота. Приготовляемая здѣсь же пища покрывается слоемъ перебиваемаго пуха; во время стирки и крашенія колпаковъ, изба наполняется удушливыми парами, вслѣдствіе чего производство въ жилой избѣ послѣднихъ операцій является особенно неудобнымъ. Это обстоятельство заставляетъ нѣкоторыхъ кустарей соединяться между собою и устраивать одинъ общій стиръ отдѣльно отъ жилого помѣщенія. Но общеніе промышленниковъ рѣдко достигаетъ такихъ размѣровъ, чтобы артелью устроить стиръ, стоющій 50 р.; заведеніе же отдѣльной мастерской для *валянья* обойдется не дешевле 160 р. Поэтому, полное обзаведеніе немыслимо для мелкаго хозяина, и если таковой пожелалъ бы тѣмъ не менѣе, работать самостоятельно, онъ долженъ подвергнуть свою семью всѣмъ вышеописаннымъ прелестямъ. Удивительно, что и при такихъ условіяхъ нашлось 32 охотника открыть мастерскія въ своихъ жилищахъ: Оборотный капиталъ, требуемый для производства, хотя и не великъ (для работы самъ-другъ нужно 15 р. въ недѣлю), но, при бѣдности нашего мужика и невозможности еженедѣльно ѣздить въ Москву (за 50 верстъ) для сбыта, это опять-таки служитъ препятствіемъ самостоятельному мелкому хозяйствованію. Самыя условія сбыта не по силамъ бѣдняку, не могущему ждать уплаты за свой товаръ и потому отдающемуся совершенно въ руки торговца. Поэтому, число мелкихъ производителей въ то или другое время всецѣло зависитъ отъ состоянія товарнаго рынка: при большомъ запросѣ

на шляпы со стороны потребителей, сами торговцы содѣйствуютъ умноженію самостоятельныхъ ремесленниковъ, давая имъ необходимыя для перваго обзаведенія средства. «Въ 1876—77 годахъ, когда былъ застой въ шляпномъ производствѣ и цѣны на товаръ были низкія, мелкихъ мастерковъ, работающихъ одиночно или вдвоемъ, почти не было; въ слѣдующіе затѣмъ годы, когда спросъ на товаръ страшно усилился (вѣроятно, вслѣдствіе золотой пошлины на заграничный товаръ), число ихъ значительно возросло и въ настоящее время доходитъ до 35. Въ концѣ нынѣшняго (79) года спросъ на товаръ сталъ опять, и вмѣстѣ съ этимъ мелкіе мастерки стали прекращать свое самостоятельное производство и переходить въ разрядъ наемныхъ шляпниковъ».

Неудобства сбыта приводятъ къ тому, что большинство мелкихъ самостоятельныхъ кустарниковъ поставляютъ свои колпаки крупнымъ хозяевамъ-шляпникамъ, получая отъ нихъ по разсчету за свой трудъ ту же цѣну, какую тѣ платятъ своимъ мастерамъ. Такой промышленникъ разсчитываетъ выиграть сравнительно съ послѣднимъ, при помощи болѣе усерднаго труда, экономной траты матеріала и участія другихъ членовъ семьи.

Заработная плата разсчитывается всегда сдѣльно, потому рабочій до нѣкоторой степени хозяинъ своего времени, и средній трудовой день длится 11 часовъ. При такой работѣ, мастеръ добудетъ въ день 60 — 80 к. на своихъ харчахъ и освѣщеніи, а работая съ ученикомъ—въ $1^1/_2$ раза больше. Считая средній дневной заработокъ въ 70 к., годовой доходъ мастера при 200 рабочихъ дняхъ (выключая праздники и прогулы) будетъ 140 р., а при усердіи и помощи ученика и гораздо больше. Но заработокъ этотъ умаляется способомъ разсчета — выдачей на ряду съ деньгами и продуктами. Стрижильницы берутъ мѣха на домъ и заработываютъ при усердномъ трудѣ всего 20 коп. въ день. Всѣ виды заработковъ въ шляпномъ промыслѣ составляютъ сумму въ 64,000 р. на 800 слишкомъ работающихъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Рабочій годъ длится на крупныхъ мастерскихъ 11 мѣсяцевъ (на время сѣнокоса заведенія закрываются), мелкіе же ремесленники отрываются для земледѣлія на 2—3 лѣтніе мѣсяца.

Хозяинъ имѣетъ отъ каждаго мастера прибыли 37 р. въ годъ, слѣдовательно, всѣ они отъ 380 мастеровъ получаютъ около 14,000 р. Но такая прибыль возможна только при мастерской значительныхъ размѣровъ, ибо лишь въ этомъ случаѣ выигрывается отъ экономіи на дровахъ, при закупкѣ сырья оптомъ, проѣздѣ въ Москву и проч. Мелкій же промышленникъ

заработываетъ относительно почти столько же, какъ и наемный мастеръ, и преимущество его заключается лишь въ бо́льшей самостоятельности. Но какъ мелкій кустарь, такъ и наемный нынѣ мастеръ могутъ возвысить свой годовой доходъ на сумму этихъ 37 р. (что составитъ 25% ихъ заработка), если воспользуются выгодами кооперації. И подумаешь, какъ немного нужно для такого соединенія!

Мастерская со стиромъ на 6 человѣкъ стóитъ, какъ мы видѣли, 210 р. (пусть даже 40 на каждаго), инструменты почти не возвышаютъ этого расхода, матеріала на двухъ-недѣльное производство нужно около 60 р. Всего, слѣдовательно, для начала артельнаго предпріятія нужно имѣть по 50 р. на брата — сумма, находящаяся въ предѣлахъ компетентности даже нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Сдѣлаетъ эта артель 432 колпака, по 30 к. — на 130 р. въ двѣ недѣли; вычитая траты на матеріалъ (60 р.) ремонтъ зданія и пр. (2 р.), поѣздку въ Москву и налогъ на промыселъ (6 р. 50 к.), останется слишкомъ 60 р. или по 10 р. на работника, въ мѣсяцъ 20 р. — при работѣ легкой, не экономной, какъ работаетъ человѣкъ изъ чужого матеріала. Въ 10 мѣсяцевъ поэтому каждый получитъ не меньше 200 р. вмѣсто теперешнихъ 140., т. е. первый же годъ позволитъ артели уплатить долгъ, сдѣланный на обзаведеніе (если, впрочемъ, избытки не будутъ взяты въ уплату податей).

Въ устройствѣ такихъ артелей въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ ничего невозможнаго. Уже и теперь нѣкоторые шляпники, неимѣющіе отдѣльнаго для мастерской помѣщенія, устраиваютъ сообща стиръ (или красятъ и стираютъ колпаки въ чужихъ помѣщеніяхъ, платя за это 50 к. — 1 р. въ мѣсяцъ). Стóитъ только расширить этотъ первый шагъ къ общенію — но какъ достигнуть этого? Ясно, кажется, одно: желающіе вліять на кустарей въ смыслѣ развитія среди нихъ артельныхъ предпріятій должны стоять къ нимъ по возможности ближе, если можно, даже влѣзть въ ихъ шкуру, наблюдать ихъ не въ праздникъ и не бѣленькими. Ибо только тогда иниціаторамъ сдѣлается совершенно ясной вся обстановка кустаря, вліяющая такъ или иначе, между прочимъ, и на его дѣловое общеніе съ товарищами. По крайней мѣрѣ, попытки поощренія народныхъ артелей со стороны что-то мало имѣли успѣха. Второе условіе, по нашему крайнему разумѣнію, необходимое для развитія общественной формы труда на народныхъ началахъ, это — благоустройство земельныхъ отношеній промышленниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изучающій бытъ русскаго мужика, хотя бы

только по книгамъ, не могъ не замѣтить, что крестьяне-промышленники отличаются гораздо бо́льшимъ индивидуализмомъ и разрозненностью, чѣмъ земледѣльцы. Это тѣмъ болѣе можно сказать про Московскую губернію, гдѣ, при разнообразіи занятій жителей, легко изучать характеръ крестьянина во всѣхъ его положеніяхъ. Изслѣдователи этого края замѣтили еще одно явленіе—именно, что и среди земледѣльцевъ общинный духъ развитъ всего больше въ деревняхъ средне-состоятельныхъ, члены которыхъ не различаются рѣзко по своей зажиточности: здѣсь легче предпринимаются сообща работы по улучшенію земли, скорѣе помогаютъ другъ другу въ несчастіи. Такая связь между земледѣліемъ, какъ занятіемъ, и общиннымъ духомъ не случайна: для поддержанія послѣдняго на извѣстномъ уровнѣ достаточно уже хотя бы той системы, какая практикуется крестьянами относительно распредѣленія земли и платежей. Здѣсь сильнѣйшій эгоистическій интересъ каждаго совпадаетъ съ общественнымъ, прямой разсчетъ побуждаетъ всякаго слѣдить за равномѣрнѣйшимъ распредѣленіемъ съ одной стороны земли по ея достоинству на ярусы и проч., съ другой — домохозяевъ на группы, по ихъ потребности въ землѣ или имущественной состоятельности. Обманъ или ошибка здѣсь почти немыслимы, отсутствуетъ поэтому всякій мотивъ быть неискреннимъ — почва для безпощадной борьбы личныхъ интересовъ. Выросшіе на такомъ основаніи земельные обычаи, въ свою очередь, благотворно вліяютъ на нравственное состояніе всякаго члена общины, создаютъ общее настроеніе, благопріятное для развитія артельныхъ порядковъ.

Но вотъ на такого земледѣльца-общинника обрушивается бѣда. Жить становится страшно тяжело. Населеніе прибываетъ, а земли уменьшаются; подати увеличиваются, а заработки сокращаются; все становится дорого, а денегъ нѣту. И откуда эта напасть, зачѣмъ, кто этому причиной и кто же остается въ выигрышѣ (кромѣ кулака)—неизвѣстно нетолько мужику, но и многимъ, въ умственномъ отношеніи гораздо выше его стоящимъ. Землю отрѣзали—видно барину будетъ лучше! Анъ нѣтъ: запашку онъ сократилъ, землю продаетъ. Послѣднюю скотину продали за недоимку — видно казна богатѣетъ, но за этимъ недоимка удвоилась. Не зная причинъ и смысла совершающихся около него явленій, мужикъ не можетъ и вліять на нихъ, не можетъ придумать, какими бы средствами задержать всеобщее раззореніе. Еслибы разрушающее прежній бытъ вліяніе подѣйствовало сразу на всю общину, такъ что послѣдняя видѣла бы и причину своей гибели, она, можетъ быть, и приняла бы какія-либо

мѣры противодѣйствія. Такъ поступила, напримѣръ, Ледченская община, Никольскаго уѣзда, заботившаяся, чтобы неизбѣжное раззореніе распредѣлилось по возможности равномѣрно на всѣхъ ея членовъ. Всѣ такъ называемые бунты, что это такое, какъ не сознательное противодѣйствіе какому-либо вредному, по мнѣнію народа, вліянію? Мнѣніе можетъ быть невѣрно, способъ дѣйствія нераціоналенъ, но это ужъ не вина крестьянъ. Если интеллигенція, которой открыты отдаленнѣйшія и ближайшія причины явленій, тѣмъ не менѣе, не знаетъ способовъ, какими предотвратить вредныя ихъ послѣдствія, то чего же въ этомъ отношеніи требовать отъ крестьянина, который и невѣжественъ-то по нашей же винѣ? Достаточно, если онъ заявилъ желаніе и рѣшимость не ждать сложа руки того момента, когда злой рокъ положитъ, наконецъ, предѣлъ его существованію. Но и въ самихъ бунтахъ не все же нелѣпость, и для примѣра мы приведемъ два факта.

Ученые и частью публицисты Запада начинаютъ, наконецъ, признавать хорошія стороны общиннаго владѣнія землей и не прочь употребить мѣры, ограничивающія господствующее тамъ право личной собственности. Наши публицисты предвидятъ тѣ вредныя послѣдствія, какія будутъ имѣть мѣры правительства, облегчающія разрушеніе общинной связи. Но и тѣ, и другіе, хорошо понимая сложность и законосообразность общественныхъ явленій, не видятъ, однако, путей, которыми бы можно было измѣнить или предупредить нежелательное. Нашъ мужикъ, никогда, разумѣется, не слыхавшій ни о западныхъ ученыхъ, ни о русскихъ публицистахъ, тѣмъ не менѣе, понялъ соотвѣтствующія явленія сходнымъ же образомъ, но, не будучи столь сдержанъ и благоразуменъ, рѣшился сейчасъ же и дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. И вотъ всѣмъ памятны безпорядки среди малороссіянъ Чигиринскаго уѣзда, гдѣ требованія земли были перепутаны съ желаніемъ замѣнить участковое землевладѣніе общиннымъ. Другой фактъ, можетъ быть, и позабытый читателемъ, это — нежеланіе государственныхъ крестьянъ Купянскаго уѣзда принимать владѣнныя записи, мотивируемое тѣмъ, что въ такомъ случаѣ они получаютъ право $^2/_3$ голосовъ продать часть общинной земли, разрушить общину и т. д., а никто не поручится, что тяжелое положеніе съ одной стороны и вооруженный водкой эгоизмъ — съ другой не оболванятъ на время мужика и не заставятъ его рѣшиться на шагъ, который онъ тщетно будетъ оплакивать впослѣдствіи [1]). Третья извѣстная

[1]) Фактъ этотъ былъ заявленъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и перепечатанъ „Отеч. Зап.“, 1872, 8.

намъ форма протеста крестьянъ направлена противъ того же личнаго землевладѣнія. Это приговоръ, напримѣръ, Алексѣевскаго общества полныхъ собственниковъ (т.-е. совершенно выкупившихъ свой надѣлъ) Московскаго уѣзда, о нерушимости ихъ общиннаго землевладѣнія на вѣчныя времена, приговоръ, вызванный тѣми послѣдствіями, къ какимъ повелъ раздѣлъ усадебной земли въ сосѣднемъ г. Богородскомъ [1]). Наконецъ, приведемъ еще фактъ сознательнаго противодѣйствія крестьянъ развращающему вліянію работъ на фабрикѣ и вообще въ отходѣ. Это именно сдѣлали крестьяне деревни Молютево, Шуйскаго уѣзда, которые нетолько не отпускаютъ отъ себя никого на сосѣднюю фабрику Каретникова, но порѣшили на сходѣ закрыть кабакъ и запретить куреніе на улицѣ. За то у нихъ нѣтъ кулаковъ, всѣ зажиточны; рубку лѣса производятъ раціонально, разбивши его на участки [2]). Но Молютовцы могли это сдѣлать, ибо получили достаточно земли и лѣса; а какъ прикажете поступить тѣмъ, которые наблюдаютъ упадокъ земледѣлія, сознаютъ вредъ фабрики, но не имѣютъ другихъ способовъ добыть средствъ къ существованію? Скажите, читатель, если знаете!

Мужикъ же этого не знаетъ, и выбирать ему не изъ чего. И вотъ, то одинъ, то другой членъ земельной общины спотыкается, падаетъ. Товарищи его чувствуютъ, что имъ угрожаетъ то же въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но не имѣютъ силы пальцемъ шевельнуть для предотвращенія грозы. А разъ земледѣлецъ упалъ — онъ человѣкъ пропащій. Онъ уже выходитъ изъ сферы нравственнаго и матеріальнаго вліянія товарищей, общины. Отнынѣ онъ вступаетъ на новый путь, гдѣ не нужны ни солидарность, ни справедливость, гдѣ скорѣе возьмешь хитростью, подлостью, пролазничествомъ. На всякаго вновь упавшаго его предшественникъ смотритъ какъ на врага, видитъ въ немъ конкуррента на рынкѣ труда. Этимъ несчастнымъ нѣтъ возможности рѣшиться попробовать идти рука объ руку; кто къ чему присосался, долженъ держаться, пока его не оторвалъ другой. Всякая проба, всякая попытка чего-либо новаго сопряжена съ рискомъ, а рискъ для человѣка въ его положеніи, это — возможность голодной смерти.

Нечего поэтому удивляться, что крестьяне-промышленники отличаются такой разрозненностью, и измѣнить дѣло можно лишь однимъ способомъ—возвращеніемъ мужика на прежній путь, подставленіемъ подъ него стараго, испытаннаго основанія — земли

[1]) Сборн. стат. свѣд. т. I, стр. 25.

[2]) „Русское Богат.“, 1879, 1, „Матеріалы для изученія сельской общины“.

на общинномъ началѣ. Тогда, имѣя подъ собой нѣчто прочное, не уподобляясь *кусту*, колеблемому самымъ легкимъ вѣткомъ, крестьянинъ, во-первыхъ, не будетъ такъ жадно стремиться къ копейкѣ, не станетъ заработываться и производить избытки мѣновыхъ цѣнностей, а во-вторыхъ, можетъ спокойнѣе отнестись къ своему положенію, оцѣнить представляющіеся ему пути и выбрать наивыгоднѣйшую форму производства.

А устроить въ земельномъ отношеніи даже Кленовскихъ крестьянъ вовсе еще не Богъ знаетъ какая задача. Вѣдь падать они стали недавно, на нашихъ глазахъ; вѣдь еще въ 1869 году забросившихъ земледѣліе было всего 5,6%, вмѣсто теперешнихъ 37. Читатель, можетъ быть, скажетъ, что такое быстрое обезземеленіе происходитъ по сознательному разсчету крестьянина, предполагающаго больше заработать промысломъ, чѣмъ земледѣліемъ. Отвѣтомъ пусть служитъ слѣдующая таблица недоимокъ, гдѣ крестьяне раздѣлены на обработывающихъ всю свою землю, часть ея и вовсе забросившихъ земледѣліе:

	Число домох.	Число недоимщиковъ.	Средняя недоимка на недоимщика.	Средняя недоимка на к жд. домохоз.
Обработывающіе всю землю .	619	151 или 24,3%	23,2 р.	5,6
„ часть земли.	202	107 „ 50%	36 „	19
Забросившихъ землю . . .	384	227 „ 59%	48 „	29 [1]).

Здѣсь передъ нами исторія всякаго, бросающаго землю, и мы можемъ судить насколько онъ руководится при этомъ сознательнымъ стремленіемъ къ лучшему или поддается фатальному процессу раззоренія. По мѣрѣ того, какъ крестьяне лишаются земли, т.-е., по мѣрѣ ихъ перехода къ другимъ занятіямъ, они отдаютъ отъ себя все бо́льшій процентъ въ разрядъ недоимщиковъ, и самая недоимка дѣлается больше. Слѣдовательно, не по разсчету Кленовцы такъ быстро обезземеливаются, и не на возвышеніе ихъ благосостоянія указываетъ этотъ процессъ.

Обращаясь въ частности къ тѣмъ только крестьянамъ, которые, въ качествѣ хозяевъ или рабочихъ, отдаютъ свои силы шляпному производству, мы видимъ, что даже и такое, сравнительно прибыльное занятіе не отбиваетъ ихъ отъ земледѣлія; именно въ 1877 году изъ 183 дворовъ шляпниковъ всего 64 или 35% бросили земледѣліе; впрочемъ, 63 изъ нихъ выпадаетъ

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Московской губерніи. т. II, „Крестьянское хозяйство“, стр. 66—67.

на долю 165 собственно-рабочихъ, что составитъ 38%. И такъ, даже среди наемныхъ рабочихъ процентъ не занимающихся земледѣліемъ почти не превышаетъ средней цифры по волости. Мы имѣемъ возможность инымъ способомъ подтвердить, что не ради выгодъ отъ промысла 63 шляпника посвятили ему всѣ свои силы, оставивъ для этого даже сельское хозяйство. Именно, тогда какъ на 102 рабочіе шляпника, не пренебрегающіе землею, недоимки приходится 1,200 рублей или по 12 на каждаго, 63 безхозяйные должны (?) правительству 1,202 руб., т.-е. 20 каждый [1]). Такимъ образомъ, возвращеніемъ Кленовскихъ крестьянъ къ земледѣлію мы можемъ только улучшить ихъ положеніе; этимъ мы воздадимъ должное какъ ихъ многотерпѣнію, такъ и принципу справедливости; сдѣласмъ ихъ, наконецъ, болѣе способными выполнять свои обязательства передъ обществомъ и правительствомъ [2]).

Роговой промыселъ распространенъ въ большомъ селѣ Хотѣичахъ, Ильинской волости, Богородскаго уѣзда, и 13 деревняхъ Рогачевской волости, Дмитровскаго уѣзда. Онъ обнимаетъ слишкомъ 1,100 человѣкъ (850 взрослыхъ и 250 малолѣтнихъ) и даетъ въ годъ продуктовъ на 35,000 р. Большая часть промышленниковъ сосредоточена въ селѣ Хотѣичахъ, гдѣ промыселъ

[1]) „Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ.“, т. VI, вып. I, стр. 229—32

[2]) Въ вышедшемъ надняхъ IV вып. „Трудовъ комиссіи по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ“ мы встрѣтились съ фактомъ, подвергающимъ многія развиваемыя нами положенія, между прочимъ, и наши мысли какъ о возможности развитія артельныхъ предпріятій между кустарями, такъ и о зависимости артельнаго духа населеній отъ крѣпости его связи съ землею. Въ Нижегородскомъ и Арзамаскомъ уѣздахъ распространенъ кузнечный промыселъ, какъ подсобный къ земледѣлію. „Начавшись 40—45 лѣтъ назадъ въ деревняхъ Елховкѣ и Рахмановѣ. кузнечный промыселъ распространился по окрестности и достигъ своего теперешняго состоянія (теперь имъ занято около 2,400 человѣкъ). Въ его постепенномъ развитіи слудуетъ отмѣтить нѣсколько періодовъ. Въ первое время промыселъ прянималъ характеръ маленькихъ фабрикъ. На кузницѣ каждаго хозяина работало 12—18 человѣкъ работниковъ. Въ это время хозяева значительно нажились, работники добывали въ зиму 15—20 р. на своихъ харчахъ. Но потомъ, когда кузнецы познакомились съ частностями промысла, они стали понемногу выходить изъ-подъ хозяйской опеки, общими силами *начали арендовать у хозяевъ только помѣщенія* (повидимому, хозяинъ не находилъ наемныхъ рабочихъ?), а промыселъ стали вести каждый на свой страхъ. Мало по малу кузнецы додумались до устройства артельныхъ кузницъ, соединившись въ артель человѣкъ 14—18, общими силами выстраивали кузницу; вмѣстѣ нанимали одного мастера раздувать мѣха; и затѣмъ каждый изъ нихъ занималъ въ кузницѣ свое мѣсто и работалъ совершенно независимо отъ другихъ. Заработокъ каждаго черезъ это возвысился вдвое“. (стр. 171—2). Какая часть изъ 2,400 кузнецовъ организовалась уже въ артели, авторъ статьи, г. Карповъ, къ сожалѣнію, не говоритъ; но что явленіе это въ данной мѣстности не можетъ быть названо исключительнымъ, видно, напримѣръ, изъ того, что въ деревнѣ Елковкѣ, гдѣ находится 25 кузницъ съ 400 работающими, всѣ онѣ артельныя. Интересно, что артели распространены больше въ районѣ, гдѣ земледѣліе лучше обезпечиваетъ крестьянина. И такъ, здѣсь мы видимъ подтвержденіе нашихъ выводовъ: наблюдаемъ постепенную декапитализацію промысла (нѣкоторые хозяева должны были даже, какъ кажется, уступить свои мастерскія артелямъ), зависимость быстроты этого процесса и развитія артелей отъ связи крестьянина съ землей.

существуетъ слишкомъ 200 лѣтъ. Къ сожалѣнію, исторія его въ «Сборникѣ» представлена очень кратко.

Въ технико-экономическомъ отношеніи производство гребней распадается на *правильную* часть и собственно *гребенную*. Первая находится въ рукахъ мелкихъ, самостоятельныхъ хозяевъ, получающихъ заказы отъ (крупныхъ) гребенныхъ мастерскихъ. Операція правленія рога требуетъ небольшого помѣщенія и одного работника съ ученикомъ. Расправленный ими въ пластинку рогъ поступаетъ въ гребенную мастерскую, гдѣ работа уже гораздо сложнѣе и гдѣ матеріалъ проходитъ нѣсколько ступеней, пока явится окончательно готовымъ къ потребленію. Здѣсь роговая пластинка прежде всего распиливается на нѣсколько частей, которыя потомъ стружатся терпугомъ; затѣмъ машинкой нарѣзываются зубья, послѣ чего предметъ опять отерпуживается; зубья заостряются подпилкомъ, слаживаются неровности на средней части гребешка, который потомъ натирается золою («охапуживается») и, наконецъ, растирается голою рукою. Такимъ образомъ процессъ состоитъ изъ 8—10 операцій, что дѣлаетъ его недоступнымъ для самыхъ мелкихъ производителей. И дѣйствительно, тогда какъ въ правильной отрасли 28 мастерскихъ ограничиваются 2 рабочими каждая, 11—четырьмя, и только 2 имѣютъ ихъ больше, большинство гребенныхъ заведеній (30 изъ 54) содержатъ свыше 10 рабочихъ каждое, 14 имѣютъ 5—10 человѣкъ, остальныя 10 —меньше 5. Да и то послѣднія обязаны своимъ существованіемъ, вѣроятно, только косности нашихъ капиталистовъ, не примѣняющихъ въ достаточной степени раздѣленія труда и техническихъ улучшеній. Мы дѣлаемъ это предположеніе о косности гребенщиковъ, основываясь на томъ, что они не вводятъ и такихъ измѣненій, которыя сами считаютъ выгодными; такъ это можно сказать о примѣненіи коннаго привода къ машинкѣ, нарѣзывающей зубья и др.

Въ хотѣичскихъ мастерскихъ положеніе рабочихъ лучше, чѣмъ въ рогачевскихъ. Такъ привильщикъ съ мальчикомъ можетъ заработать здѣсь до $1^1/_2$ руб. въ день (на своихъ харчахъ), гребенщикъ 40—50 к. Въ Рогачевской волости первый получитъ не больше 1 руб., послѣдній—40 коп. (и харчи), несмотря на то, что рабочій день здѣсь состоитъ изъ 14 часовъ, а тамъ всего изъ 11 и что рогачевскія мастерскія приготовляютъ болѣе цѣнный гребень. Объяснить такое различіе мы можемъ развѣ только тѣмъ, что въ Хотѣичахъ промыселъ возникъ давно, когда положеніе крестьянъ было гораздо лучше, и они не легко поддавались вліянію капитала; въ Рогачевской же волости исторія

промысла считаетъ за собой не больше 50 лѣтъ, а значительно развился онъ вѣроятно, еще позднѣе, и потому капиталъ имѣлъ дѣло съ болѣе мягкимъ рабочимъ матеріаломъ. Пробовали-было хозяева и въ Хотѣичахъ удлинить рабочій день; одинъ возвысилъ для этого поурочную плату, угощалъ рабочихъ ежедневно чаемъ, и тѣ нѣсколько дней, дѣйствительно, жили по новому; но подъ вліяніемъ насмѣшекъ со стороны рабочихъ другихъ мастерскихъ («что, видно, въ острогъ попали?» и т. п.), усердіе скоро пропало и новое было уничтожено. «Такъ изстари заведено, и теперь измѣнять не приходится», говорятъ хотѣичцы. Лѣтомъ число работающихъ въ мастерскихъ сокращается на половину.

Рабочій гребенщикъ постоянно долженъ своему хозяину 50—100 руб., и это лишь связываетъ объ стороны: мелкій хозяинъ не можетъ, напримѣръ, отпустить лишнихъ рабочихъ во время застоя производства, такъ какъ опасается потерять выданныя имъ деньги, не можетъ и переждать (подобно крупному предпринимателю) съ продажей своихъ товаровъ, ибо матеріалъ взятъ имъ въ долгъ, который время уже уплатить. Поэтому хозяева гребенщики вообще не наживаютъ большихъ капиталовъ, и нерѣдко сами, въ концѣ концовъ, превращаются въ наемныхъ рабочихъ. Основная причина всѣхъ этихъ явленій та, что къ промыслу крестьяне льнутъ по нуждѣ, не справляясь ни съ его потребностями въ рабочей силѣ, ни съ состояніемъ рынка. А нужда состоитъ въ разстройствѣ исконнаго ихъ занятія—земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ, познакомимся съ экономическимъ состояніемъ села Хотѣичъ, гдѣ роговымъ промысломъ занято 650 человѣкъ. Оно состоитъ изъ 467 дворовъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, 2,190 душъ обоего пола, среди которыхъ 534 мужчины въ рабочемъ возрастѣ. Получили они въ надѣлъ по 4,1 дес. на работника съ платежами на нихъ 19,2 р. Изъ 443 дворовъ, надѣленныхъ землей, забросили ее 147, т. е. 33% (тогда какъ въ Богородскомъ уѣздѣ средній процентъ таковыхъ 22 [1]). Это забрасываніе, должны мы вновь повторить, не есть результатъ сознательнаго разсчета въ виду лучшаго заработка въ гребенной мастерской, а явилось какъ естественное послѣдствіе раззоренія. Видно это изъ того, что кромѣ 650 пріютившихся въ гребенной мастерской (здѣсь есть, можетъ быть, и рабочіе изъ другихъ деревень, но во всякомъ случаѣ «всѣ молодые люди села круглый годъ занимаются въ мастерскихъ»), [2]) еще 676 человѣкъ, почти 1/3 всего

[1]) Сборн. стат. свѣд. Моск. губ. т. III, Экономич. таблицы по Богородскому уѣзду.
[2]) Сборн стат. свѣд. т. VI, вып. I, стр. 267.

населенія, ищутъ заработка на сторонѣ! [1])—не отъ избытка же бѣгутъ они изъ родного села! Нельзя сказать, чтобы и земля была совершенно истощена и не годилась вовсе для дальнѣйшей обработки. Хотя промышленникъ сдаетъ свой участокъ за мизерную плату $1^1/_8$—2 руб. (самъ платя за него выкупной суммы 12 р.), но есть крестьяне, берущіе ее по этой цѣнѣ очень охотно, занимающіеся исключительно хлѣбопашествомъ и находящіе это для себя выгоднымъ [2]). Наконецъ, о переходѣ къ лучшему или худшему свидѣтельствуетъ и движеніе населенія села Хотѣичъ: за послѣдніе 20 лѣтъ оно изъ 2,224 души обоего пола превратилось въ 2,190 [3]), т.-е. сократилось на 34 человѣка. И такъ, крестьяне села Хотѣичъ могли бы съ выгодой для себя заниматься земледѣліемъ, промыслу посвящать лишь свободное за этимъ время. Самый промыселъ легко можетъ быть организованъ на артельныхъ началахъ. Гребенная мастерская на 6 человѣкъ съ инструментами стоитъ 200 руб. (по 35 р. на каждаго), рогу и другихъ матеріаловъ для 2-недѣльнаго производства нужно на сумму около 140 руб., поѣздка въ Москву обойдется въ 15. Выдѣланные за это время гребни дадутъ 250 р., за вычетомъ расходовъ останется 90 р. или по 15 (а въ мѣсяцъ 30) на брата. Дохода этого вполнѣ достаточно для того, чтобы въ первый же годъ погасить долгъ для обзаведенія и сократить производство на столько, чтобы не заваливать его продуктами рынка. Впрочемъ, нашъ разсчетъ относится къ Рогачевскимъ промышленникамъ; Хотѣическіе же добудутъ меньше, такъ какъ приготовляютъ грубый гребень (да и работаютъ меньше), но и ихъ заработокъ разумѣется значительно возвысится отъ такого превращенія капиталистическихъ заведеній въ артельныя. Такимъ образомъ, судьба рогового мастера можетъ быть устроена болѣе или менѣе сносно, но подъ непремѣннымъ условіемъ—возвращенія его къ земледѣлію.

Щеточный промыселъ распространенъ въ 16 селеніяхъ Подольскаго уѣзда и 10-ти — Звенигородскаго. Возникъ онъ въ концѣ прошлаго вѣка сначала въ видѣ отхожаго, а потомъ превратился въ мѣстный; въ началѣ 19-го вѣка въ деревняхъ Подольскаго уѣзда Елизаровой и Клоковѣ были уже крупныя заведенія, знакомившія съ этимъ искусствомъ мѣстныхъ жителей. Съ теченіемъ времени, промыселъ все больше распространялся, но не капитализировался, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

---

[1]) Id., т. III. Паспортовъ выдается въ годъ 753; для полученія числа уходящихъ нужно уменьшить эту цифру на 8% (см. т. II).

[2]) Сборн. стат. свѣд. т. VI, вып. I, стр. 267.

[3]) Id., т. III. Экономич. табл.

Изъ 150 мастерскихъ, существующихъ въ настоящее время, получили свое основаніе: 31 до 1861 г., 21 впродолженіе 60-хъ гг. и 90—въ 70-хъ; позже образовавшіяся мастерскія мельче: такъ, 1-я въ моментъ наибольшаго напряженія работы держитъ 8, 6 человѣкъ, 2-я 7, 2 и 3-я 6, 1. Это обстоятельство указываетъ во всякомъ случаѣ на то, что съ теченіемъ времени промыселъ не стремится къ капитализаціи — явленіе совершенно обратное замѣчаемому на Западѣ и вообще тому, какое свойственно развитію капиталистическаго производства. Есть, слѣдовательно, условія, превозмогающія стремленіе капитала къ своему возрастанію; ибо нельзя объяснить замѣченное явленіе простотой технико-экономическихъ особенностей промысла. Правда, первоначальное обзаведеніе стоитъ недорого, отдѣльнаго помѣщенія здѣсь не требуется; но раздѣленіе труда проведено все-таки довольно далеко. Продуктъ долженъ пройти 5 операцій: *пильщикъ* пилитъ колодки, на которыхъ потомъ *вертѣлъ* просверливаетъ дырочки (на вертѣльномъ станкѣ или машинкѣ, увеличивающей производительность труда въ $1^1/_2$ раза); въ это же время *чистилъ* очищаетъ и краситъ щетину, поступающую затѣмъ къ *кустарнику*, приготовляющему изъ нея и изъ колодки щетку; изъ рукъ кустарника послѣдняя для окончательной отдѣлки идетъ къ столяру. И такъ, продуктъ долженъ пройти, по крайней мѣрѣ, 5 различныхъ операцій; но если устроивать мастерскую, по возможности удовлетворяющую всѣмъ условіямъ производительности труда, нужно составить ее не менѣе, какъ изъ 15 человѣкъ, такъ какъ на одного столяра и чистила должно имѣть 2 вертѣла и 10 кустарей. Однако, такихъ большихъ мастерскихъ наберется въ округѣ всего 5—6, да и тѣ сохраняютъ эти размѣры лишь въ самое горячее время; постоянныхъ же рабочихъ на 150 заведеніяхъ 820, изъ числа которыхъ 489 членовъ хозяйскихъ семей и 331 рабочихъ; на каждую мастерскую, слѣдовательно, приходится въ среднемъ 5 человѣкъ (3 своихъ и 2 наемныхъ). Изъ числа этихъ 150 мастерскихъ только 2 не посылаютъ на работу членовъ хозяйскихъ семей, въ 92—на ряду съ наемными трудятся и послѣдніе, а 56 ограничиваются исключительно семейными силами. Большинство мастерскихъ имѣютъ 2—3 рабочихъ (45) и 5—6 (39), больше 9 человѣкъ нанимаютъ всего 6 заведеній.

Другія стороны производства указываютъ тоже на слабое развитіе специфическихъ свойствъ здѣшняго капиталиста. Такъ, въ послѣдніе годы явилась возможность съ большой выгодой замѣнить вертѣльный станокъ машинкой, стоющей всего 20—25 р.;

но ее пріобрѣли лишь 7 хозяевъ, остальные (даже крупные) находятъ, что дѣло идетъ хорошо и безъ нея. Неудивительно, что при такихъ свойствахъ мѣстнаго капитала и дешевизнѣ обзаведенія для веденія промысла (десятокъ-другой рублей), послѣдній не только сохраняетъ, но и развиваетъ свою кустарную самостоятельность. Скорѣе возникаетъ вопросъ, почему онъ еще не достигъ полной независимости отъ капитала, почему тѣ 330 человѣкъ, работающихъ по найму въ 94-хъ мастерскихъ, не превращаются въ самостоятельныхъ производителей? Сборникъ, задающійся этимъ вопросомъ, не даетъ одного на него отвѣта, а приводитъ лишь фактъ, что контингентъ наемныхъ рабочихъ набирается по преимуществу изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и ссылается на неустройство сбыта продукта и кредита. Дѣйствительно, мелкіе производители не имѣютъ постоянныхъ покупателей въ Москвѣ (куда они возятъ свой продуктъ разъ въ 2—3 недѣли), вслѣдствіе чего они принуждены нѣкоторымъ образомъ навязывать свой товаръ, отчего и теряютъ при сбытѣ 20—30%. При закупкѣ матеріала мелкій хозяинъ опять въ потерѣ: крупный производитель состоитъ членомъ мѣстнаго ссудо-сберегательнаго товарищества и потому, когда въ деревню пріѣдутъ изъ Тульской и Калужской губерній продавцы колодокъ или щетины, онъ беретъ въ кассѣ деньги и покупаетъ что ему нужно оптомъ; мелкій не можетъ этого сдѣлать и долженъ потомъ понемногу перекупать у перваго, надбавляя ему 10—50%. Къ его услугамъ нѣтъ ссудо-сберегательнаго товарищества, и для займа какого-нибудь десятка рублей онъ долженъ нести подъ залогъ вещь, да платить 5—10% въ мѣсяцъ. Но эта сторона лишь отчасти объясняетъ существующую постановку дѣла; она неизбѣжно отразится на доходахъ мелкаго самостоятельнаго хозяина, но не дѣлаетъ его существованія невозможнымъ.

Основная причина кроется въ бѣдности крестьянина, непозволяющей ему собрать 10—20 р. для начала промысла; «рѣдкій изъ рабочихъ не бываетъ въ долгу у хозяина на нѣсколько десятковъ рублей; эти долги служатъ для хозяевъ средствомъ держать въ своихъ рукахъ рабочихъ. При переходѣ рабочаго къ другому хозяину его долгъ обыкновенно беретъ на себя послѣдній» [1]). А откуда такая бѣдность — если только читатель нуждается въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ — можно отчасти видѣть по нижеслѣдующему. Щеточнымъ ремесломъ занимаются главнымъ образомъ двѣ волости. Десенская Подольскаго уѣзда и Перхушковская Звенигородскаго. Въ первой находится 46 мастерскихъ

[1]) Сб. т. VI, в., с. 32.

съ среднимъ числомъ 236 рабочихъ, во второй 89 съ 490 работающими. Рабочіе первой волости распадаются почти по ровну между членами хозяйскихъ семей и наемными, въ Перхушковской же наемный элементъ составляетъ только $^1/_3$ всего числа рабочихъ [2]). Это значитъ, что въ Подольскомъ уѣздѣ промыселъ больше капитализованъ, чѣмъ въ Звенигородскомъ. И дѣйствительно, хотя число мастерскихъ, ограничивающихся только семейными рабочими, въ обѣихъ мѣстностяхъ относительно одинаково (около 40%), но въ Звенигородскѣ всего одна держитъ больше 9 рабочихъ, а въ Подольскомъ такихъ 5. Сопоставимъ эти свѣдѣнія о степени капитализаціи промысла въ обѣихъ волостяхъ съ данными о состояніи ихъ земледѣлія. О земельномъ хозяйствѣ *самостоятельныхъ* предпринимателе-щеточниковъ мы имѣемъ прямыя указанія въ «Сборникѣ». Оттуда видно, что, за исключеніемъ одного, всѣ они обрабатываютъ свой надѣлъ сами, наймомъ или работникомъ. Мало того, при разспросахъ щеточники высказали, что безъ земли имъ «нельзя бы было жить». Скота у нихъ ($2^1/_2$ шт. на дворъ) гораздо больше средняго по губерніи (1,8) и по Подольскому уѣзду (2), и увеличить количество содержимаго скота далъ имъ возможность именно промыселъ, благодаря которому «подати уплачиваются щеточниками рѣдко на счетъ благосостоянія своего хозяйства». О земледѣльческомъ хозяйствѣ *наемныхъ* щеточниковъ мы не имѣемъ прямыхъ указаній въ «Сборникѣ» и должны поэтому ограничиваться косвенными. Именно въ 8-ми деревняхъ (занятыхъ щеточнымъ промысломъ) государственныхъ крестьянъ Десенской волости Подольскаго уѣзда, гдѣ всѣхъ домохозяевъ 323, а надѣленныхъ землей 300, бросили свои надѣлы 86, т.-е. 28,7%, а процентъ бросившихъ земледѣліе государственныхъ крестьянъ по цѣлой волости только 17. Принимая къ тому же во вниманіе, что половина десенскихъ щеточниковъ принадлежитъ къ разряду наемныхъ рабочихъ, мы можемъ вывести заключеніе, что или занятіе промысломъ (въ качествѣ наемнаго рабочаго) препятствуетъ занятію земледѣліемъ, или что плохое состояніе послѣдняго побуждаетъ населеніе бросаться въ настежь раскрытыя двери мастерской крупнаго хозяина щеточника.

Иное мы видимъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Въ Перхушевской вол. изъ 12 деревень, занимающихся промысломъ, 8 (съ 450-ю работающими) населены государственными крестьянами и

[1]) Въ этихъ же волостныхъ и почти въ тѣхъ же деревняхъ существуетъ и крючечный промыселъ; крючечники распадаются на 35 членовъ хозяйскихъ семей и 21 наемныхъ въ первой волости и 79 на 40—во второй.

только 4 съ 42 рабочими принадлежатъ къ разряду помѣщичьихъ. И мы видимъ, что изъ 213 надѣленныхъ землей дворовъ первыхъ 8 деревень (4 деревни помѣщ. крестьянъ всего съ 42 щеточниками мы можемъ оставить безъ вниманія) бросили земледѣліе только 7, т.-е. 3,3%; впрочемъ, и по всей волости у государственныхъ крестьянъ процентъ этотъ не великъ, всего 4. Имѣя въ виду, что перхушевскіе крестьяне занимаются щеточнымъ промысломъ главнымъ образомъ въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ, мы здѣсь могли бы, пожалуй, сдѣлать заключеніе, обратное вышесказанному: или промыселъ благопріятствуетъ земледѣлію, или порядочное, сравнительно, состояніе послѣдняго дозволяетъ населенію быть болѣе самостоятельнымъ при выборѣ формы подсобнаго заработка, и большинство занялось имъ въ качествѣ независимыхъ хозяевъ.

Мы здѣсь имѣемъ, такимъ образомъ, два положенія: 1) о вліяніи промысла на земледѣліе и 2) вліяніи состоянія земледѣлія на форму кустарнаго производства. Какъ это ни странно, но оба противуположныя другъ другу заключенія относительно вліянія промысла на земледѣліе имѣютъ свою долю истины. Какимъ образомъ промыселъ отбиваетъ отъ него, увидимъ ниже, а теперь остановимся нѣсколько на выводахъ, почерпнутыхъ нами изъ примѣра Перхушевской волости. Мы видимъ, что маломальски сносное состояніе земледѣлія даетъ возможность промыслу стремиться принять форму мелкаго самостоятельнаго хозяйства, т.-е. оно не благопріятствуетъ развитію капиталистической формы производства. И это результатъ вліянія земледѣлія, сноснаго по-московски, т.-е., когда отъ зерна рабочій получаетъ какихъ-нибудь 50 р., платя за это налоговъ 18,5 р. Что же было бы при дѣйствительно изрядномъ состояніи сельскаго хозяйства, если бы одновременно съ заработка мужика снята была та фискальная обуза, которую de jure несетъ земля, если бы онъ хоть крошечку пользовался кредитомъ, если бы, наконецъ, совмѣстно съ этимъ началось и просвѣтительное вліяніе на него интеллигенціи? Почти невозможно сомнѣваться, что чрезъ нѣсколько лѣтъ капиталъ окончательно покинулъ бы разсматриваемую отрасль кустарнаго промысла, и она всецѣло перешла бы въ руки семейныхъ и артельныхъ мастерскихъ.

Для организаціи артелей здѣсь почти не существуетъ техническихъ или экономическихъ препятствій: обзаведеніе инструментами стоитъ очень недорого, а строить для мастерской отдѣльное зданіе нѣтъ никакой надобности. Ибо различныя операціи производства очень легко могутъ быть разсортированы по из-

бамъ артельщиковъ: одни будутъ у себя на дому пилить колодки, другіе—дома же просверливать въ нихъ дырки, третьи—очищать и красить щитину, четвертые—набивать ею щетки и т. д. Всѣ эти операціи могутъ идти въ разныхъ помѣщеніяхъ и работающіе будутъ связаны лишь одновременностью и единствомъ производства.

И такъ, сносное и тѣмъ болѣе хорошее состояніе земледѣлія и процвѣтаніе промысла на артельныхъ началахъ, нетолько совмѣстимы, но и дополняютъ другъ друга: первое обусловливаетъ второе, а это, въ свою очередь, возвышаетъ земледѣліе, доставляя нужныя для него средства. Наемный же щеточникъ нетолько есть результатъ падающаго земледѣлія, но и причина еще бо́льшаго паденія. Для выясненія послѣдняго обстоятельства намъ нужно предварительно ознакомиться съ положеніемъ наемнаго рабочаго въ щеточномъ промыслѣ. Заработная плата здѣсь полагается годовая и мѣсячная, но подъ условіемъ выполненія извѣстнаго урока. Пильщикъ получаетъ 85—125 руб. въ годъ, вертѣлъ 75—100 р., чистилъ 90—125 р., кустарь 30—75 руб. (по работой сверхъ урока можетъ ее возвысить), столяръ 90—200 р. Рабочій день длится 12 часовъ, мелкіе хозяева удлиняютъ свой рабочій день до 14—15 часовъ. Работа въ большинствѣ мастерскихъ прекращается съ 8-го іюля до начала сентября, а въ остальныхъ на 2—3 недѣли покоса. Мы видѣли, что такой лѣтній перерывъ производства существуетъ почти во всѣхъ отрасляхъ кустарнаго промысла, и объясняется онъ вовсе не нежеланіемъ крупныхъ хозяевъ продолжать работу лѣтомъ, а вліяніемъ наемныхъ рабочихъ. Какъ ни низко стоитъ земледѣліе въ Московской губерніи, но крестьянинъ хорошо понимаетъ, что оно—наиболѣе прочный изъ его устоевъ, и потому, чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, лѣтомъ онъ рвется къ землѣ. Обстоятельство это не благопріятствуетъ развитію *нашего* капиталистическаго производства, и послѣднее еще такъ слабо, что не въ силахъ приспособить къ себѣ рабочаго, а принуждено само къ нему приспособляться. Однако, оно стремится выйти изъ подъ такой позорной зависимости, и въ разсматриваемомъ промыслѣ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ пріемовъ крупныхъ промышленниковъ, имѣющимъ цѣлью достигнуть непрерывности производства. Пріемъ этотъ—большая плата годовому рабочему. Вышеприведенную цѣну рабочій получаетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ занятъ въ мастерской круглый годъ (впрочемъ, на время покоса дозволяется и ему обратиться къ земледѣлію); если же лѣтомъ онъ оставляетъ хозяина, то разсчитывается на иномъ основаніи: вмѣсто 10, напримѣръ, рублей въ мѣсяцъ онъ получитъ

6—7; иначе говоря, за три лѣтнихъ мѣсяца рабочій въ мастерскихъ получаетъ слишкомъ 30 рублями дороже; разставаясь съ хозяиномъ на лѣто, рабочій какъ бы отдаетъ ему изъ своего кармана 10—25 рублей за право заниматься земледѣліемъ, а останься онъ въ мастерской—заработаетъ въ лѣто 50—60 рублей. Такой уловкой капиталисту удается отвлечь рабочихъ отъ земледѣлія: нѣкоторые изъ получающихъ высокую плату нанимаютъ для обработки надѣла сосѣда (платя ему за это 20 р.), другіе вовсе махнули на землю рукой. И такимъ плохо придется во время промышленнаго застоя. «Въ годы застоя промысла, какъ напримѣръ, въ 1876—77 г. размѣры потребностей щеточниковъ сокращаются до возможнаго minimum'a, причемъ средства къ жизни получаются почти исключительно отъ земледѣлія и отъ заработковъ, возможныхъ при веденіи земледѣльческаго хозяйства: «Мы тогда вдарились въ извозъ, говорили намъ щеточники:— ѣздили возить дрова и что придется, а кто продавалъ изъ скотины что-нибудь, такъ и поребивались, пока не пошель опять промыселъ» [1]). Но какъ быть тому, у кого и скота нѣтъ? Такіе шли въ мастерскія изъ-за одного хлѣба; хорошій мастеръ радъ былъ получить 40 к. въ недѣлю [2]).

И такъ, нашъ доморощенный капиталистъ еще такъ слабъ и робокъ, что долженъ покупать право на существованіе, привлекая рабочаго и высокой платой, и угощеніемъ чаемъ. Или рабочій настолько еще самостоятеленъ, что можетъ бороться съ капиталистомъ.

То или другое, а это значитъ, что въ Россіи существуетъ благопріятная почва для организаціи труда на народныхъ, артельныхъ началахъ.

Въ тѣхъ же деревняхъ распространено и выдѣлываніе изъ проволоки платяныхъ крючковъ, занимающее руки 200 человѣкъ. Хотя раздѣленіе труда можетъ быть здѣсь проведено такъ далеко, что при нормальной мастерской въ 9—10 человѣкъ производительность его увеличится втрое, тѣмъ не менѣе средняя мастерская въ данномъ округѣ состоитъ всего изъ 4—5 рабочихъ. Послѣдніе получаютъ здѣсь по 60 — 100 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ и приносятъ своему хозяину барыша по 28 р. О вліяніи промысла на земледѣліе, кромѣ фактовъ, изложенныхъ при описаніи щегочнаго промысла, приведемъ, что всѣ хозяева 44 мастерскихъ занимаются и сельскимъ хозяйствомъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще о двухъ про-

[1]) Сб., т. VI, в. 1, стр. 50,

[2]) Id., стр. 32.

мыслахъ, матеріалы о которыхъ напечатаны, это—цвѣтильномъ и булавочномъ. Оба они имѣютъ ту общую черту, что принуждены вести непосильную борьбу съ западно-европейскимъ капитализмомъ и чуть ли не доживаютъ послѣдніе дни.

Цвѣтильнымъ промысломъ (раскрашиваніе картинъ) занято 342 человѣка (изъ нихъ только 26 не женскаго пола), наемныхъ среди нихъ—9. Раскрашиваютъ они картины, получаемыя отъ московскихъ торговцевъ. Промыселъ этотъ падаетъ или, по крайней мѣрѣ, не развивается, благодаря конкурренціи машинной, хромолитографной работы. Но, по мнѣнію сборника, еслибы возвысить искусство производителей и организовать ихъ въ артели для закупки матеріала и сбыта продукта—существованіе промысла было бы надолго обезпечено.

Булавочный промыселъ не особенно привился въ Московской губерніи, и теперь ему посвящаютъ свои силы всего 163 человѣка въ 10 мастерскихъ; судя по размѣрамъ мастерской, онъ долженъ быть изъятъ изъ сферы собственно кустарныхъ промысловъ и врядъ ли когда-либо принадлежалъ къ послѣднимъ. Въ послѣднія 10 лѣтъ онъ все больше подавляется заграничной машинной фабрикаціей, что, наконецъ, побудило и одного изъ мѣстныхъ промышленниковъ завести у себя машину. Такимъ образомъ, нужно ожидать въ скоромъ времени полнаго прекращенія этого производства на старомъ техническомъ основаніи (да и давно пора, прибавимъ мы отъ себя, ибо у насъ это производство стоитъ еще на той ступени развитія, какой оно достигло въ Англіи слишкомъ 100 лѣтъ назадъ).

Сгруппируемъ выводы, тамъ и самъ разбросанные въ этой главѣ.

Организація общественной формы труда въ кустарномъ промыслѣ совершается крайне медленно. Обогащеніе отдѣльныхъ промышленниковъ ведетъ лишь къ механическому расширенію ихъ производства, но не къ дальнѣйшему развитію мануфактуры, вслѣдствіе чего такая концентрація производства не нарушаетъ возможности существованія рядомъ мелкихъ мастерскихъ. Еще больше въ исторіи кустарнаго промысла за послѣднія десятилѣтія гораздо яснѣе проявляется его декапитализація, чѣмъ сосредоточеніе производства въ меньшемъ числѣ болѣе крупныхъ мастерскихъ; и сплошь да рядомъ развитіе промысла въ мѣстности начинается образованіемъ крупныхъ заведеній, которыя потомъ распадаются на болѣе мелкія. Въ основѣ такого направленія нашего кустарнаго промысла лежатъ, во-первыхъ, общія международныя неблагопріятныя условія для развитія въ Россіи

капитализма и, во-вторыхъ, непорванная еще связь рабочаго населенія съ землею. И обратно, укрѣпляя послѣднюю, мы отнимаемъ у туземнаго русскаго капитализма и теперешніе его устои, создаемъ возможность для совершенія развитія общественной формы труда на артельныхъ началахъ. Весьма вѣроятно, что процессъ обобществленія труда артельнымъ путемъ пойдетъ быстрѣе, чѣмъ онъ шелъ подъ руководствомъ *нашего* капитализма: по крайней мѣрѣ, послѣдній показалъ очень мало стремленія воспользоваться выгодами улучшенныхъ способовъ производства и раздѣленія труда, а неблагопріятныя условія сбыта и дешевизна ручнаго труда объясняютъ такую инертность русскаго капиталиста. Артель же, помимо стремленія къ обогащенію, побуждается къ развитію производительности труда и другимъ мотивомъ—весьма естественнымъ желаніемъ сократить и облегчить свою работу; поэтому, и при неизмѣнномъ сбытѣ продукта, она можетъ все-таки заботиться о введеніи различныхъ техническихъ усовершенствованій.

Положеніе это хотя и противорѣчитъ тому понятію о свойствахъ и задачахъ капитала, какое составилось о немъ въ общественной наукѣ, но не слѣдуетъ забывать, что послѣдняя изучала капиталъ въ Англіи, странѣ его естественнаго развитія и наивысшаго процвѣтанія, а, какъ мы уже видѣли, онъ далеко не вездѣ можетъ дать столь же пышный цвѣтъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ техникъ, лично наблюдавшій заграничное производство, о желѣзной промышленности Германіи, гдѣ она занимаетъ такое огромное пространство, какого не занимаетъ нигдѣ въ мірѣ, даже въ Англіи. Промышленность эта существуетъ съ незапамятныхъ временъ и уже въ XIV столѣтіи пользовалась нѣкоторою извѣстностью. Сначала преобладалъ ремесленный порядокъ, но въ XVII и XVIII вѣкахъ здѣсь также наступилъ переворотъ: мелкіе мастера не находили сбыта своимъ произведеніямъ, и кустарная промышленность перешла въ руки купцовъ. Этотъ порядокъ существуетъ еще и теперь. Эти купцы-посредники большею частью ничего не смыслятъ въ техникѣ. «Сами же рабочіе такъ упорно держатся старины, что препятствуютъ малѣйшему движенію впередъ. Ихъ шлифовальныя мельницы (существующія съ XV и XVI вѣковъ), водяныя—чистый адъ» [1]). Разумѣется, здѣсь дѣло не въ нѣмцѣ, а въ историческомъ моментѣ и условіяхъ, при которыхъ развивается капиталистическое производство. И если въ настоящее время руководитель герман-

[1]) Труды ком. по изслѣдов. кустарной пром. въ Россіи в. 1, отд. III, ст. Туна. стр. 81.

ской мануфактуры можетъ быть невѣждой и въ силу этого удержать руководимую имъ отрасль въ сторонѣ отъ промышленнаго процесса, то что же сказать о туземномъ русскомъ капиталистѣ, о будущемъ нашей кустарной промышленности!

Такимъ образомъ, мелкое (въ техническомъ отношеніи) производство на западѣ вовсе не исчезло безслѣдно; напротивъ, оно очень энергично борется съ крупнымъ. Для насъ, русскихъ, наблюдать эту борьбу крайне интересно и поучительно. Здѣсь мы, между прочимъ, можемъ почерпнуть еще одинъ аргументъ въ пользу выше развитой мысли о значеніи и судьбѣ капитализма въ Россіи. Поэтому, приведемъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи этой борьбы.

Мы здѣсь не станемъ отличать самостоятельнаго мелкаго ремесла отъ такъ называемой домашней формы крупной промышленности (о которой говорится и въ вышеприведенной цитатѣ), ибо, хотя послѣдняя и служитъ переходной ступенью къ мануфактурѣ, но технически покоится еще на старомъ, ремесленномъ основаніи и, можетъ быть, при помощи правительства и общества, возвратится къ своей прежней самостоятельности; а въ странахъ, гдѣ она еще не получила преобладанія, тою же помощью возможно предупредить замѣщеніе ею самостоятельнаго ремесла. И такъ, насколько мелкій промыселъ на Западѣ стерся передъ господствующей тамъ фабрикой?

Оказывается, что онъ нетолько не влачитъ жалкаго существованія, но и активно борется съ крупнымъ производствомъ, употребляя для этого ея же орудія — науку и технику. Его нельзя считать исчезнувшимъ даже въ Англіи, достигшей апогея въ развитіи машинной индустріи; такъ, по отчетамъ комиссіи, назначенной въ 1875 г. парламентомъ для изслѣдованія дѣйствія фабричнаго законодательства, подъ вѣдомствомъ фабричныхъ инспекторовъ находилось не меньше 109,324 ремесленныхъ мастерскихъ. Кромѣ этихъ самостоятельныхъ заведеній, есть много другихъ, работающихъ на крупныхъ фабрикантовъ; такъ въ одной Шотландіи въ 1872 г. существовало еще 10,000 ручныхъ ткачей; хозяева крупныхъ шлифовальныхъ заведеній, кузницъ, кружевныхъ часть работы отдаютъ въ мелкія мастерскія [1]). «Послѣдними изслѣдованіями прусскаго статистическаго бюро обнаружено и почти неожиданно, по словамъ Энгеля (сколько такихъ неожиданностей открылъ бы Энгель въ Россіи!), что крупная промышленность или, точнѣе, фабричная занимаетъ далеко меньшее число людей, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ: другими сло-

[1]) „Слово“ 1879, ст. г. Зибера „Экономическая теорія Маркса“.

вами, что центръ тяжести прусской промышленности въ настоящее время находится не въ крупномъ, но въ мелкомъ производствѣ. Именно, въ 1875 г. въ Пруссіи существовало 1.667,104 главныхъ производствъ (?) и изъ нихъ 1.623,591 мелкихъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ занято не болѣе 5 человѣкъ и 43,513 крупныхъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ работаетъ болѣе 5 человѣкъ; такъ какъ производство съ 6 — 10 человѣкъ едва ли можно назвать крупнымъ, а скорѣй границу его можно положить въ 50 рабочихъ, то оказывается, что въ мелкой промышленности занятъ 2.791,022 человѣка, а въ крупной — 826,486 человѣкъ» [1]). Нужно сказать, что большая часть этихъ мелкихъ заведеній принадлежитъ къ домашней системѣ крупной промышленности. Но за то и условія для капитализаціи ремесла въ Германіи благопріятнѣе, чѣмъ въ Россіи, ибо ремесленникъ тамъ исключительно своимъ ремесломъ и занимается; соединеніе же его съ земледѣліемъ почти не встрѣчается [2]). Поэтому самостоятельный нѣмецкій ремесленникъ долженъ быть гораздо менѣе устойчивъ въ своей независимости, чѣмъ русскій кустарь. Особенно интересной намъ должна показаться Швейцарія, представляющая нѣкоторое сходство съ Россіей по положенію ея рабочаго класса.

«Домашній трудъ,—говоритъ Корсакъ:—господствуетъ здѣсь какъ въ мелкихъ, такъ и въ главныхъ отрасляхъ фабрикаціи. Каждый рабочій имѣетъ небольшую землю, маленькое поле или садикъ; промышленность составляетъ какъ бы прибавочное занятіе, къ которому онъ обращается за недостаткомъ другой, болѣе выгодной работы. На эти отношенія швейцарскіе фабриканты обращаютъ большое вниманіе: лѣтомъ, когда позволяютъ обстоятельства, они прекращаютъ работу; зимой всѣ руки снова обращаются къ промышленности. Нѣкоторыя отрасли только и имѣютъ домашнюю форму, безъ всякаго отношенія къ фабричности въ большихъ размѣрахъ» [3]). Швейцарское населеніе «отличается удивительнымъ самообладаніемъ и съ поразительной легкостью прокладываетъ себѣ новые пути на промышленномъ поприщѣ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ цѣлыя области безъ всякихъ тяжелыхъ кризисовъ мѣняющими одну вѣтвь промышленности на другую, какъ скоро измѣняется время и наступаетъ застой въ старой промышленности».

«Знаменитая ружейная фабрикація въ Льежѣ (Люттихѣ) всегда служила занятіемъ домашняго труда. Всѣ собственно работы

[1]) Орловъ „Экономическое значеніе машинъ“, стр. 84—85.

[2]) Тр. ком. изслѣд. куст. пром. въ Россіи, в. 1, отд. 1, стр. 66.

[3]) Орловъ. Id., стр. 84.

производятся въ окрестныхъ селеніяхъ съ значительнымъ раздѣленіемъ труда; такъ, въ одномъ мѣстѣ дѣлаются ружейные стволы, въ другомъ — приклады и т. п. Такъ-называемой фабрикѣ въ Льежѣ остается только сборка и окончательная отдѣлка». «Вся оружейная промышленность въ Швеціи, — говоритъ Рошеръ, — обязана своимъ происхожденіемъ большимъ казеннымъ фабрикамъ, но вскорѣ фабричное производство должно было превратиться въ домашнее ремесло. Густавъ-Адольфъ старался удержать его, по крайней мѣрѣ, въ городахъ, но тщетно» [1]).

И такъ, мелкое производство далеко не погибло даже на Западѣ, и мы видимъ, что не во всѣхъ странахъ оно сохранилось въ одинаковой степени, хотя, по техническимъ условіямъ производства и степени образованія народа, не видно, почему бы въ Германіи или Швейцаріи фабрикѣ не завоевать себѣ такого же положенія, какъ и въ Америкѣ. Значитъ, есть тому препятствія мѣстныя, національныя и не только отрицательныя, какъ говоритъ г. Орловъ. «Упорному сохраненію домашней системы часто содѣйствуютъ отрицательныя причины, какъ-то: недостатокъ капиталовъ, большія пространства и рѣдкость народонаселенія, трудность сообщеній, дороговизна машинъ, желѣза и топлива, невозможность работать безъ перерывовъ съ работниками, принадлежащими къ земледѣльческому сословію, наконецъ, недостатокъ энергіи и образованія въ средѣ самихъ фабрикантовъ. Переходу въ фабричную систему препятствуютъ иногда особенности въ народномъ характерѣ и обычаяхъ, какъ представляетъ примѣръ Швейцаріи» [2]). Вотъ эти-то характеръ, обычаи, а еще больше весь соціальный строй и историческій моментъ человѣчества, въ какой страна выступаетъ на путь промышленнаго развитія—все это дѣлаетъ вопросъ о капитализмѣ гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ принято его считать.

Мелкая промышленность, какъ мы замѣтили выше, не только пассивно сопротивляется фабрикѣ, но и активно борется съ нею ея же оружіемъ. Притомъ вырабатывается новая форма производства, совмѣщающая выгоды крупнаго (раздѣленіе труда, замѣна человѣка силами природы) съ преимуществами мелкаго (самостоятельность производителя). Вмѣсто того, чтобы всѣмъ производителямъ какого-нибудь товара составить, подъ властью одного капиталиста, большую мастерскую съ строгимъ проведеніемъ въ ней принципа раздѣленія труда, послѣднее примѣняется къ цѣлой группѣ мелкихъ заведеній, общими усиліями

[1]) Орловъ. Id., стр. 94, 95 и 96.
[2]) Id. стр. 95.

которыхъ создается товаръ. Примѣромъ такой мануфактуры, обнимающей цѣлую мѣстность, могутъ служить нѣкоторые кантоны Швейцаріи съ своимъ часовымъ производствомъ. Ему посвящаютъ свои силы 37,969 человѣкъ, производящихъ на 88 милліоновъ франковъ. «Часовое производство въ Швейцаріи разложено на такое число детальныхъ операцій, которыя было бы даже трудно перечислять». «Отдѣльныя части часоваго механизма приготовляются здѣсь особенными работниками, которые продаютъ ихъ другимъ». «Даже мельчайшія части механизма не дѣлаются однѣми и тѣми же руками». «Часовой мастеръ только собираетъ отдѣльныя составныя части и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое (въ фабрикахъ раздѣленіе труда такое же, но отдѣльные мастера работаютъ вмѣстѣ). Раздѣленіе труда здѣсь не ограничивается отдѣльными мастерами: оно связываетъ цѣлые кантоны, которые работаютъ одинъ для другого, вымѣнивая взаимно свои произведенія» [1]).

Обойдя такъ просто и остроумно необходимость сосредоточенія большаго числа рабочихъ въ одной мастерской, ради выгодъ раздѣленія труда, мелкое производство стремится овладѣть и другимъ орудіемъ фабрики—машиной. «Эти отдѣльныя рабочія машины могутъ быть различныхъ размѣровъ, и многія изъ нихъ уже въ настоящее время сдѣлались, по своей цѣнѣ, доступными для всякаго ремесленника. Таковы, напримѣръ, небольшія машины, служащія для обработки металловъ и дерева, употребляемыхъ въ часовомъ и оружейномъ дѣлѣ, книгопечатные и литографскіе станки и проч. Нечего говорить о швейныхъ и вязальныхъ машинахъ. Машиностроеніе стремится къ тому, чтобы производить подобныя машины въ большомъ количествѣ; цѣна ихъ становится съ каждымъ годомъ дешевле, конструкція непрерывно совершенствуется» [2]). И такъ, рядомъ съ стремленіемъ крупной промышленности, при помощи науки, сдѣлаться еще болѣе крупной (на каковую сторону промышленнаго прогресса и было обращаемо все вниманіе политико-экономовъ и публицистовъ) развивается и сознательное примѣненіе науки къ вооруженію мелкаго производства для борьбы съ опаснымъ соперникомъ. Объ успѣхахъ мелкаго промысла въ этомъ отношеніи можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по статьѣ г. Туна: «Мелкая кустарная промышленность на парижской всемірной выставкѣ, 1878 года» [3]). Такъ, машинами для изготовленія одежды воспользовались не

[1]) Id., стр. 89.

[2]) Id., стр. 99—100.

[3]) Тр. ком. по изсл. куст. пр. в. 1.

однѣ городскія швеи: «близь Билефельда (въ Вестфаліи) болѣе 1,000 швейныхъ машинъ работаютъ въ крестьянскихъ домахъ; дѣвушки сшиваютъ на нихъ мужскія рубашки и куртки. Въ маркграфствѣ Бранденбургъ тысячи женщинъ живутъ тѣмъ, что шьютъ перчатки». «Для всѣхъ отраслей сапожнаго мастерства придуманы также машины». «По всѣмъ отраслямъ столярнаго ремесла и обработки дерева есть уже мелкія и крупныя машины». Не мало изобрѣтено новыхъ небольшихъ машинъ для тканья и вязанья; «въ департаментѣ de l'Aube заняты вязаньемъ 20,000, работающихъ частью на фабрикахъ, частью на дому. Даже и нашъ отсталый кустарь нѣтъ-нѣтъ да и примѣнитъ заграничную штуку; такъ, въ мелкихъ кокардныхъ заведеніяхъ Московскаго уѣзда нарѣзка жестяныхъ кружковъ (для кокардъ) и ихъ окраска производится небольшими машинками.

Наконецъ, мелкое ремесло посягаетъ, можетъ быть, на самое главное преимущество фабрики, на ея *силу* въ буквальномъ смыслѣ этого слова: «оно отнимаетъ у фабричной промышленности важнѣйшее преимущество—механическій двигатель». Достигнуть этого ремесло пыталось 2-мя способами: совмѣстнымъ пользованіемъ многихъ большимъ двигателемъ и изобрѣтеніемъ удобныхъ и дешевыхъ маленькихъ. На парижской выставкѣ можно было наблюдать много такихъ небольшихъ двигателей: паровыхъ, газовыхъ, дѣйствующихъ воздухомъ и проч.» Замѣчателенъ маленькій двигатель H. Dufort (въ 120 фр.), который приводится въ движеніе и водою, и сжатымъ газомъ, и примѣнимъ для всѣхъ инструментовъ и машинъ, не требующихъ большой силы. Его можно поставить на всякій столъ, онъ не требуетъ спеціальныхъ построекъ» [1]). Въ 1875 г. въ Пруссіи дѣйствовало до 400 маленькихъ калорическихъ машинъ силою отъ $^1/_{12}$—2 лошадиныхъ [2]). Мелкая промышленность покамѣстъ обращала на себя слишкомъ слабое вниманіе науки; поэтому такъ мало еще сдѣлано для того, чтобы вооружить ее дѣйствительной силой. Небольшіе двигатели будутъ имѣть огромное значеніе въ Россіи, гдѣ промышленность разбросана по деревнямъ. На Западѣ же, и особенно въ Англіи, гдѣ ремесло сосредоточено въ тѣхъ же центрахъ крупной промышленности, мелкіе ремесленники могутъ пользоваться одновременно силою большого двигателя, соединяясь для этой цѣли въ особыхъ зданіяхъ. Такъ, Беббеджъ говоритъ о Бирмингамѣ его времени: «Паровыя машины помѣщены въ большихъ зданіяхъ, состоящихъ изъ многихъ

[1]) Id., отд. III, стр. 80.

[2]) Орловъ. Id., стр. 106.

отдѣленій, гдѣ всякій можетъ устроиться, нанявши силу одной, двухъ или нѣсколькихъ лошадей». «Общественныя мастерскія въ Бирмингамѣ существуютъ и до сего времени; но, при сильной конкурренціи фабричной системы, существованіе такихъ мастерскихъ часто оказывалось не прочнымъ. Такъ, въ Ковентри, посреди ряда коттэджей, выстроенныхъ въ квадратъ, строится домъ для паровой машины, которая соединяется съ ткацкими станками въ коттэджахъ. Обыкновенно паровую силу покупали за 2 1/2 шилл. на станокъ». «Борьба между фабриками-коттэджами и фабриками per se длилась болѣе 12 лѣтъ. Кончилась она полнѣйшимъ разореніемъ 300 подобныхъ фабрикъ-коттэджей. Такая же участь постигла общественныя машины шерстяныхъ ткачей въ Лидсѣ» [1]). Но борьба ремесла съ фабрикой на англійской почвѣ и не могла окончиться иначе; она дастъ ему лишь возможность тянуть коекакъ свое существованіе до поры до времени, и оно тянетъ его и до сихъ поръ. Такъ, по заявленію вышепоименованной комиссіи, въ одномъ учрежденіи Шеффильда «состоятъ на лицо 43 мастерскія. Владѣлецъ его готовитъ издѣлія изъ оленьяго рога и самъ занимаетъ нѣсколько помѣщеній. Помимо этого, тутъ есть еще 18 маленькихъ помѣщеній для ножевщиковъ—каждый нанимаетъ комнату и рабочую силу и трудится на кого хочетъ. По словамъ Фирта, въ Шеффильдѣ весьма часто встрѣчаются мелкіе съемщики комнатъ или частей комнатъ, нанимающіе паръ на шлифовальныхъ фабрикахъ» [2]). Гдѣ недостаточно частныхъ усилій, тамъ на помощь мелкому ремеслу могутъ придти общественныя и правительственныя учрежденія. Такъ, въ Нюренбергѣ «главную поддержку мелкихъ производствъ составляютъ различныя мельницы, особенно такъ называемая Швабская мельница, купленная магистратомъ въ 1854 г.; здѣсь отдаются въ наемъ ремесленникамъ помѣщеніе и движущая сила» [3]). Сюда же относится попытка обратить на пользу мелкой промышленности движущую силу водъ Рейна, предпринятая нѣкоторыми фабрикантами вмѣстѣ съ городскимъ управленіемъ Шафгаузена. «Плотина, устроенная для возвышенія уровня воды, дала возможность концентрировать паденіе воды въ такой степени, что располагаемая работа двигателей простиралась до 700 лошад. силъ». Движущая сила, передаваемая въ городъ при помощи проволочныхъ канатовъ, раздается здѣсь многочисленнымъ и разнообразнымъ промышленнымъ заведеніямъ, бо́льшею частію

[1]) Id., стр. 101—103.

[2]) Зиберъ. Id.

[3]) Орловъ. Id., стр. 103.

малаго размѣра». Подобное же предпріятіе приводится въ исполненіе въ другомъ швейцарскомъ городѣ, Фрейбургѣ, на рѣкѣ Аарѣ [1]).

Повторимъ еще разъ. Мы живемъ въ такой историческій моментъ, когда намъ нечего ни особенно опасаться капитализма, ни разсчитывать на него. Намъ предстоитъ задача создать въ большихъ размѣрахъ новую форму промышленности, удовлетворяющую, на ряду съ требованіями наивысшей производительности труда, и принципу самостоятельности производителя со всѣми его послѣдствіями. Капиталистическая система фабрикъ врядъ ли можетъ быть признана лучшей для этого формой. Организуя трудъ, капиталъ стремился къ одной цѣли: достигнуть наибольшаго производства съ наименьшими издержками. При организаціи же общественной формы труда въ интересахъ народа, рядомъ съ принципами хозяйственной экономіи будутъ поставлены и другіе, какъ-то: доставленіе наибольшаго досуга работающему, предупрежденіе отупляющаго дѣйствія однообразныхъ манипуляцій, вреднаго вліянія на организмъ скученности людей и производства, устраненіе отъ послѣдняго дѣтей, можетъ быть, и женщинъ, и пр. Весьма вѣроятно, что удовлетвореніе всѣмъ этимъ требованіямъ поведетъ къ необходимости создать новую, отличную отъ капиталистической, промышленную единицу и ихъ систему, сходную, напримѣръ, съ тою, какая практикуется въ швейцарскомъ часовомъ производствѣ. А въ такомъ случаѣ и рабочій вопросъ на Западѣ усложняется еще болѣе: становится недостаточно одного лишь замѣщенія капиталиста группою рабочихъ въ организаціи, совершенно уже для нихъ приготовленной капиталомъ. Капиталъ, правда, организовалъ трудъ, но въ форму, непригодную для рабочаго, и послѣднему придется ее перестроивать.

Будемъ надѣяться, что именно Россія и есть та страна, которая послужитъ ему образцомъ при его реорганизаціонной работѣ, что ея историческая миссія заключается въ осуществленіи равенства и братства, если ужъ ей не суждено бороться за свободу.

Но чтобы организовать крупную промышленность въ народныхъ началахъ, устранивъ такимъ образомъ капиталъ, Россія должна, какъ мы видѣли, начать съ устройства своихъ поземельныхъ отношеній. Иначе можетъ случиться, что пока солнце равенства взойдетъ, кулакъ ему выѣстъ очи.

---

[1]) Id., стр. 104.

ГЛАВА IV.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПОМѢЩИЧЬЯГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ РАБОЧЕЙ СИЛѢ.

Самыя важныя битвы между крупнымъ и мелкимъ производствомъ въ Россіи произойдутъ на земледѣльческой почвѣ; и такъ какъ эта отрасль промышленности еще долго будетъ у насъ господствующей, то формы ея будутъ имѣть опредѣляющее значеніе и для всей экономической организаціи страны: завоевавъ земледѣліе, капиталъ почти выиграетъ свое дѣло. Посмотримъ же на его успѣхи въ этой области.

Россія,—говоримъ,—страна по преимуществу земледѣльческая; земледѣліе—наша спеціальность; часть нашей территоріи считалась недавно (а можетъ быть и теперь еще считается кѣмъ-нибудь) даже житницей Европы, и поэтому естественно ожидать, что сельско-хозяйственная область у насъ находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія капиталистическаго производства. Наша сельско-хозяйственная репутація за-границей, опредѣленные рынки для сбыта русскаго хлѣба, недостаточность земли у крестьянъ и дешевизна рабочихъ—вотъ условія, повидимому, благопріятныя, если не для процвѣтанія нашего частно-владѣльческаго хозяйства, то, по крайней мѣрѣ, для выясненія его роли въ дѣлѣ обобществленія земледѣльческаго труда — задача, совершить которую на Западѣ выпало на долю капитала, которая и въ Россіи, говорятъ, должна принадлежать ему же. Какимъ же образомъ справляется съ этой задачей капиталъ? Какое направленіе приняла земледѣльческая промышленность черезъ 15—20 лѣтъ по освобожденіи крестьянъ? Правда, крестьянская реформа не могла не произвести кризиса въ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ, такъ какъ послѣднее теперь принуждено было устраиваться на новыхъ началахъ, основанныхъ на свободѣ труда. Но, во-первыхъ, свободный трудъ не явился у насъ послѣ освобожденія впервые, во-вторыхъ, недостатка въ этомъ трудѣ у насъ не оказывается, въ-третьихъ, выкупная операція доставила помѣщикамъ и капиталъ для устройства новаго хозяйства. Наконецъ, то или другое направленіе сельскаго хозяйства не связано неразрывно съ процвѣтаніемъ дворянскаго сословія: если послѣднее окажется неспособнымъ приноровиться къ новой обстановкѣ, оно уступитъ свое мѣсто другимъ; а для насъ важна въ настоящую минуту не судьба прежнихъ хозяйствъ, а

характеръ новыхъ. Это же новое имѣло время заявить о своемъ существованіи, показать свои характеристическія черты; и оно дѣйствительно явилось, показало себя,—не даромъ отовсюду раздаются жалобы дворянства на потерю ими родовыхъ земель, на переходъ послѣднихъ въ руки крестьянъ и другихъ сословій. «Реформа 19-го февраля, какъ всякое потрясеніе, произвела значительнѣйшія колебанія въ первое за нею время. Впослѣдствіи, эти колебанія, постепенно ослабѣвая, уже начали открывать для сельскаго хозяйства новыя *основанія и новые пути и притомъ пути болѣе прямые и основанія болѣе прочныя* въ отношеніи къ его будущему развитію. Всѣ явленія, происходящія въ какой бы то ни было отрасли промышленности въ такія эпохи колебаній, нельзя признавать вполнѣ нормальными, и потому, при сужденіи объ этихъ явленіяхъ, надлежитъ принимать въ разсчетъ то *переходное время*, которое естественно должна пережить всякая обширная промышленность, подвергшаяся потрясеніямъ» [1]). Согласимся, что время дѣйствительно переходное; но если, параллельно съ сокращеніемъ помѣщичьей запашки въ черноземной мѣстности, забрасываніемъ значительной частью крестьянъ своихъ надѣловъ, наблюдается такой, напримѣръ, фактъ, какъ постоянно возрастающій вывозъ за-границу хлѣба, дошедшій съ $8^1/_2$ милліоновъ четвертей въ годъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, до 30 милл. въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, то мы въ правѣ ожидать отъ частнаго землевладѣнія, что оно насколько оріентировалось среди новыхъ обстоятельствъ, что можетъ уже показать намъ направленіе своего дальнѣйшаго развитія, тѣ прелести, которыя оно обѣщаетъ водворить въ земледѣліи въ будущемъ. Это признаетъ и докладъ комиссіи, говоря о новыхъ путяхъ и основаніяхъ послѣреформеннаго хозяйства; посмотримъ же, каковы эти «пути болѣе прямые и основанія болѣе прочныя».

Свѣдѣнія о состояніи нашего сельскаго хозяйства сосредоточены главнымъ образомъ въ трудахъ оффиціальныхъ коммиссій, и хотя у насъ есть подъ руками доклады коммиссіи для изслѣдованія состоянія сельскаго хозяйства и проч. въ Россіи, но мы предпочитаемъ цитировать кн. Васильчикова, который пользовался, кромѣ того, и другими данными и заслужилъ уже своими трудами репутацію знатока нашего сельско-хозяйственнаго быта. Впрочемъ, по мѣрѣ надобности, мы будемъ ссылаться, какъ на доклады, такъ и на другіе источники.

И такъ, приступилъ-ли капиталъ къ обобществленію земле-

[1]) Доклады высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго состоянія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Докладъ, с. 4.

дѣльческаго труда, примѣнилъ-ли онъ къ сельскому хозяйству простую и сложную кооперацію, произвелъ, или даже только заявилъ твердое намѣреніе произвести переходъ отъ экстенсивной культуры къ интенсивной, примѣнилъ-ли къ обработкѣ земли машины, словомъ, совершилъ-ли все то, что характеризуетъ обобществленіе труда, и если совершилъ, то оказались-ли въ дѣйствительности и неизбѣжные результаты развитія крупной капиталистической промышленности — сокращеніе мелкихъ хозяйствъ, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ крупными, уничтоженіе самостоятельнаго крестьянскаго земледѣлія, превращеніе крестьянъ въ батраковъ не въ силу малоземелья, произведеннаго посторонними воздѣйствіями, а вслѣдствіе подрыва ихъ мелкихъ хозяйствъ крупными? Сдѣлаемъ краткій обзоръ положенія сельскаго хозяйства въ степной и черноземной полосахъ. Обращаемся прежде всего къ группѣ черноземныхъ великороссійскихъ губерній. Онѣ характеризуются густымъ населеніемъ и глубокимъ плодороднѣйшимъ черноземомъ, т.-е. условіями, «которыя должны обезпечить процвѣтаніе сельскаго хозяйства», условіями, скажемъ отъ себя, благопріятными и для развитія капиталистической формы производства. И вотъ результатъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій: «вся эта полоса представляется уже нынѣ въ видѣ сплошного пахотнаго поля съ тощими покосами и безплодными полями: естественные луга всѣ распаханы, травосѣяніе не принимается», «кормовъ нѣтъ, скотоводство упадаетъ, навозные скопы уменьшаются, и по мѣрѣ того, какъ выпаханныя земли начинаютъ требовать удобренія, сокращаются средства для унавоживанія полей». Доходность земледѣлія здѣсь сильно возросла, но «надо опасаться, чтобы этотъ временный и усиленный прогрессъ не повелъ за собой еще сильнѣйшую реакцію». И такъ, здѣсь мы не видимъ пока ничего такого, что имѣло бы прочную будущность: наблюдаемъ лишь безпардонную эксплуатацію земли, которая не приведетъ ни къ чему хорошему, совершается-ли она на капиталистическомъ или иномъ основаніи. Посмотримъ, однако, въ какихъ размѣрахъ развивается здѣсь капиталистическое производство, и насколько побиваетъ оно мелкое, крестьянское. У князя Васильчикова мы не находимъ объ этомъ данныхъ; онъ говоритъ лишь, что, насколько частновладѣльческая земля сдается здѣсь въ аренду — съемщиками являются одни крестьяне или крестьянскія общества, представляющія, по словамъ землевладѣльцевъ, наиболѣе исправныхъ арендаторовъ. Отсюда уже можно заключить, что крестьянское хозяйство не пасуетъ передъ помѣщичьимъ; но для пущей убѣдительности пере-

смотримъ доклады комиссіи, причемъ постараемся быть какъ можно кратче и обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на степень развитія вольнонаемныхъ хозяйствъ, ибо только здѣсь возможно примѣненіе пріемовъ крупнаго производства; обработка же земли исполу или издѣльно есть не столько система хозяйства, сколько система полученія ренты, что возможно и внѣ капиталистической формы производства.

По словамъ управляющаго маріинской учебной фермой, вольнонаемное хозяйство въ Саратовской губерніи — рѣдкость, землевладѣльцы бблышею частью отдаютъ землю крестьянамъ за деньги или за отработки; тоже подтверждаетъ и одинъ арендаторъ Саратовскаго уѣзда. Десять человѣкъ изъ разныхъ уѣздовъ заявили о преобладаніи вольнонаемнаго хозяйства, другіе говорятъ, что вольнонаемная обработка существуетъ па ряду съ испольной. Но какъ бы то ни было, пусть даже вольнонаемная обработка помѣщичьихъ земель преобладаетъ надъ испольной—крупныя хозяйства ведутся по той же трехпольной системѣ, какъ и крестьянскія (очень мало заявленій [1]) о введеніи лучшихъ способовъ обработки пашни, усовершенствованныхъ орудій), и хозяйство крестьянъ не только не сокращается, но посѣвы ихъ замѣтно увеличиваются, а посѣвы помѣщиковъ, по заявленію нѣкоторыхъ, «уменьшаются послѣ 1861 г. и продолжаютъ уменьшаться по тому случаю, что обработка полей вольнонаемнымъ трудомъ при дороговизнѣ и недобросовѣстности рабочихъ, невыгодна». Въ Пензенской губерніи, по заявленію большинства спрошенныхъ въ комиссіи лицъ, хлѣбопашество ведется исполу и очень рѣдко наемными рабочими. Въ Тамбовской, по словамъ большинства, хозяйство ведется, главнымъ образомъ, наемнымъ персоналомъ, по другимъ — издѣльно. Запашка вообще увеличилась, хотя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ только у крестьянъ, у помѣщиковъ же сократилась. Въ Орловской губ. хозяйство ведется по разнымъ системамъ, причемъ вольнонаемное господствуетъ въ Орловскомъ уѣздѣ; травосѣяніе все больше распространяется. Тоже слѣдуетъ сказать и про Курскую губ., гдѣ въ однихъ уѣздахъ развита вольнонаемная обработка, въ другихъ—испольная, въ третьихъ — издѣльная, крестьянское хозяйство въ изрядномъ состояніи, и крестьяне, между прочимъ, арендуютъ владѣльческія земли [2]). И такъ, кромѣ, можетъ быть, зачатковъ высшихъ культуръ кое-гдѣ, клочками, нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на серьез-

[1]) О нихъ смотри ниже.

[2]) Доклады высоч. учрежд. комиссіи. Приложеніе, I.

ное развитіе капиталистическаго производства, а тѣмъ паче на подрывъ имъ крестьянскаго.

Въ Новороссійскомъ краѣ господствуетъ вольнонаемная обработка земли, но она не уничтожаетъ мелкихъ хозяйствъ и съ теченіемъ времени сама скорѣе съуживается, чѣмъ расширяется: такъ, землевладѣльцы нѣкоторыхъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи заявляютъ, что эта система замѣняется сдачей земли въ аренду крестьянамъ и постороннимъ лицамъ; въ Бессарабіи такими арендаторами являются, между прочимъ, евреи. Господствующая система—переложная, сильно истощающая землю, отчего урожай съ теченіемъ времени уменьшается [1]). Въ восточной половинѣ степной полосы, «земледѣліе находится почти исключительно въ рукахъ крестьянъ. Непреодолимое стремленіе сельскихъ обывателей къ распространенію своихъ эксплуатацій, къ захвату наибольшаго количества угодій вытѣсняетъ изъ этого края вольнонаемное, издѣльное хозяйство; господскихъ запашекъ мало, сдаточная система преобладаетъ, въ батраки и поденьщики крестьяне не нанимаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по безпечности владѣльцевъ, съ помощью спекулянтовъ, купцовъ-съемщиковъ, все болѣе и болѣе распространяется безпощадная культура, такъ-называемая система залежей, *выгодная для съемщиковъ, убыточная для владѣльцевъ и безусловно пагубная для народнаго хозяйства*» [2]). Эти крупные арендаторы въ Самарской губерніи снимаютъ десятки тысячъ десятинъ земли въ однѣ руки и передаютъ ее по мелочамъ крестьянамъ за значительно возвышенную, разумѣется, плату. Спекуляція на этомъ не останавливается: большое количество плодородной земли и возможность имѣть дешевый кабальный трудъ вовсе не располагаютъ хозяевъ вводить интенсивную культуру. Напротивъ, каждый заботится лишь о возможно большемъ посѣвѣ и о запродажѣ его, даже не ожидая жатвы. Спекуляція до того развилась, что постоянно происходятъ скупки, перекупки, закладыванія, перезакладыванія посѣяннаго хлѣба, въ различныхъ періодахъ его зрѣлости, или даже еще не засѣянной, а лишь вспаханной земли; при этомъ хлѣбъ, пока окончательно созрѣетъ, успѣетъ перемѣнить двухъ-трехъ хозяевъ [3]). Словомъ, настоящая биржа! Такое хищническое отношеніе къ землѣ «житницы Европы» повело къ тому, что тогда

---

[1]) Ib.

[2]) Землевладѣніе и земледѣліе, т. I, с. 514.

[3]) „Слово“, 1878, 3: „Общественно-экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи“. Гиляранскаго.

какъ въ прежнее время средній урожай тамъ былъ самъ 6—8, въ 70-хъ онъ сдѣлался самъ 3—5 [1]).

«Между тѣмъ, какъ въ Новороссійскихъ губерніяхъ, при высшихъ рабочихъ цѣнахъ, вольнонаемное хозяйство еще поддерживается и даетъ хорошіе доходы, въ Малороссіи уже заявляются справедливыя или притворныя, но во всякомъ случаѣ, всеобщія жалобы о невыгодности хозяйственной эксплуатаціи»; и вотъ «господскія запашки сокращаются, владѣльцы оставляютъ себѣ небольшіе участки подъ такія культуры, которыя наиболѣе истощаютъ почву—табачныя плантаціи, льняные посѣвы—а остальныя земли сдаютъ въ аренду». Арендаторами здѣсь, въ отличіе отъ Великороссіи, являются крупные съемщики, по преимуществу евреи, берущіе на долгіе сроки, но не съ цѣлью ввести правильную культуру на капиталистическомъ основаніи, а для гешефта путемъ передачи земли крестьянамъ или инымъ способомъ [2]). До чего самостоятельное крупное хозяйство лишено тамъ почвы, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1877 году, въ Черниговскомъ уѣздѣ, не было ни одного имѣнія, ведущаго хозяйство своими орудіями; въ Борзенскомъ уѣздѣ такихъ имѣній было 4; остальныя практикуютъ скопщину. Около $^1/_3$ имѣній этихъ двухъ уѣздовъ сдаются въ аренду, и 40% арендованной земли попало въ руки евреевъ, участіе которыхъ въ этой отрасли промышленности годъ отъ году возрастаетъ. Еврей даетъ наивысшую арендную плату, но за то и окончательно истощаетъ землю: онъ не держитъ скота, полей не унавоживаетъ, усадьбу не ремонтируетъ, вырубаетъ, вопреки договору, лѣсъ и проч. [3]). Въ юго-западномъ краѣ господствуетъ та же оптовая съемка земель крупными арендаторами, которыми здѣсь являются тоже евреи и поляки-торговцы. Забравъ землю въ свои руки, они частью сдаютъ ее по мелочамъ крестьянамъ, частью стараются извлечь изъ нея всѣ соки, вводя культуры, которыя при наименьшей затратѣ даютъ наибольшія цѣнности, какъ-то: бакчи, коноплянники, ленъ и просо [4]). Дополнимъ эти свѣдѣнія данными, собранными комиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства и касающимися собственно улучшенія культуры земли и введенія машинъ, ограничиваясь великороссійскими черноземными губерніями и Новороссійскимъ краемъ, какъ мѣстно-

---

[1]) „Отеч. Зап.“, 1879, 1: „Вопросы русскаго аграрнаго устройства“. Чаславскаго.
[2]) Землевладѣніе и земледѣліе... т. II, с. 638—40.
[3]) „Отеч. Зап.“, 1878, 10: „Евреи-арендаторы въ Черниговской губерніи“. Варзера.
[4]) Землевладѣніе и земледѣліе, т. II, с. 640—42.

ностями, гдѣ еще господствуетъ или, по крайней мѣрѣ, держится хозяйство самихъ землевладѣльцевъ.

Въ этомъ отношеніи мы нашли только одну губернію, отзывы о которой болѣе или менѣе согласны, это—Екатеринославскую. Здѣсь послѣ реформы «ведется болѣе обширное хозяйство и заведены машины» (Доклады высочайше учрежденной комиссіи VI, отвѣтъ № 3145), «у помѣщиковъ только въ самые послѣдніе годы появились улучшенныя орудія, да и то у немногихъ (Id. № 3090)»; способъ обработки земли тотъ же самый, но только теперь стали пахать болѣе тщательно (2978); измѣнилась уборка хлѣба: завелось много паровыхъ молотилокъ (2980). Въ бахмутскомъ уѣздѣ помѣщики пашутъ большею частью плугами Рамсена (2732), «въ настоящее время въ виду дороговизны рабочихъ, жатвенныя машины становятся необходимостью», но онѣ только-что заводятся (2740), и помѣщики, вслѣдствіе дороговизны рабочихъ, все больше отдаютъ землю въ аренду (559—61). И такъ, всѣ, съ большей или меньшей опредѣленностью, указываютъ на введеніе машинъ.

Отзывы о другихъ губерніяхъ уже не отличаются такимъ согласіемъ. О Херсонской, напримѣръ, г. Абаза заявляетъ: «поля обработываются хищническимъ образомъ безъ какого-либо улучшенія, безъ приложенія знаній» и выражаетъ опасеніе, что это можетъ окончиться полнымъ истощеніемъ почвы (3226). Г. Эрдели, напротивъ, объясняетъ, что «хозяйства частныхъ владѣльцевъ улучшаются, что можно приписать употребленію машинъ», но, однако, прибавляетъ, что «въ общемъ помѣщичьи запашки уменьшились» (3250—53). Это сдѣлается понятнымъ, если узнаемъ отъ другого эксперта, что введеніе машинъ затрудняется неумѣніемъ ихъ починять (1746); тѣмъ не менѣе, во всемъ Новороссійскомъ краѣ введено до 1,000 локомобилей. О другихъ губерніяхъ свѣдѣнія еще менѣе опредѣленны. Такъ, о Саратовской г. Купферъ заявляетъ, что хозяйства «за немногими исключеніями не усвоили себѣ лучшихъ пріемовъ обработки (2543); машины есть въ немногихъ имѣніяхъ (1812), и помѣщичья земля нерѣдко переходитъ въ руки купцовъ (1808). Г. Кривскій хотя и говоритъ, что «за послѣднія 10 лѣтъ помѣщичьи хозяйства Саратовской губерніи положительно улучшились», но на вопросы о высшей культурѣ и машинахъ не даетъ никакого отвѣта. Впрочемъ, о Поволжьи вообще есть отзывъ, что тамъ въ ходу молотилки и вѣялки, попытки же завести другія машины оканчиваются ничѣмъ (786). Въ Симбирской губерніи „сельско-хозяйственныя орудія остались тѣ же, какія были, можетъ быть, при Рюрикѣ“;

заведенныя-было машины заброшены въ сарай; причины этого — господство экстенсивнаго хозяйства (1078); впрочемъ, въ Корсунскомъ уѣздѣ, хозяйство нѣсколько улучшилось, введены лучшія орудія (1278—86); въ Сызранскомъ заводятся паровыя молотилки и др. (2108). Въ Харьковской губерніи у крупныхъ землевладѣльцевъ замѣтно значительное движеніе впередъ, но не въ дѣлѣ болѣе тщательной обработки земли или ея удобренія, а въ болѣе удачномъ пользованіи урожаемъ: поэтому заводятся жатвенныя машины, паровыя молотилки, но не плуги, напримѣръ (2273); въ Сумскомъ уѣздѣ почти всѣ помѣщичьи имѣнія сданы крестьянамъ (314). Въ Курской губерніи „есть хозяйства, которыя улучшаются, но они составляютъ исключеніе"; „общій результатъ хозяйства—уменьшеніе производительности почвы, какъ въ крупныхъ имѣніяхъ, такъ и у крестьянъ" (3197—4000); многія имѣнія, ради заводовъ, перешли въ руки купцовъ (2487). „Земледѣліе у большинства землевладѣльцевъ ведется до того хищнически разворительно, что не можетъ быть и вопроса о томъ, улучшается-ли оно" (2751); по словамъ другого, хозяйство находится въ дикомъ состояніи (2041), „относительно орудій представляется какое-то переходное состояніе", хозяйство не развивается (2235—29); въ Льговскомъ уѣздѣ „обработка полей идетъ по прежнему способу, вообще же встрѣчаются нѣкоторыя улучшенія; встрѣчаются усовершенствованныя орудія: молотилки, сѣялки". Въ нѣкоторыхъ частяхъ Воронежской губерніи вводится травосѣяніе, переложная система „*стремится* перейти въ многопольную" (2662); „у всѣхъ землевладѣльцевъ Воронежскаго уѣзда есть молотилки и вѣяльныя машины", улучшенныя же пахатныя орудія выходятъ изъ употребленія за неимѣніемъ благонадежныхъ рабочихъ (308); въ Валуйскомъ уѣздѣ „въ отношеніи обработки земли замѣтно нѣкоторое улучшеніе", пріобрѣтаются паровыя молотилки, сѣялки (359). Въ Рязанской губерніи „усовершенствованныя орудія не вводятся ни въ крупныхъ, ни въ мелкихъ хозяйствахъ (2608); сельское хозяйство падаетъ, перемѣнъ въ обработкѣ земли нѣтъ. Орловскія имѣнія не усвоиваютъ себѣ лучшихъ пріемовъ обработки (2543); въ Ливенскомъ уѣздѣ паровая машина есть въ одномъ имѣніи, помѣщичьи запашки уменьшаются (400). Въ Тамбовской губерніи усовершенствованныя орудія есть только у любителей, много имѣній скупается кулаками (683—741); раздача земель въ аренду столь распространена, что почти ничего не оставляется для собственной распашки; машины встрѣчаются въ единичныхъ хозяйствахъ (812—23); см. также № 892; положеніе хозяйствъ ухудшилось (1687). Крупные землевладѣльцы Пензенской губерніи

до нѣкоторой степени улучшаютъ свои хозяйства: „многіе затратили значительные капиталы на улучшенныя орудія, нѣкоторые ввели многопольное хозяйство“. Нельзя того же сказать о среднихъ хозяйствахъ (1172).

Мы бѣгло прошли всю свою житницу, и вотъ результаты нашего обзора: хотя почти всюду мы видимъ возвышеніе цѣнности земли и возрастаніе доходовъ, даваемыхъ ею владѣльцамъ [1]), но ничто не позволяетъ намъ сказать, что сельско-хозяйственная культура прочно вступила въ капиталистическую фазу своего развитія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ великороссійскихъ черноземныхъ губерній, вездѣ, гдѣ землевладѣльцы сами занимаются хозяйствомъ, ведя его даже вольнонаемнымъ трудомъ, они ставятъ себѣ цѣлью получить возможно большій доходъ въ настоящемъ, не думаютъ вовсе о будущемъ, а потому всецѣло практикуютъ экстенсивную систему. Тамъ, гдѣ предпринимаются какія-нибудь улучшенія, они почти не касаются обработки земли, увеличенія ея производительности, а направлены исключительно на операціи уже надъ выросшимъ хлѣбомъ; отсюда преобладаніе новыхъ жатвенныхъ и молотильныхъ орудій, но не плуговъ, не удобренія. Такое направленіе сельско-хозяйственной культуры обусловливается дороговизной рабочихъ, дающей себя знать, главнымъ образомъ, во время жатвы, и не можетъ быть причислено къ радикальнымъ улучшеніямъ земледѣльческой культуры. Культуры земли оно собственно не касается, хотя и способствуетъ процвѣтанію экстенсивной системы. Оно ведетъ къ еще большему истощенію почвы, такъ какъ ставитъ размѣръ запашки до нѣкоторой степени внѣ зависимости отъ количества рабочей силы. И еслибы крупные съемщики почему-нибудь замѣнили теперешнюю свою систему переоброчки арендованной ими земли крестьянамъ собственнымъ хозяйствомъ, при помощи вышеописанныхъ „улучшеній“, это было бы истиннымъ несчастіемъ для Россіи, такъ какъ уничтожило бы единственныя границы распространенію хищнической культуры—недостатокъ рабочихъ рукъ. На Востокѣ и Западѣ земля попадаетъ въ руки съемщиковъ-спекулянтовъ, принципъ которыхъ—какъ можно меньше затрать, какъ можно больше получи. Какое же здѣсь можетъ быть развитіе производительности труда, которое всецѣло основано на капитальныхъ затратахъ? Всѣ эти арендаторы живутъ однимъ—стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ, дающимъ возможность ловкому пройдохѣ получить любимое количество дешеваго труда. Одно то обстоя-

1) См. объ этомъ у князя же Васильчикова.

тельство, что сельско-хозяйственными дѣятелями являются лица торговаго сословія и по преимуществу евреи—классъ, живущій изъ-за быстрой и легкой наживы—одно это позволяетъ пропѣть вѣчную память нашему, впрочемъ, больше воображаемому капиталистическому земледѣлію. Результатомъ ихъ хозяйствованія будетъ лишь истощеніе земли, вовсе, надѣемся, не способствующее развитію капитализма; господство ихъ указываетъ никакъ не на приближеніе послѣдняго: они пришли, истощили землю и уйдутъ — въ этомъ ихъ миссія.

Мы удовольствовались обзоромъ состоянія земледѣлія только въ хлѣбородной части Россіи, чтобы не растягивать безъ нужды статьи, такъ какъ положеніе дѣлъ въ нечерноземной полосѣ не можетъ быть лучшимъ, слѣдовательно, не опровергнетъ выводовъ, полученныхъ изъ разсмотрѣнія хлѣбородной Россіи, а послужитъ лишь къ вящшему ихъ подтвержденію. Но для примѣра остановимся на Московской губерніи, относительно которой есть въ изданіяхъ ея земства болѣе или менѣе точный и полный матерьялъ. Изъ тома, обнимающаго хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ, изданъ пока одинъ выпускъ, заключающій общую характеристику частно-владѣльческаго хозяйства, движеніе личнаго землевладѣнія послѣ 1861 года, хозяйственное распредѣленіе земель и размѣры хлѣбопашества до и послѣ 1861 года и способъ веденія хозяйства вольнонаемнымъ трудомъ. Кромѣ того, въ первыхъ трехъ томахъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи», въ главахъ о цѣнности и доходности земель, собраны свѣдѣнія о количествѣ арендуемой крестьянскими обществами помѣщичьей земли. Всѣ эти данныя вмѣстѣ позволятъ намъ охарактеризовать направленіе частно-владѣльческаго хозяйства въ одномъ уголкѣ нечерноземной полосы.

Оказывается по приблизительнымъ вычисленіямъ, что количество запущенной послѣ 1861 года помѣщичьей запашки превышаетъ 100,000 десятинъ. Именно, по свѣдѣніямъ, обнимающимъ 53% всѣхъ дворянскихъ имѣній 11-ти уѣздовъ, сокращеніе пашни равняется $48^1/_3$ тыс. десятинъ; заключая отсюда и объ остальныхъ 47% имѣній, мы доведемъ количество заброшенной пашни до 70,000 десятинъ [1]). А прибавляя остальныя 2 уѣзда (о которыхъ не собрано свѣдѣній) и купеческія имѣнія, количество запашки которыхъ равняется $^1/_4$ дворянской, мы получимъ запущенной пашни по всей губерніи слишкомъ 100,000 десятинъ. Цифра эта превышаетъ 75% всей помѣщичьей пашни, а по отдѣльнымъ уѣздамъ сокращеніе доходитъ до 86—88%

[1]) Сборникъ, т. №, в. 1, с. 126.

(Бронницкій, Богородскій) и нигдѣ не спускается ниже 70—71 (Волоколамскій и Клинскій). Это уже позволяетъ намъ предвидѣть, что капиталистическое земледѣліе не очень разгуляется въ Московской губерніи, что̀ находитъ себѣ подтвержденіе въ распространенности аренды помѣщичьихъ земель крестьянами. Одними крестьянскими обществами снимается около 400,000 десятинъ—40% всей частно-владѣльческой земли; по уѣздамъ количество арендуемой обществами земли колеблется отъ 9% (Богородскій уѣздъ) до 89% (Клинскій). Цифры эти должны быть увеличены, ради аренды отдѣльными крестьянами.

До такого состоянія помѣщичьи хозяйства спустились не вдругъ: послѣ реформы дворянство естественно сразу сократило запашку, но и съ теченіемъ времени дѣла его не поправились, и какъ оно ни держалось, по привычкѣ, за знакомое и излюбленное дѣло, но по немногу должно было продолжать запущеніе пашни, пока, наконецъ, не пришло къ необходимости сдать имѣніе въ аренду или продать его. Кто же является покупщикомъ помѣщичьихъ маетностей? Судя по жаждѣ, съ какою крестьяне арендуютъ землю, нужно признать, что они — естественные наслѣдники уходящихъ изъ дворянскихъ рукъ имѣній, и что они съ такой же охотой пріобрѣтутъ землю въ полную собственность, съ какой берутъ ее во временное пользованіе. На дѣлѣ, однако, выходитъ иное. Частное землевладѣніе распредѣлялось въ 1877 году по сословіямъ слѣдующимъ образомъ [1]).

Въ рукахъ	дворянъ	было	71,67%	всей	земли.
»	купцовъ	»	19,58	»	»
»	крестьянъ	»	5,91	»	»
»	мѣщанъ	»	1,39	»	»
»	разночинцевъ		1,45	»	»

Уходящая изъ рукъ дворянства земля перехватывается купцами, крестьянамъ же она попадаетъ въ микроскопическихъ размѣрахъ. Разсматривая пріобрѣтеніе купцами земли по пятилѣтіямъ, замѣтимъ, что тогда, какъ съ 1867—71 г. купеческое землевладѣніе увеличилось на 41,187 десятинъ, въ слѣдующее пятилѣтіе оно возросло на 57,065, то есть, больше, чѣмъ въ первый періодъ [2]). Это показываетъ, что движеніе земли по указанному направленію далеко не закончено, идетъ прогрессивно и можетъ заключиться полнымъ переходомъ помѣщичьей земли въ руки купцовъ. Подтвержденіе такому заключенію мы найдемъ и въ исторіи частнаго крестьянскаго землевладѣнія. Количество

[1]) Id. Приложеніе, стр. 84.

[2]) Сборникъ, стр. 36.

принадлежащей имъ земли, правда, увеличилось за 12 лѣтъ съ 17,680 десятинъ до 59,741 [1]), но изъ послѣдней цифры 31,858 десятинъ принадлежитъ всего 69 владѣльцамъ, то есть, выходитъ изъ размѣровъ крестьянскаго хозяйства, а 10,428 десятинъ состоитъ изъ владѣній, превышающихъ 100 десятинъ. Такимъ образомъ, на долю участковъ до 100 десятинъ приходится всего 17,000 десятинъ, да и изъ тѣхъ значительная часть самыхъ мелкихъ участковъ должна быть отнесена на долю выкупленныхъ отдѣльными лицами надѣловъ, то есть, принадлежала крестьянамъ и прежде. Чтобы не оставить и тѣни сомнѣнія относительно перехода земли въ руки послѣднихъ, скажемъ еще, что цѣлыми обществами пріобрѣтено во всей губерніи только около 24 1/2 тысячъ десятинъ, изъ которыхъ 10,000 десятинъ купили крестьяне Клинскаго уѣзда, 7,000 — Коломенскаго, на долю остальныхъ 11-ти уѣздовъ остается около 7 1/2 тысячъ десятинъ [2]).

Крестьяне арендуютъ помѣщичью землю почти исключительно ради покосовъ и выгоновъ, которые имъ крайне нужны въ интересахъ сельско-хозяйственной культуры; т.-е., въ рукахъ крестьянъ земля была бы у мѣста, выполняла бы истинное свое назначеніе — давать хлѣбъ настоящимъ и будущимъ поколѣніямъ. Посмотримъ, для какого употребленія пріобрѣтаютъ се грядущіе властелины Московской губерніи — купечество? Развитію какой культуры служитъ земля въ ихъ рукахъ?

Косвеннымъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ можетъ служить степень устойчивости купеческаго землевладѣнія. По фактамъ перехода земель изъ рукъ въ руки среди разныхъ сословій можно судить о быстротѣ ея обращенія въ той или другой группѣ владѣльцевъ, и что же оказывается? Хотя дворяне спускаютъ свои земли, а купцы ихъ пріобрѣтаютъ, но въ средѣ послѣднихъ земля обращается быстрѣе, держится менѣе прочно; именно, тогда какъ въ группѣ дворянъ обращалось ежегодно 3,6% ихъ земель, что соотвѣтствуетъ 28 лѣтнему періоду нахожденія земли въ однѣхъ рукахъ, а среди крестьянъ это время будетъ 29 л., въ группѣ купцовъ ежегодно обращается 5,8% земли, что соотвѣтствуетъ лишь 17 лѣтнему нахожденію земли въ однѣхъ рукахъ [3]). Это значитъ, что переходомъ земли въ руки купечества не заканчивается исторія крупнаго землевладѣнія въ Московской губерніи, что «земля поступаетъ туда какъ будто только на время для совершенія надъ нею какого-то процесса,

[1]) Id. Приложенія, табл. I и II.

[2]) Сборникъ и пр., стр. 43.

[3]) Сборникъ и пр., с. 46.

требующаго небольшого числа лѣтъ, по прошествіи которыхъ владѣлецъ уступаетъ ее другимъ лицамъ, какъ потерявшую уже свое назначеніе для него». «Если приведенные разсчеты относительно степени устойчивости земель въ рукахъ различныхъ сословій справедливы, то можно допустить, что дѣло не ограничится переходомъ земель изъ рукъ дворянъ въ купеческія, и что положеніе земель въ рукахъ купцовъ тоже можетъ быть названо переходнымъ, а въ такомъ случаѣ весьма важное значеніе получаетъ вопросъ: въ чьи руки суждено имъ перейти? Въ руки-ли нуждающихся въ нихъ крестьянскихъ обществъ, или въ руки отдѣльныхъ личностей изъ крестьянъ, которыя при помощи такихъ земель могутъ поставить своихъ же односельцевъ, свои общества въ полное зависимое положеніе, болѣе тяжкое, нежели всякая другая зависимость? Кому земля достанется послѣ купца, рѣшать здѣсь не мѣсто; можетъ быть, она и мечется теперь изъ рукъ въ руки потому, что настоящій ея хозяинъ, который бы ее пристроилъ къ мѣсту — крестьянинъ-общинникъ, не въ состояніи пріобрѣсти ее. Посмотримъ лучше, для какого процесса попадаетъ она къ купцу?

Собирая свѣдѣнія о купеческихъ имѣніяхъ, московскіе статистики на свои вопросы получали большею частью такіе отвѣты: «хозяйства не ведетъ, вся земля подъ лѣсомъ», «хозяйствомъ не занимается, вся земля подъ лѣсомъ», «земля вся подъ лѣсомъ, очень стѣсняетъ крестьянъ: штрафуетъ, если скотъ зайдетъ», «лѣсъ сведенъ» и т. д. Останавливаясь подробнѣе на Богородскомъ уѣздѣ, гдѣ купеческое землевладѣніе развито всего больше, гдѣ оно даже пользуется большей устойчивостью, мы видимъ, что въ купеческихъ имѣніяхъ запущенная пашня доходитъ тамъ до 98,4%, тогда какъ въ дворянскихъ имѣніяхъ Богородскаго уѣзда запущено 86,3%. Крупныя дворянскія имѣнія (свыше 1000 дес.) сохранили, хотя въ уменьшенныхъ размѣрахъ, свои запашки, купеческія же (о которыхъ есть свѣдѣнія) окончательно забросили землю. Данныя другихъ уѣздовъ подтверждаютъ это явленіе, и потому относительно характера купеческаго хозяйствованія мы можемъ согласиться съ слѣдующими словами сборника: «Если большинство купеческихъ земель представляетъ собой лѣсъ и заросль, то естественно, что цѣль пріобрѣтенія ихъ заключалась въ покупкѣ не самой по себѣ земли, а будущихъ плодовъ ея въ видѣ лѣса, способныхъ почти безъ всякаго труда дать хорошій барышъ пріобрѣтателю. Разъ эта заросль превратилась въ лѣсъ, онъ срубленъ, плоды нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія сжаты, процентъ за «воздержаніе»

полученъ, то уже надобности въ землѣ болѣе не представляется, и она при первомъ удобномъ случаѣ сбывается съ рукъ. Та же участь постигаетъ и пахатныя земли, которыя, десятки и сотни лѣтъ впитывая въ себя соки землевладѣльца (земледѣльца?), представляютъ достаточно удобренную почву для произрастанія лѣса; разница здѣсь лишь въ нѣсколько большемъ періодѣ времени для «воздержанія». Но и этотъ періодъ воздержанія не совсѣмъ безплоденъ. Пока пашня еще не начала зарастать лѣсомъ, ее можно сдавать въ аренду, сперва еще какъ пахатную землю, потомъ какъ покосъ, мѣстами, наконецъ, какъ выгонъ, пастбище, и такимъ образомъ затраченный капиталъ, безъ всякаго сельско-хозяйственнаго предпріятія и почти безъ всякой затраты труда, приноситъ процентъ» [1]).

Факты эти очень важны, такъ какъ они характеризуютъ хозяйство того класса, который повсюду стремится захватить въ свои руки землю въ полную собственность или въ аренду. Онъ является главнымъ конкурентомъ крестьянъ, и потому очень важно рѣшить съ какими намѣреніями перебиваетъ онъ у крестьянъ дорогу, чего ждать отъ него нашей сельско-хозяйственной культурѣ въ будущемъ. Оказывается, что, несмотря на разнообразіе способовъ, задача людей этого сорта одна и та же— пріобрѣтаютъ-ли они землю въ безлѣсной степи, или въ безплодной Московской губерніи. И тамъ, и здѣсь они думаютъ вовсе не о какой-либо прочной культурѣ, а о хорошемъ и быстромъ оборотѣ, котораго они и достигаютъ, смотря по мѣстности—гдѣ быстрымъ уничтоженіемъ ея хлѣбородія, гдѣ столь же быстрымъ сведеніемъ лѣсовъ; и все это безъ малѣйшей мысли о будущемъ, какъ будто они попали въ непріятельскую страну или земля — какая-нибудь машина, которую чѣмъ скорѣе изведешь на дѣло, тѣмъ лучше и умнѣе поступишь. И для нихъ она, дѣйствительно, машина, непріятельская страна—все, что угодно! Результатомъ ихъ дѣятельности будетъ набитый карманъ, съ которымъ вездѣ хорошо. Можетъ быть, тогда и они будутъ играть въ оркестрѣ капиталистическаго производства, но пока не ихъ хозяйствамъ принадлежитъ будущее, не они обобществятъ земледѣльческій трудъ. Посмотримъ, что дѣлаютъ хозяйства, ведомыя вольнонаемнымъ трудомъ, для чего приведемъ слѣдующія заключенія сборника:

«Одни изъ нихъ (вольнонаемныхъ хозяйствъ) представляютъ собой обыкновенныя рутинныя хозяйства съ трехпольной системой полеводства, являющіяся не болѣе, какъ продолженіемъ,

[1]) Сборникъ стр. 117.

остатками тѣхъ хозяйствъ, которыя существовали тамъ и до 1861 года. Но ведутся они не только изъ прихоти и не по привычкѣ, а какъ дѣйствительно серьезное дѣло, которое должно давать извѣстный доходъ. Второй типъ представляютъ собой имѣнія, гдѣ хлѣбопашество ведется по традиціи для поддержанія того положенія, которое уже усвоено за имѣніемъ. Центръ тяжести лежитъ не въ хлѣбопашествѣ, а въ другихъ сторонахъ хозяйства, или же хлѣбопашество и все хозяйство являются не столько коммерческимъ, доходнымъ дѣломъ, сколько служитъ удовлетворенію тѣхъ или другихъ стремленій владѣльца, при которыхъ доходность имѣнія играетъ второстепенную роль. Наконецъ, третій типъ — новый, недавній, нарождающійся типъ хозяйствъ, совершенно оставившихъ всякую традицію и взглянувшихъ на дѣло просто, такъ, какъ смотрятъ на каждое производство, которое должно служить источникомъ дохода. Сельское хозяйство тутъ ужъ не разсматривается, какъ извѣстная барская затѣя», но не считается и курицей, несущей золотыя яйца, безъ «труда и знанія со стороны владѣльца. Нѣтъ, тутъ признается необходимымъ имѣть спеціальныя знанія», «каждое новое приложеніе чего-либо происходитъ только по соображенію тѣхъ видоизмѣненій, какія вызываются данными условіями» [1]).

Но, увы! такихъ раціональныхъ хозяйствъ наберется едва по одному на уѣздъ — число весьма недостаточное для того, чтобы помощью ихъ капиталъ сыгралъ какую бы то ни было историческую роль. Ихъ такъ мало, что они даже не могутъ служить образцомъ для крестьянскаго хозяйства, если развитію общественной формы труда суждено у насъ произойти иначе, чѣмъ на Западѣ. Ихъ можно уподобить развѣ статуэткѣ въ кабинетѣ труженика: пользы отъ нея никакой; но и вреда, пожалуй, нѣтъ (впрочемъ, и это еще сомнительно — см., напр., описаніе имѣнія Смирновой въ сборникѣ), мѣста занимаетъ мало, а обратитъ на себя чье-нибудь вниманіе — произведетъ пріятное впечатлѣніе.

Спрашивается, для кого же мы стараемся, изыскивая способы расширить сбытъ нашего хлѣба за-границу, побить Америку и пр.? Кто останется отъ этого въ выигрышѣ? Какая польза государству, народу, помѣщикамъ, если еще плеяда хищниковъ-евреевъ, поляковъ, армянъ, русскихъ — жидовъ всѣхъ религій и національностей накинется на наши степи и ихъ населеніе, расширитъ площадь запашки вдвое, втрое, высосетъ изъ земли и мужика все, что она въ силахъ высосать, набьетъ карманы, броситъ истощенную землю и отправится пожинать лавры гдѣ-ни-

[1]) Сборникъ, с. 185.

будь на новомъ мѣстѣ? При чемъ здѣсь крупное производство, при чемъ здѣсь даже сельско-хозяйственная культура; здѣсь есть только грабежъ земли и человѣка, грабежъ настоящихъ и будущихъ поколѣній! Не пора-ли поэтому оставить заботы о безличномъ *производствѣ* и сбытѣ, а обратить вниманіе на организацію *производителей*, похлопотать объ отстраненіи отъ земли кулака-проходимца, пріютившагося здѣсь благодаря нашимъ же стараніямъ.

Въ движеніи русской жизни за послѣдніе 20 лѣтъ нужно различать двѣ стороны: разложеніе старыхъ формъ жизни и развитіе новыхъ. Толчкомъ къ первому явилось вполнѣ созрѣвшее сознаніе негодности прежнихъ по преимуществу юридическихъ отношеній и необходимости замѣнить ихъ новыми, разумѣется, западно-европейскими, и вообще болѣе тѣснаго сближенія съ Западомъ. Близкое соприкосновеніе съ Западомъ, въ связи съ освобожденіемъ народнаго труда, широко раскрыло двери для европейскихъ идей. Наше общество, оторванное отъ народа и его исконныхъ формъ общественно-экономической жизни и міросозерцанія, представляло tabula rasa для воспринятія всего, что угодно. Оно не имѣло никакихъ выработанныхъ собственной жизнью представленій о тѣхъ формахъ, въ которыя должна была воплотиться его экономическая жизнь въ будущемъ; русскій основный общественно-экономическій элементъ, община, былъ тогда только-что открытъ. А на Западѣ оно встрѣтилось съ грандіозной картиной капиталистическаго производства и законченной доктриной, его санкціонирующей. Западная жизнь и ученіе, съ его принципомъ—laissez faire, laissez aller,—гармоніей общественныхъ интересовъ, основанной на безпощадной борьбѣ личныхъ, была какъ нельзя болѣе кстати для нашего общества и жизни, расшатанныхъ въ своихъ основаніяхъ, неимѣющихъ никакой опоры внутри. «Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ, старайся исключительно о своемъ благополучіи, топи ближняго, и вообще благо придетъ само собой», вотъ наилучшее ученіе для человѣка, оторваннаго отъ прежней жизни, нуждающагося въ новой, чувствующаго потребность въ принципахъ, въ руководящихъ идеяхъ, но не имѣющаго ихъ и неспособнаго выработать ихъ самостоятельно. И такъ, Западъ далъ нашему обществу и способы устроить свою жизнь легко и пріятно, и доктрину, оправдывающую такое устроеніе принципіально. Онъ далъ огромный толчокъ развитію самаго эгоистическаго индивидуализма и притомъ подъ знаменемъ науки и либерализма. Управляющій классъ не могъ оказать солиднаго противодѣйствія

такому направленію культурныхъ слоевъ. Подобно послѣднимъ, онъ столкнулся съ Западомъ, тоже не имѣя никакой руководящей, самостоятельной идеи, не вынеся изъ своей прежней жизни ни луча свѣта, имѣя позади себя только мракъ и мерзость запустѣнія. Онъ поэтому, вслѣдъ за обществомъ, преклонился передъ западно-европейской идеей, тѣмъ болѣе, что перенесеніе ея внутрь давало, повидимому, средства, въ которыхъ онъ такъ нуждался для своихъ преобразованій. Но, признавая Западъ своимъ образцомъ, управляющій классъ долженъ былъ слѣдовать ему съ извѣстной осторожностью, такъ какъ всякій неудачный, поспѣшный шагъ отразился бы прежде всего на его же карманѣ: до того вся тяжесть податей лежала на крестьянствѣ; теперь, когда экономическимъ преобразованіемъ надлежало развиваться въ направленіи къ крупной промышленности, отвѣтственнымъ лицомъ за нихъ осталось то же крестьянство. И вотъ, правительство озабочено расчищеніемъ почвы для водворенія новаго порядка вещей. Оно покровительствуетъ банкамъ и акціонернымъ компаніямъ, усиленно заботится объ устраненіи внѣшнихъ и внутреннихъ препятствій развитію крупной промышленности, облегчаетъ крестьянамъ выходъ изъ общины. Часть этихъ правительственныхъ преобразованій и предпріятій требовала денегъ, другая давала ихъ.

Рядомъ съ соотвѣтствующими измѣненіями въ міросозерцаніи и настроеніи высшихъ классовъ, происходили важныя перемѣны внизу. Народъ ограничивался въ своемъ землевладѣніи, слѣдовательно, терялъ часть средствъ производства, источникъ самостоятельныхъ доходовъ, и въ тоже время пріобрѣталъ на пользу государственную много лишнихъ расходовъ. Часть прежнихъ его расходовъ, которые онъ раньше уплачивалъ помѣщику трудомъ, теперь долженъ выдавать ему же или казнѣ деньгами; иначе говоря, тогда какъ въ дореформенное время посредникомъ между добываемымъ имъ сырьемъ и рынкомъ стоялъ помѣщикъ, теперь крестьянинъ лишился такого посредника. Такъ какъ потребность въ новомъ способѣ сбыта своихъ продуктовъ явилась у него одновременно съ уменьшеніемъ доходовъ, т. е. жажда мужикомъ денегъ сдѣлалась слишкомъ интенсивной, то лица, взявшія на себя пріятную обязанность удовлетворенія этой жажды, могли сейчасъ же примѣнить на практикѣ въ чистѣйшемъ видѣ доктрину „всякъ за себя“, топи своего ближняго. Иначе говоря, новый посредникъ явился хозяиномъ, благодѣтелемъ, чуть не Богомъ алчущаго денегъ мужика. Недостатка въ такихъ кулакахъ не могло быть: умственная и нравственная атмосфера,

добытая культурными слоями на Западѣ, которую они вносили повсюду, между прочимъ, и въ свои отношенія къ меньшему брату, не могла не дѣйствовать на всѣхъ, а, слѣдовательно, и на послѣдняго, обольстительно и заразительно. Здѣсь, въ этомъ только источникѣ находилъ онъ разрѣшеніе наступающаго на него вопроса о своемъ существованіи: топи, или самъ потонешь, будь щукой, если не хочешь быть карасемъ,-слышалъ онъ сверху и видѣлъ собственными глазами! И ничего противъ! А вокругъ такъ и кишатъ караси, напрашивающіеся на щуку! Нужно что нибудь гораздо большее, чѣмъ безсознательная привязанность къ старинѣ, чтобы удержаться на человѣческой точкѣ зрѣнія, рѣшиться лучше погибнуть карасемъ, чѣмъ существовать щукой. Поэтому, недостатка въ кулакѣ не случилось.

Вотъ одинъ изъ симптомовъ разложенія нашего экономическаго строя. Я причислилъ кулака-скупщика къ продуктамъ разложенія, а не болѣзненнаго, напримѣръ, экономическаго развитія, на слѣдующемъ основаніи. Скупщикъ явился исторической необходимостью—положимъ, но быстро преобразился въ кулака онъ скорѣе по причинамъ, пожалуй, политическимъ. Не нуждайся крестьянинъ въ деньгахъ непремѣнно сейчасъ же, сію минуту, нерѣдко, когда онъ не успѣлъ еще совершить своего хозяйственнаго оборота—и скупщикъ, какъ и всякій сверчокъ, зналъ бы свой шестокъ: онъ былъ бы посредникомъ между производителемъ и потребителемъ, исполнялъ бы роль лавочника въ городѣ, который, можетъ быть, и сорветъ когда лишнюю копейку съ покупателя, но не держитъ его въ рукахъ, не выжимаетъ его соковъ. Современный же скупщикъ закабалилъ мужика. Но такая кабала не можетъ быть признана естественнымъ результатомъ исключительно одного только экономическаго развитія. Не экономическія причины породили то явленіе, что главная тяжесть платежей лежитъ на трудѣ, а не на имуществѣ и доходѣ; не онѣ вызвали постоянное возвышеніе этихъ платежей и отрѣзки отъ земель крестьянъ всѣхъ разрядовъ; не къ экономическимъ вліяніямъ нужно отнести рѣшимость стѣснить арендованіе крестьянами государственныхъ земель, вслѣдствіе чего между казной и крестьянами помѣстился аферистъ-арендаторъ, обирающій и народъ, и казну. Все это условія, независящія отъ естественнаго экономическаго развитія страны, а скорѣе тормозящія его; они—не результатъ прогресса, а причина застоя экономической жизни крестьянства, и выросшій на ихъ почвѣ кулакъ не есть результатъ развитія, хотя бы болѣзненнаго, а симптомъ и условіе разложенія. Онъ даже не нуженъ для развитія капиталистическаго производ-

ства, какъ это думаетъ, напримѣръ, хотя-бы г. Русановъ («Русское Богатство», 1880, № 2): прошли тѣ времена, когда капиталъ долженъ былъ составляться изъ грошей, теперь онъ можетъ удвоиться въ нѣсколько лѣтъ, и совершенно потерялъ національный характеръ: скопленный въ Англіи, онъ способствуетъ производству въ Америкѣ или Россіи, поэтому, роль ростовщичества въ дѣлѣ развитія капитализма, имѣвшая свое значеніе когда-то на Западѣ, въ настоящее время является анахронизмомъ. Нашъ кулакъ, обирая мужика, не играетъ никакой, хотя бы тяжелой, но по существу промышленнаго прогресса необходимой исторической роли; онъ пользуется обстоятельствами, и кончено. Для развитія русскаго капитализма онъ даже не безразличенъ, а просто вреденъ, ибо за стѣсненіемъ внѣшняго сбыта, наше капиталистическое производство крайне нуждается въ обширномъ внутреннемъ рынкѣ, а что за потребитель выйдетъ изъ мужика, обобраннаго кулакомъ? Мужикъ спрашиваетъ только денегъ для уплаты податей, да водки для самозабвенія, а этого еще недостаточно для процвѣтанія капитализма.

Второй симптомъ нашего экономическаго разложенія, это— организація или вѣрнѣе дезорганизація крупнаго земледѣльческаго хозяйства. Улучшенные внутренніе пути сообщенія (желѣзнодорожные и водяные) и живыя сношенія съ Западомъ вызвали усиленный сбытъ нашего хлѣба за-границу; повидимому—обстоятельство, благопріятное для развитія нашей земледѣльческой промышленности на почвѣ-ли капиталистической, или народной. Можно бы надѣяться, что это дастъ толчокъ организаціи земледѣльческаго труда западно-европейскимъ способомъ или, если тому существуютъ неопреодолимыя препятствія, широко разовьется крестьянская земледѣльческая промышленность. Но у насъ вышло нѣчто неподобное, что-называется ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Всѣ старанія правительства и общества, всѣ жертвы, принесенныя русскимъ народомъ ради созданія крупнаго земледѣльческаго хозяйства, пропали даромъ. Выгодный сбытъ хлѣба за-границу послужилъ не на пользу а во вредъ русскому земледѣлію: прежніе хозяева-дворяне отказались отъ задачи создать крупное земледѣльческое производство; не нашлось другого слоя, который взялъ бы на себя эту задачу—обстоятельство, довольно краснорѣчиво свидѣтельствующее въ пользу существованія какихъ-то неустранимыхъ препятствій введенія въ Россіи западныхъ порядковъ. Наши вліятельные передовые дѣятели, будь у нихъ своя голова на плечахъ, должны были во-время понять это и принять мѣры споспѣшествованію, народному земледѣлію, за-

ступить мѣсто уходящаго противника. Но они предпочитали пѣть «Нѣмцу» въ унисонъ, вопить о фермерствѣ, кричать противъ общины и экстинсивнаго крестьянскаго, хозяйства, принимать противъ того и другого—насколько то было въ ихъ силахъ—репрессивныя мѣры; и пока они занимались такимъ достойнымъ дѣломъ, дающая большіе барыши земля попала въ руки кулака. Кулакъ, овладѣвши мужикомъ, протянулъ руки и на землю господскую, и казенную. Классы—исконные земледѣльческіе производители, (хотя и представители двухъ различныхъ хозяйственныхъ системъ—крупной и мелкой),—помѣщики и крестьяне, заинтересованные въ томъ, чтобы поставить сельское хозяйство на прочномъ основаніи, такъ какъ оно должно служить не только имъ самимъ, но и ихъ дѣтямъ, и внукамъ—эти классы сами устранились или были отстранены посторонней силой отъ направленія дальнѣйшаго развитія нашего земледѣлія, и оно попало въ руки проходимца. Еврей, полякъ, грекъ, армянинъ, русскій—кто бы онъ ни былъ по происхожденію, но по общественному своему значенію кулакъ, аферистъ, эксплуататоръ, стремящійся лишь къ быстрой наживѣ и преслѣдующій ее сегодня въ области земледѣлія, завтра за прилавкомъ кабака, а послѣ-завтра, можетъ быть, въ обществѣ червонныхъ валетовъ—вотъ кто сдѣлался руководителемъ современнаго крупнаго земледѣлія, вотъ кого выдвинули на арену хозяйствованія совмѣстныя усилія патентованной интеллигенціи и вліятельныхъ дѣятелей. Такъ какъ результатомъ ихъ хозяйственной дѣятельности будетъ лишь запустѣніе земли и обнищаніе народа, то мы никакъ не можемъ признать ихъ свѣтлымъ явленіемъ русской экономической жизни, несмотря на то, что они въ нѣсколько разъ возвысили вывозъ нашего хлѣба за границу и что для ихъ вящшаго процвѣтанія принимаются или, вѣрнѣе, предлагаются всяческія мѣры и либеральной журналистикой, и учеными обществами, и правительствомъ. Они, съ своей экстенсивной культурной и усиленной хлѣбной производительностью, должны быть признаны также симптомомъ и условіемъ разложенія экономической жизни.

И такъ, разложеніе прежнихъ формъ русской жизни и дѣятельности привело въ области земледѣлія къ появленію такого новаго, которое не имѣетъ никакихъ правъ на дальнѣйшее существованіе, а тѣмъ болѣе покровительство, которое не можетъ служить выраженіемъ какой нибудь почтенной тенденціи, а составляетъ безобразнѣйшій наростъ, *разложеніе* въ буквальномъ смыслѣ этого слова, со всѣми пріятными сторонами, свойственными этому процессу. Новыхъ формъ жизни, имѣющихъ пре-

тензію на будущность, а тѣмъ паче обобществленія капиталомъ земледѣльческаго труда, къ чему такъ стремятся наши цивилизаторы, здѣсь нѣтъ и помину, или, если желаете, есть только «проформа».

На предыдущихъ страницахъ мы рисовали картину нашего помѣщичьяго хозяйства, основываясь на данныхъ, относящихся къ началу семидесятыхъ годовъ. Мы принуждены были ограничиться этимъ періодомъ потому, что лишь относительно его имѣется обширный и систематизированный матеріалъ въ докладахъ комиссіи для изученія положенія сельскаго хозяйства, и мы напрасно стали бы искать чего-нибудь подобнаго для послѣдующаго времени. Несмотря на это, мы примѣнили полученные выводы къ настоящему моменту на томъ основаніи, что, по всеобщему убѣжденію, положеніе нашихъ владѣльческихъ хозяйствъ и теперь изъ рукъ вонъ плохо, что еще и по сіе время не окончился процессъ ихъ разрушенія. Стбитъ, напримѣръ, просмотрѣть хотя бы Труды вольно-экономическаго общества за 2—3 послѣдніе года, а также выпускъ изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ матеріаловъ для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности, чтобы убѣдиться въ единообразіи общественнаго мнѣнія о нашемъ земледѣліи, мнѣніи, далеко неблагопріятнаго послѣднему. Если въ этомъ концертѣ и встрѣтится подчасъ диссонансъ, то онъ производится только немногими голосами и при томъ касается, по преимуществу, надеждъ на будущее, относится къ оцѣнкѣ прогрессивнаго значенія тѣхъ примѣровъ процвѣтанія хозяйствъ, построенныхъ на научныхъ началахъ, отрицать существованіе которыхъ не думали ни мы, ни масса корреспондентовъ, жалующихся на упадокъ владѣльческихъ экономій. Къ числу такихъ лицъ, радужно смотрящихъ на будущность русскаго сельскаго хозяйства, принадлежитъ, между прочимъ, г. Ермоловъ. Пробѣжавъ нѣкоторыя страницы его труда о системахъ полеводства, но не вдумавшись въ нихъ, можно, пожалуй, составить себѣ очень высокое мнѣніе о положеніи сельскаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ:

«Что въ дѣйствительности русское сельское хозяйство сдѣлало за послѣдніе 15—20 лѣтъ громадные шаги впередъ, это такой фактъ, который не подлежитъ сомнѣнію, который не можетъ ускользнуть отъ каждаго сколько-нибудь безпристрастнаго и внимательнаго наблюдателя». «Хозяйство вольнонаемнымъ трудомъ, которое встрѣчало столько затрудненій при своемъ возникновеніи, мало по малу окрѣпло и стало твердою ногою».

«Улучшенныя орудія и машины, которыя въ недавнее, относительно, время только пугали нашихъ хозяевъ, стали теперь достояніемъ бо́льшей части даже самыхъ заурядныхъ хозяйствъ». «Стремленіе къ прогрессу въ средѣ нашихъ сельскихъ хозяевъ и самое осуществленіе его въ большей или меньшей степени не можетъ, поэтому, долѣе быть оспариваемо. Признаки этого прогресса, *хотя мелкіе и, повидимому, единичные*, возможно уловить на каждомъ шагу; между тѣмъ, изъ совокупности подобныхъ *мелкихъ, мало замѣтныхъ* явленій, день за днемъ, годъ за годомъ, составляется цѣлое, *пока еще ускользающее отъ вниманія*, но тѣмъ не менѣе существующее, развивающееся медленно, но вѣрно, и открывающееся намъ пока только по частямъ и то *при внимательномъ наблюденіи и изслѣдованіи*. Когда имѣешь дѣло съ вопросами, затрогивающими существованіе совокупныхъ жизненныхъ явленій цѣлой страны, нужно быть очень осторожнымъ и чуткимъ; весьма важныя сами по себѣ, но *безконечно малыя по сравненію съ общимъ*, явленія исчезаютъ въ массѣ данныхъ и цифръ, относящихся къ цѣлой странѣ». «Между тѣмъ, какъ въ жизни начинается съ малаго, и это малое, прежде, чѣмъ вырости и стать всеобщимъ и виднымъ для всѣхъ, очень часто въ теченіе долгаго времени исчезаетъ изъ подъ всякаго обычнаго контроля и потому игнорируется и оспаривается» [1]).

Если остановиться только на первой половинѣ цитаты—можно подумать, что ничего лучшаго не остается и желать: Россія находится на вѣрномъ и точно обозначившемся пути прогрессивнаго развитія земледѣлія. Но, прочтя цѣлую выписку, мы ясно поймемъ, что все вышеприведенное есть не что иное, какъ личное мнѣніе автора, его субъективный взглядъ на значеніе встрѣчающихся въ сферѣ нашего сельскаго хозяйства попытокъ къ лучшему. Самыя же попытки, фактическая сторона вопроса, это—случаи, «почти ускользающіе отъ вниманія», открывающіеся только «при внимательномъ наблюденіи», «весьма важны сами по собѣ (по мнѣнію, разумѣется, автора), но безконечно малые по сравненію съ общимъ» и т. д. Общее положеніе дѣлъ, рисующееся въ книгѣ г. Ермолова, таково, какимъ и мы его представляли въ своей статьѣ. «Куда бы мы ни обратились въ Россіи, вездѣ мы встрѣчаемъ отсутствіе какого бы то ни было плана въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ», «низкая производительность земледѣлія», «ничтожная производительность скотоводства», «малораспространенность сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ», односторонняя эксплуатація силъ природы, не-

[1]) Организація полевого хозяйства, I, стр. 24—36.

возможность для земледѣлія выносить тяжесть обычнаго въ странѣ процента на капиталъ, затрудненіе для Россіи конкуррировать въ хлѣбной торговлѣ съ Америкой и т. д. Словомъ, нашъ авторъ-оптимистъ, согласно со всѣми остальными наблюдателями русской жизни, считаетъ положеніе нашего земледѣлія очень низкимъ; но, не ограничиваясь простымъ констатированіемъ факта, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказываетъ и предположеніе, что такому разстроенному состоянію сельскаго хозяйства приходитъ конецъ, и что признаками лучшаго будущаго служатъ тѣ примѣры раціональнаго веденія дѣла, которые наблюдаются въ различныхъ концахъ Россіи и отрицать существованіе которыхъ никто не посягаетъ.

И такъ, вопросъ о будущности нашего капиталистическаго земледѣлія не можетъ быть рѣшенъ простымъ наблюденіемъ совершающихся въ его жизни явленій: какъ ни плохо идетъ дѣло, какъ ни стонутъ помѣщичьи хозяйства подъ бременемъ многообразныхъ препятствій, поставляемыхъ всякому капиталистическому производству въ Россіи, неблагопріятнымъ для него современнымъ историческимъ моментомъ — находятся, однако, люди, готовые пользоваться каждымъ случайнымъ обстоятельствомъ, всякимъ намекомъ на нѣчто свѣжее, чтобы сейчасъ построить болѣе или менѣе фантастическую картину процвѣтанія нашего капиталистическаго земледѣлія, если не въ настоящемъ—что было бы очевидной натяжкой—то хотя бы въ неопредѣленномъ будущемъ. Поэтому, для составленія правильнаго понятія объ интересующемъ насъ вопросѣ, необходимо разсмотрѣть наше крупное земледѣліе въ его основныхъ элементахъ, оцѣнить силу и степень устойчивости причинъ его низкаго состоянія, изучить условія, при которыхъ ему приходится выбираться на болѣе или менѣе торную дорогу прогресса.

Главнѣйшія причины, обыкновенно приводимыя для объясненія низкаго состоянія въ качественномъ и количественномъ отношеніи нашихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, суть: недостатокъ и дороговизна труда и капитала и отсутствіе въ руководителяхъ необходимыхъ знаній. Остановимся сначала на первой причинѣ.

Одно изъ наиболѣе выдающихся явленій послѣ-реформенной жизни русскаго народа, это, безъ сомнѣнія,—его обезземеленіе. Хотя полныхъ свѣдѣній объ этомъ процессѣ не собрано, но и по имѣющимся отрывочнымъ даннымъ можно составить нѣкоторое понятіе о его размѣрахъ. Именно, по свѣдѣніямъ, относящимся къ началу 70-хъ годовъ, на 2 почти милліона дворовъ разныхъ губерній безземельныхъ было около 120½ тысячъ, т.-е., слиш-

комъ 6%, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число ихъ поднималось до 13% (Курская, Гродненская губ.) и 15% (Костромская губ.) [1]). Это—число обезземелившихся въ продолженіи 60 хъ годовъ; но есть основанія предполагать, что процессъ этотъ особенно шибко пошелъ именно въ послѣднее десятилѣтіе; однако, и здѣсь мы можемъ указать на такія же, если еще не болѣе отрывочныя цифры. По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, въ 1878 году число безземельныхъ было: въ Таврической губерніи 13,750 душъ, Херсонской—16,685, Орловской—10,858, Тверской—около 10,000, Галичскомъ уѣздѣ Костромской губ. 1,247, Ростовскомъ уѣздѣ и Таганрогскомъ градоначальствѣ — 2,500, Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губ. — 3,300 и т. д. [2]). Но эти цифры выражаютъ по преимуществу число приписныхъ къ волостямъ или обществамъ, т.-е. пришлыхъ въ мѣста своего теперешняго жительства, и лишь нѣкоторыя цифры матеріаловъ захватываютъ лицъ, выкидываемыхъ изъ земельной общины современной жизнью. Такъ въ числѣ 77 безземельныхъ Кологородской волости, Луж скаго уѣзда, Петербургской губ., только 15 произошли изъ членовъ мѣстной общины, остальные 62 — или бывшіе дворовые, или мѣщане, причисленные къ волости впослѣдствіи; въ числѣ 451 безземельныхъ Ямбургскаго уѣзда 249 членовъ общинъ, получившихъ надѣлы, но не пользующихся ими и т. д. Эта часть безземельныхъ, наиболѣе важная по своему значенію и размѣрамъ, можетъ быть опредѣлена лишь болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ, чѣмъ мимолетныя наблюденія лицъ, уѣзжающихъ отдохнуть въ провинцію, чѣмъ даже оффиціальныя свѣдѣнія, собранныя полиціей. Къ чему могутъ привести такія обстоятельныя изслѣдованія — можно видѣть изъ матеріаловъ, собранныхъ московскимъ земствомъ черезъ особыхъ лицъ, объѣздившихъ для этого всю губернію, побывавшихъ въ каждомъ селѣ. Объ интересующемъ насъ вопросѣ добыли они слѣдующія данныя: изъ 200,000 дворовъ губерніи безземельныхъ тамъ насчитывается около 20,000, да еще есть около 30,000 дворовъ, получившихъ надѣлъ, но не занимающихся земледѣліемъ, а вынужденныхъ искать посторонняго занятія; такимъ образомъ, всѣхъ безземельныхъ въ губерніи не менѣе 25% всѣхъ домохозяйствъ [3]). Изслѣ-

---

[1]) Васильчиковъ. „Землевладѣліе и земледѣліе". Т. I, стр. 539—540.

[2]) „Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельскохозяйственной промышленности въ Россіи». Вып. I, приложеніе II.

[3]) „Сборн. Стат. Свѣд. по Московск. губ. Отдѣлъ хозяйственной статистики, т. III, сводная таблица по губерніи.

дованія московскихъ статистиковъ даютъ основаніе предполагать, что большая часть крестьянъ Московской губерніи забросила хлѣбопашество именно въ послѣднее десятилѣтіе; такъ, по переписи 69 года въ Подольскомъ уѣздѣ найдено 836 дворовъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, изъ 13,703 дворовъ, получившихъ надѣловъ, что составитъ около 7%; въ 77 г. такихъ было уже 2,438 изъ 14½ тысячъ, т.-е. 18%, — произошло увеличеніе почти втрое [1]).

Фактъ разобщенія крестьянъ съ землею подтверждается и другимъ явленіемъ, именно: большимъ количествомъ лицъ, уходящихъ за заработкомъ съ мѣста своего жительства на-сторону. Точныхъ цифръ здѣсь такъ же мало, какъ и относительно числа безземельныхъ, хотя нѣтъ ничего легче, какъ опубликовать хранящіяся въ волостныхъ правленіяхъ свѣдѣнія о выдаваемыхъ ежегодно паспортахъ. За послѣдніе годы мы имѣемъ нѣсколько такихъ цифръ, которыя и приводимъ для примѣра: въ Нижегородской губерніи выдано въ 1876 году 117,000 паспортовъ и билетовъ [2]), въ Тверской въ 75 году — 212,000 [3]), въ Московской въ 77 г. — 258,000 [4]), между тѣмъ какъ г. Ленскій, нѣсколько лѣтъ назадъ, считалъ число уходящихъ изъ Тверской губ. только 102,000, а изъ Московской 111,000 человѣкъ [5]). По переписи, произведенной въ 63 г. въ Петербургѣ и 72 г. въ Москвѣ, оказалось, что въ обѣихъ столицахъ живетъ 12,3% всего мужского населенія Ярославской губ., 4,3%—Смоленской, 3,1%—Тульской и т.—[6]).

Хотя эти цифровыя данныя крайне отрывочны, но онѣ подтверждаются отзывами постоянныхъ и случайныхъ наблюдателей деревенской жизни: всѣ они говорятъ, что за послѣдніе годы народъ нашъ въ широкихъ размѣрахъ забрасываетъ, тѣмъ или инымъ путемъ, самостоятельное хозяйство и стремится достать какую бы то ни было наемную работу. Есть люди, которые находятъ все это очень естественнымъ и чуть ли не желательнымъ явленіемъ. Россія — говорятъ они — переживаетъ теперь моментъ, который она давно должна была пройти — моментъ водворенія капиталистической промышленности; для безпрепятственнаго совершенія этого процесса необходимо, чтобы предварительно произошло разобщеніе рабочаго со средствами производ-

[1]) Сб. Уд., т. II, „Крестьянское хозяйство“, стр. 23—24.

[2]) Ю. Янсонъ. „Сравнительная стат. Росс.“ и пр., т. I, стр. 371.

[3]) „Матеріалы для изуч. современ. полож. землевл.“ и пр., вып. I, стр. 27.

[4]) Сборн. Стат. Свѣд. по Моск. губ., т. III, сводная таблица.

[5]) Отеч. Зап. 1877 г. № 12 „Отхожіе неземледѣльческіе промыслы“.

[6]) Янсонъ. „Сравн. стат.“ и пр., стр. 370.

ства, и она же (крупная промышленность), въ свою очередь, помогаетъ этому разобщенію, вытѣсняя мелкое ремесло съ такою же вѣрностью, съ какою шасно рано или поздно замѣнитъ лукъ и кремневое ружье. Съ этой точки зрѣнія обезземеленіе русскаго крестьянства имѣетъ свою историко-экономическую причину и значеніе: бросившіе землю тотчасъ же поглощаются капиталомъ, пристраиваются къ дѣлу организаціи общественной формы труда. Быстрота процесса (обезземеленіе) служитъ лишь признакомъ широты развитія капиталистическаго производства, указателемъ быстроты нашего промышленнаго прогресса. Явленіе это—замѣна одной, ремесленной формы промышленности другою, мануфактурной и фабричной,—хотя и сопровождается многими печальными послѣдствіями, но что же дѣлать, если оно исторически неизбѣжно; намъ остается только, по возможности, смягчать и ослаблять черезчуръ рѣзкія и вредныя проявленія процесса. Къ этому они прибавляютъ, что вѣдь не насильно же крестьянинъ гонится на фабрику со своего надѣла; что игнорированіе имъ земледѣлія указываетъ на сравнительно большой заработокъ, получаемый имъ въ новой сферѣ, его привлекающей; что, поэтому, нельзя сказать безусловно, будто онъ лучшее мѣняетъ на худшее. А если еще принять во вниманіе, что, по мнѣнію многихъ нашихъ публицистовъ и сельскихъ хозяевъ, Россія въ настоящее время переживаетъ неизбѣжный сельско-хозяйственный кризисъ, вызываемый отсталостью нашихъ земледѣльческихъ системъ, приведшихъ къ полному истощенію почвы; что процессъ развитія высшей сельскохозяйственной культуры не можетъ повсемѣстно совершиться гладко и безъ запинокъ, а будетъ сопровождаться гибелью многихъ, въ особенности мелкихъ, хозяйствъ, неспособныхъ приноровиться къ новымъ требованіямъ жизни; если все это сообразить, говорятъ просвѣщенные на западно-европейскій образецъ люди, то нужно тѣмъ болѣе радоваться, что неспособная къ земледѣльческому прогрессу и стѣсненная общиной часть русскаго населенія, вмѣсто того, чтобы безплодно биться около истощенной земли, находитъ болѣе выгодный для себя заработокъ, болѣе полезное для общественнаго прогресса дѣло на фабрикахъ и крупныхъ фермахъ, и освобождаетъ землю для лицъ, способныхъ взять на себя задачу организаціи новой формы и системы земледѣльческой промышленности.

И такъ, народъ не изгоняется съ кормилицы земли, а приглашается бросить оголенный камень и перейти на пышныя нивы помѣщика, водворяющаго раціональное земледѣліе, на сытые хлѣба новѣйшихъ западно-европейскихъ промышленныхъ

единицъ. И здѣсь его ждутъ съ распростертыми объятіями! По крайней мѣрѣ, судя по жалобамъ, раздающимся отовсюду съ нашихъ «фермъ» и фабрикъ, положеніе организаторовъ новой формы промышленности въ этомъ отношеніи далеко не завидно и достойно всякаго сожалѣнія. Они — высоко держащіе знамя промышленнаго прогресса — послѣдній продуктъ продолжительнаго западно-европейскаго опыта, всю свою жизнь, можно сказать, посвящающіе дѣлу водворенія въ Россіи новыхъ формъ производства, принуждены испытывать вслѣдствіе недостатка рабочихъ массу затрудненій, которыя если и не уничтожаютъ вполнѣ результатовъ ихъ усилій, то значительно замедляютъ достиженіе поставленной цѣли.

Такъ изъ Юго-Западнаго края пишутъ: «Крупныя землевладѣнія и арендаторства съ сахарными заводами и большими культурами свекловицы и пшеницы, вслѣдствіе недостаточнаго оборотнаго капитала и знанія, требуютъ огромнаго количества рабочихъ рукъ, а ихъ недостаточно; поэтому, одно хозяйство передъ другимъ старается возвышеніемъ цѣнъ на трудъ переманить къ себѣ бо́льшее количество ихъ, не обращая вниманія въ большинствѣ случаевъ на успѣхъ и на качество работы. Въ виду массы заманчивыхъ предложеній, возможности получить большіе авансы часто на два года впередъ и лестныхъ обѣщаній въ будущемъ, рабочій людъ, естественно, кидается на нихъ; рабочій какъ бы теряется: возьметъ деньги у одного хозяина, прихватитъ у другого, и никому, въ концѣ концовъ, не отработаетъ». «Вслѣдствіе этого, въ нашемъ сельскомъ рабочемъ развивается крайняя недобросовѣстность, и мы сами виноваты, что рабочіе сдѣлались такими: мы ихъ сдѣлали такими вслѣдствіе несоблюденія обязательствъ передъ ними и азартнаго направленія самого предпріятія». Это положеніе дѣла, такое благородное стремленіе нашихъ піонеровъ цивилизаціи поскорѣе и возможно широко раскинуть сѣть капиталистическаго производства, стремленіе, далеко, повидимому, оставляющее за собой предварительный процессъ приготовленія рабочихъ рукъ, ведетъ къ тому, «что мелкимъ землевладѣльцамъ и арендаторамъ трудно, почти невозможно конкурировать съ крупными хозяйствами относительно возвышенія цѣнъ на рабочихъ. Эта трудность и даже невозможность зависитъ отъ того, что акціонерныя заводскія хозяйства и даже владѣльческія въ большинствѣ случаевъ производятъ свекловицу въ убытокъ и получаютъ доходъ только съ завода, съ сахара» [1]).

[1]) Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. 1870 г. III, „Очеркъ хозяйства Юго-Западнаго края".

Изъ Саратовской губерніи заявляютъ: «чувствительный недостатокъ издѣльной оранки, это—невозможность постоянно пріобрѣтать въ должное время, въ извѣстномъ количествѣ и за выгодную цѣну орачей: такимъ образомъ, можетъ встрѣтиться препятствіе въ выполненіи заранѣе обдуманнаго плана» [1]). А вѣдь этотъ планъ одинъ изъ тѣхъ, которые осчастливятъ руссую націю, введутъ ее окончательно въ семью западно-европ. народовъ! Южные хозяева, всѣ вкупѣ и каждый въ отдѣльности, издаютъ одинъ «вопль»: «дайте намъ рабочія руки; безъ исполнителей никакія теоріи не могутъ быть примѣнены, никакія улучшенія не мыслимы». Съ каждымъ днемъ и существующее «пастушеское хозяйство новороссійскаго края становится затруднительнѣе». При этомъ, въ своей жаждѣ поскорѣе водворить раціональное земледѣліе, южане доходятъ до такого, можно сказать, самозабвенія, что готовы «за помощью обратиться къ желтому вопросу, указать китайцамъ путь въ нашу обѣтованную землю»! [2]).

Даже въ такихъ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, какъ Курская, Тульская губерніи, нашъ хозяинъ капиталистъ, вмѣсто того, чтобы въ дѣлѣ организаціи раціональнаго земледѣлія основываться исключительно на требованіяхъ науки и капиталистической экономіи, для чего онъ прежде всего долженъ быть совершенно самостоятеленъ и всемогущъ въ своей сферѣ, и повелѣвать рабочими, какъ генералъ арміей, даже здѣсь онъ принужденъ съуживать свою цивилизующую задачу: ему приходится организовывать новую систему не на всей своей землѣ, а на одной ея части, а другую сдавать въ аренду крестьянамъ съ цѣлью пріобрѣтенія рабочихъ рукъ. О такихъ же губерніяхъ, какъ, напримѣръ, Псковская, и говорить нечего, — тамъ и вся система земледѣлія въ хозяйствахъ самыхъ раціональныхъ должна приноравливаться къ потребностямъ крестьянскаго хозяйства.

Гдѣ рабочихъ рукъ достаточно, тамъ на сцену выступаетъ новое горе — неисполнительность рабочаго. Вотъ что говорится объ этомъ въ оффиціальномъ изданіи: «Изъ числа всѣхъ, изслѣдованныхъ въ 1878 г. мѣстностей, по общей цифрѣ фабричной производительности и по числу привлекаемыхъ рабочихъ, выдаются болѣе всего Тверская и Тульская губерніи, а по количеству крупныхъ имѣній, нуждающихся въ пришлой рабочей силѣ,—губерніи Херсонская, Екатеринославская и Бессарабская. Недостатка рабочихъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не

[1]) Id. 1879, X. „Рыбушка". В. А. Курдюмова.

[2]) „Земледѣльческая газета", 1879 г., № 10, „Вопросъ о новоросс. сельск. хоз. кризисѣ".

ощущается; но всѣ затрудненія заключаются въ неисполнительности рабочаго и въ совершенномъ отсутствіи правильныхъ отношеній между нанимателями и рабочими. Хозяева фабрикъ стараются задержать у себя рабочихъ на время лѣтняго полугодія»; рабочіе, не стѣсняясь заключеннымъ условіемъ, бросаютъ хозяевъ, когда найдутъ это удобнымъ. На югѣ «рабочія книжки, при укоренившемся нарушеніи всякихъ договоровъ, даже выходятъ изъ употребленія. Такія неудовлетворительныя отношенія между хозяевами и рабочими влекутъ за собой разстройство хозяйства, не принося въ то же время особенной пользы рабочимъ», и въ заключеніе высказывается необходимость въ регулированіи отношеній рабочихъ къ хозяевамъ законодательнымъ путемъ [1]).

«Журналъ В. Э. О.» приходитъ къ такому же выводу. «Вопросъ о наймѣ рабочихъ составляетъ для землевладѣльцевъ поводъ къ жалобамъ на неуваженіе поселянина къ договорамъ, на лѣность, неумѣнье работать и пр. Большинство корреспондентовъ жалуется также на наклонность рабочаго уходить отъ нанимателя въ самую нужную пору и безъ всякой видимой причины, какъ бы по капризу». Это считается хозяевами главнымъ тормазомъ къ развитію сельскаго хозяйства, и они взываютъ за помощью къ правительству [2]).

Итакъ, рабочихъ или мало, или они дороги, или строптивы; тѣмъ или инымъ путемъ, но они оказываютъ препятствіе движенію нашего капиталистическаго поѣзда. Нужно полагать, что какъ ни быстро обезземеливается народъ, но процессъ поглощенія труда крупной промышленностью совершается еще быстрѣе; спросъ на трудъ идетъ впереди его предложенія, и преимущество въ борьбѣ оказывается на сторонѣ рабочаго. Это даетъ ему возможность если не диктовать условія найма капиталисту, то по крайней мѣрѣ обсуждать ихъ вмѣстѣ съ послѣднимъ, отвѣчать сознательно и осмотрительно—да или нѣтъ, даже нѣсколько прижимать хозяина. Если таково, дѣйствительно, положеніе дѣлъ, то оно неизбѣжно отразится и на заработной платѣ: хотя непрерывно продолжающееся всеобщее возвышеніе цѣнъ должно и безъ того вести къ поднятію денежнаго выраженія стоимости труда, но въ силу указанныхъ отношеній между нимъ и капиталомъ нужно ожидать, что возрастаніе заработной платы пойдетъ у насъ быстрѣе повышенія цѣнъ на продукты труда. Каково это возрастаніе—увидимъ ниже, теперь же замѣтимъ только,

[1]) „Матеріалы для изученія землевладѣнія“ и пр. Вып. 1, стр. 29—31.

[2]) „Труды В. Э. О.“ 1878, № 11. „Сельско-хозяйственное обозрѣніе“.

что противъ дорогаго и строптиваго рабочаго есть вѣрное средство: замѣна человѣка машиной. И дѣйствительно, это обстоятельство служило въ другихъ странахъ поводомъ для изобрѣтенія многихъ машинъ и сильнаго возвышенія такимъ образомъ производительности труда (напр., въ Англіи послѣ законодательнаго ограниченія работы дѣтей, когда пришлось бы замѣнить ихъ дешевый трудъ болѣе дорогимъ трудомъ взрослыхъ). Но у насъ дѣло стоитъ иначе; наша дороговизна труда какая-то специфическая: трудъ дорогъ, дорогъ, а какъ дойдетъ дѣло до машинъ, оказывается, что онъ чрезмѣрно дешевъ и недостоинъ быть замѣненнымъ ими.

Въ самомъ дѣлѣ, читая спеціальные журналы, вы сплошь и рядомъ будете встрѣчаться съ заявленіями землевладѣльцевъ въ этомъ смыслѣ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

Посѣвъ свекловицы во многихъ хозяйствахъ Россіи производится машинами, но въ Пензенской губ. женщины нанимаются для этой операціи такъ дешево (по 12 к. въ день), что дѣлаютъ машинную посадку невыгодной (С. Х. и Лѣс., 79, 5); въ Саратовскомъ уѣздѣ при поденной платѣ 30—40 к. машинная уборка хлѣба совершенно излишня. Въ Чарпскомъ уѣздѣ Тульской губ., отличающемся вообще довольно согласной дѣятельностью землевладѣльцевъ на пути возвышенія сельско-хозяйственной культуры, уборка сѣна машиною стоитъ 1 р. 22 к. десятина, хлѣба—1 р. 37 к., ручная же—1 р. (Землед. Газ., 78, 6). Въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губ. нѣкоторые помѣщики хотя и держатъ машины, но чуть-ли не изъ одной только важности, ибо дешевизна труда дѣлаетъ ихъ примѣненіе совершенно излишнимъ (Тр. В. Э. О., 80, 8); тоже нужно сказать и о Минской губ., гдѣ хотя и имѣются жнеи и молотилки, но и серпъ пользуется полнымъ правомъ гражданства, «что обусловливается главнымъ образомъ большимъ количествомъ и дешевизною рукъ изъ другихъ деревень» (С. Х. и Лѣс., 80, 3). Въ Бугульминскомъ уѣздѣ Саратовской губ. всего одна жатвенная машина, да и та, сжавши 5 десятинъ и сломавшись, была свалена въ сарай; по дешевизнѣ труда новыхъ заводить не стоитъ (Тр. В. Э. О., 79, 5). Да неудивится поэтому читатель, если узнаетъ, что паровыхъ плуговъ въ 76 г. дѣйствовало: на Британскихъ островахъ 2000, въ Германіи—105, во Франціи (странѣ мелкой культуры) 14, въ Россіи—9, всего двумя больше, чѣмъ въ крошечной Румыніи.

Одна изъ главныхъ причинъ плохой постановки всего нашего сельско-хозяйственнаго машиностроенія заключается въ маломъ запросѣ на машины, такъ что фабриканты, не ограничи-

ваясь своей спеціальной задачей, принимаютъ и другіе заказы, съ машиностроеніемъ не имѣющіе ничего общаго, напр., отливку крановъ, оградъ и пр., не говоря уже объ отсутствіи спеціализаціи въ средѣ самихъ машиностроителей—перваго условія для производства хорошихъ экземпляровъ.

Мы однако не отрицаемъ того, что рабочій черезчуръ дорогъ и не податливъ для нашего капиталистическаго земледѣлія; мы утверждаемъ лишь, что причина этого явленія кроется не въ дѣйствительной дороговизнѣ рабочей силы (читатель увидитъ ниже, что стоимость ея понизилась вопреки законамъ прогрессивнаго развитія общества), а что оно указываетъ на хилость капитализма, на неспособность его приняться и разцвѣсть на неблагопріятной почвѣ Россіи. А такъ какъ подобное положеніе длится почти безъ перемѣны вотъ уже 20 лѣтъ, то намъ кажется, что крупное хозяйство достаточно испытывало терпѣніе націи, что и нація въ свою очередь имѣла полную возможность убѣдиться въ его неспособности организовать высшую форму земледѣлія. Время, поэтому подвести итоги нашему двадцатилѣтнему увлеченію капитализмомъ, и если оно привело къ пуфу съ одной стороны, къ безплодному страданію — съ другой, то признаемъ это искренно; искренно же пожелаемъ исправить ошибки прошлаго.

Для иллюстрированія нашей мысли, для того, чтобы конкретно показать затрудненія, испытываемыя со стороны рабочей силы капиталистическимъ земледѣліемъ, мѣры, принимаемыя имъ для ихъ устраненія, сдѣлки и соглашенія, въ какія оно входитъ съ мелкимъ производствомъ, и успѣхи, имъ достигнутые, мы приведемъ нѣсколько описаній различныхъ хозяйствъ, заимствовавъ матеріалъ изъ журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» 1878—80 г.

Псковская губернія представляетъ условія, повидимому, благопріятныя если не для процвѣтанія, то, по крайней мѣрѣ, для сноснаго существованія *самостоятельнаго* помѣщичьяго хозяйства. Населеніе занимается почти исключительно земледѣліемъ: кустарный промыселъ развитъ весьма мало (страна льна не имѣетъ даже ткачей; см. статью г. Ленскаго въ Отеч. Зап.), отхожій—тоже (г. Ленскій считаетъ всего 10,000 уходящихъ изъ губерніи), а между тѣмъ надѣлъ крестьянамъ (около 5 десятинъ на душу) весьма недостаточенъ для того, чтобы занять всѣ рабочія руки. И дѣйствительно, по словамъ г. Вебера, зажиточная крестьянская семья изъ 3-хъ мужчинъ работниковъ, имѣя надѣлъ на три души, посвящаетъ ему меньше половины своего рабочаго

времени и старается принанять 2 десятины подъ рожь и столько же подъ ленъ [1]); на губернскомъ дворянскомъ собраніи было заявлено, что размножившемуся со времени послѣдней ревизіи населенію недостаетъ, по нормѣ надѣла 19 февраля, 500 тысячъ десятинъ земли [2]), а вѣдь и самая норма далеко не достаточна.

И такъ, населеніе не хочетъ порывать связи съ родиной и своимъ исконнымъ занятіемъ, а земли у него мало;—повидимому, помѣщичьи хозяйства не должны испытывать затрудненій въ пріисканіи рабочихъ. Почва тоже не настолько плоха, чтобы не стоила затратъ труда и капитала. Правда, по докладамъ коммиссіи для изученія сельскаго хозяйства, урожай ржи показанъ у крестьянъ самъ 3—5, по у помѣщиковъ 7—8 [3]). Но словамъ же г. Вебера, относящимся къ послѣднему времени, урожай самъ 4 даетъ поле односемейника, принадлежащаго къ группѣ наибѣднѣйшихъ крестьянъ, у многосемейнаго же урожай самъ 7; а помѣщики, примѣнившіе усовершенствованныя орудія, возвысили урожайность своихъ полей до самъ 14, не увеличивая количества скота и, слѣдовательно, не измѣняя удобренія [4]). То же самое доказывается и арендными цѣнами на землю. Уже въ началѣ 70-хъ годовъ нанять десятину подъ озимь стоило 10—20 р. въ годъ [5]), о послѣднихъ же годахъ г. Веберъ приводитъ случаи, вовсе не какъ исключительные, арендной платы въ 30 р. подъ озимь [6]). Еще сильнѣе поднялась она на землю подъ ленъ: прежде она начиналась, смотря по уѣзду, съ 10—25 р. и доходила до 80 на цѣлинахъ; теперь, по приблизительному разсчету г. Вебера, 1/4 всей земли, отдаваемой подъ ленъ, идетъ за 25—40 р. десятина, половина по 40—60 и 1/4—за 60—90, подымаясь иногда и выше—до 130 р. [7]). Землю, способную вынести арендную плату (хотя бы то и крестьянскую), за которую можетъ быть нанятъ лучшій черноземъ, нельзя назвать безплодной и нестоющей заботъ и трудовъ землевладѣльца.

Какъ же помѣщикъ устроился на такой землѣ? Основалъ-ли онъ прочное хозяйство, которое бы давало ему наибольшій и вѣрный доходъ въ настоящемъ и будущемъ? Нужно сказать, что въ этомъ отношеніи помѣщичьи хозяйства губерніи находятся въ томъ же положеніи, что и 10 лѣтъ назадъ. Владѣя половиной

---

[1]) Сельск. Хоз. и Лѣсов. 1879, 9. „Экономическія условія Псковской губерніи".

[2]) „Голосъ", 1880, 42.

[3]) Докладъ. Приложеніе I, отд. II, стр. 7.

[4]) Сельск. Хоз. и Лѣсов., 79 г. 1. „Полеводство въ Псковской губерніи".

[5]) Докл. Ком. и пр. Прилож. I, отд. I, стр. 42—3.

[6]) Сельск. Хоз. и Лѣсов., 1879, 9—10.

[7]) Id. № 5.

земли въ губерніи, имѣя массу свободныхъ рабочихъ рукъ, землевладѣльцы, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться хозяевами положенія, перевернуть по-своему земледѣльческій строй губерніи, «вслѣдствіе отсутствія фундаментальныхъ знаній, за неимѣніемъ достаточной практичности, а также энергіи и дѣйствительной любви къ дѣлу, становятся въ полную зависимость отъ обычаевъ, пріемовъ, познаній и честности окружающихъ сосѣдей-крестьянъ, вслѣдствіе чего и полеводство землевладѣльцевъ ближе всего подходитъ къ полеводству крестьянъ-общинниковъ» и уступаетъ даже состоянію его у крестьянъ, хозяйничающихъ на участкахъ, пріобрѣтенныхъ въ личную собственность [1]). Типичнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ съ полной самостоятельностью предпринимателя нужно считать такое, которое основано на батрацкомъ трудѣ, и какъ разъ эта система въ Псковской губерніи далеко уступаетъ другимъ—испольной и издѣльной; а эти двѣ характеризуются бо́льшей самостоятельностью рабочаго. И такъ, помѣщикъ пожертвовалъ своей независимостью въ пользу самостоятельности крестьянина; послѣдній оказался сильнѣй перваго. Мало того: издѣльная обработка, древнѣйшая въ губерніи, въ послѣднее время вытѣсняется испольной. Кн. Васильчиковъ считаетъ эту послѣднюю признакомъ угнетеннаго положенія земледѣльца, и это въ большинствѣ случаевъ справедливо, если ее разсматривать какъ систему уплаты ренты и сравнивать съ денежной арендой. Но въ данномъ случаѣ она является не на замѣну послѣдней, а скорѣе какъ переходная къ ней ступень отъ системы обработки земли помѣщикомъ за свой страхъ (наймомъ издѣльно). А что въ этомъ случаѣ мнѣніе князя невѣрно — мы приведемъ слѣдующій разсчетъ г. Вебера. Въ Островскомъ уѣздѣ есть имѣніе, состоящее, между прочимъ, изъ 45 десятинъ пахотной земли, обработываемой исполу и приносящей владѣльцу около 450 р. дохода, между тѣмъ какъ обработываемая издѣльно она давала бы вдвое больше. Авторъ объясняетъ такое грубое игнорированіе владѣльцемъ своихъ собственныхъ интересовъ отсутствіемъ капитала въ 375 р., нужнаго для уплаты рабочимъ; но очевидно, что объясненіе это натянуто: занять однажды 375 р. въ виду полученія черезъ полгода 500, которыя обезпечатъ такой же ежегодный доходъ постоянно въ будущемъ,—разумѣется, не трудно.

Самая дѣнная статья дохода въ Псковской губерніи это—льноводство, и оно всецѣло находится въ рукахъ крестьянъ; даже

[1]) Id. № 2.

тѣ нѣсколько хозяйствъ, приводимыхъ г. Веберомъ, которыя построены на многопольной системѣ, а рабочій персоналъ которыхъ частью батраки, частью сосѣди-крестьяне, нанимающіеся издѣльно, и тѣ соблазнились высокой арендой и землю подъ ленъ сдаютъ крестьянамъ. Мужикъ въ данномъ случаѣ высокой рентой купилъ у землевладѣльца свою самостоятельность.

Г. Веберъ, вслѣдъ за общественнымъ мнѣніемъ, приписываетъ жалкое положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ отсутствію у владѣльцевъ знаній, предпріимчивости и капиталовъ. Но объясненіе это ничего, по правдѣ сказать, не объясняетъ и можетъ быть съ одинаковой основательностью, прочитано наоборотъ: знаній, предпріимчивости и капиталовъ не оказывается у массы сельскихъ хозяевъ потому, что они для нея излишни, что и съ этимъ прекраснымъ оружіемъ имъ придется смириться передъ временемъ, оставить крестьянина хозяйничать на своей и ихней землѣ. При другихъ обстоятельствахъ или для другихъ потребностей находятся въ Россіи и знанія и капиталы; нашлись же знанія у псковскихъ крестьянъ, хозяйничающихъ на купленной землѣ, пашущихъ плугами, удобряющихъ землю суперфосфатомъ, или—капиталы у аферистовъ для опустошенія помѣщичьихъ хозяйствъ той же Псковской губерніи, какъ объ этомъ заявляетъ самъ авторъ [1]). Причины здѣсь другія, и самъ г. Веберъ намъ ихъ объясняетъ. Дѣло въ томъ, что порядочный крестьянинъ въ наемные работники не пойдетъ; рѣдко можно встрѣтить въ такомъ положеніи члена большой, солидной крестьянской семьи, да и то на какихъ-нибудь 2—3 года, въ виду временныхъ затрудненій: такая семья старается всегда пополнить свой дефицитъ наймомъ помѣщичьей земли или обработкой ея издѣльно и исполу. Въ батраки же поступаютъ по преимуществу крестьяне разорившіеся, не имѣющіе ни кола, ни двора что отчасти есть послѣдствіе безалабернаго характера, частью же само вырабатываетъ послѣдній. А при такихъ рабочихъ «батрацкій трудъ положительно менѣе выгоденъ, нежели издѣльная или испольная обработка земли, землевладѣлецъ постоянно рискуетъ, что его поля останутся незасѣянными или несжатыми» [2]). И такъ, въ основномъ пунктѣ капиталистическаго хозяйства—организаціи рабочей силы—помѣщикъ долженъ былъ уступить крестьянамъ,—онъ отказался отъ батрацкаго труда; но уступка

[1]) Арендаторъ беретъ имѣніе на нѣсколько лѣтъ, при этомъ скупаетъ весь засѣянный и находящійся въ амбарѣ хлѣбъ и весь скотъ, и, по прошествіи срока аренды, возвращаетъ помѣщику уже не село, а пустошь съ полуразвалившимся домомъ. Сел. Хоз. и Лѣс. 1879 г. X.

[2]) Id. № 9.

его продолжается и дальше: мы видѣли, что испольный трудъ выгоднѣе для крестьянъ издѣльнаго, и видѣли же, что помѣщикъ и въ этомъ отношеніи поступаетъ по желанію крестьянина,— для собственнаго спокойствія замѣняетъ второй первымъ.

Такимъ образомъ, Псковская губернія представляетъ намъ примѣръ слабаго и даже обратнаго развитія самостоятельнаго капиталистическаго хозяйства; задача помѣщика, вмѣсто организаціи общественной формы труда и раціональнаго земледѣлія, сводится на полученіе наибольшей ренты. Ближайшей причиной такого явленія служитъ недостатокъ рабочихъ—и это въ то время, когда крестьяне массами бросаютъ землю и ищутъ наемнаго заработка. Не очевидно ли, что для развитія капиталистическаго производства недостаточно капитала и рабочихъ,—нужно нѣчто третье, нужна среда, благопріятная для ихъ химическаго соединенія, а не механической только смѣси, и исключающая народную промышленность. Въ концѣ концовъ это понимаютъ и сами хозяева; такъ г. Веберъ, трудами котораго мы пользовались для настоящаго очерка положенія сельскаго хозяйства въ Псковской губерніи, въ заключеніе своихъ статей говоритъ: «Хуторское хозяйство, по нашему мнѣнію, можетъ вестись съ успѣхомъ только тогда, догда оно *соотвѣтствуетъ крестьянскимъ нуждамъ*» начиная съ сѣвооборота и кончая скотоводствомъ или сельскохозяйственнымъ производствомъ. Положимъ, что въ какой-либо мѣстности Псковской губ. крестьяне признали положительно невыгоднымъ скотоводство, какъ арендную статью; занимаясь льноводствомъ, они и безъ того нуждаются въ покосѣ и рады купить (нанять) или скосить его изъ части; кромѣ того, каждый многосемейный крестьянинъ нуждается еще въ 2 дес. земли подъ рожь и въ 2 дес. подъ ленъ. Для хозяина же землевладѣльца наемъ батрака въ видѣ годоваго работника затруднителенъ. Поэтому, *основываясь на только что указанномъ требованіи со стороны крестьянъ и взявъ во вниманіе затрудненіе въ наймѣ годового работника*, цѣлью хуторскаго хозяйства должно быть скотоводство или молочное хозяйство и прочіе сельскохозяйственные промыслы». Тогда, ленъ и рожь въ вашемъ сѣвооборотѣ, назначенные, такъ сказать, для крестьянской потребности, будутъ убраны издѣльно, исполу или путемъ найма земли; сѣно крестьяне вамъ уберутъ изъ части, и искать батраковъ вамъ придется только для ухода за скотомъ и для присмотра за усадьбой. «О выгодности такого рода хуторскаго хозяйства,—продолжаетъ авторъ,—гармонирующаго съ нуждами окружающихъ крестьянъ, мы говоримъ по опыту; мы убѣждены, что это *единственный*

способъ раціональнаго хозяйства, т. е. полученія наивысшаго дохода безъ истощенія при этомъ почвы». И дѣйствительно, всѣ приводимые авторомъ случаи раціональныхъ хозяйствъ въ губерніи говорятъ, что совѣтъ его сдѣланъ не на вѣтеръ, не на теоретическихъ только основаніяхъ, а почерпнутъ изъ жизни; всѣ они основаны на льноводствѣ и скотоводствѣ: ленъ ради требованій крестьянъ, скотъ для себя. «Надо помнить, что нашъ крестьянинъ— не безземельный батракъ Западной Европы», — совершенно вѣрно заключаетъ авторъ [1]).

Посмотримъ теперь на хозяйство, находящееся въ мѣстности съ такимъ густымъ населеніемъ, что значительная его часть отправляется на лѣтнія земледѣльческія работы въ степи, другая принуждена и вовсе выселяться, это — въ Курской губерніи. Здѣсь, повидимому, не должно бы быть недостатка въ рабочихъ рукахъ, которыя не только удовлетворили внутренней въ нихъ потребности, но и утоляютъ жажду другихъ мѣстностей. А хозяйство, на которомъ мы остановимся.—образцовое и единственное въ своемъ родѣ во всемъ Обоянскомъ уѣздѣ: имѣніе при с. Ивни, принадлежащее г. Карамзину и завѣдываемое молодымъ агрономомъ, г. Бауэромъ. Хозяйство состоитъ между прочимъ изъ 3214 дес. пахатной земли (1500 изъ нихъ отдаются въ аренду крѣстьянамъ) и 2100 дес. лѣсу; кромѣ того, при имѣніи есть сахарный заводъ. И вотъ, такая экономія, одинъ лѣсъ которой даетъ около 20000 р. чистаго дохода, держитъ всего 50 годовыхъ рабочихъ (кромѣ сторожей, конюховъ и пр.)—число значительно меньшее того, какое необходимо для веденія хозяйства: вмѣсто 7—10 десятинъ пахатной земли на 1 рабочаго, какъ это бываетъ, напр., въ хозяйствахъ прибалтійскихъ губерній, здѣсь на каждаго приходится 35 десятинъ. Главную массу недостающихъ рабочихъ экономія имѣетъ благодаря тому, что окружена крестьянами, получившими даровой надѣлъ. Не будь около такого запроса на постоянныхъ рабочихъ (сахарный заводъ и пр.), этимъ крестьянамъ пришлось бы выселяться; съ другой стороны, безъ такихъ безземельныхъ сосѣдей имѣніе Карамзина вѣроятно было бы много поскромнѣе. Но, чтобы и въ этой странѣ избыточнаго населенія обезпечить себя достаточнымъ числомъ рабочихъ рукъ, экономія вынуждена была изъять изъ самостоятельной эксплуатаціи 1500 дес. пашни и отдавать ихъ въ аренду крестьянамъ подъ условіемъ, чтобы уплата ренты производилась непремѣнно трудомъ. Эти 1500 дес. распредѣляются такимъ образомъ: 750 идетъ безземельнымъ обителямъ с. Ивни, составляю-

[1]) Сельск. Хоз. и Лѣс. 1879, № 10. „Экономич. условія губ. Псковской".

щимъ болѣе или менѣе постоянный контингентъ рабочихъ экономіи; но такъ какъ для своевременной уборки посѣвовъ требуется большое число рукъ, которыя нужно искать уже въ другихъ деревняхъ, то, чтобы принудить населеніе послѣднихъ быть аккуратными въ исполненіи своихъ обязательствъ въ такое горячее время, какъ жатва,—имъ раздаются въ аренду остальные 750 дес., урожай которыхъ служитъ обезпеченіемъ ихъ исправности передъ экономіей. Итакъ, почти половину пахатной земли помѣщикъ принужденъ изъять изъ собственной эксплуатаціи для удовлетворенія потребности крестьянъ; капиталистъ, разсчеты котораго основаны на обезземеленіи народа, начинаетъ свою дѣятельность съ надѣленія крестьянъ землею.

Кажется, что обездоленному крестьянину достаточно и сдѣланной подачки; однако, экономіи пришлось продолжать уступки далѣе: землю она отдаетъ въ аренду дешевле окружающихъ владѣльцевъ, а вознагражденіе за издѣльный трудъ въ отплату арендной суммы предлагаетъ дороже,—все это съ цѣлью привлечь рабочихъ, не допустить ихъ отправиться на югъ.

Мы видѣли, что описываемое хозяйство развивается безпрепятственно, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ (безземельные сосѣди) и готовности, съ какою экономія несетъ потери въ видахъ привлеченія рабочихъ. Первое условіе—простая случайность, пока въ Россіи вовсе не обычная и потому не могущая служить прочнымъ основаніемъ господству какого-либо строя (въ данномъ случаѣ капиталистическаго). Вторая особенность, въ свою очередь, указываетъ на примитивность нашего капитализма: отдѣльная промышленная единица имѣетъ возможность безнаказанно затрачивать на рабочую силу больше другихъ, не разоряясь при этомъ, а еще пуще процвѣтая! Нужно полагать, что описываемое хозяйство не шло бы такъ плавно, если бы въ его основѣ не лежала промышленная цѣль—производство свекловицы для сахарнаго завода, который одинъ даетъ 50,000 р. дохода. Имѣя, такимъ образомъ, вѣрныхъ 70,000 въ годъ, можно рискнуть организовать обширное раціональное хозяйство; но описываемое нами существуетъ пока нѣсколько лѣтъ, и еще неизвѣстно, что изъ него, въ концѣ концовъ, выйдетъ [1]).

На безземеліи окружающихъ крестьянъ построено и хозяйство кн. Кочубея, Саратовскаго уѣзда, но уже безъ претензіи на раціональность, а съ цѣлью воспользоваться жаждою народомъ земли. Поэтому изъ $20^1/_4$ тысячъ десятинъ пахатной земли,

[1]) Сельск. Хоз. и Лѣс. 1878 г. №№ 7 и 1880 г. № 3, 4, 6.

подъ экономическими посѣвами находится всего 3,064 дес.; остальная отдается въ аренду крестьянамъ окружающихъ деревень, получившихъ даровой надѣлъ. Несмотря на такую, относительно незначительную запашку и обиліе рабочихъ рукъ (дешевизна которыхъ дѣлаетъ излишнимъ и невыгоднымъ введеніе жатвенныхъ машинъ), хозяйство находится подъ нѣкоторымъ опасеніемъ остаться въ нужное время безъ рабочихъ; это именно отсюда писали, что, вслѣдствіе ихъ недостатка и дороговизны, «можетъ встрѣтиться препятствіе въ выполненіи заранѣе обдуманнаго плана» [1]).

Итакъ, мы здѣсь встрѣчаемся одновременно съ дороговизной и дешевизной, обиліемъ и недостаткомъ рабочихъ. То ихъ такъ много, что не стоитъ заводить машинъ, то ихъ вдругъ недостаетъ для выполненія задуманнаго плана. Это указываетъ, съ одной стороны, на относительную независимость крестьянъ, несмотря на всѣ тягости и несчастія, какія имъ приходится выносить; съ другой—служитъ мѣриломъ тѣхъ трудностей, съ какими приходится бороться у насъ капитализму, вытекающихъ изъ неблагопріятной обстановки и парализующихъ всѣ усилія его утвердиться на русской почвѣ.

Различныя мѣстности Россіи представляютъ не одинаковую сумму препятствій для организаціи владѣльческаго хозяйства: та средняя черноземная полоса, гдѣ хозяйства болѣе или менѣе процвѣтали и во времена крѣпостного права, гдѣ, поэтому, крестьяне привыкли работать на помѣщика, гдѣ, наконецъ, по скученности населенія, они получили по освобожденіи малый надѣлъ, тамъ и теперь капиталистическое хозяйство сравнительно процвѣтаетъ. Въ примѣръ такого хозяйства мы приведемъ имѣніе гр. Бобринскаго, Богородицкаго уѣзда, Тульской губ. Съ 51 года здѣсь существуетъ сахарный заводъ, который и теперь опредѣляетъ направленіе полеводства: оно приспособлено къ добыванію свеклы. Современное цвѣтущее состояніе экономіи во многомъ обязано сахарному заводу, доходы котораго позволяютъ покрывать нерѣдкіе убытки полевого хозяйства. Обработка земли ведется годовыми, лѣтними поденными рабочими и издѣльно. Но ни имя, ни богатство графа, ни долголѣтняя опытность, ни традиція не спасаютъ описываемаго хозяйства отъ общей судьбы помѣщичьихъ экономій въ Россіи: «изъ 8,000 дес. земли предполагается имѣть въ собственной обработкѣ владѣльца только 2,976 (что значитъ «предполагается»? Слѣдуетъ ли понимать это такимъ образомъ, что до сихъ поръ обработывалось больше,

[1]) Сельск. Хоз и Лѣс. 1879 г. № X. „Рыбушка“.

а теперь помѣщикъ вынужденъ сократить запашку?); остальная земля, за исключеніемъ 1,250 дес. лѣсу, сдается въ наемъ крестьянамъ, такъ какъ они находятъ возможнымъ давать высокую наемную плату даже за ту землю, при собственной обработкѣ которой владѣлецъ получаетъ убытокъ». Пусть читатель не думаетъ, что эта отдаваемая крестьянамъ земля—какой-нибудь несчастный выгонъ, утилизировать который съумѣетъ только крестьянская нужда, — нѣтъ, помѣщикъ за нее получаетъ по 11½ — 13 р. за дес. подъ озимь, и 7—9 р. подъ яровое, т.-е., въ среднемъ подъ первое, 12 р., подъ второе — 8 р. Обращаясь къ докладамъ Коммисіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, мы видимъ, что такія же среднія цѣны, въ началѣ 70-хъ годовъ, господствовали только въ 2—3 уѣздахъ губерніи, въ остальныхъ онѣ были значительно ниже. Слѣдовательно, гр. Бобринскій отдаетъ крестьянамъ не плохую, а хорошую землю, и если рента, получаемая имъ, выше того барыша, какой бы онъ имѣлъ при самостоятельной обработкѣ, это показываетъ, какъ шатко основаніе нашего капитализма, на какія разнообразныя препятствія наталкивается онъ въ своемъ стремленіи завоевать себѣ прочное положеніе. Населеніе, если ему нельзя иначе воспрепятствовать развитію владѣльческаго хозяйства, откупается отъ него или подкупаетъ его: мы видѣли, какъ высокой арендной платой за землю подъ ленъ крестьяне смутили псковскаго хозяина-раціоналиста. Такъ и здѣсь: — «Чѣмъ воевать съ вами изъ-за неизвѣстныхъ результатовъ, нанимая для обработки 6 тысячъ слишкомъ десятинъ, я лучше откажусь отъ чести быть повелителемъ тысячной арміи рабочихъ и ограничусь полученіемъ 10-ти рублевой ренты, — думаетъ землевладѣлецъ. — Тамъ еще, будетъ ли урожай или нѣтъ, исполните вы обязательную работу или отложите для болѣе выгоднаго заработка, а теперь я получу за десятину 5 р. до зимы, остальные 8 іюля; не выплатите — возьму штрафъ, и весь урожай поступаетъ въ мою пользу.

Нашъ крестьянинъ, ведущій самостоятельное земледѣльческое хозяйство, успѣвшій уже оцѣнить и полюбить независимый трудъ, всѣми силами сопротивляется замѣнѣ его подневольнымъ, батрацкимъ и въ крайнемъ случаѣ предпочитаетъ лучше непомѣрно высокой арендной платой отбить у землевладѣльца охоту самому заниматься хозяйствомъ, покупать у него себѣ независимое существованіе. Это стремленіе крестьянъ къ самостоятельности служитъ причиной, что наиболѣе выгодной системой полученія съ имѣнія дохода является прекращеніе того, что собственно называется хозяйствомъ, и всѣ способности управляющаго обращаются

на выработываніе различныхъ пріемовъ выжиманія изъ крестьянъ наивысшей арендной платы. Мы видѣли, напримѣръ, какъ псковскіе помѣщики, вмѣсто того, чтобы самимъ заниматься культурой льна, сдавая въ аренду лишь излишнюю землю, передали все его производство въ мужицкія руки, но за то берутъ съ нихъ максимальную аренду, опредѣляемую съ торговъ. Способъ аукціона оказался настолько удачнымъ, что возвысилъ доходы землевладѣльцевъ въ $1^1/_2$ — 2 раза противъ ожидаемыхъ; такъ, г. Веберъ присутствовалъ на торгахъ въ одномъ имѣніи Новоржевскаго уѣзда, гдѣ земля, оцѣненная владѣльцемъ въ 30 р. десятина, пошла за 55 р.; еще болѣе пріятный сюрпризъ получилъ землевладѣлецъ другого уѣзда, гдѣ съемщики набили цѣну до 135 р. за однолѣтнее пользованіе десятиной подъ ленъ [1]). Въ другомъ вышеупомянутомъ случаѣ, въ огромной экономіи князя Кочубея, въ Саратовскомъ уѣздѣ, гдѣ самъ владѣлецъ не живетъ въ имѣніи и потому не можетъ лично слѣдить за сдачей земли, для полученія наивысшей арендной платы принята система вознагражденія прикащиковъ (каждому изъ нихъ отведенъ въ распоряженіе особый участокъ) извѣстнымъ процентомъ изъ суммы, вымученной ими съ крестьянъ-съемщиковъ. Система оказалась вполнѣ пригодной для вышеуказанной цѣли: хотя прикащикамъ приходится платить около 900 р. въ годъ каждому, но такое щедрое вознагражденіе возвращается разсчетливому владѣльцу сторицею. Блюстители его интересовъ изобрѣли способъ торговъ, отличающихся отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что первоначально назначается не низшая, а высшая плата, и дальнѣйшая игра идетъ не въ повышеніе ея, а въ пониженіе. Земля разбита на участки въ 4 десятины; въ назначенное время собираются окрестные крестьяне, и прикащикъ объявляетъ арендную плату въ 60 р. за участокъ, съ правомъ съемщика выбирать его въ любомъ мѣстѣ. Когда, такимъ образомъ, послѣ разбора лучшихъ участковъ, другіе остаются нетронутыми, а время посѣва приближается — арендная плата постепенно уменьшается до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, вся земля не будетъ снята крестьянами [2]).

Этими и подобными имъ пріемами помѣщики продаютъ свое сельско-хозяйственное первенство, и читатель согласится, что они поступаютъ при этомъ разсчетливѣе Исава, удовольствовавшагося простою чечевичной похлебкой. Поэтому, недостатокъ рабочихъ рукъ для помѣщичьихъ хозяйствъ есть уже явленіе производное

[1]) Сельское хозяйство и лѣсоводство. 1879, № 5.

[2]) Ibid. 1878 г. № 10.

и, какъ видитъ читатель, не устранимое, по крайней мѣрѣ, коммерческими и вообще экономическими средствами: пока владѣлецъ въ своихъ дѣйствіяхъ будетъ руководствоваться низменными, эгоистическими побужденіями (кокавыми, надѣемся, онъ будетъ руководствоваться всегда), а не высшими стремленіями къ преобразованію, напримѣръ, нашего общественно-экономическаго строя, хотя бы на англійскій манеръ, до тѣхъ поръ сохранятся и существующія отношенія между трудомъ и капиталистическимъ земледѣліемъ.

Все это еще въ бо́льшей степени примѣнимо къ такъ-называемой «дороговизнѣ» рабочаго. Если жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ имѣютъ нѣкоторое реальное, хотя отчасти созданное и самими помѣщиками основаніе, то ихъ ссылка на дороговизну труда должна быть положительно отнесена къ области пылкой фантазіи. Ниже мы убѣдимся въ томъ, что заработная плата, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе хлѣбородной полосѣ Россіи, за послѣднія десять лѣтъ, не только не возвысилась, но, можетъ быть, даже упала. Но и помимо этого, всякому читателю извѣстно, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ земледѣльческаго сезона (уборка хлѣба), да и то въ небольшомъ районѣ Россіи, заработная плата крестьянина крайне невелика, но и она еще понижается такими пріемами, какъ снабженіе крестьянъ деньгами или хлѣбомъ весною въ счетъ лѣтнихъ работъ, наймомъ недоимщиковъ и т. д. Смѣшно говорить о высокомъ вознагражденіи за трудъ русскаго рабочаго, когда онъ довольствуется платой въ три раза меньшей той, какую получаетъ французскій крестьянинъ, и въ пять-шесть разъ меньшей американской. Слѣдовательно, такъ-называемая дороговизна рабочихъ есть фиктивная причина низкаго развитія помѣщичьихъ хозяйствъ; явленіе это служитъ указателемъ существованія болѣе важныхъ и солидныхъ препятствій процвѣтанію нашего крупнаго земледѣлія.

Зная основную причину «дороговизны» рабочихъ, намъ ясно, что не помогутъ ей и проектируемыя мѣры привлеченія къ земледѣческимъ работамъ солдатъ и куліевъ. Русскій мужикъ довольствуется такой мизерной платой, ниже которой врядъ ли рѣшится заставить работать своего солдата военное начальство; по крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ заявленіе одного изъ хозяевъ Курской губерніи, что когда приходилось нанимать солдатъ, то работа ихъ обходилась дороже крестьянской [1]). А китайцы (коль скоро зашла рѣчь объ этомъ курьёзномъ проектѣ), если и приводятъ въ отчаяніе рабочихъ и прославляются хозяевами,

[1]) Id., 1880 г., № 4

такъ это имѣетъ мѣсто въ Америкѣ, гдѣ земледѣльческій труженикъ получаетъ 20 — 60 даже 100 р. въ мѣсяцъ, а не въ Россіи, гдѣ онъ довольствуется суммой, въ 5 — 10 разъ менѣе; здѣсь и самый невзыскательный китаецъ опухнетъ съ голоду.

Земледѣльческая промышленность отличается отъ фабричной тѣмъ, что она не можетъ быть втиснута въ однообразныя рамки: каждая мѣстность въ сельско-хозяйственномъ отношеніи представляетъ какія-либо особенности, и, чтобы построить хозяйство сообразно всѣмъ требованіямъ времени и мѣста — нужны не одни познанія и техническая опытность, а — еще главнѣе — любовь къ дѣлу, болѣе тонкая наблюдательность, можно сказать, извѣстное вдохновеніе. Тотъ или иной результатъ хозяйствованія въ значительной степени, какъ видимъ, обусловливается личностью управляющаго, и потому сплошь да рядомъ случается, что имѣніе, организованное однимъ хозяиномъ и дающее хорошій доходъ, съ переходомъ въ другія руки, разстраивается не отъ положительныхъ недостатковъ новаго заправителя, не допускающихъ веденія какого-бы то ни было промышленнаго предпріятія, а вслѣдствіе отсутствія въ его характерѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ свойствъ — таланта, если угодно. Оттого-то, между прочимъ, у насъ такъ мало раціональныхъ хозяйствъ, такъ туго идетъ организація новой системы земледѣлія.

Въ обрабатывающей промышленности дѣло поставлено иначе; руководитель предпріятія не обязанъ имѣть спеціальныхъ качествъ, а достаточно, если онъ обладаетъ общечеловѣческими свойствами: дѣловитостью, честностью, умѣньемъ; потому-то оно доступно почти всѣмъ, всякій слой общества можетъ взять на себя дѣло организаціи фабричной промышленности (если оно только вообще возможно). Прилагая то же къ земледѣлію, соображая, какой классъ русскаго общества способенъ быть организаторомъ новой системы сельскаго хозяйства, мы должны признать, что задача эта подъ силу только народу. У него нѣтъ, правда, знаній (наше дѣло дать ихъ ему), но за то есть свойства, которыхъ не пріобрѣсть никакой наукой и которыя развились въ немъ тысячелѣтней борьбой и общеніемъ съ природой, любовь къ дѣлу, упорство въ достиженіи цѣли, тонкая наблюдательность и пониманіе природы. Другіе классы дадутъ отдѣльныхъ лицъ, способныхъ дѣлать то же и безспорно сослужащихъ народу большую службу своимъ знаніемъ и талантомъ; но достойныхъ учениковъ, а подчасъ и сотоварищей они найдутъ en masse лишь въ средѣ крестьянства.

Другая особенность земледѣльческаго хозяйства заключается

въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какія приходится стать его организатору къ рабочимъ. Въ фабричной промышленности рабочій нанимается, можно сказать, не къ хозяину, а на фабрику: онъ обязуется извѣстное число часовъ въ день исполнять извѣстную работу, и, затѣмъ, между нимъ и заведеніемъ прекращаются всѣ дѣловыя отношенія. Не то въ земледѣліи: батракъ идетъ на работу неопредѣленную по времени и содержанію: сегодня онъ трудится неустанно 14 часовъ, завтра, можетъ быть, ничего не будетъ дѣлать; сейчасъ онъ занятъ однимъ дѣломъ, черезъ минуту—совершенно другимъ. Его положеніе нѣсколько сходно съ положеніемъ домашней прислуги и, потому, въ большинствѣ случаевъ, такъ же ненормально, какъ и это послѣднее. Въ силу этого, хорошихъ батраковъ мыслимо найти только въ средѣ населенія, не имѣющаго ни своего клочка земли, ни угла, ни возможности выбора занятія; да и тамъ лучшій работникъ готовъ, хотя цѣною разлуки съ родиной, избѣгнуть такого подневольнаго и унизительнаго положенія, и остзейскій баронъ жалуется на своихъ батраковъ, пожалуй, немного меньше русскаго дворянина. У насъ же батрацкому труду положительно не везетъ. Нашъ крестьянинъ, несмотря на свою абсолютную бѣдность, богатъ тѣмъ, что имѣетъ возможность кое-какъ перебиваться со своей сохой и лошадью; а въ крайнемъ случаѣ не обязанъ соглашаться на всевозможныя условія наемной работы на мѣстѣ, можетъ искать счастья тамъ и здѣсь — выборъ хотя съ виду обширный. Въ батраки же онъ идетъ въ крайнемъ случаѣ и безъ всякой рѣшимости покориться судьбѣ, продать себя окончательно; онъ занимаетъ это мѣсто за неимѣніемъ лучшаго, и ни чуть не стѣснится бросить хозяина, когда это ему будетъ выгодно или удобно. Вотъ, какъ, напримѣръ, разсуждаетъ солидный крестьянинъ: «такого-то крестьянина, который къ барину идетъ, я къ себѣ и не возьму; онъ мнѣ не годится. Туда идетъ тотъ, который никуда не годенъ. Нѣшто хорошій работникъ пойдетъ къ барину? У меня-то ему свободнѣе: онъ за однимъ столомъ со мной ѣстъ, чай пьетъ, хоть и меньше получаетъ; а тамъ-то онъ, словно песъ на цѣпи, всякое стѣсненіе—и отлучиться никуда нельзя. Развѣ такой пойдетъ, что никто не беретъ, либо долженъ барину» [1]). Подобный работникъ не надеженъ; въ самое горячее время не исправенъ, — и пропали труды и надежды цѣлаго года. Вотъ откуда постоянныя и непрерывающіяся жалобы хозяевъ на своихъ батраковъ.

«Хозяинъ поставленъ въ полную зависимость отъ рабочаго,—

[1]) Сб. Стат. Свѣд. по Моск. губ. Т. V, вып. 1, стр. 174.

пишетъ землевладѣлецъ Пронскаго уѣзда:—и деньги давай впередъ, и работы не спрашивай, и работника не разгнѣвай, иначе уйдетъ, а лучше молчи и подлаживайся подъ него. Вообще, для того, чтобы хозяйничать, въ настоящее время нужно, главное (кромѣ знаній и капитала), умѣнье ладить съ народомъ; то шумнуть, то приласкать, то, видѣвши, что работа дѣлается скверно, пройти мимо, будто не замѣчаешь» [1]). «Отношеніе всѣхъ вообще рабочихъ къ владѣльческому имуществу совершенно сходно съ отношеніемъ къ нему враговъ: безцѣльное, безсмысленное уничтоженіе или порча всего, что́ принадлежитъ владѣльцу, — вотъ обязанность рабочаго, которую онъ всегда и вездѣ исполняетъ» — пишетъ хозяинъ Кіевской губ. [2]). «Въ рабочую пору стоитъ сосѣду владѣльцу накинуть самую пустую прибавку, чтобы приманить работника къ себѣ; если, затѣмъ, другой владѣлецъ еще подыметъ на такую же самую ничтожную сумму прибавку жалованья, то они перейдутъ къ нему, и такъ можетъ совершаться переходъ до безконечности» — пишетъ землевладѣлецъ Московскаго уѣзда [3]). «За такими рабочими приходится неустанно смотрѣть, иначе онъ ничего не дѣлаетъ; а станешь смотрѣть — уйдетъ» — жалуется другой [4]). «Хорошихъ скотницъ и коровницъ у насъ (Курская губ.), положительно нѣтъ, да и плохихъ достать трудно, а если достанешь, то навѣрно не надолго. Сегодня нанята работница, послужитъ она у хозяина 2—6 мѣсяцевъ и уходитъ, не объясняя причины своего ухода, и сколько бы вы ей ни угождали, ни дарили, она ни за что́ не останется. Я объясняю это страстью къ бродяжничеству, вызываемою добродушіемъ русскаго крестьянина подавать помощь всякому, просящему ради Христа», — глубокомысленно соображаетъ хозяинъ [5]).

Даже хозяева, понимающіе, что рабочій достается имъ чуть не даромъ, что онъ не лошадь, а человѣкъ, желающій «лишній разъ отдохнуть хотя бы то на работѣ» и требующій хорошаго обхожденія, даже такіе просвѣщенные хозяева, умѣющіе ладить съ рабочимъ и потому терпящіе отъ него меньше другихъ, и тѣ, однако, признаютъ, что настоящая слабая сторона рабочаго вопроса въ Россіи, это «неисполненіе нанятымъ на срокъ рабочимъ существеннаго пункта обязательства: не оставлять работы до истеченія срока». Онъ соблазняется возможностью заработать

1) Тр. В. Э. О. 1878, II. „Сельско-хозяйственное Обозрѣніе".
2) Сельск. Хоз. и Лѣс., 1880 г, № 1.
3) Сб. Стат. Свѣд. по Моск. губ. Т. V, вып. 1, стр. 194.
4) Id, стр. 174.
5) Земледѣльч. газета, 1879, № 7.

въ горячее время, нѣсколько лишнихъ рублей и бросаетъ хозяина. „Виною—отсутствіе у неустоявшаго рабочаго имущества, обезпечивающаго нанимателя-истца. Рабочій, имѣющій сколько-нибудь порядочное хозяйство и нанимающійся *только вслѣдствіе временнаго затрудненія*, всегда исполняетъ свои обязательства“ [1]).

Эта причина—бѣдность рабочаго—выставляется многими хозяевами, какъ главное препятствіе, мѣшающее уладить когда-либо отношенія нанимающагося къ нанимателю. Мы здѣсь наблюдаемъ одно изъ тѣхъ противорѣчій, въ сѣти которыхъ безпрестанно запутывается капитализмъ на русской почвѣ: хорошаго рабочаго можно найти только между зажиточными крестьянами, а такіе нанимаются исключительно „вслѣдствіе временнаго затрудненія“, и то если его не обойдешь никакимъ инымъ способомъ, напримѣръ, работою издѣльно. Но съ однимъ издѣльнымъ трудомъ крупному землевладѣльцу обойтись невозможно: въ такомъ случаѣ ему пришлось бы отказаться отъ всякихъ улучшеній въ способахъ обработки, и вотъ это-то противорѣчіе и старается разрѣшить современный хозяинъ. Сладить съ нимъ до нѣкоторой степени онъ можетъ только пожертвовавши частью своей самостоятельности; и дѣйствительно, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ мы видѣли, что важную, если не главную роль въ дѣлѣ привлеченія рабочихъ рукъ играетъ часть владѣльческаго поля, отдаваемая крестьянамъ въ аренду. Эта часть извлекается изъ хозяйственнаго оборота самого владѣльца и, что интереснѣе, служитъ къ разрушенію основанія, на которомъ держится и самъ капитализмъ — поддерживаетъ самостоятельное хозяйство обезземеливающагося крестьянина.

Г. Каблуковъ, одинъ изъ московскихъ земскихъ статистиковъ, и потому хорошо знакомый съ положеніемъ частно-владѣльческаго хозяйства въ губерніи, пораженный постоянными противорѣчіями, въ какія оно становится силою обстоятельствъ, говоритъ: „Изъ этого видно, что хозяйства частныхъ владѣльцевъ, при настоящихъ условіяхъ, не могутъ выдерживать, со стороны дешевизны, конкурренціи съ крестьянскимъ. Между тѣмъ, такая дешевизна въ оцѣнкѣ продуктовъ своего труда возможна, со стороны крестьянъ, въ томъ только случаѣ, когда положеніе ихъ таково, что имъ необходимо въ извѣстное время, во что бы то ни стало, продать эти продукты, чтобы добыть деньги“. Это значитъ, что „состояніе частнаго хозяйства находится въ тѣсной зависимости отъ крестьянскаго, и упадокъ послѣдняго вредно отражается на первомъ“. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что развитіе

1) Сельск. Хоз. и Лѣс, 1880, 4.

частныхъ хозяйствъ „гибельно отзывается на крестьянскихъ, такъ какъ лишаетъ ихъ тѣхъ покосовъ и пастбищъ (нанимаемыхъ у помѣщиковъ), безъ которыхъ веденіе ихъ хозяйства немыслимо. Съ другой стороны, и развитіе, и улучшеніе крестьянскаго хозяйства вредно отзывается на частномъ, такъ какъ отнимаетъ у крестьянина охоту идти на стороннюю работу къ помѣщику, когда послѣдняя есть у себя, дома. Кромѣ того, если крестьянинъ, въ качествѣ хозяина, подрываетъ дешевизною своихъ продуктовъ частное хозяйство въ настоящее время, когда онъ вынужденъ продавать ихъ, то это нисколько еще не исключаетъ возможности подобной, невыгодной для частнаго хозяйства конкурренціи и при условіи хорошаго состоянія крестьянскаго хозяйства, такъ какъ крестьянинъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, можетъ довольствоваться тѣмъ доходомъ, который составляетъ его заработную плату, тогда какъ частный владѣлецъ можетъ считать доходомъ только то, что остается за вычетомъ этой рабочей платы и, слѣдовательно, долженъ выручать за продуктъ производства больше чѣмъ крестьянинъ“. Очевидно, что такое положеніе дѣлъ не выгодно ни для владѣльцевъ, ни для сельскаго хозяйства; но обѣднѣніе народа приводитъ къ тому же (дешевой продажѣ хлѣба). „Въ концѣ-концовъ, мы приходимъ къ указанному уже ранѣе кругу противорѣчій, единственный выходъ изъ котораго указанъ нами выше“ [1]). Выше, впрочемъ, никакого опредѣленнаго выхода не указано; авторъ лишь выражаетъ надежду на установленіе какой-то солидарности между помѣщичьимъ и крестьянскимъ хозяйствами и для поясненія мысли, ссылается на «живой примѣръ хозяйства В. В. Костинской, въ Подольскомъ уѣздѣ». Примѣръ этотъ слѣдующій: Г-жа Костинская, купивъ имѣніе, близъ д. Плещеевой, вмѣсто того, чтобы, въ интересахъ своего хозяйства, стѣснять крестьянъ, что она легко могла сдѣлать, благодаря взаимному отношенію своихъ и крестьянскихъ угодій, старалась поднимать ихъ благосостояніе, во-время и разумно приходя къ нуждающемуся на помощь, оказывая послѣднюю не съ цѣлью воспользоваться безвыходнымъ положеніемъ крестьянина. Въ силу этого, между помѣщицей и сосѣдями-крестьянами установились нравственныя отношенія, упрочившія ихъ взаимную экономическую зависимость и снявшія съ нея враждебный промышленный характеръ. Крестьянское хозяйство является какъ бы продолженіемъ помѣщичьяго, пользуясь землей сосѣдки и имѣя отъ нея, въ случаѣ нужды, помощь; владѣлица не безпокоится о рабочихъ рукахъ, не боится покражъ,

[1]) Сб. Ст. Св. по Моск. губ. т. V, вып. I, стр. 195—6.

порубокъ и не оберегается отъ нихъ запорами и сторожами. Крестьяне много выиграли: изъ нищихъ сдѣлались самыми богатыми въ волости; помѣщица тоже не въ проигрышѣ: хозяйничая на 130 десятинахъ, не только содержитъ себя и семью, но и имѣетъ возможность давать «прекрасное воспитаніе тремъ своимъ дѣтямъ» [1]).

Читатель видитъ, что случай этотъ вовсе не можетъ служить примѣромъ для всѣхъ хозяевъ, такъ какъ онъ гораздо болѣе, чѣмъ на эгоистическомъ разсчетѣ, основанъ на такихъ личныхъ свойствахъ человѣка, какія встрѣчаются крайне рѣдко. Кромѣ умственныхъ качествъ, необходимыхъ для организагора новой системы земледѣлія, г-жа Костинская обладаетъ, очевидно, рѣдкими нравственными достоинствами, она—одна изъ тѣхъ личностей, внѣ народа стоящихъ, о которыхъ мы говорили выше, какъ о способныхъ (при извѣстныхъ условіяхъ) сдѣлаться иниціаторами, пойти по новому пути, рука объ руку съ народомъ. Московская губернія представляетъ другой «живой примѣръ» хозяина, обладающаго только половиною качествъ, необходимыхъ для организатора новой системы земледѣлія. «Весь разговоръ, всѣ помыслы, стремленія, желанія его—все это сосредоточено на успѣхѣ того хозяйства, которое ведетъ онъ, на успѣхѣ тѣхъ или другихъ улучшеній въ столь любимомъ имъ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ. Эта страсть къ улучшеніямъ, къ развитію, къ созданію правильнаго сельскаго хозяйства до такой степени владѣетъ имъ, что онъ ищетъ имѣній, находящихся въ упадкѣ; найдя такое, онъ посвящаетъ ему съ полнымъ самоотверженіемъ свой трудъ въ теченіе 5, 6, 10 лѣтъ, пока не приведетъ его въ такой видъ, что оно, правильно поддерживаемое, можетъ идти впередъ уже нормальнымъ порядкомъ». Послѣ этого, «онъ ищетъ другого разореннаго имѣнія, чтобы тамъ съизнова начать работу созиданія и улучшенія дѣла». Но вотъ какъ отразилась эта энергія хозяина на его сосѣдяхъ-крестьянахъ д. Городчаково: они имѣютъ всего $1^1/_2$ дес. на душу и недостающее количество пополняли прежде арендой пахатной земли сосѣдняго имѣнія Смирновой. Новый управляющій послѣдняго, въ интересахъ хозяйства, отнялъ у крестьянъ арендованную ими землю, которую и включилъ въ собственный сѣвооборотъ, лишилъ ихъ пастбища, коимъ они до того пользовались, поднялъ втрое цѣну сдаваемаго имъ покоса и пр. Имѣніе г-жи Смирновой процвѣтаетъ; крестьяне обѣднѣли. «Но помимо плачевныхъ, въ матеріальномъ отношеніи, результатовъ всего этого для крестьянъ—это отражается и на самомъ имѣніи. Не

[1]) Сб. Ст. Св. по Моск. губ. т. II. „Крестьянское хоз.“, стр. 59—62.

говоря уже о томъ, что при такихъ условіяхъ является необходимымъ имѣть всюду прочные запоры и, окруживъ домъ стаей собакъ, все-таки не быть увѣреннымъ въ своей безопасности, приходится постоянно переносить массу столкновеній съ сосѣдями, видящими въ хозяинѣ, въ его управляющемъ своего врага и старающимися постоянно вредить ему, путемъ ли безцѣльныхъ порубокъ въ лѣсу или какими нибудь другими мѣрами».

Хозяевъ съ такого рода нравственными качествами гораздо больше, чѣмъ подобныхъ г-жѣ Костинской; но такъ какъ они не обладаютъ ни нужнымъ знаніемъ, ни любовью къ дѣлу, то максимальнымъ результатомъ ихъ дѣятельности будетъ даже не возвышеніе культуры, а лишь эксплуатація окружающаго населенія. Да и хозяйство г-жи Смирновой не обезпечено отъ крушенія: „тотъ же управляющій указалъ на нѣсколько примѣровъ отдѣльныхъ хозяйствъ, поставленныхъ хорошо, имѣвшихъ всѣ задатки къ правильному развитію, и, однако, въ теченіе одного года разрушенныхъ и приведенныхъ въ видъ полнаго запущенія, благодаря только перемѣнѣ управляющаго“ [1]). И вотъ, отъ всего его раціональнаго хозяйства останется одно пріятное воспоминаніе да разоренный народъ!

Это—естественный результатъ „роціональничанья“ русскихъ крупныхъ хозяйствъ, и причину его обыкновенно видятъ въ недостаткѣ научно образованныхъ управляющихъ. Отчего же, однако, происходитъ этотъ недостатокъ? Существенная причина здѣсь кроется не въ отсутствіи охотниковъ заниматься научно сельскимъ хозяйствомъ, не въ недостаткѣ и соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній, а въ томъ, что, по выраженію профессора Стебута, „на дѣйствительное знаніе дѣла у насъ еще весьма малый спросъ, а потому спеціальный сельско-хозяйственный трудъ, сравнительно съ другого рода занятіями въ частной и государственной службѣ, оплачивается дурно, такъ что не стоитъ затрачивать на пріобрѣтеніе его трудъ“ [2]). Вѣдь не жалуются же у насъ на отсутствіе инженеровъ, а недостатокъ, напр., докторовъ постоянно пополняется привлеченіемъ свѣжихъ силъ къ этой спеціальности. Если нѣтъ знающихъ сельско-хозяйственныхъ техниковъ—это значитъ, что помѣщики въ нихъ не нуждаются, что они не въ силахъ оплатить ихъ трудъ. И послѣ всего вышеизложеннаго это совершенно понятно: на выжиманіе высокой арендной платы найдутся мастера и внѣ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, мастера, хотя и не обладающіе высшими агрономиче-

[1]) Сб. Стат. Свѣд по Моск. г. Т. V, вып. I, стр. 157—163.

[2]) Докл. Выс. учр. Ком. для изсл. сел. хоз. Прилож. 5

скими познаніями, но искусившіеся въ дѣлѣ эксплуатаціи и прижимокъ; а это—главное условіе процвѣтанія современнаго крупнаго хозяйства.

ГЛАВА V.

КРУПНОЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ, КАПИТАЛЪ И СБЫТЪ ПРОДУКТОВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ЗА-ГРАНИЦУ.

Эту главу мы начнемъ оцѣнкой значенія третьей причины выставляемой обыкновенно для объясненія зачаточнаго состоянія крупныхъ хозяйствъ — недостатка и дороговизны капитала. Что касается его недостатка, то эта жалоба раздается лишь по недоразумѣнію, которое разрѣшается самими хозяевами. Такъ, напримѣръ, г. Севастьяновъ, заявивъ, что одна изъ причинъ неустройства хозяйствъ въ юго-западномъ краѣ—это «недостатокъ и даже отсутствіе капиталовъ», черезъ три-четыре строчки продолжаетъ, что послѣ освобожденія крестьянъ «возникъ сильный поземельный кредитъ, явилась возможность получать большія ссуды, и землевладѣльцы увлеклись его возможностью, стали закладывать земли», но, вмѣсто того, чтобы, сокративъ свои личныя траты, осторожно приняться за организацію хозяйства на новыхъ началахъ, они повели дѣло крайне неумѣло, хотя и на широкую ногу, «продолжая притомъ жить такъ же роскошно, какъ и прежде» [1]). Ермоловъ, перечисляя причины низкаго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, говоритъ: вопросъ о капиталѣ — «сторона едва-ли не самая печальная и не наиболѣе тормозящая правильное развитіе у насъ сельско-хозяйственнаго дѣла. Непомѣрная дороговизна и рѣдкость капитала въ Россіи—фактъ несомнѣнный...» но черезъ строку онъ продолжаетъ, что «раньше земельные банки, во множествѣ учрежденные въ теченіи послѣдняго десятилѣтія, усердно снабжаютъ деньгами всѣхъ тѣхъ хозяевъ, которые къ нимъ обращаются»; однако, не говоря о дороговизнѣ ссуды, «едва-ли сколько-нибудь значительная часть капиталовъ, занятыхъ въ разныхъ банкахъ, дѣйствительно пошла на улучшеніе сельскаго хозяйства». Вспомнимъ и о выкупныхъ свидѣтельствахъ, по словамъ того-же автора, «безвременно и въ огромномъ большинствѣ случаевъ безслѣдно исчезнувшихъ изъ

[1]) Сельск. хоз. и лѣс. 78. 3.

рукъ нашихъ землевладѣльцевъ» [1]), и мы согласимся, что жалобы на недостатокъ капиталовъ по меньшей мѣрѣ странны и придуманы лишь для наполненія чѣмъ-нибудь непроходимой пропасти, лежащей между владѣльцами крупныхъ имѣній и раціональной сельско-хозяйственной дѣятельностью. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить о недостаткѣ капиталовъ послѣ того, какъ къ 77 г. помѣщики получили отъ правительства 400 милл. выкупной ссуды (кромѣ 300 милл., удержанныхъ въ погашеніе казенныхъ долговъ) и около 300 милл. отъ частныхъ банковъ— это на 71,000 крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ, имѣющихъ 65 милл. дес земли; въ среднемъ, слѣдовательно, каждый владѣлецъ получилъ около 10,000 р. или по 12 р. на десятину. Кредитъ не прекращается до самаго послѣдняго времени; такъ, въ Волынской губерніи, въ прошломъ году помѣщики получили подъ залогъ своихъ земель $2^1/_2$ милл. руб. Не болѣе ли правъ поэтому «Смоленскій Вѣстникъ», когда говоритъ, что «выкупная ссуда, обширный банковый кредитъ и, наконецъ, большія суммы, полученныя за вѣковыя лѣса, доставили помѣщикамъ вполнѣ достаточный оборотный капиталъ», и если, тѣмъ не менѣе, они продолжаютъ хныкать и роптать, то это значитъ, что ихъ пѣсенка спѣта, что имъ больше не помогутъ «ни исключительные законы для отношеній помѣщиковъ къ рабочимъ, ни сельскохозяйственные съѣзды и выставки, ни альгаузскіе или какіе бы то ни было иные бычки».

Но если «недостатокъ» капитала есть только способъ выраженія какихъ-то скрытыхъ явленій, совершающихся въ области крупныхъ хозяйствъ, то дороговизна его есть уже нѣчто реальное, такъ какъ и вообще чѣмъ менѣе страна развита въ промышленномъ отношеніи, тѣмъ выше у нея процентъ; а Россія представляетъ именно одну изъ такихъ отсталыхъ странъ. При нормальныхъ условіяхъ и естественномъ теченіи жизни, дороговизна капитала столь же мало должна препятствовать развитію нашего сельскаго хозяйства, какъ дороговизна труда въ Америкѣ задерживаетъ процвѣтаніе ея земледѣльческой и фабричной промышленности. Высокій процентъ не есть первичное явленіе, а естественный результатъ комбинаціи условій нашего производства и обмѣна, главнѣйшее изъ которыхъ — дешевизна труда. Онъ явился, какъ послѣдствіе нашей экономической организаціи, и потому не можетъ находиться въ неустранимомъ антагонизмѣ съ нею, не можетъ служить гибелью процесса, посредствомъ котораго самъ онъ производится. Всякая отрасль промышленности,

[1]) Организація полевого хозяйства, I, с. 15—16, 43.

коль скоро она соотвѣтствуетъ условіямъ мѣста и времени, должна окупить затраты капитала, дать ему средній мѣстный процентъ. Если же этого нѣтъ, если какая-либо форма производства затрудняется тѣмъ вознагражденіемъ капитала, какое считается обычнымъ въ странѣ — это значитъ, что форма отживаетъ свой вѣкъ, что она превратилась въ тепличное растеніе, не выносящее черезъ-чуръ суровой для нея естественной обстановки, почему она и не въ силахъ подняться на высоту, какой съ бблышими или меньшими затрудненіями достигаютъ другія промышленныя предпріятія. Такимъ образомъ, жалобы нашихъ помѣщичьихъ хозяйствъ на дороговизну капитала могутъ служить однимъ изъ многихъ признаковъ ихъ постепеннаго паденія.

Лица, вызванныя въ качествѣ экспертовъ въ комиссію для изученія сельскаго хозяйства, дали заявленія, сущность которыхъ можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ. «Главное условіе кредита для сельскаго хозяйства заключается въ его дешевизнѣ, такъ какъ земледѣльческая промышленность, почти вездѣ стоящая въ неблагопріятныхъ условіяхъ, не можетъ своей производительностью оплатить высокаго роста затрачиваемыхъ на нее капиталовъ», а «существующій въ настоящее время для нея кредитъ неудобенъ и часто до крайности дорогъ». Почему многіе землевладѣльцы высказываютъ желаніе, чтобы правительство открыло спеціальныя кредитныя учрежденія, откуда они могли бы пользоваться ссудой за невысокій процентъ, «въ виду того, что сельское хозяйство въ настоящемъ своемъ положеніи не можетъ вынести большихъ процентовъ» [1]). Г. Ермоловъ, говоря о земельныхъ банкахъ, прибавляетъ, что капиталы, занятые въ нихъ, «обходятся хозяевамъ въ рѣдкихъ случаяхъ дешевле $7^1/_2\%$, а иногда 8, 9 и даже 10%; такого процента земледѣліе, однако, окупить не можетъ». Эти голословные отзывы однихъ подтверждаются вычисленіями другихъ хозяевъ. Такъ, напримѣръ. одно имѣніе Курской губерніи; поддерживаемое большимъ капиталомъ и приспособленное для производства сахара, даетъ чистаго дохода 9%, откуда долженъ окупиться процентъ на капиталъ, погашеніе стоимости построекъ, скота, орудій, рента и еще остаться достаточная предпринимательская прибыль [2]). Имѣніе гр. Бобринскаго въ Тульской губ., построенное тоже для добыванія свеклы, даетъ (принимая стоимость земли въ 100 р. дес.) еще меньше, всего 7% [3]). Г. Краинскій вычисляетъ, что завѣдуемыя

[1]) Докл. и пр. Прилож. II, отд. VII.

[2]) Сел. хоз. и лѣс. 1880, 4.

[3]) Id. 78, 7—9.

имъ хозяйства въ Тульской и Курской губерніяхъ, организованныя по всѣмъ указаніямъ науки, дають чистаго дохода 6—6½% на всѣ затраты. Этотъ доходъ врядъ ли достаточенъ для оплаты одного капитала, не говоря уже о предпринимательской прибыли. Хозяйства же не организованныя, а ведомыя обыкновеннымъ рутиннымъ путемъ, дають и того меньше—всего около 5% [1]). Между тѣмъ, какъ, по мнѣнію, напримѣръ, Ната, капиталъ въ земледѣліи долженъ приносить не меньше 10%, «чтобы имѣть возможность уплатить процентъ въ банки и разные поземельные налоги» (С. Х. и Лѣс., 79, 1).

Хотя встрѣчаются отдѣльные случаи очень успѣшнаго веденія крупныхъ хозяйствъ, но въ общемъ остается вѣрнымъ положеніе, что помѣщичьи имѣнія въ Россіи не окупаютъ затрачиваемыхъ на нихъ капиталовъ. Причина этого можетъ лежать единственно въ томъ, что продукты ихъ продаются ниже своей стоимости, что на рынкѣ обращается хлѣбъ, стоющій дешевле. И дѣйствительно, это имѣетъ мѣсто, какъ на внутреннемъ, такъ и на внѣшнемъ рынкѣ. Всѣмъ извѣстно, что нашъ крестьянинъ вынужденъ продавать свой хлѣбъ значительно ниже его настоящей стоимости, и это обстоятельство не можетъ не отражаться на цѣнахъ помѣщичьяго хлѣба. Гораздо больше, впрочемъ, чѣмъ конкурренція крестьянъ на внутреннемъ рынкѣ, нашихъ хозяевъ озабочиваетъ борьба съ Америкой за рынки внѣшніе; цѣны тамъ устанавливаются не нами, а нашими соперниками, и такъ какъ производительность ихъ труда неизмѣримо выше нашей, то и неудивительно, что съ расширеніемъ своего производства хлѣба они находятъ возможнымъ постояннымъ пониженіемъ его цѣны вытѣснять остальныхъ своихъ конкуррентовъ и, главнымъ образомъ, насъ грѣшныхъ. «Припомнимъ, напримѣръ, положеніе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, многихъ нашихъ черноземныхъ хозяйствъ, обратившихся, вслѣдствіе необычайно возросшихъ цѣнъ на пшеницу, чуть не къ исключительному воздѣлыванію пшеницы, пустившихъ всѣ земли подъ распашку и т. п.; по минованіи благопріятныхъ условій, когда пшеницу пришлось продавать чуть ли не дешевле, чѣмъ она себѣ обошлась, хозяйства эти очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи, что и не могло быть иначе» [2]). Эти «благопріятныя условія» по немногу минуютъ одну за другой всѣ части нашей хлѣбородной Россіи. А производительность американскаго земледѣлія ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Загромождая европейскіе рынки своимъ

[1]) Id. 78, 6—7.
[2]) Ермоловъ. Организація полеваго хоз. Т. I, стр. 41.

товаромъ, Америка постоянно и удешевляетъ послѣдній, и если вѣрить новѣйшимъ извѣстіямъ, она достигла, наконецъ, того, что можетъ доставлять лучшую пшеницу англичанамъ по 14 р. за четверть—цѣна, врядъ-ли для насъ доступная. Указанное обстоятельство, вмѣстѣ съ тѣмъ значеніемъ, какое вывозъ хлѣба имѣетъ для нашего капиталистическаго земледѣлія, требуетъ, чтобы мы отнеслись къ вопросу о внѣшнихъ рынкахъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Въ послѣднее время нетолько многіе публицисты, но и наиболѣе мыслящіе изъ нашихъ агрономовъ начинаютъ сомнѣваться въ благопріятномъ значеніи и прочности большаго отпуска русскаго хлѣба за-границу. Они видятъ какъ вредное вліяніе на почву однообразія культуръ, такъ и постоянно возростающее соперничество на международномъ рынкѣ между Россіей, Америкой, Австраліей и др.

Дѣйствительно, вывозъ нашего хлѣба за-границу постоянно возрастаетъ, такъ что съ 16 мил. четвертей въ 1872 году онъ дошелъ почти до 42 мил. въ 1878 году. Въ томъ же направленіи, но еще быстрѣе, движется и американская хлѣбная торговля. Достигли ли мы возможнаго предѣла своего отпуска или въ состояніи еще усилить его—сказать очень мудрено; но за то несомнѣнно, что Америка еще долго будетъ въ силахъ развивить свою хлѣбную производительность нетолько путемъ увеличенія успѣшности земледѣльческаго труда, но и вслѣдствіе обращенія къ сельскому хозяйству все бо́льшаго и бо́льшаго количества лицъ. (Извѣстно, что положеніе фабричнаго рабочаго и вообще наемника въ Америкѣ есть переходное къ самостоятельному земледѣльческому занятію: вновь пріѣхавшій изъ Европы остается въ этомъ положеніи нѣсколько лѣтъ, послѣ чего, скопивъ достаточную сумму денегъ, пріобрѣтаетъ участокъ земли и становится земледѣльцемъ, очищая, такимъ образомъ, сцену наемнаго труда для своихъ преемниковъ. Оттого-то заработная плата въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ и держится, не спускаясь, высокаго уровня). Въ такомъ случаѣ естественно задаться вопросомъ: кто же явится потребителемъ этой постоянно растущей массы зерна и не слѣдуетъ ли ожидать, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ наступитъ, наконецъ, перепроизводство хлѣба, и кому-нибудь изъ бойцовъ на всемірномъ рынкѣ придется очень плохо.

Что этотъ вопросъ вовсе не праздный, что критическій моментъ близокъ, можетъ быть, даже наступилъ—доказательствомъ тому служатъ слѣдующіе факты. Прошлый (1879) годъ былъ,

какъ извѣстно, для Европы очень тяжелымъ: вслѣдствіе неурожая ей недоставало для одного продовольствія хлѣба слишкомъ 42 милліона четвертей, и это постигшее ее бѣдствіе дало возможность ея поставщикамъ нажить—выражаясь скромно—лишнюю копѣйку: одна Америка, напримѣръ, отпустила туда 31 мил. четв. Въ текущемъ (1880) году обстоятельства измѣнились: насколько извѣстно, урожай тамъ лишь немного ниже средняго (въ Англіи и Франціи на 10%, а по послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ сборъ хлѣба и въ послѣдней странѣ скорѣе нѣсколько выше средняго), такъ что чужого хлѣба на продовольствіе понадобится слишкомъ вдвое меньше прошлогодняго. Америка же нетолько увеличила въ текущемъ году площадь подъ культурой хлѣба на 1%, но и урожай тамъ ожидался на 7% выше прошлогодняго, и предполагается, что къ отпуску за-границу будетъ готово около 35 мил. четв. Если подобное положеніе дѣлъ не приведетъ какую либо изъ земледѣльческихъ странъ къ сельско-хозяйственному кризису, такъ это потому, что въ одной изъ нихъ, Россіи, кризисъ уже наступилъ раньше: нашъ неурожай 1880 года нетолько избавилъ Америку отъ конкуррента на съузившемся международномъ хлѣбномъ рынкѣ, но, можетъ быть, откроетъ ей еще новый, хотя и временный, источникъ сбыта. Но, очевидно, что это дѣло чистой случайности (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ международной торговлѣ): будь у насъ въ текущемъ году обычный урожай — и Европа оказалась бы заваленной хлѣбомъ. Но если судьба распорядилась на сей разъ иначе, то мы въ полномъ правѣ ожидать черезъ два-три года—когда мы станемъ оправляться отъ только-что пережитого внутренняго кризиса и когда для насъ получитъ особенную важность безпрепятственное теченіе внѣшней торговли — встрѣтиться съ новымъ чудовищемъ — отсутствіемъ сбыта, которое можетъ опять подорвать нашу сельско-хозяйственную дѣятельность. Развѣ, на наше счастье, Европа перенесетъ еще разъ неурожай, подобный прошлогоднему, или злая судьба настигнетъ, наконецъ, и нашу счастливую соперницу—заатлантическую республику. Но вѣдь обидно основывать свою обычную жизнь на чужомъ несчастіи и неблагоразумно ставить свою судьбу въ зависимость отъ такой случайности, какъ тотъ или другой сборъ хлѣба въ Европѣ. А естественное теченіе общенародной производительности и торговли заключается въ томъ, что предложеніе продуктовъ стремится возростать быстрѣе спроса. До сихъ поръ это относилось, главнымъ образомъ, къ обработывающей промышленности и потому мало касалось Россіи, какъ страны по преимуществу земледѣль-

ческой; теперь же, повидимому, этому закону капиталистическаго производства начинаетъ подчиняться и область земледѣлія, а въ такомъ случаѣ, всего болѣе придется пострадать намъ, какъ сопернику, наименѣе подготовленному.

Производство хлѣба достигло уже такихъ размѣровъ, что, несмотря на неурожаи послѣднихъ лѣтъ въ Россіи, предложеніе зерна на международномъ рынкѣ даже въ 1880 году превышало спросъ на этотъ продуктъ. Это видно, напримѣръ, изъ отчета одесскаго гофмаклера, вообще очень радужно смотрящаго на будущее нашей внѣшней хлѣбной торговли. Вотъ его подлинныя слова: «Что касается общаго положенія хлѣбной торговли въ истекающемъ (1880) году на западно-европейскихъ рынкахъ, то подробное разсмотрѣніе таковаго приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Хлѣбные рынки вообще находились въ *вяломъ* настроеніи и при неустойчивыхъ цѣнахъ. Несмотря на недостаточность урожая и сокращеніе зернового производства, *рынки не выказывали особой охоты къ покупкамъ*». Несмотря на сокращеніе зернового производства въ самой Англіи, несомнѣнной надобности въ привозномъ хлѣбѣ, отсутствіи наплыва зерна изъ Америки — *хлѣбная торговля все-таки была въ застоѣ и спросъ былъ незначительный*». «Хлѣбная торговля въ Америкѣ также оказалась въ незавидномъ положеніи».

«Американскіе хлѣба находили сбытъ въ Европѣ лишь *съ величайшими затрудненіями и при чувствительныхъ потеряхъ*, а существующія тамъ цѣны на зерновые продукты относительно даже болѣе высоки, чѣмъ на европейскихъ рынкахъ». («Порядокъ», 1881 г., № 5).

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ читатель можетъ видѣть, что перспектива быть забракованными на международномъ хлѣбномъ рынкѣ не есть плодъ нашей фантазіи и построена она не нами. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ г. Ермоловъ: «Наше сельскохозяйственное дѣло направлено почти исключительно на производство зернового хлѣба. Между тѣмъ, вслѣдствіе конкурренціи различныхъ внѣ-европейскихъ странъ, стоящихъ въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, нежели мы, и именно Америки, Австраліи, земель сѣвернаго африканскаго побережья и т. п., цѣны на хлѣбъ грозятъ современемъ значительно упасть». «Намъ пора перестать смотрѣть на Россію, какъ на какую-то житницу Европы, безъ которой Европа будто бы съ голоду умретъ и которой она можетъ поэтому предписывать свои условія. Пока мы будемъ производить дорого, хотя бы мы и производили много, вѣрныхъ выгодъ для насъ не можетъ быть, скорѣе, напротивъ, своимъ

перепроизводствомъ мы только переполнимъ рынки и вызовемъ пониженіе цѣнъ до такого уровня, при которомъ не окупятся и наши издержки» [1]). «Земледѣльческая Газета» говоритъ, въ свою очередь: «Вообще въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать переполненія хлѣбныхъ рынковъ Западной Европы». «Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ безспорно наступило сильное перепроизводство хлѣба. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что въ 1879 году, несмотря на огромный дефицитъ (въ хлѣбѣ), который въ прежнее время повысилъ бы цѣну до высокой степени, цѣны на него не поднялись и на 20%. Несмотря на перепроизводство хлѣба, культура его въ Соединенныхъ Штатахъ расширяется съ каждымъ годомъ. Если бы путемъ спекуляціи и удалось поддержать паденіе цѣнъ удержаніемъ хлѣба въ складахъ, то это было бы недѣйствительною мѣрою — напротивъ: искусственное поднятіе цѣнъ послужило бы къ еще бо́льшему расширенію культуры зернового хлѣба. Statist предсказываетъ, что въ этомъ году цѣны на пшеницу будутъ вращаться около 30 шиллинговъ за четверть, вмѣсто 40, какъ то было въ прошломъ году и что Европа будетъ имѣть дешевый хлѣбъ» [2]).

Радуемся за Европу! Но что тогда запоютъ наши хозяева, которые, въ лицѣ V всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ въ Одессѣ, вотировали (въ буквальномъ смыслѣ слова) кризисъ на югѣ Россіи въ 1878 году, въ то время, когда они отпускали за-границу 40 милл. четв. хлѣба и когда одесскій гофмаклеръ торжественно заявлялъ: «Представляя годовой отчетъ торговыхъ операцій Одессы въ 1878 году, необходимо, прежде всего, выдѣлить этотъ годъ изъ общаго ряда его предшественниковъ и отмѣтить его, какъ еще небывалый по сіе время въ лѣтописяхъ одесской отпускной торговли. Исключительное значеніе этого года вызвано необычайнымъ и колоссальнымъ экспортомъ зерновыхъ продуктовъ за-границу, въ сравненіи съ которымъ экспорты предшествовавшихъ лѣтъ кажутся совершенно ничтожными. Благодаря громадному отпуску, Одесса очень быстро залечила всѣ свои раны, нанесенныя ей военными обстоятельствами, и расширила всѣ отрасли торговой и промышленной жизни. Нельзя при этомъ не указать на тотъ отрадный фактъ, что громадный вывозъ хлѣба коснулся благодѣтельно не только хлѣботорговцевъ и экспортеровъ, но *главнымъ образомъ* и прежде всего вознаградилъ *производителей*, возвысилъ благосостояніе мѣстнаго населе-

[1]) А. Ермоловъ. Организація полевого хозяйства. Т. I, стр. XXVII, XXVIII.

[2]) „Земледѣльческая Газета“, 1880 г., № 39.

нія и вызвалъ у насъ снова къ жизни всѣ отрасли производства, которыя были пріостановлены и даже прекращены въ прежнее время... Мы должны констатировать также весьма знаменательное явленіе въ области нашей шерстяной торговли. Въ продолженіе всего прошлаго года торговля шерстью была постоянно и очень оживлена... Увеличеніе спроса на шерсть для нашихъ фабрикантовъ нельзя не признать весьма отраднымъ явленіемъ, доказывающимъ поступательное развитіе нашего внутренняго производства вообще и мануфактурнаго особенно» (Тр. В. Э. О. 79, 1).

Каково это поступательное развитіе нашего внутренняго производства, читатель знаетъ и чувствуетъ вѣроятно на своей шкурѣ; но это мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ оно выяснилось лишь впослѣдствіи; тогда же нашимъ владѣльцамъ оставалось торжествовать, а они, между тѣмъ, кричали о кризисѣ. И они были правы! Помѣщичьи хозяйства давно уже переживаютъ кризисъ, который они вынести не въ силахъ и который ведетъ ихъ къ гибели. Погибель эта ускорится тѣмъ направленіемъ, какое принимаетъ международная хлѣбная торговля; нашему вывозу зерна, какъ видно, предстоитъ близкій капутъ, таковой же послѣдуетъ и помѣщичьему хозяйству.

Значеніе американской конкурренціи для нашей торговли съ западомъ земледѣльческими продуктами покажется намъ еще болѣе серьезнымъ, если мы сообразимъ, что Америка становится страшна и другимъ странамъ, что она въ состояніи бороться съ гораздо болѣе цивилизованными и потому лучше вооруженными соперниками, нежели Россія; уже Франція, напримѣръ, чувствуетъ затрудненіе въ сбытѣ своего масла въ Англію, бывшую прежде для нея ненасытимымъ рынкомъ. Мало того, Америка посягаетъ, наконецъ, и на внутренніе рынки, стремится изгнать хозяевъ изъ ихъ собственныхъ владѣній; такъ, напримѣръ, она заставила Францію понизить у себя цѣны на шерсть и свинину; стоимость мяса на англійскихъ рынкахъ, снабжавшихся до того, главнымъ образомъ, изнутри страны, пала въ 77 г. на 5, 7%, а въ 79 г. даже на 10%, пала потому, что американцы начали вывозить туда свѣжее мясо; оно правда хуже англійскаго, но за то и продается въ Лондонѣ слишкомъ вдвое дешевле. Этотъ первый опытъ американцевъ такъ напугалъ англійскихъ скотоводовъ, что они потребовали пониженія арендной платы на землю, ссылаясь на невозможность иначе конкуррировать съ Америкой [1]). Вѣроятно, требованія фермеровъ основаны на серьезномъ мотивѣ, ибо правительство Биконсфильда назначило особую сельско-хо-

[1]) Сельск. Хоз. и Лѣс., 80, 5 и 6.

зяйственную комиссію, двое членовъ которой нарочно отправлены въ Америку и Канаду для изученія тамошняго земледѣлія и условій хлѣбнаго рынка. Они уже вернулись назадъ и представили свой докладъ парламенту. «Докладъ этотъ заключаетъ въ себѣ весьма мало утѣшительнаго для англійскаго фермера. Въ немъ отъ начала до конца проводится та общая мысль, что сельско-хозяйственное производство въ Соединенныхъ Штатахъ далеко еще не достигло своего высшаго развитія и предѣла, и что давленіе американскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ теченіи нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ, еще лѣтъ будетъ возростать, а не уменьшаться». «Дѣвственная почва нуждается только въ небольшомъ разрыхленіи, чтобы доставить богатую жатву. При обработкѣ своей богатой дѣвственной почвы, американцы съ замѣчательной охотой и быстротой спѣшатъ воспользоваться всѣми усовершенствованіями въ сельско-хозяйственныхъ машинахъ и орудіяхъ, которыя находятъ себѣ гораздо больше примѣненія въ Америкѣ, чѣмъ въ хозяйствѣ англійскаго фермера». Что же сказать послѣ этого про русскаго хозяина!

Всѣ эти явленія суть естественное послѣдствіе развитія капиталистическаго производства (огромный вывозъ хлѣба изъ Америки за послѣдніе годы объясняется именно привлеченіемъ къ земледѣлію послѣ кризиса 73 г. капиталистовъ (см. Орбинскій): всякое улучшеніе техники и другое изобрѣтеніе, прямой смыслъ котораго заключается въ возможности сократить время, посвящаемое человѣкомъ труду, на капиталистической почвѣ превращается въ орудіе усиленнаго производства далеко за предѣлы существующей потребности — откуда вытекаетъ необходимость крайняго расширенія рынка для сбыта. Но такъ какъ съ теченіемъ времени на тотъ же путь техническаго прогресса выступаютъ все новыя страны, то естественно, если капиталистическое производство кончитъ тѣмъ, что пожретъ самого себя. Прежде, напримѣръ, существовало раздѣленіе цивилизованныхъ странъ на производящія земледѣльческіе продукты и фабрикаты; конкурренція велась по преимуществу между послѣдними и вообще на почвѣ обрабатывающей промышленности. Теперь дѣла усложняются: Англія озабочена не только успѣхомъ гдѣ-нибудь въ Германіи, напримѣръ, американскихъ желѣзныхъ издѣлій и придумываетъ средства вытѣснить ихъ оттуда, но вынуждена также оберегать свой собственный земледѣльческій рынокъ отъ конкурренціи съ иностранными производителями, безъ которыхъ она, однако-же, обойтись не можетъ. Было время, когда Россія оберегала свой внутренній рынокъ лишь отъ черезъ-чуръ без-

церемоннаго вторженія продуктовъ иностранной фабричной промышленности, на внѣшнемъ же рынкѣ она безпрепятственно развивала свою торговлю продуктами земледѣлія и скотоводства и была тамъ въ этомъ отношеніи даже желанною гостьей. Затѣмъ мало-по-малу пришлось стѣсниться и на обширной аренѣ международной торговли, болтать языкомъ, если не принимать дѣйствительныхъ мѣръ для сохраненія своего прежняго положенія, на дѣлѣ же постепенно уступать мѣсто своимъ заатлантическимъ друзьямъ. Наконецъ, не трудно предвидѣть моментъ, когда Америка протянетъ руку и на наши хлѣбные базары и когда мы вынуждены быть можетъ найдемся замкнуться отъ всѣхъ китайской стѣной; не даромъ же въ печати попадаются извѣстія о появленіи американскаго хлѣба то на Кавказѣ, то въ балтійскихъ портахъ.

Капитализмъ развиваетъ кроющееся въ немъ противорѣчіе, конкурренція становится все безпощаднѣе и затрудняетъ развитіе даже новыхъ производствъ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ молочнаго дѣла въ Европѣ. Лѣтъ 10—15 назадъ, оно было развито очень мало и служило главнымъ образомъ для домашняго, такъ сказать, потребленія, но въ послѣднее время продукты его сдѣлались предметомъ довольно обширной международной торговли; вывозъ масла изъ 7 европейскихъ государствъ съ 65, по 75 г. возросъ вдвое, причемъ *всѣ страны, кромѣ Англіи, работаютъ для внѣшняго рынка;* неудивительно, если за послѣдніе годы явились признаки перепроизводства. Однако, вмѣсто того, чтобы сократить добываніе молочныхъ продуктовъ, это повело лишь къ болѣе энергичному отыскиванію новыхъ путей внѣшняго и внутренняго сбыта; «это составляетъ рѣзко выдѣляющуюся черту послѣднихъ лѣтъ на поприщѣ практической дѣятельности». Въ Германіи устраиваются общества для распространенія внутри страны продуктовъ молочнаго дѣла; «Франція, не находя возможнымъ помѣстить всѣхъ своихъ маслъ на лондонскомъ рынкѣ [1]), благосклонности котораго ищутъ теперь Финляндія и Германія, подумываетъ объ устройствѣ общества на подобіе устроеннаго Бускомъ и К⁰ въ Копенгагенѣ, которое приготовляетъ прочное масло для вывоза въ заатлантическія, преимущественно въ тропическія страны. Американцы высказываютъ, что англійскій рынокъ становится для нихъ тѣсенъ. Въ Германіи уже и теперь нѣкоторыя фирмы упаковываютъ масло въ жестянки и отправляютъ его въ тропическіе края. Особая дѣя-

[1]) Изъ 7¾ милл. пуд. ввозимаго разными государствами масла около 5 милл. или 65,5% приходится на долю Англіи, сыра же она ввозитъ 3½ милл. пуд. (58%).

тельность по части расширенія и упорядоченія масляной торговли замѣчается въ Ирландіи. Дублинское королевское общество, въ виду упадка цѣнъ на масло, отправило въ прошломъ году комиссію въ различныя страны съ цѣлью изученія торговли масломъ и посѣщенія лучшихъ молочныхъ хозяйствъ». Тамъ же устраивается общество, цѣлью котораго служитъ, между прочимъ, сбытъ масла мѣстнаго производства. Правительства, съ своей стороны, дѣлаютъ что могутъ; прусское, напримѣръ, распорядилось о введеніи сыра въ солдатскій раціонъ, что предполагается сдѣлать также относительно пріютовъ, домовъ призрѣнія и проч. [1]).

И такъ, чѣмъ безпощаднѣе становится борьба за рынки, тѣмъ лучше каждая страна старается вооружиться, принимаетъ мѣры увеличить свой сбытъ, наряжаетъ комиссіи для изслѣдованія причинъ успѣха той или другой націи. И интересно, что всѣ озабочены однимъ и тѣмъ же, каждая страна считаетъ другую своимъ болѣе счастливымъ соперникомъ; но ни одна не думаетъ серьезно перемѣнить систему, обратиться отъ производства на другихъ къ заботамъ о своихъ собственныхъ потребностяхъ. И неужели намъ, хуже всѣхъ вооруженнымъ, тоже вмѣшаться въ общую свалку, имѣя въ перспективѣ лишь рядъ заушеній то отъ одного, то отъ другого. Не благоразумнѣе-ли устроиться такимъ образомъ, чтобы по возможности не нуждаться въ другихъ, а стараться объ удовлетвореніи собственныхъ потребностей. А какъ много еще такихъ потребностей у нашего народа! Но, чтобы вступить на этотъ путь дѣйствительно-національнаго развитія, нужно прежде всего дать народу средства удовлетворить всѣмъ его потребностямъ, иначе говоря, слѣдуетъ создать ему возможность трудиться на самого себя, что можетъ быть достигнуто лишь энергичной поддержкой крестьянскаго хозяйства земледѣльческаго и кустарнаго.

Выводъ отсюда тотъ, что экономическая политика Россіи и странъ, находящихся въ аналогичныхъ условіяхъ, должна перемѣнить свое основаніе. Въ прежнія времена заботы правительствъ состояли въ огражденіи внутренняго производства тарифами и въ отысканіи для него внѣшнихъ рынковъ. Поиски эти, при незначительномъ числѣ торговопромышленныхъ странъ, обыкновенно (хотя и не безъ борьбы) увѣнчались успѣхомъ. Теперь же, т.-е. начинающимъ свое развитіе народамъ, о чуждыхъ рынкахъ нужно забыть—они заняты раньше вставшими сосѣдями; одной же оборонительной политики для развитія промышленности, очевидно, недостаточно. Приходится не только охранять внутренніе

[1]) Сельск. Хоз. и Лѣс., 1880, 1. „Изъ заграничной литературы“.

рынки отъ иностранной конкурренціи, но и заботиться объ ихъ расширеніи—иначе производство погибнетъ подъ тяжестью своихъ собственныхъ успѣховъ, т.-е. не станетъ развиваться. Мы имѣли примѣръ прусскаго правительства, въ видахъ поддержанія молочнаго дѣла, рекомендовавшаго ввести его продукты въ раціоны войскъ и пріютовъ; но, очевидно, что не отъ такого расширенія сбыта зависитъ развитіе промышленности: дѣло не въ замѣнѣ одного продукта другимъ, а въ *увеличеніи* потребленія вообще, т.-е. возвышеніи благосостоянія массы населенія. Исторія послѣдняго десятилѣтія нашей крупной промышленности прекрасно подтверждаетъ это положеніе: несмотря на господство охранительной системы, несмотря на развитіе у насъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, банковыхъ операцій и другихъ условій безпрепятственнаго расширенія капиталистическаго производства, послѣднее, какъ мы видѣли, сокращается, можетъ быть, даже абсолютно, сокращается не только въ дѣлѣ привлеченія на фабрики рабочихъ, но и въ своихъ денежныхъ оборотахъ. Всевозможныя старанія и заботы не спасли нашего крупнаго производства, и трагикомизмъ положенія заключается въ томъ, что разбилось оно, между прочимъ, именно о тотъ камень, который считался его надежнѣйшей опорой: обезземеленіе народа и стѣсненіе его самостоятельнаго хозяйствованія, вмѣстѣ съ быстро возростающей податной тягостью привело его къ обѣдненію и вытекающему отсюда сокращенію потребленія различныхъ продуктовъ, а это отразилось на крупной промышленности сокращеніемъ ея оборотовъ.

Слѣдовательно, центръ тяжести нашего промышленнаго строя долженъ заключаться въ мелкомъ, народномъ производствѣ. Крупное долго еще будетъ играть въ нашей жизни крайне подчиненную роль, какую, впрочемъ, въ дѣйствительности оно играло всегда; но до сихъ поръ мы усиливались поставить его на первый планъ, ради чего согласны были пожертвовать даже матерьяльнымъ обезпеченіемъ народа; тогда же оно и въ сознательныхъ мѣропріятіяхъ общества займетъ мѣсто, соотвѣтствующее его дѣйствительному значенію.

Народное производство подымаетъ голову не въ одной Россіи: историческія условія стѣсняютъ свободный полетъ капитализма повсюду. Если хотите, только одна Англія можетъ быть названа страной чистаго капитализма; въ Америкѣ въ рукахъ крупнаго капитала находится фабричная промышленность, земля же въ большинствѣ случаевъ обрабатывается самими ея владѣльцами.

Во Франціи мелкое земледѣліе не только преблагополучно

существуетъ (наемные сельскіе рабочіе составляютъ здѣсь всего 14% земледѣльческаго класса), но и стѣсняетъ крупныя хозяйства: фермеры жалуются на недостатокъ рабочихъ, несмотря на періодическій наплывъ ихъ изъ Бельгіи, Испаніи, Пьемонта и на увеличившееся употребленіе машинъ. Рабочій, зная, что въ немъ нуждаются, держитъ себя независимо, не выноситъ отъ хозяина ни малѣйшаго замѣчанія и то и дѣло грозитъ бросить работу. Это отбиваетъ у капиталистовъ охоту посвящать свои труды и средства сельско-хозяйственной дѣятельности, и многія фермы остаются незанятыми, а арендная плата падаетъ. Французскіе изслѣдователи приписываютъ все это тому обстоятельству, что количество сельскихъ рабочихъ съ теченіемъ времени уменьшается, отчасти вслѣдствіе превращенія ихъ въ мелкихъ собственниковъ, частью же черезъ отливъ на фабрику. Что касается послѣдней причины, то мы имѣемъ основанія усомниться въ ея реальности. Еслибы дѣло было такъ, еслибы часть земледѣльцевъ отвлекалась фабриками, то приращеніе этого класса во времени происходило бы медленнѣе, чѣмъ размножается все французское населеніе. Но мы замѣчаемъ совсѣмъ противуположное явленіе, дающее намъ право съ бо́льшимъ основаніемъ сказать, что самостоятельное занятіе земледѣліемъ обладаетъ сильнѣйшей притягательной силой, чѣмъ наемныя формы труда и что, слѣдовательно, капиталистическое производство во Франціи достигло, повидимому, наивысшей ступени, доступной ему по условіямъ мѣста и времени, и отнынѣ ему предстоитъ развиваться, можетъ быть, только интенсивно, увеличивая производительность труда, но не привлеченіемъ на фабрики новыхъ рабочихъ. Именно, есть основанія предполагать, что тамъ уже происходитъ обратное движеніе рабочей силы отъ фабричнаго наемнаго труда къ самостоятельному земледѣльческому и неземледѣльческому занятію. Такъ, во-1-хъ, въ промежутокъ 72—76 годовъ, ежегодное приращеніе тридцати-шести милліоннаго населенія Франціи было 0,54% [1]); земледѣльческій же классъ за это время возросъ съ 18,573,325 до 18,968,605 [2]) человѣкъ, т-е. на 455,480 чел. или на 0,6% въ годъ. Земледѣльческій классъ возрóстаетъ на 11% быстрѣе всего населенія, что можетъ совершаться насчетъ другихъ классовъ. А такъ какъ выше мы видѣли, что число сельскихъ наемныхъ рабочихъ тоже убываетъ, то отсюда естественно приходимъ къ заключенію, что, вопреки капиталистической теоріи, во Франціи совершается процессъ расширенія хозяйственной

[1]) Янсонъ. Сравнительная статистика, т. I., с. 343.

[2]) Сельское хоз. и лѣс. 1880 г. № 7.

самостоятельности народа и распространеніе мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Во-вторыхъ, самое возростаніе промышленнаго класа еще не означаетъ распространенія крупнаго производства: въ послѣднее время въ Парижѣ (а вѣроятно, и въ другихъ большихъ городахъ Европы) все больше развивается мелкая ремесленная промышленность высшаго порядка, основанная на большомъ искусствѣ рабочаго (гравированіе на стали, живопись на фарфорѣ, издѣлія изъ черепахи, слоновой кости, сафьяна, стекла, соломы, шерсти и т. п.). «Искусная ручная работа занимаетъ въ Парижѣ видное мѣсто; спеціальности выдѣляются все рѣзче, и во многихъ отрасляхъ производства промышленныя заведенія становятся *все мельче*» [1]). Какъ видно, продукты мертвой машины такъ присытили рынокъ, что нарождающемуся населенію нѣтъ болѣе мѣста на фабрикѣ, и ему приходится устраиваться внѣ ея, въ области ручного труда, для чего онъ старается прельстить потребителя хитростью своихъ произведеній. Естественно, что въ странѣ, гдѣ простые предметы всѣ приготовляются машиной, такой свободный ручной трудъ долженъ былъ обратить свое вниманіе на предметы, требующіе большого искусства и изящества отдѣлки. Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе сказать, что не обезземеленіе крестьянина и не превращеніе его въ фабричнаго пролетарія, а можетъ быть обратный процессъ расширенія мелкаго самостоятельнаго хозяйства мы наблюдаемъ въ настоящее время во Франціи.

Въ 32 главѣ мы даемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о состояніи мелкаго производства на Западѣ, и здѣсь лишь напомнимъ, какъ удивились нѣмецкіе ученые, когда статистическими изслѣдованіями было обнаружено, что крупная промышленность въ Пруссіи вовсе не такъ развита, а мелкая не въ такомъ упадкѣ, какъ это привыкли обыкновенно считать, основываясь на положеніяхъ буржуазной политической экономіи. И намъ теперь до нѣкоторой степени ясно, отчего это происходитъ, ясно, что въ будущемъ процессъ капитализаціи промышленности долженъ идти еще съ большими затрудненіями.

Обращаясь къ нашему помѣщичьему земледѣлію, мы должны сказать, что съ выводами, логически вытекающими изъ выше развитыхъ положеній, лишь на половину согласны сельско-хозяйственные публицисты. Они не могутъ не видѣть опасности, угрожающей нашей хлѣбной торговлѣ, но не отказываются отъ мысли о капиталистическомъ земледѣліи, разсчитывающемъ лишь на внѣшній сбытъ, и измышляютъ для него новые пути, новую

[1]) Тр. ком. по изслѣд. куст. пром. вып. I, отд. III, с. 58.

сферу дѣйствія. Такъ «Земледѣльческая Газета», отчаявшаяся за нашу торговлю зерномъ, почти что утѣшилась и пришла въ неописанный восторгъ по случаю удачнаго опыта перевозки лѣтомъ 1880 г. свѣжаго мяса, предпринятаго петербургской думой съ цѣлью его удешевленія. «Комиссія по удешевленію мяса, состоящая при здѣшней городской управѣ, говоритъ газета, своимъ дѣятельнымъ и живымъ отношеніемъ къ дѣлу оказала такую услугу населенію столицъ и городовъ *и русскому скотоводству*, важность которой вѣрно оцѣнить въ настоящее время даже нельзя» [1]). «Вопросъ о способахъ перевозки мяса имѣетъ огромное значеніе не только какъ вопросъ о снабженіи столицъ и большихъ городовъ, но и какъ вопросъ объ отпускной нашей торговлѣ животными продуктами, а слѣдовательно и *о развитіи скотоводства и сельскаго хозяйства вообще*». «Въ организаціи перевозки мяса заключается одно изъ средствъ — вывести наше хозяйство изъ тѣхъ затрудненій, которыя созданы намъ размноженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ и сильною конкурренціей Америки въ торговлѣ хлѣбомъ» [2]). Затѣмъ даются цифровыя указанія на тѣ перемѣны, какія должны произойти по проекту «Земледѣльческой Газеты»: въ 1878 г. изъ южныхъ портовъ отпущено пшеницы на 69 мил. долларовъ; на такую же сумму американцы отпускаютъ мяса въ Европу; «слѣдовательно, *еслибы мы могли вытѣснить* на всемірномъ рынкѣ американское мясо, то южно-русскія хозяйства могли бы вовсе отказаться отъ производства пшеницы для заграничнаго отпуска» [3]).

«Еслибы мы могли вытѣснить!» Но въ этомъ-то и весь вопросъ, который, впрочемъ, очень быстро разрѣшается публицистомъ, игнорирующимъ недавній урокъ, данный намъ Америкой на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ. Такъ какъ, видите ли, скотъ въ Америкѣ и Австраліи, по разсчетамъ «Газеты», немногимъ развѣ дешевле нашего степнаго, а перевозка послѣдняго въ Европу будетъ стоить значительно меньше, то вотъ вамъ и весь сказъ: „мы имѣемъ широкую возможность успѣшно конкуррировать съ Австраліей, *если только мы сгумѣемъ* (опять это предательское „если“!) воспользоваться новыми усовершенствованіями въ перевозкѣ мяса„. Подумаешь, что все дѣло только и заключается въ техническихъ затрудненіяхъ, что достаточно построить вагонъ или пароходъ, не допускающій порчи мяса лѣтомъ, и

---

[1]) „Землед. Газета“, 1880 г., № 37.
[2]) „Землед. Газ.“, 1880 г., № 30.
[3]) Id., № 26.

дѣло въ шляпѣ: почва для нашего сельско-хозяйственнаго прогресса расчищена.

Мы бы, пожалуй, и призадумались надъ доводами „Земледѣльческой Газеты», отправились бы за нею въ безграничную область «фантазій», еслибы доводы эти не сопровождались постоянными „если", и еслибы эти послѣднія „если" не подтверждались отрывками изъ „дѣйствительности" — напримѣръ исторіей снабженія мясомъ Петербурга, разсказанной въ той же статьѣ. Исторія эта крайне характеристична и очень ярко рисуетъ нашъ доморощенный капитализмъ, которому предлагаютъ преодолѣть столько „еслибы", да „если".

Наша невская столица потребляетъ въ годъ около 4 мил. пудовъ мяса, изъ которыхъ 30 — 40% приходится на долю привознаго (зимою—тушами), остальные $^2/_3$ составляетъ говядина мѣстнаго убоя пригнаннаго живьемъ скота. Стоимость мяса, доставленнаго въ Петербургъ тѣмъ и другимъ способомъ, различна, ибо перевозка пуда его живьемъ стоитъ, напримѣръ, изъ Саратова 1 р. 22 к., изъ Таганрога 1 р. 78 к., перевозка же битаго скота обойдется въ 57 и 70 к. за пудъ; разница 65 к.— 1 р. 8 к., смотря по разстоянію. Несмотря на это, оба сорта мяса мирно уживаются на одномъ рынкѣ, причемъ продаются по одинаковой цѣнѣ, разумѣется такой, которая окупаетъ затраты на доставку живого скота. Т.-е. капиталъ, затрачиваемый на снабженіе Петербурга мясомъ, доставляемымъ туда тушами, приноситъ гораздо бо́льшій процентъ, чѣмъ какой даютъ другія предпріятія, напримѣръ, хотя бы привозъ скота живьемъ. Капиталистическая экономія учитъ, что въ такомъ случаѣ капиталъ долженъ устремиться въ эту выдѣляющуюся изъ общаго уровня по доходамъ отрасль торговли; но указанія этой науки обязательны лишь для истаго капитализма, нашему же законъ не писанъ, и потому происходитъ обратное тому, чему учитъ наука: вмѣсто привлеченія капиталистовъ къ выгодной операціи, они вытѣсняются оттуда монополистическими стремленіями. Такъ въ 1877 году 50% всей торговли скотомъ въ Петербургѣ находилось въ рукахъ 6 скотопромышленниковъ [1]); въ настоящее же время 56% черкасскаго скота убивается двумя торговцами [2])! Можно ли, послѣ этого, сказать, что у насъ властвуетъ капитализмъ, а не жалкая пародія на него?

И вотъ, обладающему такими-то свойствами капиталу, неспособному вырвать жирный кусокъ изъ рукъ нѣсколькихъ монопо-

[1]) Тр. В. Э. О. 1878 г., № 5.

[2]) „Землед. Газ." 1880 г., № 33.

листовъ, предлагается конкуррировать съ Америкой; предлагается организовать въ широкихъ размѣрахъ дѣло снабженія мясомъ цѣлой Европы, когда онъ не въ состояніи сдѣлать того же относительно одного Петербурга. Пудъ мяса, привезеннаго недавно думой изъ Оренбурга, обошелся въ 3 р. 75 к., а цѣны на него въ Петербургѣ стоятъ $5^1/_2$—$6^1/_2$ р.; капиталъ, затрачиваемый на операцію, приноситъ больше 50% въ нѣсколько мѣсяцевъ, а у насъ не находится предпринимателей, способныхъ понизить цѣну даже въ виду такого солиднаго куша, и за дѣло снабженія города мясомъ должно было взяться общественное учрежденіе, руководимое, разумѣется, не соображеніями капиталистической наживы. И хотя все это предпріятіе весьма просто—нужно было лишь примѣнить къ намъ то, что давно уже практикуется за границей—но это простое дѣло возвели въ цѣлое событіе: о времени прихода поѣзда съ мясомъ публикуется въ газетахъ, встрѣчать его сбираются нетолько толпы простыхъ смертныхъ и мясоторговцевъ, но и министръ. „Земледѣльческая же Газета“ такъ обрадовалась, что, подумаешь, нами открыта Америка! Предпріятіе это, по ея словамъ, „казалось многимъ непрактичнымъ, [1]) кабинетнымъ, фантастичнымъ, примѣнимымъ гдѣ-нибудь въ Америкѣ и Англіи, но не у насъ: теперь ужъ никто не будетъ раздѣлять этого мнѣнія. Пусть этотъ случай послужитъ новымъ доводомъ въ доказательство возможности невозможнаго“. Не знаю, были ли лица, считавшія обычную въ Европѣ вещь фантистичной, но изъ дифирамба „Земледѣльческой Газеты“ ясно одно, что намъ еще далеко до Америки, если мы радуемся и славословимъ, какъ великое открытіе, какъ доказательство „возможности невозможнаго“, только попытку слѣдовать примѣру Запада, попытку, сказать кстати, не приведшую къ цѣли—удешевленію мяса, такъ какъ пока мы собирались, наступили холода и наши хитрости сдѣлались излишними; и соперничества не такихъ учениковъ нужно опасаться иностранному капиталистическому производству!

Если все дѣло заключается только въ технической и финансовой возможности, то почему же 1877 г. мы вывезли заграницу 47 тысячъ штукъ крупнаго рогатаго скота, а Америка 57 тыс., и какъ мы допустили послѣдней увеличить свой вывозъ въ слѣдующемъ году до 80 тыс., а затѣмъ до 136 т.? Дѣло очень просто: у насъ съ 1871—76 г. количество скота почти не измѣнилось, а въ Сѣверной Америкѣ оно въ періодъ 1870—78 г. возросло

[1]) Кстати, интересно узнать, какъ разрѣшитъ этотъ вопросъ русская практика: мясо въ Петербургѣ что-то не дешевѣетъ!

на 30%, а въ послѣдніе 3 года на 20%; въ Россіи на 100 жителей приходится около 75 штукъ скота (переводя мелкій въ крупный) [1]), а въ Австраліи на 2½ мил. душъ до 7 мил. головъ крупнаго рогатаго скота и 58 мил. овецъ [2]), т. е. относительно въ 7—8 разъ больше! Цѣна скота въ Россіи повышается, а въ Америкѣ за послѣдніе три года она упала на 25% [3]). И даже въ тотъ самый моментъ, какъ „Земледѣльческая Газета“ фантазировала на тему вытѣсненія заатлантическихъ странъ съ международнаго рынка продуктовъ скотоводства, наши соперники приступили къ вытѣсненію Россіи изъ ея собственныхъ владѣній. Одинъ изъ наиболѣе важныхъ предметовъ нашей отпускной торговли—шерсть—нетолько становится въ разрядъ второстепенныхъ, но скоро должна будетъ принять оборонительное положеніе и на внутреннемъ рынкѣ. Именно тогда какъ въ 60 годахъ иностранная сырая шерсть привозилась къ намъ лишь десятками тысячъ пудовъ и притомъ только высшіе ея сорта, въ 1877 и 1876 г. привезено ея 200—280 т. пуд., а въ 1878 г. даже 450 т. пудовъ, въ 1879 г. больше ½ мил. руб. причемъ, совершенно обратно прежнему времени, мы получаемъ ея больше, чѣмъ пряденой. Но въ послѣдніе годы случилось нѣчто гораздо худшее: въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ объявлено, что 1-го октября 1880 г. въ Одессу прибылъ изъ южной Африки корабль съ *грязной* шерстью, предназначенной для московскаго торговаго дома Владиміра Алексѣева. „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ по этому поводу поясняютъ, что это уже не первый репримандъ Россіи: вообще, съ 1879 г., иностранные покупатели нетолько показали равнодушіе къ *дешевой* (какъ бы то слѣдовало по проекту „Землед. Газ“) русской шерсти, что выразилось ихъ отсутствіемъ на шерстяныхъ ярмаркахъ, но сами предлагаютъ доставлять намъ необработанную, *дорогую* (по тому же проекту) шерсть; каковое предложеніе оказалось настолько выгоднымъ, что склонило къ измѣн ническому, по отношенію къ внутренней торговлѣ, шагу, нетолько „польскую интригу“, въ лицѣ привислянскихъ фабрикантовъ, но и безспорно патріотическихъ обывателей матушки Москвы: она въ прошломъ году потребила 50 т. пудовъ этой шерсти и продолжаетъ, какъ мы видѣли, выписывать ее и въ текущемъ (80) году [4]). Немного утѣшительнаго найдемъ мы въ торговлѣ нашей съ западомъ и другими

[1]) „Русская Рѣчь“, 1880 г., № 5, *ст.* Янсона.
[2]) „Земледѣльческая Газета“, 1880 г., № 25.
[3]) „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, 1880 г., № 7.
[4]) „Новое Время“, № 1665, 1674.

продуктами скотоводства. Такъ, животное сало принадлежитъ къ самымъ старымъ и когда-то самымъ крупнымъ статьямъ нашего отпуска, и уже къ концу прошлаго вѣка вывозъ его по европейской границѣ превышалъ милліонъ пудовъ. Онъ продолжалъ возрастать и далѣе вплоть до 30-хъ годовъ, когда достигъ слишкомъ $4^1/_2$ мил. пуд. въ годъ. Отсюда начинается обратное движеніе: въ 40-хъ и 50 хъ годахъ вывозъ держится около 3 мил. пуд., въ 60 хъ спустился на $2^1/_2$ мил. пуд. Причины уменьшенія отпуска заключаются въ замѣнѣ сала въ производствѣ другими веществами и въ конкурренціи по этой торговлѣ Америки и Австраліи. Страны эти «вытѣсняютъ нашъ продуктъ и давятъ цѣны, понижающіяся вслѣдствіе этого на всѣхъ нашихъ сальныхъ рынкахъ»; если мы, въ свою очередь, не найдемъ возможности понизить цѣну, то «будемъ вытѣснены съ рынка» [2]). Предсказаніе, сдѣланное 8 лѣтъ назадъ, теперь уже очень близко къ исполненію: вмѣсто 2 $^1/_2$ мил. пудовъ, отпускавшихся въ 60-хъ годахъ, вывезено въ 1874 г. 600 т. п., въ 1876 г. 665 т., въ 1877, благодаря низкому курсу, усилившему вывозъ по всѣмъ статьямъ, его отпущено 1,100,000 пудовъ; за то въ 1878 отпускъ упалъ до 619 т. п., а въ 1879 до 357 т. Но, что важнѣе, случилось неслыханное прежде явленіе: иностранное сало поступаетъ на русскіе рынки и грозитъ внутренней торговлѣ этимъ продуктомъ. Сначала оно привозилось понемногу—десятками тысячъ пудовъ—но теперь ввозъ его начинаетъ превышать вывозъ; такъ по 1-е августа настоящаго (1880) года ввезено его къ намъ 545 тыс. пудовъ, вдвое больше. чѣмъ за тоже время прошлаго года и въ 4 раза больше, чѣмъ его за эти же 7 мѣсяцевъ отпущено. Тоже почти отношеніе продолжалось и въ слѣдующіе два мѣсяца. Такой оборотъ не на шутку испугалъ нашихъ салоторговцевъ: недавно московское купечество обратилось черезъ посредство общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ къ министру финансовъ съ ходатайствомъ о наложеніи пошлины на привозное сало, ибо цѣны на туземное сало внутри Россіи такъ возвысились, что оно не въ силахъ больше конкуррировать съ заграничнымъ. Министръ обѣщалъ обратить вниманіе на ходатайство при пересмотрѣ общаго тмаоженнаго тарифа на привозные товары. А вѣдь сало и мясо—родные братья, ихъ дороговизна и дешевизна опредѣляется одними и тѣми же моментами; и невозможное дѣло, чтобы наши сельскіе хозяева, допустивъ уничтоженіе своей торговли однимъ изъ этихъ продуктовъ скотоводства, побили своего соперника на другомъ.

[1]) „Военно-статист. Сборн. Россія“, отд. I, с. 728.

Вообще же русская внѣшняя торговля продуктами скотоводства движется въ слѣдующемъ направленіи: отпускъ ихъ съ 1852 г. по 1874 г. увеличился на 50%, а привозъ на 1,000%, въ 1852 г. привозъ составлялъ 13% вывоза, въ 1874 г. онъ возросъ до 67% [1]). Теперь судите—насколько основательны ожиданія, что наши помѣщичьи хозяйства вытѣснятъ съ внѣшнихъ рынковъ мясо и другіе продукты соперничающаго съ ними иностраннаго скотоводства.

Для успѣха въ торгово-промышленной дѣятельности недостаточно возможности устраненія одного какого-нибудь препятствія, недостаточно имѣть преимущество надъ соперникомъ въ томъ или иномъ отношеніи. При господствующей повсюду экономической организаціи, въ этомъ дѣлѣ всего важнѣе капиталистическія способности промышленнаго класса: техническія, финансовыя, общественно-экономическія и другія условія въ совокупности создаютъ въ каждой странѣ извѣстную капиталистическую атмосферу, тонъ и тактъ, въ силу которыхъ всякія промышленныя и торговыя сдѣлки и предпріятія устраиваются очень легко и производятся съ наименьшей затратой финансовыхъ силъ, съ наименьшими потерями и наибольшей для предпринимателя выгодой. Къ достиженію такого результата приспособлены всѣ факторы промышленной жизни: кредитъ, пути сообщенія и проч. То ли мы видимъ въ Россіи? Расходы по перевозкѣ товаровъ, напримѣръ, могутъ составить очень замѣтную часть ихъ стоимости, и для успѣшности конкурренціи весьма важна та или другая организація этого дѣла; особенно это имѣетъ значеніе для такихъ странъ, какъ Россія или Америка, раскинутыхъ на многія тысячи верстъ, гдѣ подъ часъ (какъ въ Россіи) продукту для иностраннаго рынка добрую половину пути къ мѣсту назначенія приходится сдѣлать внутри страны. Здѣсь, при плохихъ и дорогихъ путяхъ сообщенія, нечего и думать о конкурренціи на всемірномъ рынкѣ и степень промышленнаго прогресса страны вполнѣ можетъ опредѣляться успѣхами, достигнутыми въ способахъ передвиженія, а промышленно-капиталистическій геній націй на организацію перевозки, обращаетъ преимущественное свое вниманіе. Во II главѣ мы приводили факты, указывающіе на различіе въ этомъ отношеніи Россіи и Америки; дополнимъ сказанное еще двумя-тремя примѣрами. Изъ доклада, г. Черняева Вольно-Экономическому Обществу и вызванныхъ имъ преній выяснилось, что условія перевозки товаровъ въ Россіи составляютъ

[1]) Тр. В. Э. О., 78,5.

одно изъ важнѣйшихъ препятствій развитію нашего сельскохозяйственнаго машиностроенія. Стоимость перевозки при среднемъ разстояніи по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ составляетъ 10—12% стоимости машины, и подымается иногда до 38%. Это обсоятельство препятствуетъ широкому сбыту продуктовъ какого-либо завода внутри страны, является необходимость децентрализировать производство машинъ, раскинуть его по территоріи поближе къ потребителямъ, т. е. съузить рынокъ для сбыта издѣлій каждаго завода. А это значитъ подрѣзать крылья производству при самомъ его зарожденіи, заранѣе обречь его на жалкое существованіе, такъ какъ для достиженія высокой степени техническаго развитія необходимъ прежде всего широкій сбытъ продуктовъ. Это обстоятельство въ числѣ прочихъ было причиной того, что наше сельско-хозяйственное машиностроеніе вовсе не воспользовалось военнымъ временемъ 1876—77 годовъ, когда, вслѣдствіе упадка курса, ввозъ машинъ извнѣ уменьшился въ 2—3 раза. Вмѣсто того, чтобы двинуться впередъ, оно толклось на одномъ мѣстѣ. По крайней мѣрѣ, судя по прейскурантамъ, за это время не было открыто ни одной мастерской, способной производить грабли, рядовыя сѣялки, жнеи, косилки, паровыя молотилки и проч., и мы теперь, какъ и прежде, вынуждены выписывать ихъ изъ заграницы [1]).

Нужно бы ожидать, что дороговизна перевозки внутри Россіи, препятствуя распространенію сельско-хозяйственныхъ орудій внутренняго приготовленія, должна тѣмъ болѣе стѣснять привозъ къ намъ машинъ изъ за-границы. Однако, практика показала иное: иностранные капиталисты съумѣли заставить русскія желѣзныя дороги возить ихъ товаръ дешево, и этимъ какъ бы наложили на наши собственныя машины нѣчто въ родѣ пошлины. Такъ, напримѣръ, за провозъ одного транспорта изъ Гулля въ Москву уплачено 272 р., а изъ Москвы до Нижняго за него взяли 275 р.; переѣздъ другого товара изъ Гулля же въ Москву стоилъ 320 р., а изъ послѣдняго города въ Самару онъ былъ доставленъ за 1,035 р. Результатомъ такихъ порядковъ является то, что русскимъ складамъ невыгодно брать на комиссію машины внутренняго производства, ибо на расходы по перевозкѣ пойдетъ вся уступка, дѣлаемая заводами складамъ, и послѣдніе распространяютъ у насъ по преимуществу заграничныя машины. Если кто-нибудь намъ замѣтитъ, что сельско-хозяйственное машиностроеніе—дѣло у насъ новое, и что производители не успѣли еще создать для него во всѣхъ отношеніяхъ благопріятной об-

[1]) Труды В. Э. О., 80, 1.

становки, то таковымъ мы укажемъ на нашу хлѣбную торговлю. Ее новой, надѣемся, не назоветъ никто; съ ней связаны, кромѣ того, весьма существенные интересы для русскаго капитала; ей угружаетъ конкурренція другого полушарія, и русскимъ производителямъ хлѣба весьма важно принять всѣ мѣры для возможнаго удешевленія продукта. Слѣдовало бы, поэтому, ожидать, что русскій капиталистъ съумѣетъ хоть въ этой области устроиться сообразно своему званію, и организуетъ доставку хлѣба къ портамъ наидешевѣйшимъ способомъ. И что же! Оказалось, что нерѣдко способы перевозки, считающіеся повсюду самыми дорогими, являются у насъ болѣе дешевыми и скорыми, чѣмъ сообщеніе по желѣзнымъ дорогамъ. Екатеринославскіе отправители, напримѣръ, утверждаютъ, что возить товаръ въ Харьковъ дешевле гужомъ, чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ; изъ Воронежской губерніи доставка четверти хлѣба въ Таганрогъ стоитъ на фурахъ 20 коп., а по желѣзной дорогѣ 25 к., вслѣдствіе чего изъ 4 милліоновъ четвертей, доставляемыхъ въ этотъ городъ, 2 милл. привозится этимъ первобытнымъ способомъ и т. д. [1]).

Столь же безпомощной передъ монополіей является наша промышленность и въ другомъ, весьма важномъ для нея вопросѣ. Толки о безпощадномъ истребленіи лѣсовъ и необходимости по возможности ограничить употребленіе древеснаго топлива, въ видахъ предупрежденія полнаго оголенія страны и сохраненія для будущихъ поколѣній матеріала для древесныхъ издѣлій, толки эти составляютъ такой неизмѣнный предметъ занятій нашей литературы, что успѣли, вѣроятно, уже порядочно-таки надоѣсть читателю. Если не надоѣли, то, конечно, насмѣшили читателя такія, напримѣръ, мѣропріятія къ охраненію лѣсовъ отъ уничтоженія, какъ запрещеніе населенію украшать березками зданія въ праздникъ Троицы. Нѣкоторые, быть можетъ, огорчились другими распоряженіями, направленными къ достиженію той же цѣли: прекращеніе безплатнаго употребленія лѣса крестьянами для своихъ, хотя и грошовыхъ, но совершенно необходимыхъ потребностей; запрещеніе сѣверному крестьянину рубить подсѣки, безъ которыхъ ему, при малыхъ размѣрахъ постоянной пашни и необходимости въ большомъ количествѣ скота для ея удобренія (сѣверный крестьянинъ вывозитъ на десятину до 8,000 пудовъ навоза [2]), тогда какъ, напримѣръ, для такой малопло-

[1]) „Русскій Курьеръ“, 1880, № 242.

[2]) Сельск. хоз. и лѣс., 1878 г., № 6. „Съ крайняго сѣвера Европейской Россіи“, Гомилевскаго.

дородной мѣстности, какъ Московская губернія, хорошимъ удобреніемъ, недоступнымъ вовсе для крестьянъ считается 3,400 пуд., что соотвѣтствуетъ 6 головамъ скота [1]), обойтись невозможно и проч. Излишне, кажется, и прибавлять, что мѣры эти направлены противъ мелкаго хозяйства и мелкаго истребленія лѣсовъ; крупное же не только остается свободнымъ, но подчасъ и поощряется. Такъ, помѣщикъ можетъ хотя сжечь свой лѣсъ для иллюминаціи, и если онъ этого не дѣлаетъ, то потому, что предпочитаетъ его пропить и проѣсть; для усиленія помѣщичьихъ рессурсовъ имъ дарятъ (подъ видомъ продажи или подъ своимъ собственнымъ), взамѣнъ уничтоженныхъ дачъ, новыя, поросшія даже корабельнымъ лѣсомъ (какъ это не разъ было заявлено въ печати, напримѣръ, объ Уфимской губерніи), способнымъ превращаться, какъ извѣстно, въ большія количества различныхъ яствъ и питій; крупнымъ лѣсопромышленникамъ дозволяется ежегодно вывозить за-границу лѣсу на десятки милліоновъ рублей, а крупнымъ фабрикантамъ еще больше сжигать его для расширенія своихъ оборотовъ, которые, тѣмъ не менѣе, туго расширяются [2]). Это, впрочемъ, не мѣшаетъ господству у насъ мнѣнія, что существенную важность для нашего національнаго хозяйства составляетъ введеніе въ нашъ повседневный обиходъ каменнаго угля, какъ топлива. Зачѣмъ же стало дѣло? Россія изобилуетъ обширными залежами этого вещества—бери и пользуйся! Но здѣсь-то и проявляется вся наша капиталистическая неспособность: предприниматели допускаютъ существованіе такого явленія, какъ привозъ въ Россію 80 милліоновъ пудовъ угля изъ за-границы. Имѣя обезпеченный сбытъ этого продукта, котораго у насъ непочатый уголъ, на 20—30 мил. р. с. (съѣздъ горнопромышленниковъ 1873 года, въ Таганрогѣ, опредѣлилъ еще въ то время потребность Россіи въ углѣ въ 175 мил. пудовъ; половина этого количества за 10—12 мил. рублей доставляютъ намъ иностранцы),

---

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ., т. I, с. 97.

[2]) Запрещеніе крестьянамъ пользоваться лѣсомъ для своихъ потребностей, превело, съ ихъ стороны, къ необходимости практиковать не совсѣмъ похвальные пріемы. Такъ, Устьсысольскіе (Вологодской губ.) зыряне цѣлой общиной тайно рубятъ въ лѣсу подсѣки, приготовляютъ ихъ подъ посѣвъ, сообща убираютъ хлѣбъ и дѣлятся урожаемъ. Если, на несчастье, на такую подсѣку набредетъ лѣсное начальство — пропали труды! Хлѣбъ, какъ никому не принадлежащій, убирается и продается въ пользу казны. Извѣстно также, что, вслѣдствіе недостатка у крестьянъ лѣса, многія необходимыя для нихъ отрасли кустарной промышленности существуютъ лишь благодаря краденому матеріалу. Видно, англійскому фабриканту лѣсъ нужнѣй, чѣмъ русскому земледѣльцу и кустарю, если мы съ такой готовностью лишаемъ этого матеріала послѣдняго въ пользу перваго!

они не въ состояніи собственными силами произвести операцію, передали ее почти всецѣло въ руки иностранцевъ. И одной изъ причинъ этого служитъ плохая организиція перевозки. Дѣло въ томъ, что двѣ южныя дороги—Курско-Харьково-Азовская и Козлово-Воронежская-Ростовская—находятся въ рукахъ Полякова, который эксплуатируетъ и часть каменно-угольныхъ копей на югѣ. И вотъ указанныя желѣзныя дороги почти вовсе не перевозятъ другого угля, кромѣ Поляковскаго, съ мѣста его добычи на сѣверъ, не перевозятъ частью, вѣроятно, въ интересахъ своего хозяина, частью же потому, что не успѣваютъ удовлетворить всѣмъ предъявляемымъ требованіямъ. Въ Америкѣ дѣло бы разрѣшилось очень просто: рядомъ съ существующей дорогой проложили бы новый путь: но Россія—не Америка! «Мѣстные землевладѣльцы понимаютъ, что для полученія какого-либо дохода отъ угля, залегающагося въ нѣдрахъ ихъ земель, необходимо устроить самостоятельную желѣзную дорогу, идущую параллельно Поляковской, и даже не одну, а цѣлыхъ двѣ». А если понимаютъ, то почему же не устроиваютъ? «Сами землевладѣльцы не имѣютъ *теперь* ни денегъ (значитъ прежде имѣли, да прокутили), ни опытности (которой тоже у нихъ хватало для постройки на земскій счетъ ни кому ненужныхъ желѣзнодорожныхъ путей) для проведенія особой желѣзной дороги, и вся ихъ надежда переносится на правительство» [1]). Чуть предпріятіе хоть нѣсколько выдается изъ уровня жалкой посредственности, нашъ капиталистъ покорно склоняетъ свою, при другихъ обстоятельствахъ, гордую голову, и умоляюще глядитъ на государство: ему это не подъ силу, безъ казенной подачки онъ—нуль, онъ погибаетъ.

И вотъ при такихъ-то внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ, нашему капиталу, пасующему передъ желѣзнодорожными монополистами, передъ Поляковымъ, кучкой мясоторговцевъ, и пр. и пр., предлагаютъ ни больше ни меньше какъ отвоевать у Америки европейскіе рынки. Не очевидно ли, что всѣ разсужденія на эту тему суть не что иное, какъ игра праздной фантазіи? Америки намъ со всемірнаго мясного и всякаго другого рынка не вынить, а уступить ей поле хлѣбной торговли несомнѣнно придется. А въ такомъ случаѣ, нашимъ крупнымъ сельскимъ хозяевамъ не остается ничего другого дѣлать, какъ ликвидировать свои дѣла, отказаться отъ сельско-хозяйственной дѣятельности, которая и перейдетъ всецѣло въ руки крестьянъ. Исходъ этотъ никому не долженъ казаться неожиданнымъ: весь двадцатилѣтній

[1]) Тр. В. Э. О., 80, 7.

послѣреформенный періодъ длилась у насъ борьба мелкой земледѣльческой культуры съ крупной, и внимательный наблюдатель ни на минуту не могъ усомниться, въ чью пользу клонилась побѣда.

Впрочемъ, окончательный исходъ этого дѣла еще впереди. Теперь же, по поводу текущихъ событій, мы можемъ прибавить, что успѣшно соперничать до поры до времени съ заатлантическими странами Россія будетъ въ состояніи лишь подъ условіемъ уничтоженія крупной земледѣльческой культуры; или—если хотите выразить это иначе—постоянное пониженіе цѣны хлѣба на внѣшнемъ рынкѣ вслѣдствіе американской конкурренціи поведетъ къ тому, что наши владѣльцы будутъ получать все меньше и меньше прибыли отъ сельско-хозяйственной дѣятельности и станутъ уступать послѣднюю крестьянамъ, ограничивъ, такимъ образомъ, свое участіе въ земледѣліи полученіемъ ренты. Произойдетъ это путемъ слѣдующаго ряда экономическихъ явленій. Производительность американскаго земледѣлія, благодаря быстро развивающемуся примѣненію къ этой отрасли машинъ, происходящему, въ свою очередь, вслѣдствіе большой дороговизны труда—постоянно возростаетъ. Рабочая плата въ Америкѣ достигла такихъ размѣровъ, что бо́льшая половина европейскихъ странъ не въ состояніи была бы вынести чего-нибудь подобнаго; нѣсколько приближается къ ней развѣ только вознагражденіе англійскаго работника. Такъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ американскими консулами, получаютъ въ недѣлю марокъ (31 к.).

	Германія.	Италія.	Франція.	Англія.	Нью-Іоркъ.
Мясникъ.	15,4	16,8	21,6	29	32—48
Бочаръ	13,2	13,3	28	29,1	48—64
Поденьщикъ, носильщикъ и проч.	11,7	10,4	—	20	24—36

Американскій рабочій, какъ видите, получаетъ вдвое и втрое больше европейскаго; земледѣльческій нанимается за 10—30 долларовъ въ мѣсяцъ (на хозяйскомъ содержаніи), что по курсу будетъ 20—60 р. Естественно, что окупить такія издержки возможно только при высокой производительности труда, и это обстоятельство служитъ, въ свою очередь, стиммуломъ къ постоянному прогрессу въ дѣлѣ примѣненія машинъ. Такъ, обыкновенная американская ферма въ 160 акровъ (около 50 десятинъ), потребовавшая бы для своей эксплуатаціи въ Германіи, по словамъ ольденбургскаго хозяина, 3—4 батраковъ мужчинъ и 2—3 женщинъ, можетъ вестись тамъ однимъ хозяиномъ-мужчиной, прибѣгающимъ къ посторонней помощи лишь лѣтомъ; но и тогда

всѣ необходимыя операціи совершаются имъ съ однимъ рабочимъ, молотьба же машиной производится при участіи сосѣдей-помочанъ. Машины составляютъ столь обычное явленіе въ американскомъ хозяйствѣ, и пріобрѣтеніе ихъ обставлено такими удобствами, что покупаютъ ихъ, пожалуй, даже больше, чѣмъ нужно [1]).

При такомъ направленіи американскаго сельскаго хозяйства естественно, что хлѣбъ достается янки дешевле нашего, и они имѣютъ полную возможность, въ видахъ вытѣсненія нашего зерна, постоянно понижать его цѣну на заграничныхъ рынкахъ. Русскіе же хозяева съ теченіемъ времени получаютъ хлѣбъ чуть-ли не дороже, ибо примѣненіе машинъ въ нашемъ хозяйствѣ идетъ очень медленно и не можетъ быть быстрымъ уже въ силу существующей дешевизны ручного труда.

Рядомъ съ такой почти полной неподвижностью русской земледѣльческой техники происходитъ постоянное пониженіе урожаевъ отъ истощенія почвы. Въ самомъ дѣлѣ, курьезный фактъ, что житница Россіи и когда-то Европы, обладающая благодатной почвой, даетъ, однако, въ среднемъ, меньшій урожай, чѣмъ нашъ безплодный сѣверъ: по вычисленіямъ г. Янсона сѣверныя губерніи получаютъ 7,6 гектолитровъ съ гектара, а степи 4,4 до 5,3 гекталитровъ. И эти-то степи претендуютъ прокармливать Европу!

Все это вмѣстѣ позволяетъ сдѣлать заключеніе, что тогда какъ въ Америкѣ добываніе хлѣба съ теченіемъ времени совершается съ меньшей затратой человѣческой силы, нашему хозяину хлѣбъ достается все дороже и дороже; иначе говоря, вмѣстѣ съ вздорожаніемъ хлѣба на мѣстѣ производства идетъ пониженіе его стоимости на внѣшнемъ рынкѣ сбыта. Превышеніе его цѣны надъ издержками производства, составляющее прибыль предпринимателя, становится все мизернѣе и въ очень скоромъ времени дойдетъ до такихъ размѣровъ, что уже перестанетъ привлекать къ земледѣлію капиталистовъ; производство хлѣба въ такомъ случаѣ будетъ переходить въ руки, довольствующіяся minimum'омъ прибыли, готовыя, въ случаѣ надобности, даже вовсе отъ нея отказаться, а такія руки принадлежатъ исключительно рабочему производителю. Онъ теперь получаетъ всѣ или часть средствъ существованія продажей своего труда, онъ и въ качествѣ самостоятельнаго земледѣльца (на своемъ и арендованномъ участкѣ) будетъ въ состояніи до тѣхъ поръ работать на иностранцевъ, пока цѣна хлѣба не упадетъ ниже уровня, обезпечивающаго ему среднюю въ странѣ заработную плату.

[1]) Сел. хоз. и лѣс, 80, 7.

И такъ, если наша заграничная торговля хлѣбомъ упадетъ, то съ нею рухнетъ и помѣщичье земледѣліе, которое перейдетъ тогда всецѣло въ руки крестьянъ; если же еще возможно поддержаніе вывоза изъ Россіи хлѣба, то опять-таки не иначе, какъ подъ условіемъ ликвидаціи помѣщичьяго хозяйства. Какое бы направленіе наша международная торговля ни приняла — въ обоихъ случаяхъ неизбѣжно исчезновеніе крупной сельскохозяйственной культуры.

Это, вѣроятно, отразится очень благотворно на благосостояніи нашего крестьянства, такъ какъ, по всей вѣроятности, поведетъ къ измѣненію въ его пользу правительственной экономической политики. До сихъ поръ государство имѣло передъ собой двѣ системы земледѣльческой культуры, мелкую и крупную, и два класса лицъ ихъ представляющихъ. Интересы обоихъ классовъ не совпадаютъ: крестьянскія выгоды требуютъ расширенія ихъ хозяйственной самостоятельности, интересъ помѣщика — настаивать на недостаточности крестьянскаго надѣла для обезпеченія его быта, иначе некому будетъ наниматься обработывать владѣльческія земли. Государство, имѣя дѣло съ такими противорѣчивыми требованіями, принуждено колебаться въ своей экономической политикѣ: современные фискальные его интересы взываютъ о поощреніи народнаго труда, ибо народъ въ узкомъ смыслѣ слова несетъ на себѣ почти всю податную тягость; примѣръ же запада показываетъ, что государство можетъ быть богато и при потерѣ народомъ его экономической самостоятельности, даже больше — что высоко-развитая промышленность, ведущая къ національному богатству, образовалась тамъ именно на почвѣ труда наемнаго. А такъ какъ богатая нація въ западноевропейскомъ смыслѣ слова можетъ служить достаточно прочной опорой и для финансоваго благоденствія государства, то послѣднее имѣло у насъ достаточно побудительныхъ причинъ стремиться къ поддержанію у себя капиталистическаго производства. Если послѣднее поведетъ къ потерѣ массою народа его хозяйственной самостоятельности — за то лишь этимъ путемъ можетъ быть достигнуто развитіе производительности труда, т.-е. поднята національная промышленность, образовано богатое и сильное не одной своей массивностью государство.

Такимъ приблизительно соображеніямъ обязаны мы тѣмъ, что до послѣдняго времени не предпринималось ничего основательнаго для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, организаціи переселеній, народнаго кредита и пр.

Если же исторія покажетъ, что слѣдовать примѣру Запада

въ Россіи невозможно, если государство увидитъ, что крупное хозяйство безъ всякаго насилія, само отказалось отъ культурно-исторической роли, съигранной имъ въ Европѣ, если такимъ образомъ и въ будущемъ, какъ въ настоящемъ, финансовые интересы государства будутъ всецѣло покоиться на благосостояніи массы рабочаго народа, доходы перваго останутся въ прямой зависимости отъ благосостоянія послѣдняго—въ такомъ случаѣ выборъ государства легокъ. Стать на сторону помѣщичьяго класса, т.-е. игнорировать потребности самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства — значило бы принести въ жертву кучкѣ людей, не имѣющей никакого общественно-экономическаго значенія, отказавшейся добровольно отъ какой бы то ни было культурно-экономической роли (ибо получать ренту — не значитъ играть активную экономическую роль), нетолько благосостояніе народа, но и будущіе интересы государства. Можно было бы попробовать оставшемуся за штатомъ экономической жизни классу дать политическое значеніе, еслибы послѣднее возможно было безъ экономическаго вліянія, еслибы наши землевладѣльцы представляли изъ себя къ тому же нѣчто органически цѣльное, еслибы они выказали раньше хоть какія-нибудь политическія способности, предъявляли въ серьёзъ претензію на политическую роль въ будущемъ. Но какъ бы, впрочемъ, ни рѣшался вопросъ политическій, какое бы значеніе ни придавало государство тому или другому классу, какъ юридической единицѣ—оно не можетъ отказаться отъ убѣжденія, что при низкой степени промышленнаго развитія страны немыслимо высокое положеніе государства среди своихъ сосѣдей; поэтому политическіе планы не будутъ препятствовать его экономической дѣятельности, не будутъ мѣшать его заботамъ о поднятіи національной промышленности. А такъ какъ послѣдняя, къ нашему счастью, силою исторіи отождествилась у насъ съ народной, такъ какъ въ земледѣльческой, по крайней мѣрѣ, области капиталистическое производство замѣняется крестьянскимъ, то и экономическая политика правительства по необходимости будетъ построена на принципѣ покровительства мелкому крестьянскому земледѣлію.

Повторимъ еще разъ: достиженіе высокой степени благосостоянія народа на почвѣ *самостоятельнаго крестьянскаго производства* (будь оно мелкое или крупное все равно) вотъ задача, которую должно преслѣдовать русское общество. Первая половина этого положенія выставлялась во всѣ времена и повсюду на знамени каждой партіи и всякой экономической системы; но въ силу того, что народное благосостояніе отождествлялось

съ національнымъ богатствомъ, а интересы рабочаго производителя смѣшивались съ интересами производства — представитель и хозяинъ послѣдняго, капиталистъ, явился тѣмъ элементомъ ради котораго работалъ промышленный прогрессъ, а настоящій производитель — рабочій превратился въ одно изъ орудій послѣдняго. Съ этой точки зрѣнія мѣриломъ экономическаго процвѣтанія являлась ступень, какой достигъ процессъ обобществленія труда, обширность внутреннихъ и главнымъ образомъ внѣшнихъ оборотовъ. Задачей экономической политики правительствъ сдѣлалось развитіе крупнаго (капиталистическаго) производства, обезпеченіе сбыта его продуктовъ на внѣшнемъ рынкѣ. Послѣднее было такимъ важнымъ элементомъ правительственной политики, что имъ опредѣлялись мирныя или враждебныя отношенія къ сосѣднимъ странамъ.

Перемѣщеніе основнаго промышленнаго зданія съ капиталистическаго производства къ народному неизбѣжно отразится и на международной экономической политикѣ. Съ точки зрѣнія капитализма огромный вывозъ продуктовъ внутренняго производства одинаково благопріятный признакъ, будетъ-ли это результатомъ труда свободнаго фабричнаго рабочаго или раба—негра; важно лишь существованіе вывоза во что бы то ни стало, такъ какъ бѣднѣющее собственное населеніе не въ силахъ поглотить всю массу товаровъ, выпускаемыхъ фабриками. Съ другой стороны для капитализма безразлично, насколько удовлетворены потребности населенія, онъ игнорируетъ вопросъ: не вывозятся-ли въ чужія страны продукты, въ которыхъ нуждается послѣднее; мѣриломъ нужды и потребностей является при этой системѣ запросъ рынка, который опредѣляется не потребностями организма, а болѣе или менѣе туго набитымъ карманомъ.

При господствѣ противуположнаго принципа отношеніе къ вывозу радикально измѣняется. Цѣлью производства является не возрастаніе прибавочной стоимости, а удовлетвореніе собственныхъ потребностей населенія. Размѣры каждой страны даютъ возможность достигнуть этого безъ ущерба для общественнаго раздѣленія труда и безъ неизбѣжнаго при капиталистическомъ строѣ перепроизводства; поэтому обширная внѣшняя торговля не составляетъ крайней необходимости ни ради развитія успѣшности труда, ни для созданія возможности существованія постоянно прогрессирующаго производства (какъ это становится неизбѣжнымъ при капиталистическомъ строѣ промышленности); она въ цѣломъ циклѣ явленій народной экономической жизни играетъ лишь весьма второстепенную роль. Съ другой стороны, и стѣсне-

ніе этой торговли чужой конкурренціей не приведетъ къ такимъ печальнымъ для производства послѣдствіямъ, какія за нимъ слѣдуетъ при господствѣ капиталистическихъ порядковъ: въ послѣднемъ случаѣ, закрытіе внѣшняго рынка есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченіе размѣровъ производства, а черезъ то и лишеніе средствъ существованія части населенія (которое въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ большинствѣ случаевъ получаетъ лишь столько, сколько это необходимо для поддержанія его существованія); если закрытый рынокъ не замѣнится новымъ, образуется капиталистическій „излишекъ“ населенія, которому придется выбирать между эмиграціей и полуголоднымъ существованіемъ. Ограниченіе же внѣшняго сбыта въ странѣ, производящей безъ участія капитала (просимъ не смѣшивать съ капиталомъ средствъ производства), вызоветъ лишь временное задрудненіе, и то въ случаѣ, если оно произойдетъ такъ быстро, что промышленность страны не успѣетъ приспособиться къ новой обстановкѣ. Но она имѣетъ возможность приспособиться безъ особенныхъ потерь, общая сумма производства при этомъ останется прежнею, такъ какъ, повторяемъ, размѣры послѣдняго опредѣляются здѣсь не безграничнымъ стремленіемъ капитала къ возрастанію, а ограниченными потребностями общества. Работа на внѣшніе рынки была при этомъ лишь способомъ удовлетворить нѣкоторыя потребности болѣе дешевымъ образомъ черезъ обмѣнъ собственныхъ продуктовъ на иностранные; уничтоженіе вывоза значитъ ограниченіе обмѣна и необходимость мѣстному производству перейти отъ добыванія продуктовъ для иноземнаго рынка къ производству тѣхъ товаровъ (или имъ аналогичныхъ), которые получались извнѣ въ обмѣнъ на вывозимые. Такъ какъ запросъ на нихъ остается приблизительно въ прежнихъ размѣрахъ, то и есть возможность производству не уменьшаться количественно. Поясникъ это примѣромъ Россіи.

Если въ настоящее время,—когда мелкое производство находится въ загонѣ, а народъ разоренъ,—прекратится, благодаря конкурренціи заатлантическихъ странъ, отпускъ нашихъ 40 милліоновъ четвертей хлѣба за-границу, это поведетъ къ разоренію землевладѣльцевъ и сокращенію капиталистическаго производства. Капиталъ, затрачиваемый прежде на земледѣліе, не обратится теперь на производство другихъ продуктовъ, ибо они не найдутъ себѣ сбыта среди отощавшаго населенія: мы отправляемъ за-границу свой хлѣбъ не ради совершенія выгоднаго хозяйственнаго оборота, а вслѣдствіе необходимости добыть, во что бы то ни стало, денегъ для уплаты податей, процентовъ по зай-

мамъ и т. п. Не добудемъ мы этихъ денегъ, и разореніе охватитъ большую сферу, изъ низшихъ слоевъ подымется въ верхніе. Трудно придумать, чѣмъ бы можно было помочь здѣсь дѣлу, если только не откроется новый источникъ внѣшняго сбыта, такъ какъ, повторяемъ, населеніе, по своей бѣдности, не представляетъ достаточно прочнаго основанія для расширенія производства.

Другое дѣло, если Россія станетъ превращаться въ богатое государство, въ своей экономической жизни избавленное отъ руководства капитала; если при этомъ мы будемъ принуждены прекратить вывозъ нашего хлѣба за-границу, то это произведетъ лишь временныя затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, наше населеніе потребляетъ еще такъ мало спирта, мяса, сахару, даже хлѣба и соли, что при малѣйшей возможности непремѣнно возвыситъ требованіе на эти продукты. Слѣдовательно, нашему сельскому хозяйству будетъ много дѣла и безъ заграничнаго сбыта; скажемъ больше: *оно должно* сократить свое производство для иностранцевъ и направить силы на удовлетвореніе потребностей туземнаго населенія. Смѣшно слушать разсужденія, напримѣръ, о томъ, какъ устроить вывозъ мяса за-границу изъ нашихъ степныхъ губерній въ то время, какъ $^{9}/_{10}$ русскаго народа чуть-ли не вымираетъ отъ недостатка питанія. Но разсужденія эти совершенно естественны при существующемъ порядкѣ, когда на сценѣ фигурируютъ не интересы производителя, а само производство, когда не масса народа, а капиталистъ, землевладѣлецъ задаютъ тонъ жизни. Что рабочій не доѣдаетъ, вырождается—объ этомъ, до поры до времени, никому нѣтъ дѣла, да притомъ не скоро объ этомъ и узнаешь: русское общество только недавно сообразило, что нѣтъ причинъ радоваться постоянно возрастающему вывозу нашего хлѣба за-границу, что не чьимъ-либо богатствомъ, но разореніемъ массы вызывается это явленіе; напротивъ, фактъ этотъ служилъ до сихъ поръ въ несовсѣмъ разборчивыхъ рукахъ кляпомъ, которымъ затыкали ротъ всякому, позволявшему себѣ усомниться въ томъ, что народная промышленность вообще и сельско-хозяйственная область ея въ частности находится въ непрерывномъ движеніи впередъ. Нуженъ былъ рядъ грандіозныхъ событій послѣднихъ годовъ, чтобы озарить лучомъ истины голову нашего общества, занятаго созерцаніемъ успѣховъ и затрудненій капиталистичего производства. За то, какъ чутко оно относится къ малѣйшему завыванію вѣтерка, дующаго на встрѣчу его излюбленному дѣтищу: еще въ то время, когда вывозъ нашего хлѣба продолжалъ возростать и дошелъ до небывалыхъ и неожиданныхъ размѣровъ — общество уже озабо-

чено возможностью американской конкурренціи и мыслимыми результатами этого для нашего владѣльческаго хозяйства.

Еще ничего особеннаго въ международной сферѣ не случилось, а печать уже плачетъ о томъ, чѣмъ-то помѣщикъ уплатитъ проценты за прокученные капиталы, предлагаетъ новые способы добывать деньги на случай, если закроются старые.

И такъ, новый путь внутри ведетъ и къ новой системѣ международной экономической политики. Затрудненія, которыя все больше и больше будетъ съ теченіемъ времени испытывать всемірная торговля, — благодаря постоянно развивающейся конкурренціи, происходящей отъ привлеченія къ промышленному прогрессу бо́льшаго числа странъ, — приводятъ къ необходимости организовать производство такимъ образомъ, чтобы оно служило по преимуществу для удовлетворенія потребностей собственнаго населенія. А это, въ свою очередь, сдѣлается возможнымъ, если населеніе будетъ богато, и производство, освободившись отъ опеки капитализма, перейдетъ всецѣло въ руки рабочихъ.

Пока же этого не случилось, нужно признать, что послѣдствія той международной каши, въ какую мы затесались, весьма ощутительны для помѣщиковъ: продуктъ нашего земледѣлія не окупаетъ издержекъ производства, и въ этомъ кроется одна изъ причинъ того, что крупныя хозяйства не выходятъ изъ зачаточнаго существованія. Если такъ, то какимъ же образомъ они тѣмъ не менѣе отпускаютъ въ Европу 30—40 милл. четвертей хлѣба и даже изъ году въ годъ увеличиваютъ отпускъ? Какими судьбами умудряются они работать въ убытокъ и въ то же время получать барыши?

Отвѣтомъ на это служитъ организація современнаго земледѣлія: владѣльцы частью вовсе не хозяйничаютъ, а получаютъ хлѣбъ, добытый крестьянами изъ полу и т. п., частью они работаютъ посредствомъ кабальнаго труда.

Г. Ермоловъ говоритъ, что по освобожденіи крестьянъ произошла та перемѣна въ положеніи нашего сельскаго хозяйства, что тогда какъ прежде оно покоилось всецѣло на эксплуатаціи дешеваго крѣпостного труда, теперь столь же односторонне эксплуатируются имъ силы природы. Хотя нельзя не признать въ этомъ положеніи нѣкоторой доли истины; но, намъ кажется, что будетъ большой ошибкой противуполагать двѣ эпохи именно въ отношеніи такого рѣзкаго различія въ способахъ комбинаціи въ производствѣ труда и силъ природы. Правда, помѣщику теперь стало труднѣе хозяйничать на плохой почвѣ, вслѣдствіе чего центръ тяжести его сельско-хозяйственной дѣятельности перемѣстился въ

черноземную мѣстность, но силы природы сдѣлались нужны ему лишь какъ подспорье; сущность же его отношенія къ производству осталась прежняя: его хозяйство въ основѣ покоится на крайней дешевизнѣ труда. Это признается и г. Ермоловымъ. Высказавъ приведенную мысль, онъ продолжаетъ: «но и въ черноземныхъ губерніяхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, доходность имѣній, помимо плодородія почвы, обусловливается почти исключительно двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тою неизбѣжною необходимостью, въ какую поставлены крестьяне, вслѣдствіе густоты населенія, отсутствія заработковъ... напимать у помѣщиковъ землю по цѣнѣ, какую они назначатъ. Низкая заработная плата—другое, что даетъ возможность для нашихъ хозяевъ существовать и получать доходъ при обыкновенныхъ нашихъ условіяхъ хозяйства. При существующемъ, въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи, обычаѣ дешевой наемки рабочихъ съ зимы, расходъ на рабочую силу у насъ доведенъ до минимума» [1]).

И такъ, реформа не произвела радикальныхъ перемѣнъ въ экономическихъ отношеніяхъ земледѣльческихъ классовъ: крѣпостной трудъ обходился помѣщику очень дешево, въ силу того, что тотъ расплачивался за него землей, находившейся въ надѣлѣ крестьянъ; теперь высокая аренда, даваемая крестьянами за наемъ помѣщичьихъ земель, и низкая заработная плата, получаемая ими, приводятъ къ тому, что и свободный трудъ стоитъ помѣщику столь же мало. Тогда, напримѣръ, крестьянинъ отдавалъ своему владѣльцу половину рабочаго времени, другую же— посвящалъ своему участку; теперь въ Льговскомъ уѣздѣ онъ за 1 наемную десятину обработываетъ владѣльцу двѣ [2]). Въ Фатежскомъ уѣздѣ крѣпостная крестьянская семья за надѣлъ 8 дес. обработывала помѣщику 6; теперь крестьяне, освобожденные съ даровымъ надѣломъ и принужденные, поэтому, арендовать столько же земли, сколько прежде имѣли въ своемъ пользованіи, платить за лугъ, 2 дес. подъ озимь и столько же подъ яровое — 58 руб., что въ переводѣ на трудъ будетъ равно обработкѣ $9^2/_3$ дес. [3]). Нельзя, слѣдовательно, утверждать, что трудъ послѣ освобожденія очень ужъ вздорожалъ; онъ, главнымъ образомъ, перемѣнилъ свою внѣшнюю форму, юридическое, такъ сказать, выраженіе: прежде онъ былъ невольно-крѣпостной, теперь свободно-кабальный. Съ виду какъ будто дѣло совсѣмъ новое, кое-гдѣ и заработная плата достаточно высока; въ дѣйствительности

[1]) Ермоловъ, Id., стр. 15.
[2]) „Русская Правда“, 1879 г., № 139.
[3]) „Недѣля“, 1879, № 24.

же этой номинальной платы крестьянинъ очень часто вовсе не получаетъ, такъ какъ онъ еще задолго до времени найма продалъ, закабалилъ себя. При крѣпостномъ правѣ, крестьянинъ въ трудныхъ случаяхъ получалъ помощь отъ своего помѣщика; послѣднему не было никакого разсчета особенно прижимать при этомъ мужика, такъ какъ половина рабочаго времени крестьянина все равно принадлежитъ владѣльцу, а потребовать отъ него бо́льшаго — значило лишить его возможности поддерживать свое существованіе—взвалить это бремя на свою шею. Теперь иное дѣло: крестьянинъ не обязанъ работать на землевладѣльца, и послѣднему предстоитъ самому обезпечить себя болѣе или менѣе дешевымъ трудомъ; а такъ какъ, къ тому же, онъ не отвѣчаетъ за благосостояніе крестьянина, то можетъ свободнѣе сноситься съ нимъ, не опасаясь излишнею тяжестью, на него наваленной, привести его въ положеніе, близкое къ разоренію. Эта эмансипація хозяина отъ всякихъ предварительныхъ обязательствъ по отношенію къ рабочему и дѣлаетъ кабалу тяжелѣе или, если хотите, жестче крѣпостного права.

Крестьянинъ вынужденъ продавать свой хлѣбъ, когда онъ дешевъ, а покупать за дорогую цѣну; не мудрено, если онъ вѣчно нуждается въ деньгахъ, а единственно, что онъ можетъ продать, это — трудъ, да и то въ будущемъ. Если купецъ торгуетъ предметъ, въ настоящую минуту ему ненужный — торгуетъ потому, что тотъ вынесенъ на рынокъ и ищетъ помѣщенія во что бы то ни стало, то очевидно, что дорого онъ за него не дастъ, постарается обставить аферу по возможности для себя выгоднѣе. Такъ и при покупкѣ зимой лѣтняго труда, помѣщикъ не только получаетъ его за очень дешевую цѣну, но и обезпечиваетъ себя круговой порукой продавцовъ-заемщиковъ и пр. Встрѣчаются даже печатныя условія, въ которыхъ, напримѣръ, значится: «во все время работы состою въ полномъ распоряженіи прикащиковъ и не имѣю права отказываться отъ работъ по ночамъ не только тѣхъ, для которыхъ нанялся, но и всякихъ другихъ, не имѣю права праздновать воскресныхъ и праздничныхъ дней» [1]). Въ Саратовской губерніи, по словамъ г. Трирогова, трудъ, проданный изъ нужды (обыкновенно вдвое дешевле вольнаго), такъ и называется крестьянами кабальнымъ [2]). Въ Усманскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, крестьянинъ, кредитующійся у помѣщика зимой, обязывается въ уплату долга обработать землю лѣтомъ, причемъ теряетъ 5—5½ руб. на десятинѣ

[1]) „Слово“, 1878, 3, ст. Гиляранскаго.

[2]) „Отеч. Записки“, 1879, 5.

или больше 50% [1]). Крестьяне Кирсановскаго уѣзда той же губерніи, нуждаясь въ деньгахъ для уплаты податей, подрядились прошлой зимой на работы къ помѣщикамъ по 2 1/2—3 руб. съ десятины, вмѣсто лѣтней цѣны 5—5 1/2 руб. [2]). Въ Саратовскомъ уѣздѣ при зимнемъ заработкѣ уборка десятины стоитъ 2 1/2—3 1/2 руб., а при своевременной уплатѣ не меньше 5 руб [3]). Въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, обработка десятины при зимнемъ наймѣ стоитъ 5 руб., вмѣсто 7-ми [4]). Въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, крестьяне занимаютъ у владѣльцевъ весною хлѣбъ съ обязательствомъ, въ видѣ процентовъ, сжать за каждую четверть десятину хлѣба, что̀ стоитъ 3 1/2—5 руб. [5]). Богатые землевладѣльцы Екатеринославской губерніи посылаютъ своихъ прикащиковъ въ мѣстности Великороссіи, обремененныя недоимками, и тѣ нанимаютъ недоимщиковъ безъ ихъ согласія, а лишь по уговору съ волостнымъ правленіемъ; можно себѣ представить, насколько выгоденъ такой наемъ для рабочаго [6]). Недавно въ «Отечественныхъ Запискахъ» приведенъ былъ случай закабаленія крестьянъ Псковскаго уѣзда крупнымъ купцомъ-землевладѣльцемъ, который не только обезпечиваетъ себѣ дешевый трудъ (за ссуду) обыкновенными пріемами — круговой порукой и пр.—но еще беретъ съ должниковъ росписки въ томъ, что они, будто бы, продали на сносъ свои жилища. По полученіи ссуды обратно—росписокъ крестьянамъ онъ не возвращаетъ, и этимъ совершенно прибралъ ихъ къ рукамъ, распоряжается ихъ трудомъ, какъ во времена оно̀ помѣщики распоряжались трудомъ своихъ крѣпостныхъ. «Недостатокъ луговъ и пастбищъ вынуждаетъ крестьянъ обращаться къ владѣльцу и предлагать свой трудъ почти за безцѣнокъ. Этотъ способъ въ рукахъ владѣльцевъ составляетъ могучее средство, съ помощью котораго многіе изъ нихъ умѣютъ подчинить себѣ трудъ окрестнаго населенія почти въ такой же степени, въ какой онъ находился до освобожденія». Въ Орловской губерніи это развито въ такой степени, что послужило причиной сокращенія крестьянской запашки въ пользу расширенія работы на владѣльцевъ [7]). Недаромъ, въ литературѣ высказывается мнѣніе, что—не будь положительнаго

---

[1]) „Слово“, 1879, 2. „Письмо изъ Усманскаго уѣзда“.
[2]) „Русскія Вѣдомости“, 127, 1880.
[3]) „Сельск. Хозяйств. и Лѣс.“, 1879, X.
[4]) „Земледѣльческая Газета“, 1879, 34.
[5]) „Тр. В. Э. О.», 1879, X.
[6]) „Новое Время“, 1879 г., № 1115.
[7]) Докладъ Ком. и пр. Прилож. V.

запрещенія закона — въ Россіи явилось бы вновь крѣпостное право.

Этихъ примѣровъ (подобныхъ которымъ читатель можетъ припомнить безчисленное множество) достаточно, чтобы понять, какимъ образомъ владѣльцы находятъ выгоднымъ сбывать за-границу хлѣбъ въ то время, когда цѣна его не окупаетъ расходовъ производства на обыкновенномъ коммерческомъ основаніи. У насъ производство хлѣба построено не на коммерческомъ принципѣ, а на кабалѣ, и безъ такого основанія немыслимо дальнѣйшее распространеніе помѣщичьихъ хозяйствъ (о частныхъ случаяхъ мы, разумѣется, не говоримъ). Не напрасно болѣе чуткіе въ нравственномъ отношеніи землевладѣльцы вовсе отказываются отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ, предпочитая уйти отъ грѣха и соблазна. «Странное, необъяснимое явленіе подмѣтилъ я въ здѣшнихъ землевладѣльцахъ, пишетъ помѣщикъ Симбирскаго уѣзда:—многіе изъ нихъ люди весьма умные, образованные, даже есть ученые, но всѣ они терпѣть не могутъ земледѣлія. Это антипатичное чувство у нихъ нѣчто въ родѣ водобоязни. Имѣя вполнѣ обезпеченное состояніе, они его бросаютъ и не пренебрегаютъ никакими (часто весьма унизительными) средствами, чтобы получить мѣсто на государственной службѣ или втереться въ земство. Странный разсчетъ! — получать отъ казны или земства 2—3 тысячи и въ то же время терять десятки тысячъ рублей, вслѣдствіе неисчислимыхъ и неуловимыхъ упущеній въ имѣніи, упущеній, происходящихъ единственно отъ отсутствія хозяина» [1]). Другой помѣщикъ той же губерніи очень легко объясняетъ это странное явленіе: «при настоящихъ условіяхъ землевладѣнія, нѣтъ разсчета вести земледѣльческое хозяйство даже въ нашей черноземной сторонѣ правильнымъ наемнымъ трудомъ, если не прибѣгать къ безцеремонной эксплуатаціи крестьянъ, пользуясь ихъ нуждой: такъ говорятъ всѣ добросовѣстные хозяева [2]).

И мы видимъ, что причины этого кроются глубже, нежели это можетъ показаться съ перваго взгляда: не бѣдность крестьянъ и безнравственность землевладѣльцевъ вызываютъ такое явленіе, а условія внѣшней торговли, не допускающія на рынокъ нашего хлѣба, полученнаго обыкновеннымъ коммерческимъ путемъ. Однако, бѣдность народа хотя и не единственное, тѣмъ не менѣе необходимое условіе такого положенія дѣлъ: будь крестьянинъ богатъ, онъ бы не позволилъ себя эксплуатировать, и тогда крупныя

[1]) „Тр. В. Э. О.“, 1879, 9.

[2]) Id., 1878, 6.

хозяйства прекратили бы свое существованіе. Слѣдовательно, въ настоящее время они держатся искусственнымъ путемъ. Имѣй хозяева дѣло съ независимымъ рабочимъ, съ такимъ хотя бы, напримѣръ, какъ въ Америкѣ, пусть конкурренція свободно играетъ въ обоихъ лагеряхъ—напимателяхъ и напимающихся—и капиталистическое хозяйство исчезло бы: это не стѣсняясь, предрекаютъ сами владѣльцы, требуя удешевленія и безъ того чрезмѣрно дешеваго труда и пониженія процента.

Спрашивается, будетъ-ли это выгоднѣе для Россіи? Кажется, не стоитъ и отвѣчать на поставленный вопросъ: при существующемъ порядкѣ мы напрягаемъ всѣ свои силы, чтобы отбить у другого народа честь кормить англичанина, готовы для этого отдавать продуктъ ниже его стоимости, т.-е. истощать карманъ производителей, заставляемъ русскаго мужика брать за свой трудъ половинную плату, слѣдовательно, не доѣдать, не допивать, не доплачивать въ казну... и все это для чего? Хотя бы въ результатѣ была грандіозная картина капиталистическаго производства, а то, вѣдь, и этого нѣтъ. Цѣны на хлѣбъ въ Англіи, вслѣдствіе непрерывности возростанія производительности американскаго труда, понижаются; русскимъ его поставщикамъ-помѣщикамъ, чтобы удержаться на рынкѣ, остается прибѣгнуть къ пущему закабаленію населенія, къ бо́льшему пониженію его заработной платы (мы увидимъ, что это дѣйствительно имѣло мѣсто за послѣднее десятилѣтіе). Однако, и это не спасаетъ крупнаго хозяйства: оно все больше падаетъ, но, стараясь удержаться за мужика, валитъ и его съ собою. И чѣмъ позже наступитъ кризисъ, тѣмъ сильнѣе отразится онъ на помѣщикахъ и крестьянахъ; въ выигрышѣ останутся одни кулаки-космополиты по тенденціямъ и положенію: тѣмъ никакой кризисъ не страшенъ, ибо кулачествовать можно на всякомъ мѣстѣ и при всякомъ положеніи. Если же капиталистическое производство обречено на смерть и держится пока лишь цѣною гибели мелкаго хозяйства, то прямой разсчетъ общества положить конецъ этому, для всѣхъ тягостному, неопредѣленному положенію, придти на помощь мелкому производству, тѣмъ болѣе, что существующее положеніе дѣлъ возможно лишь съ безмолвнаго или гласнаго его одобренія: общество употребляетъ всевозможныя усилія для развитія капиталистическаго производства и игнорируетъ въ этихъ видахъ мелкое; но желанное развитіе не только не совершается, а, напротивъ, крупное хозяйство постепенно, но вѣрно идетъ къ окончательной гибели, губя въ то же время и мелкое. Послѣднее, въ концѣ-концовъ, восторжествуетъ; но сколько напрасныхъ стра-

даній вынесъ уже и будетъ еще выносить русскій крестьянинъ, сколько катастрофъ предстоитъ пережить обществу! Для поддержанія призрака крупнаго производства мы уничтожаемъ запасы хлѣба, истощаемъ почву, раззоряемъ населеніе и, такимъ образомъ, не только подготовляемъ промышленный кризисъ, но и принимаемъ мѣры оказаться передъ нимъ совершенно беззащитными. Пусть угрожающее намъ въ настоящемъ году бѣдствіе пройдетъ благополучно, кто поручится, что черезъ немного лѣтъ не посѣтитъ нашу страну новое такое же несчастіе, сопротивляться которому народъ,—еще сильнѣе истощенный продолжающимся жертвоприношеніемъ англійскому режиму и желудку—и все общество, — еще больше ослабленное непосильной борьбой съ временемъ за процвѣтаніе капиталистическаго производства— будутъ еще менѣе въ состояніи, чѣмъ въ настоящее время. Стоитъ только хорошенько это понять, и своевременными мѣрами, основанными на принципѣ покровительства мелкой добывающей и обработывающей промышленности, можно не только поднять и упрочить народное благосостояніе, но и ослабить кризисъ капиталистическаго производства, къ которому оно быстро и вѣрно стремится.

Но нельзя-ли какъ-нибудь поддержать крупное хозяйство, не можетъ-ли капиталистическое земледѣліе сохраниться, напримѣръ, въ формѣ фермерской организаціи?

Вмѣсто отвѣта мы спросимъ:—почему же оно до сихъ поръ не принимаетъ этой формы? Вѣдь не землевладѣльцы тому причиной; они сами жалуются на отсутствіе благонадежныхъ и знающихъ арендаторовъ; почему же таковыхъ не обрѣтается?—Одинъ изъ наиболѣе здравомыслящихъ защитниковъ этой системы, г. Неручевъ, объясняетъ такое явленіе слѣдующимъ образомъ.

Крестьянинъ, сильно стѣсненный малоземельемъ (и не желающій, прибавимъ, превращаться въ батрака), готовъ взять на себя часто непосильную обузу, лишь бы вырвать у помѣщика бразды сельско-хозяйственнаго управленія: онъ отдаетъ землевладѣльцу не только ренту, но и значительную часть предпринимательской прибыли, оставляя себѣ лишь обыкновенное вознагражденіе за трудъ, только бы побудить его бросить хозяйство, которое и захватываетъ въ свои руки. Поэтому, у насъ встрѣчается такое странное на первый взглядъ противорѣчіе, что, при ничтожности зернового дохода отъ земли, ея наемная и продажная цѣна высока: «личное (помѣщичье) веденіе хозяйства прекращается за невыгодностью дѣла, а покупная цѣна на землю, на которой хозяйство останавливается за невыгодностью, все растетъ и ра-

стеть. Имѣнія наши ухудшаются, многія вовсе разорились, все, сопровождающее понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, въ нихъ уничтожено, нѣтъ ни инвентаря, ни скота, а, между тѣмъ, цѣна земли все растетъ. Явленіе это было бы противно простому здравому смыслу, если бы оно не могло быть объяснено одной вынужденной крестьянской наемкой» [1]).

По нашему мнѣнію, оно объясняется не одной нуждой крестьянина: пгслѣднему было бы спокойнѣе наняться къ помѣщику, взять работу на отрядъ за вѣрную плату, чѣмъ получать тоже въ качествѣ арендатора, рискуя проработать даромъ, въ случаѣ неурожая; кромѣ нужды, говоримъ, крестьянами руководитъ стремленіе къ самостоятельности. Но какъ бы то ни было, какими бы душевными движеніями крестьянина ни обусловливалась высокая цѣна, платимая имъ за землю, общественно-экономическое значеніе этого явленія будетъ то же самое: ни одинъ предприниматель не перебьетъ у народа землю, съ цѣлью повести на ней правильное капиталистическое хозяйство, ни одинъ, самый опытный, фермеръ не въ состояніи получать при такихъ условіяхъ достаточную предпринимательную прибыль; послѣдняя, какъ мы видѣли, уже находится въ рукахъ ничего не предпринимающаго землевладѣльца или крупнаго кулака-съемщика.

Г. Неручевъ предполагаетъ, что помочь дѣлу можетъ только организація переселеній, съ цѣлью разрѣдить черезъ-чуръ скученное населеніе: тогда крестьянскія требованія на помѣщичьи земли съузятся, арендная плата понизится, и земля сдѣлается доступной фермерамъ, готовымъ посвятить земледѣлію и свой трудъ, и капиталъ, и свои познанія. Неправда-ли, средство нѣсколько рискованное: водворить наемный трудъ предлагается способомъ, благопріятствующимъ процвѣтанію самостоятельнаго мелкаго хозяйства; если теперь, при малоземеліи, крестьяне умудряются избѣжать потери своей хозяйственной самостоятельности и потому стоятъ на дорогѣ капиталистическаго поѣзда, то почему же они допустятъ въ завоеванную съ такими пожертвованіями сферу капиталиста въ будущемъ, когда имъ станетъ легче дышаться? Вѣдь если разрѣженіе населенія поведетъ къ пониженію арендной платы, то это потому, что ослабѣетъ конкурренція между нанимателями-крестьянами; но лишь только явится арендаторъ капиталистъ, которому сравнительно низкая арендная плата даетъ возможность получать прибавочную стоимость, то что же помѣшаетъ крестьянину прибѣгнуть къ способу, практикуемому имъ съ такимъ успѣхомъ въ настоящее время: возвысить ренту выше ея

[1]) Тр. В. Э. О., 1878 г., № 5.

естественныхъ размѣровъ и прекратить этимъ возможность найма земли на общемъ коммерческомъ основаніи и съ обыкновенными предпринимательскими цѣлями? Безъ сомнѣнія, народъ такъ именно и сдѣлаетъ, и фермеръ-капиталистъ опять останется за штатомъ.

Но у капитализма есть еще одно, и на этотъ разъ, кажется, послѣднее убѣжище. Все вышеизложенное, скажетъ онъ, имѣетъ значеніе при существующихъ системахъ культуры, при господствѣ экстенсивнаго хозяйства, приведшаго уже къ истощенію почвы. При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, производительныя силы земли на столько уже ослаблены продолжительною хищнической культурой, что не окупаютъ затратъ труда и капитала. Но дѣло измѣнится, если владѣльцы направятъ свое вниманіе на возстановленіе плодородія почвы, на замѣну экстенсивныхъ системъ хозяйства интенсивными; тогда каждая единица продукта обойдется хозяину дешевле настоящаго и можетъ, слѣдовательно, выдержать и низкую цѣну. „Когда мы увеличеніемъ интенсивности нашего производства достигнемъ того, что будемъ производить больше и дешевле, тогда продукты нашего производства сдѣлаются доступными бо́льшему числу лицъ, расширится кругъ ихъ сбыта и увеличится спросъ“, убѣждаетъ г. Ермоловъ. Но, спрашивается, что же нужно для такого измѣненія нашего сельско-хозяйственнаго дѣла, какія причины, по мнѣнію защитниковъ этого взгляда, служатъ главнымъ препятствіемъ прогрессу нашего земледѣлія? Для рѣшенія вопроса обратимся къ тому же г. Ермолову.

Господствующая у насъ система сѣвооборота, какъ извѣстно, трехпольная; она повсюду является естественнымъ образомъ на смѣну переложной и, при извѣстной высотѣ экономическаго развитія, столь же естественно переходитъ въ многопольную; поэтому, вопросъ о возвышеніи нашей сельско-хозяйственной культуры сводится на вопросъ о замѣнѣ трехпольной системы болѣе интенсивными. При какихъ же климатическихъ и экономическихъ условіяхъ должна (какъ говорятъ) произойти у насъ эта перемѣна? Климатическія условія наши «позднее поспѣваніе большинства хлѣбовъ, поспѣваніе, наступающее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чуть ли не позже самаго времени производства озимаго посѣва и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ поздно для надлежащей подготовки почвы подъ своевременный озимый посѣвъ въ томъ же году. Производство озимаго посѣва послѣ снятія яри, даже послѣ снятія озими же, представляется у насъ поэтому, въ большинствѣ случаевъ, совершенно невозможнымъ. Такимъ образомъ,

между ярью и озимью долженъ неизбѣжно лечь промежутокъ одного лѣта, въ теченіе котораго почва могла бы быть соотвѣтственнымъ образомъ обработана, удобрена и т. п. Съ другой стороны, опять-таки въ бо́льшей части мѣстностей Россіи, особенно въ средней Россіи, которая и представляетъ собою настоящее царство трехполья, культура озимыхъ хлѣбовъ оказывается обыкновенно гораздо болѣе производительною, нежели культура яровыхъ — озимые даютъ земледѣльцу гораздо бо́льшій доходъ, да и въ крестьянскомъ обиходѣ продукты озимей играютъ болѣе важную роль, нежели продукты яровыхъ. Между тѣмъ, при всякой другой системѣ, кромѣ трехпольной (или двухпольной), площадь озимыхъ посѣвовъ должна подвергнуться сокращенію либо въ пользу яровыхъ, которые оказываются менѣе прибыльными, либо въ пользу пара. Такимъ образомъ, при всемъ ея абсолютномъ несовершенствѣ, трехпольная система, тѣмъ не менѣе, остается и останется господствующей въ Россіи, пока не будетъ введена, на ряду съ воздѣлываніемъ злаковъ или вообще малоцѣнныхъ сѣрыхъ хлѣбовъ, культура болѣе доходныхъ яровыхъ, въ родѣ корнеплодовъ, торговыхъ или кормовыхъ растеній, которыя позволятъ сократить площадь озимыхъ хлѣбовъ безъ ущерба для интересовъ земледѣльца. Изысканіе такихъ высокодоходныхъ яровыхъ растеній и введеніе ихъ въ нашу культуру и должно составлять задачу нашихъ хозяевъ, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ и возможно дѣйствительное улучшеніе нашего земледѣлія съ замѣной несовершеннаго трехполья другими болѣе производительными системами. Спѣшимъ сказать, что на этомъ пути достигнуто уже нашими хозяевами много весьма важныхъ успѣховъ, и что переходъ отъ прежняго первобытнаго трехполья къ другимъ, болѣе совершеннымъ системамъ производства, совершается на нашихъ глазахъ чуть ли не во всѣхъ полосахъ Россіи. Введеніе культуры картофеля, какъ кормоваго и какъ промышленнаго растенія, распространеніе культуры льна на волокно, травосѣяніе, какъ съ цѣлью полученія кормовыхъ средствъ, такъ и съ цѣлью производства дорогихъ, фигурирующихъ въ нашей отпускной торговлѣ, сѣмянъ травъ, развитіе нашего свеклосахарнаго производства, а также, слѣдовательно, и культуры свекловицы и проч.—вотъ наиболѣе характерные и очевидные признаки того улучшенія, которое совершается теперь въ сферѣ русскаго сельско-хозяйственнаго дѣла по отношенію собственно къ вопросу о системахъ полеводства и способахъ культуръ и котораго отрицать невозможно“ [1]).

[1]) Сельск. Хоз. и Лѣс. 1878, 6, „Культурные районы Россіи“.

Несмотря на вполнѣ признаваемый нами авторитетъ г. Ермолова, мы, тѣмъ не менѣе, сомнѣваемся, чтобы «на этомъ пути уже достигнуто нашими хозяевами много весьма важныхъ успѣховъ», сомнѣваемся потому, что врядъ ли указанная цѣль можетъ быть достигнута, оставаясь, исключительно или только главнымъ образомъ, на сельско-хозяйственной почвѣ. Ибо, представьте себѣ, какія условія должны быть соблюдены для того, чтобы сдѣлался возможнымъ переходъ нашего земледѣлія къ болѣе интенсивнымъ системамъ! Прежде всего, нужно сократить производство озимыхъ хлѣбовъ, а такъ какъ хлѣба эти служатъ чуть ли не исключительной пищей народа, то интересно знать, какимъ образомъ можно уменьшить ихъ культуру, даже еслибы и были найдены цѣнныя яровыя растенія? Вѣдь не заставить же крестьянина питаться свеклой или клеверомъ на томъ основаніи, что это продуктъ цѣнный или нужный для осуществленія извѣстнаго сельско-хозяйственнаго плана. Здѣсь возможно одно: чтобы народъ самъ сократилъ потребленіе ржи, и далъ мѣсто въ меню своего обѣда такимъ, напримѣръ, пищевымъ веществамъ, какъ пшеница, мясо и т. п. Тогда бы хлѣбъ онъ могъ получать изъ южныхъ губерній (которыя не нуждались бы въ такомъ случаѣ во внѣшнемъ рынкѣ), а производство озими сократилось бы, напримѣръ, на половину; посѣвомъ ржи занято будетъ уже не треть поля, какъ теперь, а $^1/_6$, остальныя клинья новаго многопольнаго сѣвооборота будутъ заняты, напримѣръ, картофелемъ, свеклой, травами, которыя пойдутъ на откармливаніе скота для удовлетворенія развившейся въ народѣ потребности въ мясѣ. Затѣмъ, еслибы параллельно расширялись и другія потребности народа, еслибы, напримѣръ, значительно возвысился его спросъ на вино, сахаръ, молочные продукты—это избавило бы нашихъ хозяевъ отъ необходимости ломать голову надъ «изысканіемъ выгодныхъ яровыхъ растеній», на которыхъ можно бы построить новыя системы полеводства. Растенія эти уже опредѣлились бы народными потребностями, они были бы: свекла, картофель и пр. Словомъ, для соблюденія тѣхъ условій, которыя нашими авторитетами по сельско-хозяйственной теоріи и практикѣ считаются необходимыми для процвѣтанія капиталистическаго хозяйства, нужны предварительныя радикальныя измѣненія всего питанія народа; это можетъ быть достигнуто вовсе не изысканіями и погоней сельскихъ хозяевъ за цѣнными яровыми растеніями, а единственно возвышеніемъ народнаго благосостоянія, каковое, во всякомъ случаѣ, будетъ достигнуто не на капиталистической почвѣ.

Г. Ермолова ввело въ заблужденіе, повидимому, то обстоятельство, что теперь появляется не мало (сравнительно, разумѣется) случаевъ введенія интенсивныхъ системъ, причемъ, наблюдателю кажется, какъ будто бы этимъ пролагаются новые пути, по которымъ только и остается шествовать русскому земледѣлію. Новые пути дѣйствительно открыты, но только каждымъ хозяиномъ для самого себя и немногихъ подражателей: дѣло возможное, что нѣсколько десятковъ или сотенъ русскихъ хозяйствъ сократятъ производство ржи или введутъ въ свой сѣвооборотъ свеклу и т. п.; но немыслимо сдѣлать это для всѣхъ помѣщиковъ, даже для значительной ихъ части. Если отдѣльныя фермы могутъ, благодаря выгодной комбинаціи обстоятельствъ, отступить отъ общаго типа хозяйствъ, вызываемаго всей совокупностью климатическихъ, историческихъ и общественно-экономическихъ условій, то такія фермы, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ быть признаны за примѣръ, достойный подражанія для остальныхъ хозяйствъ, онѣ есть ни что иное, какъ частный случай, а не возможная общая формула. Если, напримѣръ, основалось много хозяйствъ, построенныхъ на добываніи свеклы, ради переработки ея въ сахаръ, то, вѣдь, это случилось не вслѣдствіе появленія въ Россіи новаго сельско-хозяйственнаго Колумба, а просто потому, что среди населенія возросло потребленіе сахара; пока это послѣднее будетъ сохранять разъ принятые размѣры, до тѣхъ поръ и производство свеклы останется ограниченнымъ. Хотя, поэтому, отыскано и примѣнено многими хозяевами дорогостоющее яровое растеніе, давшее имъ возможность ввести болѣе интенсивную культуру, но другимъ владѣльцамъ отъ этого не легче: они не въ силахъ воспользоваться примѣромъ піоперовъ, ибо не знаютъ, куда нужно будетъ сбывать разводимую, но не потребляемую населеніемъ, въ видѣ сахара, свеклу. Съ развитіемъ же народнаго потребленія этого продукта явится возможность и для нѣкоторой части остальныхъ землевладѣльцевъ ввести плодосмѣнъ въ своихъ имѣніяхъ.

Еслибы другой историческій моментъ, болѣе благопріятный капитализму, мы могли бы разсчитывать на внѣшній сбытъ, могли льстить себя надеждой превратиться въ близкомъ будущемъ въ то, что, увы! нѣкогда улыбалось Россіи—въ житницу или, вѣрнѣе, кормилицу Европы. Тогда нашимъ хозяевамъ не зачѣмъ было бы ждать измѣненія въ способахъ питанія и образѣ жизни народа; это послѣднее явилось бы, можетъ быть, потомъ само собой, какъ естественное послѣдствіе измѣненій въ производительности труда. Но въ настоящее время путь этотъ для

Россіи закрытъ, можетъ быть, навсегда, теперь мудрено основать національное богатство на эксплуатаціи народа и на игнорированіи его экономическаго положенія.

Намъ остается сдѣлать шагъ, чтобы отъ капиталистическаго земледѣлія перейти къ состоянію русскаго сельскаго хозяйства вообще. Послѣ всего вышеизложеннаго кажется ясно, какъ мало основательны надежды лицъ, предполагающихъ достигнуть чего-либо существеннаго по части возвышенія земледѣльческой культуры дѣятельностью исключительно на сельско-хозяйственной почвѣ: проповѣдью интенсивныхъ системъ полеводства, выставками, съѣздами «альгаузскими или какими бы то ни было иными бычками» и т. д. Насъ не убѣдятъ и примѣры, на которые ссылается г. Ермоловъ, какъ на „очевидные признаки улучшенія, совершающагося теперь въ сферѣ русскаго сельскохозяйственнаго дѣла“, не убѣдятъ потому, что вѣдь самъ же онъ прекрасно разъяснилъ, на чемъ должны основываться ожидаемыя улучшенія, какія громадныя расчистки почвы должны быть произведены, прежде чѣмъ будетъ приступлено къ постройкѣ самаго зданія. Конкретные примѣры указываютъ лишь на существованіе въ Россіи лицъ, стремящихся къ прогрессу въ земледѣліи и не упускающихъ случая воспользоваться для этого всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, готовыхъ даже приносить, для осуществленія своей мысли, финансовыя жертвы или, по крайней мѣрѣ, удовлетворяющихся вознагражденіемъ, не могущимъ привлечь къ дѣлу обыкновеннаго предпринимателя. Вспомните, что многія, прекрасно организованныя имѣнія даютъ всего 6 — 7% дохода; на такихъ условіяхъ дѣло не можетъ вестись обыкновеннымъ коммерческимъ способомъ, ибо получаемаго дохода не всегда достаточно для уплаты однихъ лишь процентовъ на затраченный капиталъ, не говоря уже о его погашеніи, страховой преміи и пр.

Чтобы по поводу нѣкоторыхъ частныхъ свѣтлыхъ явленій сдѣлать заключеніе о близости всеобщаго улучшенія нашего сельско-хозяйственнаго дѣла, нужно прежде всего разрѣшить вопросъ: какъ быстро и въ какомъ направленіи измѣняется благосостояніе народа вообще и его питаніе въ частности? Какія новыя потребности развились въ немъ и какія небывалыя прежде требованія предъявляетъ онъ земледѣльческому рынку? Поставивъ вопросъ на такую почву, мы ясно увидимъ, какъ тщетны наши надежды и ожиданія чего-нибудь новаго въ близкомъ будущемъ отъ нашего сельскаго хозяйства. Если возможно указать на какое-либо измѣненіе къ лучшему въ потребленіи массы народа

за послѣднее десятилѣтіе, такъ это именно на увеличеніе расхода сахара; да и то въ какихъ размѣрахъ произошло это увеличеніе! какое мизерное вліяніе оно оказало на положеніе сельскаго хозяйства! Въ 1860—61 гг. на свеклосахарныхъ заводахъ было переработано слишкомъ $5^1/_2$ милл. берковцевъ свекловицы, а въ 1871—72 гг. съ небольшимъ $7^1/_2$ милл. [1]); въ 1871 г. было 233 сахарныхъ завода, а въ 1878—245 [2]).

И такъ, вопросъ объ улучшеніи русскаго сельскаго хозяйства есть вопросъ второстепенный, подчиненный другому, болѣе важному—о возвышеніи народнаго благосостоянія. Такъ какъ послѣднее можетъ быть основано только на упроченіи крестьянскаго самостоятельнаго хозяйства, и такъ какъ, кромѣ того, принципъ капитализма отживаетъ свой вѣкъ, а у насъ капиталистическое производство все больше теряетъ подъ собой почву и рано или поздно зачахнетъ, не давши полнаго цвѣта, то вопросъ о русскомъ земледѣліи составляетъ частный случай вопроса о крестьянскомъ хозяйствѣ вообще. Заботы о возвышеніи сельско-хозяйственной культуры, иначе говоря, объ увеличеніи производительности народнаго земледѣльческаго труда, должны быть согласованы съ мѣрами, направленными вообще къ поднятію народнаго производства.

Съ этой точки зрѣнія можетъ оказаться, что, какъ эти вопросы поставлены русской оффиціальной интеллигенціею—между ними не сохранено должной пропорціональности, не выяснена ихъ взаимная зависимость, и потому они дальше словопреній и словописаній не подвигаются. Мы не имѣемъ намѣренія обсуждать здѣсь нужды русскаго народа, насколько онѣ могутъ быть объектомъ общественныхъ мѣропріятій, но ужь, если подошли къ этому вопросу, не можемъ не замѣтить, что центръ его тяжести въ настоящій моментъ лежитъ вовсе не во всеобщемъ измѣненіи интенсивности системъ земледѣлія. Это, во-первыхъ, потому, что даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ агрикультурная реформа не можетъ быть произведена правительственнымъ вмѣшательствомъ, а во-вторыхъ, есть отрасли народнаго труда, не менѣе земледѣлія, нуждающіяся въ поддержкѣ. Въ нашихъ, даже наименѣе плодородныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ доходы отъ сельскаго хозяйства, несмотря на то, что крестьянинъ принужденъ продавать продукты далеко ниже ихъ стоимости, удовлетворяютъ около половины всѣхъ потребностей народа, между тѣмъ, какъ тратитъ онъ на него здѣсь менѣе половины своего

---

[1]) Докл. выс. ком. прил. IV, с. 13.
[2]) Сел. Хоз. и Лѣс. 1879, 4—5.

рабочаго времени [1]). Это значитъ, что какъ бы малопроизводителенъ ни былъ земледѣльческій трудъ крестьянина, но онъ все-таки даетъ ему больше, чѣмъ его неземледѣльческое занятіе; а потому, коль скоро зашелъ вопросъ о поднятіи успѣшности народнаго труда, то главное вниманіе должно быть направлено не на ломку земледѣльческаго производства, а на устраненіе общихъ препятствій, стѣсняющихъ народную дѣятельность.

Мы этимъ не хотимъ сказать, что наше земледѣліе находится въ удовлетворительномъ положеніи, а желаемъ строго раздѣлить двѣ стороны производительности народнаго труда: техническія условія, измѣненіе которыхъ не находится во власти правительства, и общественно-экономическія, регулированіе которыхъ и составляетъ прямую обязанность власти. Техническіе успѣхи достигаются общимъ культурнымъ развитіемъ страны, которое совершается крайне медленно и на которое правительство можетъ оказывать лишь косвенное вліяніе. Но въ какомъ бы положеніи ни находилась техника народнаго производства, это не должно вліять на соціально-экономическую его обстановку; пусть нашъ народъ стоитъ на низкой ступени промышленнаго развитія— какое же здѣсь можетъ быть основаніе для того, напримѣръ, чтобы оставлять его подъ бременемъ непосильныхъ платежей, прикрѣплять насильно къ одному мѣсту, закрывать доступъ на свободныя земли, отдавать на расхищеніе кулакамъ и аферистамъ его богатство! Не очевидно ли, что техническая сторона производства сама по себѣ, а общественно-экономическая его обстановка представляетъ самостоятельный факторъ, что народъ можетъ лишиться большей части продуктовъ своего труда въ пользу непроизводительныхъ классовъ при высокомъ развитіи промышленности и сохранить ихъ въ своихъ рукахъ—при низкомъ. Не очевидно ли также, что прямую задачу правительства составляетъ регулированіе отношеній труда къ землѣ, капиталу, распредѣленіе финансовой тягости между классами общества, организація кредита, если это недоступно частнымъ лицамъ и т. д., а не заботы о системахъ полеводства, замѣнѣ ручного труда машиннымъ и т. д. Пока соціально-экономическая обстановка народнаго труда не организована должнымъ образомъ—излишне было бы побуждать правительство принимать мѣры къ возвышенію технической части, которая будетъ развиваться, главнымъ образомъ, путемъ самодѣятельности частныхъ лицъ и мелкихъ обществен-

[1]) Хотя земледѣльческія работы продолжаются не менѣе полугода, но принимаетъ въ нихъ участіе не вся крестьянская семья: нѣкоторые ея члены занимаются дома или на сторонѣ подсобнымъ промысломъ.

ныхъ единицъ. Такой способъ дѣйствія, не давая ощутительныхъ результатовъ, отвлекаетъ, однако, вниманіе правительства отъ болѣе важныхъ задачъ къ мелкимъ дѣйствіямъ, вполнѣ доступнымъ для мѣропріятій другихъ общественныхъ учрежденій. Литература, въ свою очередь, должна постоянно останавливать вниманіе правительства на необходимости организаціи общественно-экономическихъ условій народнаго производства и настаивать на второстепенности технологической его части. Къ послѣдней можно безопасно возвратиться лишь въ томъ случаѣ, если устраненіемъ главнѣйшихъ препятствій перваго рода, стѣсняющихъ народный трудъ, правительство смѣло выступило на дорогу, идти по которой его прямое назначеніе. Какова же задача настоящаго момента?

Мы видѣли, что неустройства русскаго экономическаго быта главнымъ образомъ обусловливаются именно противорѣчіемъ экономической политики правящаго класса и общимъ теченіемъ жизни. Послѣдняя требуетъ уничтоженія капиталистическаго производства и выдвигаетъ на первый планъ народное. Одновременное процвѣтаніе обоихъ немыслимо, и помощь, оказываемая одному изъ нихъ, воздвигаетъ препятствія развитію другого. Устраняясь отъ оцѣнки достоинствъ той и другой системы производства, слѣдовательно, отъ субъективнаго къ нимъ отношенія, всякій согласится, что чѣмъ легче и скорѣе произойдетъ неизбѣжная перемѣна, тѣмъ лучше для общества и, наоборотъ, затормаживаніе естественнаго хода вещей, не приводя къ желанной цѣли, способствуетъ лишь болѣзненному развитію новаго организма. Поэтому и покровительство отживающему капиталистическому производству не дѣлаетъ его замѣтно прочнѣе и устойчивѣе, но тѣмъ не менѣе, служитъ причиною чахлаго развитія народнаго промысла, который не уничтожается, продолжаетъ даже распространяться дальше, но принимаетъ уродливыя формы. Всѣ мѣры, имѣвшія своей задачей обезпечить крупныхъ землевладѣльцевъ дешевымъ трудомъ и капиталомъ, не послужили къ процвѣтанію капиталистическаго хозяйства, не прервали естественнаго, вызываемаго общимъ направленіемъ жизни, распространенія мелкой сельско-хозяйственной культуры, но понизили уровень и изуродовали форму этой послѣдней. Отрѣзки, напримѣръ, крестьянской земли, стѣсненіе ихъ переселенія на свободныя казенныя угодья и проч. не создали высокой помѣщичьей культуры, даже не обезпечили ей достаточнаго числа рабочихъ рукъ, хотя и заставили крестьянъ продавать свой трудъ вдвое дешевле, лишиться необходимаго скота, закабалиться кулаку. Процессъ капитализаціи произ-

водства остановился у насъ на одной ступени и не идетъ дальше: мелкая промышленность работаетъ у насъ не на трудящагося, а на кулака, т. е. появился элементъ, имѣющій экономическую возможность организовать мелкихъ ремесленниковъ въ крупныя промышленныя единицы; но онъ въ большинствѣ случаевъ и не думаетъ приступить къ выполненію миссіи третьяго сословія, не думаетъ потому, что это противорѣчитъ общему направленію жизни, потому что уже пропущенъ благопріятный для этого историческій моментъ. Слѣдовательно, и закабаленіе народа кулакамъ, имѣвшее когда-то (на западѣ) свое историческое значеніе и оправданіе, какъ первый шагъ къ развитію высшей формы труда, въ наше время и въ нашей странѣ служитъ препятствіемъ промышленному прогрессу.

Будемъ же хоть разъ искренно прогрессивными, взглянемъ истинѣ прямо въ глаза, вмѣсто того, чтобы украдкой заглядывать съ той и другой стороны. Тамъ мы узнаемъ, что капиталистическое хозяйство гибнетъ естественной смертью, а долженствующее занять его мѣсто народное искусство держится въ черномъ тѣлѣ. Этимъ опредѣляется и наше отношеніе къ тому и другому; оставимъ мертвымъ хоронить мертвецовъ и позаботимся о возможномъ развитіи живого. Что дѣлать, если крупныя хозяйства обречены на погибель! Постараемся, чтобы мелкое не пошатнулось въ этомъ крахѣ. Опасность, ему угрожающая, состоитъ въ томъ, что аферисты всякаго рода, пользуясь привилегіями, связанными съ крупнымъ владѣніемъ, искусственно-поддерживаемымъ ради его исторической миссіи, но избавленные текущимъ моментомъ отъ выполненія присущей капиталу задачи (организація общественной формы труда), имѣютъ полную возможность заставить мелкаго производителя платить себѣ дань. Такъ какъ это порабощеніе массы мелкихъ производителей одному капиталисту не имѣетъ у насъ никакого смысла, не поведетъ къ созданію высшей формы труда, а служитъ лишь способомъ набиванія кармана нѣкоторыхъ, всего менѣе достойныхъ общественной поддержки, личностей, то процессъ этотъ не находитъ себѣ оправданія ни съ какой точки зрѣнія, исключая развѣ кулацкой, не можетъ быть поддерживаемъ ни одной партіей — будь она либеральная, консервативная или ретроградная. Поэтому, врядъ ли можно искренно возражать противъ дополненія программы экономическихъ реформъ, принимаемой почти всей литературой (увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, уменьшеніе податей, организація переселеній и проч.) слѣдующимъ пунктомъ: оставить попеченія и заботы о поддержаніи крупныхъ хозяйствъ;

принять мѣры, чтобы земля, уходящая изъ уставшихъ держать ее рукъ прежнихъ владѣльцевъ, миновавъ объятія кулаковъ, непремѣнно попала къ жаждущему ея мужику. Прибавимъ, что, по нашему мнѣнію, послѣднее не можетъ быть достигнуто въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ организаціей мелкаго долгосрочнаго кредита; задача эта подъ силу только правительству, и всего лучше, еслибы земля пріобрѣталась казною и передавалась лишь въ постоянное пользованіе, но не въ полную собственность земледѣльца.

ГЛАВА VI.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ УПАДОКЪ.

Въ этой главѣ мы будемъ имѣть дѣло съ нѣкоторыми явленіями, находящимися въ тѣсной связи, если не съ самимъ капиталистическимъ производствомъ, то во всякомъ случаѣ съ мѣрами, принимаемыми для его водворенія въ Россіи. Явленія эти — «упадокъ» кустарнаго промысла и движеніе заработной платы въ послѣднее дѣсятилѣтіе.

Что касается кустарной промышленности, то несмотря на очень еще недостаточное изслѣдованіе ея настоящаго положенія, а тѣмъ болѣе ея исторіи, точныя наблюденія, однако, вовсе не говорятъ въ пользу того, чтобы она безсильно склонялась передъ всепобѣждающимъ капитализмомъ; они не свидѣтельствуютъ о томъ, что съ теченіемъ времени, благодаря соперничеству крупной промышленности, кустарная на Руси быстро съуживаетъ сферу своего вліянія. Капиталистическое производство всего больше развито, между прочимъ, въ Московской губерніи; здѣсь же изстари раскинулись широкой сѣтью и разнообразные кустарные промыслы; если крупная промышленность неизбѣжно побиваетъ мелкую, то въ упомянутой мѣстности народное производство должно бы представлять изъ себя весьма жалкіе остатки когда-то бывшаго величія. Не будь у насъ точныхъ, на этотъ счетъ, данныхъ, мы бы именно такъ и предположили, ибо обѣднѣніе народа повсюду на Руси даетъ поводъ московскимъ корреспондентамъ высказывать безспорно-справедливыя жалобы на упадокъ благосостоянія кустарей, на стремленіе массы крестьянъ-москвичей вонъ съ мѣста своего жительства и пр. Эти факты, говоримъ, совершенно справедливы, но ими не рѣшается вопросъ о

борьбѣ крупнаго производства съ мелкимъ. Точныя же данныя, собранныя благодаря московскому земству, подтверждая фактъ обѣднѣнія населенія, доказываютъ въ то же время, что кустарный промыселъ продолжаетъ, въ большинствѣ случаевъ, процвѣтать и развиваться, и если самостоятельности кустарей угрожаетъ серьезная опасность, то она является не со стороны техническихъ преимуществъ крупнаго производства (главное оружіе, которымъ послѣднее побиваетъ ремесло) и часто даже развивается вовсе не на экономической почвѣ, а на юридическихъ отношеніяхъ, финансовой тягости и пр.

Дѣло въ томъ, что наиболѣе слабою стороной современнаго кустарнаго промысла является превышеніе предложенія его продуктовъ надъ спросомъ; вслѣдствіе этого, даже развивающаяся отрасль промышленности со стороны можетъ показаться клонящеюся къ упадку. Именно, если спросъ на продукты ростетъ, даже довольно быстро, слѣдовательно, даетъ возможность широко развиться соотвѣствующей формѣ промышленности, но число лицъ, желающихъ воспользоваться выгодами промысла, увеличивается быстрѣе потребности въ трудѣ, созданной расширившимся спросомъ на его продукты, то въ результатѣ окажется избытокъ произведенныхъ товаровъ, уменьшеніе заработка кустарей, необходимость отдаться въ руки кулаковъ—всѣ признаки, по которымъ наблюдатель можетъ заключить объ упадкѣ промысла. А, между тѣмъ, явленіи эти указываютъ скорѣе на упадокъ въ той отрасли промышленности, которая прежде служила обезпеченіемъ благосостоянія лицъ, нынѣ съ такой жадностью набросившихся на вновь открытый источникъ заработка. Такая несомнѣнно-падающая область народнаго труда есть, именно, земледѣліе. Въ литературѣ столько было говорено о забрасываніи крестьянами своихъ надѣловъ, что мы можемъ лишь напомнить читателю объ этомъ явленіи и перейти къ разсмотрѣнію современнаго положенія нашей кустарной промышленности.

О мебельномъ промыслѣ, которымъ въ подмосковныхъ волостяхъ занято около 2,000 человѣкъ, населяющихъ 87 деревень и производящихъ въ годъ почти на 460 тысячъ рублей, изслѣдовавшій его г. Исаевъ говоритъ: «онъ за послѣднія десятилѣтія представляетъ намъ картину такого быстраго роста, такого широкаго захвата въ свои объятія разнообразнѣйшихъ товаровъ, отъ самыхъ грубыхъ до наиболѣе утонченныхъ, что имѣетъ полное право на существованіе и подаетъ надежды на дальнѣйшее еще болѣе широкое развитіе» [1]). Отзывъ безусловно категоричный;

[1]) Промыслы Московской губерніи, т. I, стр. 81.

но вы жестоко ошибетесь, если выведете отсюда заключеніе о благоденствіи кустаря-производителя. Промыселъ можетъ развиваться, а его творецъ падать: какъ бы ни увеличивался сбытъ извѣстнаго товара и какъ бы поэтому ни расширялось его производство, но если приливъ къ промыслу рабочихъ ростетъ еще быстрѣе—вмѣстѣ съ возвышеніемъ промысла будетъ идти пониженіе благосостоянія промышленника. Къ такому моменту развитія приближается московское мебельное производство. Обезземелсніе парода въ этой губерніи идетъ впередъ большими шагами (смотри статьи о Московской губерніи въ «Отеч. Зап.» и «Словѣ»), столь же быстро переполняются различныя отрасли народнаго труда, въ томъ числѣ мебельный промыселъ, и потому, рядомъ съ развитіемъ послѣдняго, положеніе кустаря становится все менѣе и менѣе обезпеченнымъ. Бѣлодеревецъ (производящій простые стулья), напримѣръ, при хорошей цѣнѣ дюжины стульевъ въ 6 р., имѣетъ ещъ извѣстный доходъ; но приливъ товара на рынокъ бываетъ такъ силенъ (особепно въ такое горячее для промышленника время, какъ Пасха, Рождество, когда каждый старается выработать лишній рубль къ празднику), что цѣна ихъ падаетъ до 5, 4 рублей и ниже. Тогда весь барышъ кустаря основанъ на такихъ своеобразныхъ разсчетахъ, при которыхъ, напримѣръ, матеріалъ, какъ украденный или вырубленный на своемъ надѣлѣ, въ счетъ издержекъ не ставится, поѣздка въ городъ для продажи товара, совершенная на своей лошади, тоже считается ни во что, время, потраченное въ Москвѣ ради попытки (кончающейся, впрочемъ, обыкновенно неудачно) выторговать лишній гривенникъ, и подавно въ соображеніе не берется. А посчитайте какъ слѣдуетъ, отнеситесь къ предпріятію съ комерческой точки зрѣнія—и вы, пожалуй, придете къ заключенію, что промыселъ находится въ крайнемъ упадкѣ.

Отзывы г. Исаева о двухъ другихъ изслѣдованныхъ имъ промыслахъ — металлическомъ и гончарномъ—не столь категоричны, но достаточно ознакомиться съ исторіей этихъ промысловъ, чтобы убѣдиться, какъ далеки они отъ паденія. «По мѣстнымъ показаніямъ, особенно сильное развитіе металлическаго промысла относится ко времени освобожденія крестьянъ». «На нашихъ глазахъ происходитъ процессъ обращенія къ неземледѣльческимъ занятіямъ большаго числа рукъ. Крестьяне, бывшіе прежде исключительно земледѣльцами, становятся теперь кузнецами, мѣдниками; тѣ же, которые были ими еще раньше, расширяютъ свои заведенія и, благопріятствуемые разными обстоятельствами, дѣлаются изъ мелкихъ хозяевъ болѣе крупными, соединяютъ во-

кругъ себя, вмѣсто двухъ-трехъ, 10—12 рабочихъ» [1]). Гончарнымъ производствомъ занято въ губерніи около 2,600 человѣкъ.

Это далеко не все населеніе гончарнаго округа (Гжели), да и, вообще, никогда вся мѣстность поголовно не занималась одновременно гончарствомъ; такое значеніе промыселъ имѣетъ лишь для нѣкоторой части гжельцевъ; но за то остальные, ища счастья на разнообразнѣйшихъ поприщахъ (служа прикащиками въ мануфактурныхъ магазинахъ, барочниками, извозчиками и пр.), въ случаѣ испытанной здѣсь неудачи или очень оживившагося спроса на гончарныя издѣлія, обращаются къ близко-знакомому занятію. Они знаютъ, что сколько бы ни было изготовлено горшковъ, всѣ они найдутъ какой-нибудь сбытъ, и трудъ получитъ хоть небольшое вознагражденіе» [2]). А при такихъ условіяхъ, хотя нельзя сказать, что промыселъ находится въ упадкѣ, что онъ уступаетъ мѣсто крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ, но несомнѣнно, что черезчуръ большой наплывъ производителей понижаетъ доходы кустарей, что и побуждаетъ гжельцовъ искать другихъ заработковъ.

Такова именно главная причина всѣхъ жалобъ на упадокъ кустарныхъ промысловъ; суть дѣла кроется не столько въ конкурренціи крупнаго производства, сколько въ соперничествѣ среди крестьянъ-производителей, набрасывающихся на всякій заработокъ, не справляясь съ запросомъ рынка. Несмотря, такимъ образомъ, на полное отсутствіе крупныхъ конкуррентовъ, столяры не менѣе другихъ какихъ-либо промышленниковъ, жалуются на упадокъ доходовъ, вынуждающій многихъ изъ нихъ вовсе бросать производство. «Вопросъ о чистомъ доходѣ слишкомъ щекотливъ, чтобы затрогивать его, говоритъ г. Исаевъ.—Если сдѣлать строгій разсчетъ всѣхъ издержекъ, включая въ нихъ и расходы по доставкѣ товара на рынокъ, то окажется, что промышленникъ работаетъ въ убытокъ. Небольшіе остатки отъ веденія промысла обязаны своимъ происхожденіемъ первобытнымъ вычисленіямъ промышленниковъ, непоставленіемъ ими въ число издержекъ и расходовъ при провозѣ на собственной лошади, а также при изготовленіи товара изъ лѣса, ростущаго на земляхъ надѣла» [3]).

Цифровыя указанія, какія мы находимъ въ изданіяхъ московскаго земства, о времени основанія кустарныхъ мастерскихъ, тоже говорятъ въ пользу абсолютнаго расширенія ремесла въ послѣднее десятилѣтіе. Такъ, изъ числа 150 щеточныхъ мастер-

[1]) Id. т. II, стр. 74.
[2]) Id. т. II, стр. 163.
[3]) Id., т. I, вып. 2, стр. 8.

скихъ Подольскаго и Звенигородскаго уѣздовъ, въ которыхъ работаетъ отъ 700 до 1,000 человѣкъ, 31 основана до шестидесятыхъ годовъ, 21—въ продолженіе шестидесятыхъ и 90—въ послѣднее десятилѣтіе [1]). Шляпный промыселъ, распространенный, главнымъ образомъ, въ Кленовской волости, Подольскаго уѣзда, находится въ настоящее время на полномъ ходу». По подворнымъ спискамъ подольской уѣздной земской управы, составленнымъ въ 1869 году, всѣхъ мастеровъ-шляпниковъ въ Кленовской волости считалось 173 и въ другихъ волостяхъ—26 человѣкъ, а всего—199; по подворнымъ же спискамъ, составленнымъ статистическимъ отдѣленіемъ московской губернской земской управы въ 1877 году, въ Кленовской волости насчитывается уже 323 шляпника и въ другихъ волостяхъ—30, а всего—353, слѣдовательно, число мастеровъ-шляпниковъ возросло въ теченіе восьми лѣтъ на 77%; въ 1879 году число мастеровъ-шляпниковъ доходитъ уже до 400 человѣкъ. Число учениковъ, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, возростаетъ еще въ бо́льшей степени» [2]).

Въ крючечномъ промыслѣ изъ 45 мастерскихъ 20 основалось за послѣднее десятилѣтіе.

Рядомъ съ такими сравнительно процвѣтающими промыслами, въ «Сборникѣ» московскаго земства описаны и два-три падающіе (булавочный, раскрашиваніе картинъ) подъ вліяніемъ соперничества фабричной и, главнымъ образомъ, заграничной промышленности. Но эти отрасли народнаго труда всегда играли здѣсь менѣе, чѣмъ второстепенную роль, а булавочная—никогда собственно не принадлежала къ ремесленному кустарному производству.

Пока еще описаны далеко не всѣ промыслы Московской губерніи, но это не можетъ подорвать значенія того, что намъ уже извѣстно, а это послѣднее говоритъ въ пользу устойчивости кустарнаго производства, несмотря на капиталистическій періодъ развитія, переживаемый будто бы Россіей. Обратимся къ другому источнику: «Трудамъ коммиссіи для изслѣдованія кустарныхъ промысловъ въ Россіи».

Мебельный промыселъ въ Нижегородской губерніи находится на низкой ступени развитія, главнымъ образомъ, по причинѣ эксплуатаціи производителей кулаками; но и при этихъ условіяхъ онъ съ теченіемъ времени не падаетъ, а развивается: такъ, съ 1868—78 гг. число мастерскихъ въ Семеновскомъ уѣздѣ поднялось съ 14 до 37, т.-е. увеличилось въ $2^1/_2$ раза. Если возро-

[1]) Сборникъ статистич. свѣд. по Московс. губ. Т. VI, вып. 1, стр. 60—70.
[2]) Id., стр. 177.

станіе столяровъ остановилось пока на этой цифрѣ, такъ это потому, что и теперь они чуть ли не переполняютъ своими издѣліями рынокъ, такъ что начинается уже и обратный процессъ отлива населенія отъ описываемаго промысла. Но что потребность заработка въ мѣстномъ населеніи существуетъ — доказывается заявленіями столяровъ, что «еслибы они имѣли возможность сами непосредственно сбывать свои издѣлія или имѣли складъ для ихъ помѣщенія до продажи, то гораздо бо́льшее число лицъ взялось бы за это дѣло“ [1]). Выѣздная слобода Арзамасскаго уѣзда той-же губерніи почти поголовно занимается сапожничествомъ, число работающихъ тамъ доходитъ до 1,200 человѣкъ, и вотъ что говоритъ объ этомъ промыслѣ г. Карповъ: „Въ настоящее время этотъ промыселъ находится въ цвѣтущемъ состояніи, вслѣдствіе новооткрытыхъ путей, способа сбыта и большаго спроса на сапожный товаръ. Заработная плата увеличилась почти вдвое сравнительно съ платой, бывшей 10—8 лѣтъ назадъ. Сапожники живутъ богаче и исправнѣе, чѣмъ другіе пригородные крестьяне Арзамаса. Многіе мальчики, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается — изъ окрестныхъ пригородныхъ селеній отдаются родителями въ Выѣздное для обученія сапожному ремеслу“ [2]). Въ Россіи теперь идетъ процессъ замѣны лаптя сапогомъ, и потому описываемый промыселъ можетъ пока, не стѣсняясь, принимать въ свои объятія всѣхъ, выкидываемыхъ изъ другихъ областей народнаго труда, а трудность искусства препятствуетъ слишкомъ быстрому наполненію промысла работающими. Но рано или поздно наступитъ моментъ, когда и арзамасскіе сапожники испытаютъ на себѣ немилосердую руку времени.

Зависимость такого или иного состоянія кустарей-производителей не отъ конкурренціи крупнаго производства, а отъ положенія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, съ очевидностью проявляется на ложкаряхъ Семеновскаго уѣзда. Рынкомъ для ихъ издѣлій служитъ вся Россія, и такъ какъ число потребителей постоянно возростаетъ, а къ производству еще вовсе не прикасался капиталъ съ цѣлью организаціи мелкихъ единицъ въ крупныя, то понятно, что эта отрасль народнаго труда не можетъ находиться въ упадкѣ; и дѣйствительно, число ложкарей ростетъ съ каждымъ годомъ. Но поверхностный наблюдатель — поживи онъ нѣсколько времени среди ложкарей, познакомься съ ихъ каторжнымъ трудомъ и нищенскимъ за него вознагражде-

[1]) Труды комиссіи и проч. вып. IV, стр. 139.

[2]) Id., вып. III, стр. 35.

ніемъ—могъ бы съ чистой совѣстью оповѣстить общество о несчастномъ, безвыходномъ положеніи, въ какомъ находятся промышленники. Что вы, напримѣръ, скажете на такія, совершенно справедливыя замѣчанія о. Боршовскаго. «Сбывая, пополамъ съ горемъ, ложку и не получая за свой тяжелый трудъ вознагражденія, ложкарь подъ конецъ не выдерживаетъ этой каторги и и идетъ по міру. Кто, напримѣръ, изъ жителей нагорныхъ не видѣлъ, какъ вереницами на 3-хъ рублевыхъ лошадяхъ тянутся изъ Семеновскаго уѣзда нищіе, отправляясь для сбора подаяній въ уѣзды: Лукояновскій, Ардатовскій, Сергачскій и Арзамасскій? Это все ложкари, отправившіеся «во сборъ» вмѣстѣ съ закрытіемъ Волги впредь до ея вскрытія. Они оставили даже домы и цѣлыми семействами пустились въ міръ кормиться Христовымъ именемъ» [1]). Очень вѣроятно, что это дастъ вамъ поводъ заключить о паденіи промысла и приписать его развитію капиталистическаго производства. Но вы ошибетесь. Дѣло не въ промыслѣ, не въ его технической элементарности и неспособности выдержать конкурренцію крупнаго производства, а въ положеніи народа, упадкѣ земледѣльческаго хозяйства, заставляющемъ большую массу крестьянъ бросаться въ описываемую отрасль труда, что ведетъ къ переполненію рынка продуктомъ и подчиненію населенія кулакамъ. «Ложкарямъ угрожаетъ не гибель (соперниковъ у нихъ нѣтъ), а другая бѣда — нищенство». Послѣднее исполняетъ даже извѣстную экономическую роль: уменьшая число рабочихъ рукъ на мѣстѣ, оно придаетъ ложкарству больше значенія и силы. Ложкарство, само по себѣ, по сути своей, есть явленіе *неизбѣжное. Бросивъ сельское хозяйство, какъ занятіе не обезпечивающее самаго первобытнаго состоянія*, ложкарь, дѣйствительно, прожилъ уже весь пріобрѣтенный стариками скотъ и продалъ весь ихъ земледѣльческій приборъ» [2]).

Въ аналогичномъ положеніи находится рогожный промыселъ. Онъ, какъ и ложкарный, стоитъ внѣ сферы вліянія фабричнаго режима и потому могъ бы преспокойно существовать тамъ, гдѣ утвердился съ незапамятныхъ временъ. Къ числу такихъ мѣстностей относится, между прочимъ, Макарьевскій уѣздъ, Нижегородской губерніи, гдѣ въ 65 деревняхъ на Ветлугѣ выдѣлкою рогожъ занято 3,400 человѣкъ. Судя по тому, что потребность въ этомъ предметѣ должна бы постоянно возростать при развивающейся торговлѣ и промышленности—можно бы ожидать цвѣтущаго положенія ветлужскихъ рогожниковъ. Но на дѣлѣ выходитъ

[1]) Труды id., вып. II, Нижегородск. губернія, стр. 26.
[2]) Id., стр. 26—27.

иное. Ближайшія причины этого кроются, между прочимъ, въ истощеніи лѣсного матеріала на мѣстѣ производства и въ усиленіи этого рода промышленности въ центрѣ сбыта рогожъ — Нижнемъ Новгородѣ. Но не въ этомъ суть дѣла: мы видимъ, что зажиточные ветлужскіе крестьяне (зажиточнымъ здѣсь считается имѣющій 25 — 50 р. денегъ), не обязанные продавать рогожу кулаку, отъ котораго находятся въ зависимости остальные, и имѣющіе возможность закупать матеріалъ по выгоднымъ цѣнамъ, не смущаются конкурренціей нижегородскихъ производителей и ведутъ свои дѣла не безъ успѣха; можно даже сказать, что „этими немногими состоятельными рогожниками отчасти, до сего времени, поддерживается здѣсь рогожный промыселъ“ [1]). Отчего же падаетъ производство въ рукахъ остальной массы? Отвѣтомъ служитъ исторія сельскаго хозяйства Ветлужскаго населенія. Во времена крѣпостного права, при существовавшемъ небольшомъ оброкѣ, здѣшніе крестьяне жили гораздо богаче, чѣмъ теперь. Тогда самымъ плохимъ считался тотъ домохозяинъ, у котораго была одна лошадь, одна корова и пять овецъ, а теперь обладатель этихъ животныхъ считается лучшимъ домохозяиномъ. Тогда ни одного клочка не оставалось въ полѣ незасѣяннымъ, а теперь до половины полей обращено въ пустыри. Вотъ, по отзыву самихъ крестьянъ, каково настоящее положеніе ихъ: «Положеніе наше стало не въ примѣръ хуже прежняго; прежде, при помѣщикахъ, мы смѣло и за всѣмъ ѣздили въ лѣсъ; кому нужно избу срубить—избу рубилъ; кому дровъ нужно — дровъ везетъ, и никто ему не запрещалъ; а теперь за всякій самовольно-срубленный прутъ приходится платить штрафъ; прежде и скотина наша гуляла на всемъ привольи, а теперь чуть запала за городьбу, на господскіе обрѣзки—смотришь, и къ мировому тянутъ. Вслѣдствіе всего этого, крестьяне оставляютъ земледѣліе» [2]). Положеніе крестьянъ ухудшилось, платежи же увеличились. «Въ первые два года послѣ освобожденія крестьянъ съ нихъ почти вовсе не требовали оброка; вслѣдствіе чего, у крестьянъ явилась мысль, что платить оброкъ не слѣдуетъ и, дѣйствительно, перестали платить его. Много было потомъ продано у крестьянъ скотины. Лошади и коровы продавались отъ 4 до 6 р. за штуку. Результатомъ этой продажи было то, что числившаяся за какимъ-либо сельскимъ обществомъ недоимка въ 1,000 р. была уплачена въ недѣлю, но за то крестьяне остались безъ лошадей и коровъ. И вотъ, желая поправить свое трудное поло-

[1]) Тр. id., в. III, стр. 69.
[2]) Тр. id., стр. 63—64.

женіе, они цѣлыми обществами, за круговою порукою, стали обращаться къ разнымъ зажиточнымъ лицамъ за ссудою. Тѣ ссудили ихъ деньгами или мочаломъ и др. товаромъ и взяли за ссуду по 5% въ мѣсяцъ. Крестьяне стали работать исключительно на этихъ ростовщиковъ и на уплату податей. А на покупку скота и вообще на улучщеніе своего быта у нихъ не доставало средствъ. Земля требовала удобренія, а удобрять стало нечѣмъ. Явились неурожаи. Къ неурожаямъ присоединился застой рогожнаго промысла и лѣсныхъ заработковъ. Тогда стало не до уплаты разныхъ податей и частныхъ долговъ, а лишь бы прокормиться. Черезъ нѣсколько времени опять были приняты энергическія мѣры по взысканію недоимокъ. Скотина, какою крестьяне успѣли обзавестись послѣ первой распродажи, опять была сведена на базарную площадь. Недоимка пополнилась, но крестьяне еще болѣе обѣднѣли» [1]). Теперь на 2,430 семей тѣхъ деревень, въ которыхъ жители занимаются рогожнымъ промысломъ, имѣется 1,255 лошадей и 1,475 коровъ, т.-е. почти половина семей не имѣютъ вовсе скота — что же удивительнаго, если 1/3 озимыхъ полей и половина яровыхъ остаются незасѣянными! А если населеніе вынуждено, обстоятельствами, на половину забросить земледѣліе, ему естественно было накинуться, прежде всего, на тотъ заработокъ, который существовалъ подъ бокомъ, т.-е. на выдѣлку рогожъ. Чтобы начать производство, нуженъ капиталъ, а у разореннаго крестьянина нѣтъ ни копѣйки. «Кабы у меня было *рубликовъ 15*, тогда бы я безъ нужды прожилъ зиму, мечтаетъ такой искателя счастья въ рогожномъ промыслѣ. — И на мочало, и на хлѣбъ хватило бы ихъ, а къ веснѣ, быть можетъ, скопилъ бы деньжонокъ и на лошадку. Но гдѣ найдешь такого благодѣтеля?» Разумѣется, мужикъ зафантазировался: 15 рублей его не спасутъ; но приведенная тирада интересна въ томъ отношеніи, что можетъ служить наглядным указаніемъ степени отощанія ветлужскаго промышленника: 15 рублей составляютъ для него такую pia desidetia, достичь которой онъ можетъ лишь путемъ чьего-либо благодѣянія! И такіе благодѣтели для лицъ, не потерявшихъ еще совершенно кредитной способности, разумѣется, найдутся: если бѣдному рогожнику нужны деньги, онъ можетъ у своего богатаго сосѣда занять, напримѣръ, куль соли съ обязательствомъ уплатить за него во время нови 11 р., этотъ куль онъ продастъ на базарѣ за 7 р.; и, такимъ образомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ уплатитъ больше 50 процентовъ. Или онъ можетъ получать у другого благодѣ-

[1]) Тр. id., стр. 66.

теля въ долгъ мочалу съ приплатой 10 коп. на пудъ и обязательствомъ продавать кредитору и выдѣланную рогожу, что ведетъ, въ свою очередь, къ потерѣ 50 к. на сотнѣ; а за тридцатинедѣльный годовой рабочій сезонъ это составитъ недочетъ въ 45 р.—процентъ за заемъ 300 пудовъ мочалы, стоющей 25 руб. Около половины своего заработка рогожникъ, какъ видите, отдаетъ, въ видѣ процента, кулаку-благодѣтелю. Нечего удивляться, если при такихъ обстоятельствахъ ветлужскій крестьянинъ готовъ бросить свое ремесло ради всякаго другого заработка, стремится въ города и на пристани. Основная причина этого — не соперничество крупнаго производства, а обнищаніе народа, между причинами котораго одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ земельное устройство крестьянъ послѣ реформы и лежащая на нихъ податная тягость.

Валяльный промыселъ Арзамасскаго уѣзда по степени мануфактурнаго развитія можно раздѣлить на 2 отдѣла: приготовленіе кошемъ, которымъ занимается одна группа деревень, и валяніе мелкихъ предметовъ (шляпъ, сапогъ, стелекъ и проч.), распространенное въ 2-хъ большихъ селахъ. Перваго рода промыселъ (производство кошемъ), занимающій на мѣстѣ всего около 150 человѣкъ, находится въ упадкѣ вслѣдствіе конкурренціи большихъ фабрикъ и отвлеченія кошемниковъ на сторону значительнымъ зеработкомъ, получаемымъ ими въ отходѣ. Второй отдѣлъ производства (занято до 700 человѣкъ) имѣетъ будущность, хотя ему и приходится постоянно приноравливаться къ измѣненію запроса рынка на тотъ или другой товаръ; такъ, прежде валяльщики очень много дѣлали шляпъ, теперь производство этого товара падаетъ съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе того, что крестьяне стали носить картузы; но за то увеличилось производство сапогъ и, главнымъ образомъ, стелекъ. Въ общемъ, въ 1868 году производилось здѣсь около 150 тысячъ штукъ валяныхъ издѣлій, а въ 1878 г.—306 тысячъ на сумму 70 т. р.

Скорняжный промыселъ, занимающій въ томъ же уѣздѣ около 1,200 человѣкъ, клонится къ упадку; послѣдній начался въ текущемъ десятилѣтіи и особенно чувствительнымъ для кустарей сдѣлался въ послѣдніе годы. Но причины паденія промысла заключаются не въ соперничествѣ крупнаго производства, оно зависитъ не оттого, что будто бы эта отрасль народнаго труда подпала подъ организующее вліяніе капитала, а обусловливается уменьшеніемъ сбыта скорняжнаго товара. Сами промышленники объясняютъ это послѣднее обстоятельство потерей помѣщиками крѣпостныхъ, которыхъ (дворню) они одѣвали мѣхами, выдѣлы-

ваемыми скорняками, и уничтоженіемъ лѣсовъ, поведшимъ къ уменьшенію зайца, бѣлки и другихъ животныхъ, доставляющихъ своими шкурами матеріалъ разсматриваемому производству. Нужно согласиться, что объясненіе кустарей, въ сущности, совершенно справедливо: о вліяніи, какое должно было оказать на промыселъ уничтоженіе лѣсовъ, къ ихъ объясненію прибавлять болѣе нечего; что же касается первой причины, то отвлекши заключающуюся въ ней мысль отъ конкретной формы, въ какую она облечена скорняками, мы будемъ имѣть положеніе, что населеніе послѣ крестьянской реформы обѣднѣло и не предъявляетъ уже тѣхъ требованій на мѣха, какія оно заявляло прежде (черезъ посредство своихъ помѣщиковъ). Мы знаемъ, что за это же время произошелъ и упадокъ въ Россіи скотоводства, той отрасли промышленности, которая доставляла матеріалъ разсматриваемому производству. Обѣ эти причины сводятся къ одной — обѣдпѣнію русскаго крестьянства за послѣднее десятилѣтіе, которое и отразилось на его поставщикахъ-скорнякахъ, помимо какихъ-либо преобразованій въ технической части разсматриваемаго промысла, способныхъ заставить мелкое производство уступить свое мѣсто крупному. Вслѣдствіе сокращенія своего исконнаго занятія, скорняки всячески стараются пріютиться къ какому-либо другому, болѣе выгодному; тотъ, кто могъ, поналегъ на земледѣліе, другіе отправляются на работы при постройкѣ пермской и оренбургской желѣзныхъ дорогъ, третьи на земледѣльческія работы въ Самарскую губернію и т. д. Но такова сила обстоятельствъ, гнетущихъ наше земледѣльческое населеніе: несмотря на сокращеніе заработковъ скорняковъ, несмотря на то, что исконные производители бѣгутъ отъ своего промысла, къ нему постоянно приливаютъ новыя силы, вѣрнѣе, новая нужда, выросшая на почвѣ послѣ-реформеннаго земледѣльческаго труда. Такъ за 5—10 лѣтъ до начала упадка промысла, онъ былъ перекинутъ въ дер. Морозовку, до тѣхъ поръ не занимавшуюся скорняжничествомъ. Съ теченіемъ времени, несмотря на то, что значительная часть скорняковъ должна была перемѣнить занятіе, морозовцы продолжали прилипаться къ нему: теперь тамъ около трети домохозяевъ (изъ сотни) пытаютъ счастье на этомъ поприщѣ, и «нужно ожидать, что со временемъ и это село, какъ и другія, все будетъ заниматься скорняжничествомъ» [1]). Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является взаимное соперничество производителей и пониженіе заработка скорняковъ: «когда купцы, дающіе скорнякамъ работу, увидѣли, что число скорня-

[1]) Тр. id., в. III, стр. 85.

ковъ увеличилось и что они бѣдствуютъ, то стали постепенно сбавлять заработную плату. Такъ, прежде зайчина работалась 30—35 р. за тысячу, затѣмъ, эта цѣна была сбавлена на 25 р., потомъ на 20 р., и, наконецъ, теперь дошла до 16 р. за тысячу» [1]).

Выводы, какіе мы сдѣлали изъ данныхъ, касающихся арзамасскаго скорняжнаго промысла, подтверждаются фактами изъ жизни овчиннаго и суконнаго промысловъ Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. Оба эти производства находятся тамъ въ тѣсной взаимной зависимости: до 5,000 мужчинъ уходятъ въ южныя губерніи выдѣлывать овчины, при этой работѣ въ ихъ пользу остается начесываемая шерсть, изъ которой женская часть семей въ количествѣ 3,700 душъ ткутъ сукна. Оба промысла должны бы, повидимому, находиться въ цвѣтущемъ состояніи: работаютъ кустари безъ посредства кулаковъ, прямо на потребителей, сукно выдѣлывается очень грубое (25—30 коп. аршинъ), ткать которое машиной невыгодно, и потому производство его находится всецѣло въ рукахъ ремесленниковъ. И, однако, какъ овчинный промыселъ, такъ и суконный клонятся къ упадку: число овчинниковъ повсюду быстро ростетъ, вслѣдствіе чего «плата вездѣ очень понизилась», въ то же время на югѣ сократилось овцеводство, а шерсть стали усиленно отправлять заграницу. И здѣсь, основаніемъ упадка промысловъ служитъ обѣднѣніе народа; если шерсть, переработываемую прежде въ сукно низкаго достоинства, стали теперь вывозить за-границу, значитъ число потребителей этого сукна уменьшилось, а что это уменьшеніе произошло не путемъ замѣны потребленія худшихъ сортовъ сукна лучшими, выдѣлываемыми фабричнымъ способомъ, доказательствомъ служитъ движеніе крупнаго суконнаго производства въ 70 годахъ. По даннымъ ежегодника министерства финансовъ, производительность суконныхъ фабрикъ выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Число рабочихъ.	Сумма производства.
1874 годъ	52,587	33.384,000 р.
1875 „	56,175	35 618,000 „
1876 „	54,707	36 608,000 „
1877 „	54,583	38.527,000 „

По цифрамъ оборотовъ, производство какъ будто бы съ каждымъ годомъ расширяется; но принявъ во вниманіе, что съ 1876 г. начался сильный упадокъ курса, вслѣдствіе чего преж-

[1]) Id., стр. 82.

нее количество товара получаетъ высшее денежное выраженіе, мы должны признать, что расширеніе производства (на 7%) имѣло мѣсто только въ 1875 году, въ послѣдующіе же оно, можетъ быть, даже сократилось; подтвержденіемъ такому заключенію служитъ и явившееся съ 1876 года уменьшеніе числа рабочихъ, занятыхъ производствомъ сукна. Припомнивъ же, что въ 1877 году, по причинѣ военнаго времени, привозъ къ намъ иностранныхъ шерстяныхъ тканей уменьшился почти на 8 милл. рублей, а это заставило, разумѣется, часть потребителей заграничнаго сукна обратиться къ продукту внутренняго производства, мы согласимся, что въ разсматриваемый періодъ врядъ-ли имѣло мѣсто обращеніе части народа, прежде обходившейся дешевымъ ручнымъ сукномъ, къ потребленію болѣе дорогого— фабричнаго, и потому уменьшеніе сбыта перваго указываетъ на сокращеніе народнаго потребленія, т.-е. на обѣднѣніе населенія.

Ограниченіе народнаго потребленія замѣтно вліяетъ даже на такой промыселъ, какъ бумаго-ткацкій, больше всего у насъ капитализировавшійся и потому находящійся въ наибольшей зависимости отъ колебанія фабричнаго производства. Послѣднее стало у насъ прочно на ноги, и, говорятъ, не боится иностранной конкурренціи; это, однако, не мѣшаетъ существовать рядомъ и ручному тканью, которое составляетъ даже одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ Россіи промысловъ. Почему фабричное производство не погубило окончательно ручнаго — разсуждать здѣсь не мѣсто, достаточно сказать, что вытѣсненіе послѣдняго первымъ понемногу подвигается впередъ. Но и при существованіи такого грознаго соперника, который долженъ бы затмить вліяніе другихъ факторовъ, значеніе перемѣнъ, совершающихся въ земледѣльческой области, проявляется здѣсь совершенно ясно. Такъ, въ Медынскомъ уѣздѣ, гдѣ этимъ промысломъ занята женская половина почти 3,100 семей, производство постоянно падаетъ не только вслѣдствіе конкурренціи фабрикъ, но и отъ непомѣрнаго размноженія ткачей. «*При громадномъ числѣ жаждущихъ этой работы,* цѣна на нее сбита до-нельзя, такъ что многіе бросили эту работу, кто, принявшись за что-нибудь другое, а кто и ничего не имѣя въ виду, а просто не находя разсчета ею заниматься». «Число станковъ, работавшихъ даже въ прошломъ (вѣроятно, въ 1877) году, было на $^1/_3$ больше настоящаго» [1]). Сравнивая такое быстрое паденіе ручного тканья въ текущемъ десятилѣтіи съ развитіемъ машиннаго производства

[1]) Труды id., в. II, с. 18.

ситца, мы не найдемъ соотвѣтствія, способнаго объяснить это явленіе настолько, чтобы оно не нуждалось въ отысканіи другихъ причинъ: правда, въ 1875 г. произошло возростаніе бумаготкацкаго производства на 7% (съ 56 310,000 до 59.970,000 р.), но въ слѣдующіе два года оборотъ фабрикъ былъ даже нѣсколько меньше этой послѣдней цифры; а принимая во вниманіе упадокъ стоимости денегъ, а также сокращеніе въ 1877 г. привоза заграничныхъ бумажныхъ тканей на сумму около 3,7 милл. руб. и увеличеніе вывоза ихъ по азіатской границѣ на 0,5 милл., въ совокупности превышающіе возростаніе производства, мы вовсе не найдемъ, чтобы расширеніе этой отрасли крупнаго внутренняго производства было чрезмѣрно и чтобы его одного было достаточно для объясненія упадка ручного тканья. Приходится допустить и здѣсь вліяніе той же причины, съ которой мы имѣли дѣло при описаніи другихъ промысловъ, т.-е. признать сокращеніе потребленія бумажныхъ тканей народомъ и наплывъ въ разсматриваемую отрасль ремесленнаго труда жаждущихъ заработка.

Большую важность въ экономической жизни русскаго народа играетъ кузнечный и въ частности гвоздарный промыселъ. Въ вышедшихъ пяти выпускахъ трудовъ комиссіи находится описаніе этого производства въ Тверскомъ уѣздѣ и въ Нижегородской губерніи. Весьма интересно было бы сравнить состояніе промысла въ обѣихъ мѣстностяхъ, различающихся, между прочимъ, и по состоянію крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, которое въ Нижегородской губерніи идетъ гораздо лучше, нежели въ Тверской. Мы бы тогда увидѣли, что первая мѣстность характеризуется, какъ бо́льшей самостоятельностью кустарей и развитіемъ среди нихъ артельнаго духа (типическая форма кузнечной мастерской здѣсь—артельная, въ которой работаютъ 16—18 человѣкъ, покупающихъ, впрочемъ, желѣзо и сбывающихъ гвоздь каждый отдѣльно отъ другихъ), такъ и высшимъ заработкомъ отъ промысла. Но наша задача теперь не такова: мы должны разсмотрѣть степень устойчивости промысла. Объ этомъ то и другое изслѣдованія говорятъ, что въ послѣднее время промыслу приходится все больше стѣсняться вслѣдствіе конкурренціи машиннаго (главнымъ образомъ, заграничнаго) гвоздя. Но и здѣсь нижегородскій кузнецъ оказался гораздо болѣе стойкимъ соперникомъ машиннаго производства, нежели тверской: тогда какъ послѣдній вынужденъ уже бросать ремесло и искать заработка на сторонѣ, нижегородскій гвоздарь развѣ только теряетъ часть своихъ доходовъ; по крайней мѣрѣ, промыселъ этотъ захваты-

ваетъ здѣсь новыя деревни даже въ текущемъ десятилѣтіи. Точно также и въ Уломѣ (Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи) кузнечный промыселъ, съ теченіемъ времени, распространяется на бо́льшее число лицъ, несмотря на прогрессивно-растущее затрудненіе сбыта выдѣлываемаго гвоздя: въ 60-хъ годахъ промыселъ занималъ 6,824 человѣка [1]), а въ 70-хъ—ему посвящаютъ свои силы около 8 1/2 тысячъ душъ мужского пола [2]).

Въ исторіи начавшейся борьбы кустарнаго промысла съ крупнымъ производствомъ интересно то, что первыми (въ Нижегородской губ.) пасуютъ мелкія капиталистическія предпріятія, артельныя же кузницы тѣхъ же размѣровъ лучше противостоятъ ударамъ рока. Изъ фактовъ, приводимыхъ въ статьѣ о нижегородскомъ кузнечествѣ, можно съ большой вѣроятностью заключить, что нашему кустарю не очень трудно было бы совсѣмъ побороть машинное производство гвоздя, будь въ его интересахъ организованы сбытъ продукта и закупка матеріала, еслибы, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратился процессъ обѣдненія народа, процессъ вынуждающій земледѣльцевъ бросать массами сельское хозяйство и пристраиваться во что бы то ни стало къ какому-нибудь производству, что, въ свою очередь, влечетъ переполненіе рынка продуктами разнообразнѣйшихъ кустарныхъ промысловъ.

Машинный гвоздь, гроза кузнецовъ, стоитъ на рынкѣ рублемъ (на пудъ) дешевле ручного [3]). Имѣй кустари возможность спустить 1—1 1/2 руб. съ пуда, и они владѣли бы рынкомъ до того, по крайней мѣрѣ, времени, пока новыя техническія улучшенія въ машинномъ производствѣ не привели бы къ дальнѣйшему пониженію цѣны гвоздя. Теперь артельщику-гвоздарю сдѣлать эту уступку невозможно: это значило бы лишиться почти всего своего заработка; но г. Карповъ думаетъ, что «если бы кузнецы соединились въ артель не только для пользованія помѣщеніемъ, мѣхомъ и углемъ, но также и для покупки желѣза и продажи издѣлій, тогда кузнечный промыселъ давалъ бы имъ, можетъ быть, въ пять разъ больше того, что даетъ теперь» [4]). Тогда спустить рубль, полтора для устраненія машиннаго гвоздя ничего бы кустарю не стоило. Но предполагая даже, что разсчетъ г. Карпова преувеличенъ, мы все-таки не отказываемся отъ высказанной мысли: достаточно сказать, что денежному кузнецу-

---

[1]) Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности, с. 494.

[2]) П. Грязновъ. Опытъ сравнительнаго изученія гигіеническихъ условій крестьянскаго быта и медико-топографія Череповецкаго уѣзда, с. 116.

[3]) Труды коммисіи Id., вып. IV., с. 173.

[4]) Труды, вып. IV, с. 199.

хозяину, закупающему желѣзо на нижегородской ярмаркѣ и сбывающему гвоздь туда же, матеріалъ обходится по 2 р. пудъ, а артельщику 3 р. 70 к. Устраненіе одной этой потери при закупкѣ сырья даетъ уже кустарю возможность не только продавать гвоздь дешевле фабриканта, но и имѣть еще 50—60 к. съ пуда выгоды. Присчитайте сюда тотъ выигрышъ, какой останется въ его пользу при продажѣ гвоздя въ первыя руки (теперь кузнецъ вынужденъ сбывать продуктъ своего труда на 30—40% дешевле его рыночной цѣны), и вы согласитесь, что нашъ гвоздарный промыселъ въ состояніи не только вытѣснить фигурирующій теперь на рынкѣ гвоздь иностранный, но и предупредить появленіе еще болѣе дешеваго новой сбавкой въ случаѣ надобности съ цѣны выдѣлываемаго продукта. Можно надѣяться, что этихъ пріемовъ кустаря будетъ достаточно и для того, чтобы заставить замолчать внутреннее машинное приготовленіе гвоздя. Мы дѣлаемъ это предположеніе, основываясь на томъ обстоятельствѣ, что нашему гвоздарному промыслу угрожаетъ не столько русскій машинный гвоздь, сколько иностранный. Такъ, хотя фабричная выдѣлка гвоздей началась въ Россіи уже два-три десятка лѣтъ тому назадъ, но это, однако, не помѣшало кузнечному промыслу все это время процвѣтать и развиваться; это значитъ, что машинное производство распространялось у насъ крайне медленно, да и теперь еще нельзя сказать, что оно прочно стало на ноги: по крайней мѣрѣ, на ряду съ открытіемъ немногихъ новыхъ заводовъ идетъ и прекращеніе дѣятельности старыхъ; недавно, напримѣръ, въ Твери замолкъ механическій гвоздильный заводъ, работавшій съ 50-хъ годовъ. Затѣмъ, какъ г. Покровскій, изслѣдовавшій тверской промыселъ, такъ и г. Карповъ, изучавшій его въ Нижегородской губерніи, утверждаютъ, что описываемое производство ожило во время послѣдней русско-турецкой войны, когда ввозъ заграничнаго гвоздя къ намъ былъ затрудненъ. Слѣдовательно, иностранное, а не туземное крупное производство болѣе всего грозитъ нашему кустарному промыслу; механическіе гвоздарные заводы, повидимому, не встрѣтили въ Россіи особенно благопріятной почвы для своего развитія, и потому бороться съ ними кустарямъ будетъ, вѣроятно, не труднѣе, чѣмъ конкуррировать съ заграничнымъ производствомъ. Значитъ, тѣ мѣры, которыми они устранятъ съ рынка продуктъ послѣдняго, будутъ совершенно достаточны и для стѣсненія нашего капиталистическаго гвоздарнаго производства: ему невозможно будетъ тогда конкуррировать съ кустарнымъ.

Дабы произошли такіе благіе для мелкой промышленности

результаты, нужно, говоримъ, организовать сбытъ ея продуктовъ и закупку матеріала изъ первыхъ рукъ. Это можетъ быть сдѣлано, между прочимъ, при помощи правительственныхъ или общественныхъ учрежденій, и въ такомъ случаѣ это будетъ, если желаете, покровительствомъ мелкой промышленности. Читатель видитъ, какая разница для потребителей будетъ оттого, принята ли политика поддержки крупнаго или мелкаго производства. Первая система ведетъ къ установленію охранительныхъ или запретительныхъ пошлинъ на привозимые товары, вслѣдствіе чего развитіе внутренняго производства (если оно имѣетъ мѣсто) совершается при посредствѣ искусственно поднятыхъ цѣнъ на продукты, т.-е. помощью налога, несомаго всѣмъ обществомъ въ пользу кучки фабрикантовъ. Покровительство же мелкому производству будетъ имѣть послѣдствіемъ удешевленіе продукта, т.-е. облегченіе потребителей, и отрицательную потерю понесутъ лишь кулаки, изъ рукъ которыхъ будетъ вырванъ промышленникъ. Выгода очевидная, какъ для всего общества и государства, такъ и для производителей.

Но такіе благотворные результаты уничтоженія кулаковъ, посредниковъ между производителями и потребителями, послѣдуютъ лишь въ томъ случаѣ, если вся экономическая политика государства радикально измѣнитъ свое направленіе, если цѣлью всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій сдѣсдѣлается покровительство не безличному *производству*, а облеченному плотью и кровью *производителю*, если мы перестанемъ стремиться подражать западному *индустріализму*, а постараемся упрочить благосостояніе своего *народа*. При существующемъ же порядкѣ вещей, при продолжающемся обѣднѣніи массы населенія, при искусственномъ разрушеніи общиннаго и земледѣльческаго быта народа, такая частная мѣра, какъ устраненіе кулака гдѣ-нибудь въ одной мѣстности или въ сферѣ одного промысла, не подыметъ благосостоянія даже и той группы, ради которой она непосредственно предпринимается.

Г. Исаевъ, толкуя съ московскими кустарями объ устройствѣ склада для продажи ихъ продуктовъ и закупки сырья, получалъ отъ нихъ въ отвѣтъ опасенія, что «складъ, поднявъ цѣны на товары, дастъ такой толчокъ производству, что предложеніе вскорѣ превзойдетъ спросъ» [1]). Сходный съ этимъ отзывъ мы слышали выше и изъ устъ нижегородскихъ столяровъ. Замѣчанія эти совершенно справедливы, и лежащая въ основѣ ихъ печальная дѣйствительность будетъ стоять на пути всякаго мѣропрія-

[1]) Промыслы Моск. губ, т. II, стр. 92.

тія, направленнаго къ устраненію тѣхъ или другихъ частныхъ вліяній, угнетающихъ русскій народъ, или къ поднятію благосостоянія одной какой-нибудь группы населенія. Всѣ сферы труда въ настоящее время переполнены или близки къ переполненію: крестьянинъ, выталкиваемый съ насиженнаго мѣста на землѣ своихъ предковъ, рыскаетъ всюду за работой, пристроивается къ первому попавшемуся занятію, сбиваетъ здѣсь заработки прежнихъ производителей до уровня, при которомъ они теряютъ всякую привлекательность, бросается отсюда къ новому промыслу, гдѣ орудуетъ съ тѣмъ же успѣхомъ, и такъ дѣло идетъ сегодня и завтра, съ теченіемъ времени разростаясь, какъ снѣжная лавина, пущенная съ горы. Мы, видѣли, напримѣръ, какъ арзамасскіе скорняки, побуждаемые наплывомъ рабочихъ, развивающимся параллельно съ сокращеніемъ запроса на продукты ихъ труда, бросаются и на желѣзныя дороги, и на земледѣльческія работы въ самарской губерніи, и на сапожное мастерство. «Вообще замѣтно, что каждый предпріимчивый скорнякъ старается уйти куда-нибудь изъ своей мѣстности — попробовать счастья на чужой сторонѣ. Свои мѣста всѣмъ какъ будто надоѣли»; не даромъ и любимая ими пѣсня поетъ о томъ, что «здѣсь несчастная сторонка, распроклятое житье». Но немного нашелъ онъ счастья и на чужой сторонѣ: въ 1873 году скорняки отправились пилить дрова въ Ардатовскій уѣздъ, но добились только, что «за ними ѣздили родные и привезли ихъ домой больныхъ и истомленныхъ». Въ 1875 г. двинулись они на оренбургскую и пермскую желѣзныя дороги, съ первой вернулись благополучно, со второй — «безъ паспортовъ и многіе больные». Нечего говорить, много ли заработаютъ въ послѣдніе годы въ самарскихъ степяхъ. Скоро, вѣроятно, они совсѣмъ оголятъ и выѣзднослободскихъ сапожниковъ, которые, какъ мы видѣли, имѣли до сихъ поръ очень хорошіе заработки, соблазнившіе и скорняковъ отдавать имъ на выучку своихъ дѣтей [1]). А мѣсто убѣгающихъ, такимъ образомъ исконныхъ скорняковъ занимается новичками, думающими здѣсь найти ту счастливую долю, какую они до того тщетно искали въ области земледѣлія. Ветлужскіе рогожники, какъ мы видѣли, тоже бѣгутъ съ родины или отъ промысловъ на пристани и въ города; тверскіе гвоздари отправляются въ Москву, Петербургъ и другія мѣстности: «почти всѣ взрослые изъ работающихъ въ Петербургѣ и Твери изъ Васильевской волости на фабрикахъ — бывшіе кузнецы» [2]). Изъ Гжели, гончарнаго округа въ Москов-

[1]) Труды ком. Id. вып. III, стр. 122—3.

[2]) Труды Id, вып. V, стр. 397.

ской губерніи, съ каждымъ годомъ увеличивается число лицъ, уходящихъ на дальніе фарфоровые заводы [1]). Нижегородскіе ложкари, которымъ бѣжать некуда, прямо, какъ мы видѣли, превращаются въ нищихъ, и т. д.

Одна и таже причина—бѣдность, раззореніе земледѣльца—ведетъ, съ одной стороны, къ переполненію всѣхъ промысловъ ищущими занятія, съ другой — къ сокращенію запроса на продукты различныхъ родовъ труда. Такимъ образомъ, неизбѣжно развивается раззореніе кустарей, порабощеніе ихъ кулаками. Если вы, устраненіемъ послѣднихъ, сдѣлаете какую-нибудь отрасль кустарнаго промысла особенно доходной, туда нахлынутъ всѣ алчущіе и жаждущіе, скоро запрудятъ товаромъ рынки и низведутъ заработокъ до прежняго minimum'а.

Описываемое состояніе кустарныхъ промысловъ относится къ такимъ разнообразнымъ родамъ производства и мѣстностямъ страны, что выводы, полученные при изученіи изданныхъ матерьяловъ, могутъ быть съ полной основательностью распространены и на неизслѣдованныя еще мѣстности и производства. Разница можетъ быть количественная, но общій тонъ промышленной жизни будетъ таковъ, какимъ мы его описали выше. И въ неизвѣстныхъ намъ теперь отрасляхъ народнаго производства главнымъ дѣятелемъ, разстраивающимъ хозяйство крестьянъ, будетъ вовсе не развитіе капиталистическаго производства на Руси. Это сдѣлается совершенно яснымъ, если мы обратимся къ приведеннымъ въ главѣ I даннымъ, касающимся развитія крупной промышленности за послѣдніе годы. Точно также и въ земледѣльческой области мы не замѣчаемъ побѣды крупной культуры надъ мелкой, но за-то встрѣтимся съ другимъ явленіемъ, достаточно освѣщающимъ факты, приведенные въ этой главѣ.

По разсчету г. Янсона, на прокормленіе русскаго человѣка нужно ежегодно 3 гектометра хлѣба (въ пшеницѣ); въ 70 годахъ чистаго остатка (вычитая вывозъ и расходы на винокуреніе) не хватило до этой цифры, и чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ недостатокъ становится больше, между тѣмъ какъ побочные расходы хлѣба въ этотъ же періодъ не уменьшаются, а возростаютъ. Такъ, принимая цифры 1870 года за 100, сборъ хлѣба и расходъ его на винокуреніе и прокормленіе западной Европы въ послѣдующіе годы выразятся слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Промыслы Моск. губ. т. II, стр. 163—4.

	Чистый сборъ.	Расходъ на винокуреніе.	Вывозъ.
1870	100	100	100
1871	80	120	118
1872	80	118	87
1873	86	109	106
1874	105	109	131
1875	71	98	106
1876	79	105	125
1877	97	—	150
1878	103	—	200
1879	86	—	185 [1]).

Эти цифры позволяютъ намъ сдѣлать слѣдующія заключенія; сборъ хлѣба за послѣднее десятилѣтіе уменьшается, расходы его на вывозъ и винокуреніе возростаютъ. «Отсюда слѣдуетъ, что *вывозъ не сообразуется съ производительностью страны и, несомнѣнно, идетъ на счетъ того хлѣба, который долженъ былъ бы оставаться на продовольствіе*» [2]). Говоря проще, народъ рѣшается голодать, лишь бы добыть денегъ на уплату долговъ казнѣ и частнымъ лицамъ. Но въ данномъ случаѣ насъ интересуютъ результаты не расхода хлѣба, а его производства, и читатель видитъ, что послѣднее сокращается, несмотря на развивающуюся въ немъ потребность населенія. Слѣдовательно, не находится такого класса на Руси, который оказался бы способнымъ замѣнить исконнаго землевладѣльца-крестьянина; народъ бросаетъ сельское хозяйство, очевидно, не вынуждаясь къ тому конкурренціей крупнаго производства; напротивъ, послѣднее не имѣетъ достаточно жизненныхъ силъ, чтобы взять всецѣло на свои плечи задачу снабженія существующаго рынка хлѣбомъ. Но, повторяемъ, для насъ важны теперь лишь двѣ стороны вопроса: 1) что населеніе принуждено разставаться съ излюбленнымъ промысломъ-земледѣліемъ, 2) что размѣры послѣдняго въ Россіи, по этой и, можетъ быть, по другимъ причинамъ, сокращаются. Въ результатѣ неизбѣжно сокращеніе потребленія народомъ какъ хлѣба, такъ и другихъ продуктовъ, и погоня его за заработкомъ.

Гдѣ же онъ найдетъ послѣдній? Не появились ли въ новѣйшее время небывалыя прежде отрасли труда, которыя могли бы

[1]) Сравнит. Стат. Россіи, т. II, отд. I, стр. 464. За послѣдніе три года мы взяли цифры изъ «Нов. Врем.» (№ 1666), которое вывело ихъ изъ опубликованныхъ оффиціальныхъ данныхъ.

[2]) Напомнимъ читателю, что указанное положеніе еще раньше г. Янсона развивалось въ «Отеч. Зап.» 1879 г., въ статьѣ «Хлѣбные избытки и народное продовольствіе» (№ X).

пріютить жаждущаго заработка мужика? Желѣзныя дороги, напримѣръ, не служатъ ли у насъ для послѣдней цѣли: существуя насчетъ государства, не взяли ли онѣ на себя обязательство исправлять результаты ошибокъ послѣдняго? Посмотримъ.

По разсчетамъ Бліоха, эксплуатація всѣхъ выстроенныхъ, къ 76 г. дорогъ, требовала ок. 160 т. душъ рабочихъ [1]), между тѣмъ какъ, по словамъ г. Девеля, развитіе желѣзнодорожной сѣти отняло извозный заработокъ водной Тамбовской губ. у 300 т. мужчинъ и столькихъ же женщинъ. Принимая во вниманіе, что извозомъ крестьяне занимались лишь въ продолженіе 4 мѣс. въ году, мы можемъ сказать, что эксплуатація всего построеннаго пути еле достаточна для занятія населенія, сдѣлавшагося вслѣдствіе этого излишнимъ только въ одной губерніи. И это совершенно понятно; какъ крупное предпріятіе, желѣзная дорога, уничтожая тысячи рукъ, создаетъ спросъ на какую-нибудь сотню. Тоже самое нужно сказать и о водномъ паровомъ передвиженіи [2]).

И такъ, сокращеніе оборотовъ земледѣльческой и крупной обрабатывающей промышленности, уничтоженіе извоза и бурлачества желѣзными дорогами и пароходами, уменьшеніе запроса на продукты кустарнаго производства со стороны обѣднѣвшаго населенія—все это естественно должно привести къ сокращенію сферы приложенія народнаго труда въ то время, какъ съ размноженіемъ населенія ростетъ спросъ на работу. Результатомъ такой комбинаціи обстоятельствъ должно быть непремѣнно *пониженіе народнаго заработка*. Это совершенно логично и просто, но дѣло усложняется, если попытаться подтвердить этотъ дедуктивно полученный выводъ фактами. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не недостатокъ отдѣльныхъ сообщеній и частныхъ фактическихъ указаній: слѣдя только за періодической печатью, ихъ можно набрать достаточное количество. Такъ, напримѣръ, объ уральскомъ краѣ пишутъ, что пріостановленіе или сокращеніе работъ на горныхъ заводахъ безпрестанно заставляетъ голодать массу населенія; управленія нѣкоторыхъ заводовъ распредѣляютъ бѣдствіе равномѣрно между всѣми, давая крестьянамъ работу по очереди [3]). Изъ Вильны сообщаютъ, что въ городѣ—«во всемъ конкурренція, доведшая заработную плату до minimum'а. Въ особенности конкуррируютъ ремесленники, трудъ которыхъ цѣнится здѣсь весьма низко». Дороговизна всѣхъ продуктовъ требуетъ большихъ расходовъ, а «изобиліе предложенія не даетъ имъ возможности

[1]) Вѣстн. Евр. 77 г.

[2]) Тр. ком. по изсл. Куст. пром., в. I.

[3]) «Рус. Кур.» 1880 г., № 250.

возвысить цѣны на выработанные ими предметы» [1]). Г. Червинскій о Черниговской губерніи говоритъ, что «общій уровень экономической жизни замѣтно понизился». Онъ же затѣмъ поясняетъ, какъ за послѣдніе годы сократилось число уходящихъ изъ губерніи на земледѣльческія работы юга вслѣдствіе уменьшенія запроса на трудъ; какъ понизилась плата за жнитво на мѣстѣ по той причинѣ, что «желающихъ зажинать копу или снопъ всегда бываетъ много»; какъ постепенно падаетъ промыселъ перевозки водой хлѣба, что «доказывается и всеобщими жалобами, и пониженіемъ заработной платы, и постепеннымъ съуженіемъ района, изъ котораго все еще продолжаютъ ходить на воду. Причина единодушно указывается въ томъ, что чугунка сравняла цѣны на трудъ: разница между кіевскими и полтавскими цѣнами съ одной стороны и бѣлорусскими съ другой теперь сдѣлалась до того незначительна, что перевозка обѣщаетъ мало выгодъ» [2]), и т. д.

Главное препятствіе, съ которымъ мы здѣсь встрѣчаемся, заключается, говоримъ, не въ бѣдности указаній, а въ недостаткѣ цифроваго матерьяла для сужденія какъ о теперешней величинѣ заработка, такъ и объ его измѣненіи во времени. Недостатокъ этотъ былъ бы еще не столь чувствителенъ гдѣ-нибудь въ Англіи, гдѣ доходы всего почти народа (простого) имѣютъ однообразную форму заработной платы, которая подчиняется опредѣленнымъ законамъ, быстро уравнивается, если равновѣсіе чѣмъ-либо нарушено въ одной мѣстности, гдѣ, наконецъ, заработная плата есть отчасти результатъ произвольныхъ и разсчитанныхъ дѣйствій со стороны рабочихъ и фабрикантовъ. Тамъ недостатокъ цифровыхъ данныхъ пополняется завѣдомымъ единообразіемъ изслѣдуемаго явленія, отчего одна, двѣ вѣрныя цифры позволяютъ дѣлать заключеніе о массѣ фактовъ неизвѣстныхъ. Не то въ Россіи. Вслѣдствіе обширности нашей родины, огромнаго разнообразія ея отдѣльныхъ частей въ соціально-экономическомъ и др. отношеніяхъ, недостаточности въ хорошихъ путяхъ сообщенія и пр., у насъ немыслимо быстрое уравниваніе размѣровъ заработной платы по мѣстностямъ. Это въ свою очередь приводитъ къ такому, напримѣръ, явленію, какъ движеніе цѣлыхъ массъ населенія по разъ избранному направленію, продолжающееся долго послѣ того, какъ уже измѣнились обстоятельства, направившія народный потокъ по извѣстному руслу. Такъ напримѣръ, Новороссійскій край—это одно изъ тѣхъ Эльдорадо, гдѣ русскій мужикъ думаетъ найти

[1]) Id., № 298.

[2]) «Отеч. Записки» 1880, 7. «Экономическія скитанія».

молочныя рѣки, текущія въ кисельныхъ берегахъ, и дѣйствительно, во время оно, масса рабочихъ изъ средней Россіи приносила оттуда хорошія деньги. Теперь времена перемѣнились: помѣщичьи запашки сокращаются, урожаи земля даетъ все меньшіе, введеніе жатвенныхъ машинъ ограничиваетъ потребность въ рабочихъ рукахъ въ самое горячее страдное время. Между тѣмъ, наплывъ туда народа, по старой памяти и постоянно вновь возникающимъ потребностямъ, все ростетъ и ростетъ. Не найдя ожидаемой работы, многимъ, за ней явившимся, приходится нищенствовать и разбойничать. Ростовъ-на-Дону, одинъ изъ пунктовъ, куда наиболѣе стремится сѣверное населеніе, изнемогаетъ подъ тяжестью расходовъ на воровъ и полицію, которые ему приходится нести, благодаря доброй его славѣ кормильца русскаго народа. Мѣстное земство сносилось съ общественными административными учрежденіями областей, отправляющихъ туда избытокъ своего населенія, прося принять мѣры къ прекращенію дальнѣйшей высылки уже ненужныхъ, но все напрасно! А въ это время гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ открывается новое производство, испытывающее сначала недостатокъ въ рабочихъ и потому сильно подымающее заработную плату. Такимъ производствомъ, на время дающимъ хорошіе заработки, служатъ у насъ нерѣдко вновь строющіяся желѣзныя дороги: нуждаясь въ рабочихъ, онѣ могутъ поднять цѣны на трудъ, и это возвышеніе распространится на болѣе или менѣе значительную окружность. Такое увеличеніе заработка, хотя оно чисто мѣстное и временное, нарушаетъ, однако, общую гармонію низкой заработной платы въ странѣ и можетъ дать поводъ къ невѣрному заключенію о всеобщемъ будто бы расширеніи крестьянскихъ доходовъ.

Такъ, напримѣръ, усиленная вырубка для отпуска за границу лѣса вызвала большое требованіе на руки для этой операціи въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, и чтобы привлечь туда рабочихъ, предприниматели даютъ хорошую плату 4—5 руб. въ недѣлю, что за лѣтній сезонъ составитъ 80—100 на рабочаго. Хотя это—заработокъ временный, но, принимая во вниманіе невозможность наплыва на дальній сѣверъ рабочихъ изъ средней Россіи, онъ бы держался въ указанныхъ размѣрахъ, можетъ быть, все время, пока длится лѣсная операція, и сѣверный крестьянинъ имѣлъ бы изрядное дополненіе къ своему скудному земледѣльческому доходу. Но все это для него фикція! Дополненіе попало въ руки кулака: это онъ подряжается поставлять рабочихъ по указанной цѣнѣ, а самъ нанимаетъ своихъ кліентовъ за половинную плату. Такимъ образомъ, высокая заработная

плата здѣсь вовсе не служитъ указателемъ соотвѣтственнаго подъема народнаго благосостоянія, хотя бы сравненіе ея съ бывшей лѣтъ 10 назадъ и показало, что она удвоилась. Архангельскому крестьянину это принесло одинъ вредъ, ибо кабала, въ какую онъ попалъ къ кулаку, гонитъ его на лѣсныя работы для наполненія кармана своего патрона, для чего онъ бросаетъ землю (поступающую къ послѣднему), возвратиться къ которой впослѣдствіи уже гораздо труднѣе. [1]) Съ открытіемъ каменноугольныхъ копей въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губурніи, когда чувствовался недостатокъ въ умѣлыхъ рукахъ, рабочему платили въ день отъ 1 до $1^1/_2$ руб., но не прошло и 10-ти лѣтъ, какъ этотъ заработокъ уменьшился до 70 коп. [2])

Какъ это ни странно, но самое бѣгство населенія съ родины въ поискахъ за работой, вызываемое ея недостаткомъ на мѣстѣ жительства, можетъ повести къ возвышенію (разумѣется, фактивному) заработка. Ибо въ подобномъ случаѣ все оставшееся дома населеніе занято лѣтомъ работой на собственномъ полѣ, и землевладѣльцу тогда трудно отыскать батрака, почему онъ и предлагаетъ ему большее вознагражденіе. Но такое возвышеніе заработка, какъ видите, совершенно искусственно и не можетъ служить мѣриломъ доходовъ лицъ ушедшихъ; кромѣ того, выгодами его воспользуются очень немногіе, такъ какъ отхожіе промыслы развиты по преимуществу въ мѣстностяхъ, гдѣ помѣщичій элементъ ничтоженъ. Поэтому возрастаніе заработной платы не будетъ имѣть здѣсь экономическаго значенія и не можетъ служить указателемъ возвышенія благосостоянія народа, хотя весьма вѣроятно, что на него посмотрятъ именно съ такой точки зрѣнія. Заработная плата можетъ быть высока также въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне болѣе или менѣе обезпечены въ своемъ землевладѣніи законодательнымъ путемъ (западныя губерніи) или гдѣ населеніе выгодно пріобрѣло отрѣзки отъ своихъ надѣловъ и потому не такъ нуждается въ постороннемъ доходѣ.

Въ сходномъ положеніи находится, напримѣръ, Новгородская губернія. Хотя къ крестьянамъ здѣсь перешло изрядное количество отрѣзныхъ земель, тѣмъ не менѣе угодій у нихъ крайне недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей, и за неразвитіемъ кустарныхъ промысловъ населеніе бросилось въ отходъ. Что этимъ путемъ народъ не дошелъ до большого счастья видно изъ роста недоимокъ въ губерніи, побудившаго правительство назначить даже комиссію для опредѣленія причинъ ихъ на-

[1]) Сельск. Хоз. и Лѣсов., 80, 11, Гомилевскій «Съ крайняго сѣвера Россіи».
[2]) Сб. мат. для изуч. сельск. поземельной общины т. I, с. 53.

копленія; недоимка эта къ 78 году, напримѣръ, составляла $2^1/_2$ мил. руб. Прислушиваясь же къ жалобамъ помѣщиковъ, подтверждаемымъ также приводимыми ими цыфрами, можно подумать, что новгородское населеніе очень быстро обогащается и теперь уже, разумѣется, благоденствуетъ. Такъ г. Вороновъ сообщаетъ, что въ Устюженскомъ уѣздѣ съ 69 по 77 годъ заработная плата земледѣльческаго работника поднялась въ 2—3 раза, благодаря развитію отхожихъ промысловъ и легкомыслію владѣльцевъ, уступившихъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ за дешевую плату отрѣзки [1]). Г-жа Шамшева изъ Тихвинскаго уѣзда пишетъ, что за послѣднія 10 лѣтъ заработная плата земледѣльческаго работника почти удвоилась. Хотя ея цифры (а также и г. Воронова) прежняго заработка значительно ниже приводимыхъ въ докладахъ комиссіи для изученія сельскаго хозяйства, но мы охотно признаемъ, что плата за земледѣльческій трудъ здѣсь въ послѣднія 10 лѣтъ значительно поднялась; это, однако, повторяемъ, вовсе не опредѣляетъ положенія новгородскаго населенія, ибо живетъ оно не тѣми сотнями, много тысячами рублей, которыя получитъ десятокъ—другой крестьянъ, нанимаясь на работу къ 3—4 доживающимъ послѣдніе дни помѣщикамъ, а общей суммой, выработанной имъ, какъ на мало дающемъ надѣлѣ, такъ и по разнымъ мытарствамъ дома и на сторонѣ. Но вотъ въ Череповецкомъ уѣздѣ той же губерніи, гдѣ развиты кустарные промыслы и населеніе поэтому большею частью остается на мѣстѣ, поднятіе заработной платы уже не столь рѣшительно. Именно, по показанію д-ра Грязнова, поденная плата въ рабочую пору мужчинѣ 40—60 к., женщинѣ 30—40; около 10 лѣтъ назадъ пѣшій мужчина получалъ 40—60 к., женщина 20—30 к. (молотьбу, какъ происходящую въ относительно свободное время, мы исключаемъ). Рабочій, нанявшійся на цѣлое полугодіе, даже вблизи города получаетъ: зимой мужчина 21 руб., женщина 10—12 руб., прежде цѣна въ уѣздѣ тому и другому полу была 15 руб.; за лѣто въ настоящее время мужчина 40—50 руб., женщина—20 р.; прежде мужчина 30—50 р.; женщина 15 руб.; повидимому, произошло возвышеніе на 13—25%. Но данныя г. Грязнова, судя по подчеркнутымъ словамъ, относятся къ подгороднымъ деревнямъ, гдѣ трудъ обыкновенно цѣнится дороже; г. же Румянцевъ, приводя бюджетъ средней семьи, считаетъ *годовую* плату батрака въ этомъ уѣздѣ въ 40 руб., тогда какъ прежде она была 60—80 руб. [2])—уменьшеніе почти на половину.

[1]) Тр. Вольно-Экбн. Общ. 78, 6.

[2]) Сравни Грязновъ «Опытъ сравнит. изученія, гигіенич. ус. и пр.» с. 239, Прилож. с. 50 и «Докл. Ком. для изсл. полож. с. хоз.» Пр. I, Отд. I, с. 94—95.

Примите въ разсчетъ происшедшее за это время вздорожаніе большей части продуктовъ, и вы согласитесь, несмотря на противорѣчіе показаній, что заработки населенія этого уѣзда уменьшились. Но даже въ тѣхъ уѣздахъ губерніи, откуда раздаются жалобы на возростающую дороговизну рабочихъ и на то, что, по мѣрѣ вздорожанія цѣнъ на трудъ возрастаетъ лѣность и недобросовѣстность рабочихъ: «гдѣ можно управиться съ 4—5-ю людьми, мы вынуждены нанимать 7—8 человѣкъ»—даже здѣсь, несмотря на то, что жалобы подтверждаются цифрами денежнаго выраженія заработной платы, другія данныя, приводимыя жалующимися корреспондентами, говорятъ нѣчто иное. Г-жѣ Шамшевой, напримѣръ, пришлось выразить заработокъ жнецовъ прежде и теперь въ *матеръяльной формѣ*, единственно, прибавимъ, имѣющей реальное значеніе для работающаго, и оказалось, что «теперь, при возростающей дороговизнѣ хлѣба, плата уменьшилась почти на одну треть» [1]). Если прежде рабочій получалъ за извѣстный трудъ, напримѣръ, половину сбора, а теперь одну треть, при чемъ самый сборъ не увеличился, то это значитъ, что въ отношеніи, въ какомъ находятся другъ къ другу доли капиталиста и работника, произошло измѣненіе въ пользу перваго: капиталистъ (или землевладѣлецъ) получаетъ теперь большую часть продукта, добываемаго трудомъ, рабочій—меньшую; какое бы высокое денежное выраженіе ни имѣла эта послѣдняя доля—сущность дѣла остается неизмѣнной: заработокъ рабочаго уменьшился, а не увеличился. Для трудящагося важна не сумма получаемыхъ имъ денегъ, а доля продукта, какую за эти деньги можетъ онъ пріобрѣсти.

Мы видѣли, что общая тенденція народнаго заработка къ пониженію во многихъ мѣстностяхъ затемняется благопріятными условіями, въ какихъ оказались послѣ реформы крестьяне и которыя дали имъ возможность болѣе или менѣе успѣшно бороться съ угнетающими вліяніями. Такими благопріятными условіями на сѣверѣ являются: отсутствіе помѣщичьихъ хозяйствъ, продажа крестьянамъ отрѣзковъ, сдача имъ для разработки лядинъ—этого якоря спасенія сѣвернаго мужика и пр. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской, Новгородской, Ярославской губерній на выручку крестьянамъ явилось развитіе льноводства, культуру котораго они почти повсюду отбили у помѣщиковъ. Хотя такая побѣда досталась народу не легко, хотя средняя арендная плата земли подъ ленъ, напримѣръ, въ Псковской губерніи—около 50 р. десатина, и она кромѣ того постоянно стремится вверхъ, тѣмъ

[1]) «Тр. В. Э. О.» 79, x.

не менѣе это дало псковичамъ возможность удержаться при землѣ, не жаждать заработка, не переполнять рынка трудомъ въ его непосредственной или вещественной формѣ. Мы бы поэтому не удивились извѣстію о значительномъ даже возвышеніи въ такихъ мѣстностяхъ вознагражденія за лѣтній трудъ, хотя это возвышеніе говорило бы не столько въ пользу поднятія благосостоянія крестьянина, выражающагося лучшимъ удовлетвореніемъ всѣхъ его потребностей, сколько свидѣтельствовало бы о томъ, что псковскому населенію удалось болѣе или менѣе удовлетворительно рѣшить задачу, поставленную крестьянству анти-народной экономической политикой: сохранить свою земледѣльческую самостоятельность. И дѣйствительно, псковскіе помѣщики жалуются не столько на дороговизну труда, сколько на невозможность найти сносныхъ рабочихъ и на вытекающую отсюда необходимость ликвидировать дѣла или приноравливать свое хозяйство къ потребностямъ крестьянскаго. Задачу эту они выполняютъ такъ успѣшно, что въ настоящее время въ цѣлой губерніи найдется развѣ только десятка полтора имѣній, ведущихъ запашку своимъ скотомъ, слѣдовательно, построившихъ батрацкое хозяйство [1]).

Яснѣе можетъ быть замѣчено уменьшеніе крестьянскихъ доходовъ въ мѣстностяхъ съ развитыми кустарными промыслами. Это именно потому, что существованіе послѣднихъ даетъ возможность всякому пошатнувшемуся земледѣльцу попробовать возвратить утраченное равновѣсіе, опираясь, прежде всего, на ближайшій заработокъ. Это его пока удерживаетъ на мѣстѣ; искуственнаго разрѣженія населенія не происходитъ, и мы получаемъ такимъ образомъ возможность наблюдать колебанія благосостоянія крестьянъ, не рыская за ними по всѣмъ тѣмъ направленіямъ, какія имъ вздумается избрать подъ вліяніемъ голода. Но читатель видитъ, что и здѣсь слѣдовало бы дѣлать различіе между промысломъ чисто мѣстнымъ и такимъ, который, кромѣ того, эксплуатируется и въ качествѣ отхожаго.

Выше мы имѣли одинъ изъ такихъ промышленныхъ уголковъ—Череповецкій уѣздъ, Новгородской губерніи. Здѣсь сильно развитъ кузнечный промыселъ, которымъ занимается почти все мужское населеніе такъ-называемой Уломы; кромѣ того, въ уѣздѣ распространенъ деревянный промыселъ, валяльное и сапожное мастерства. И мы видѣли, что денежное вознагражденіе земледѣльческаго батрака здѣсь такъ мало измѣнилось за послѣднее десятилѣтіе, что, принимая во вниманіе паденіе стоимости денегъ, слѣдуетъ признать пониженіе матеріальнаго вознагражде-

[1]) „Сельск. Хоз. и Лѣс.“, 79, 8.

нія рабочаго. Гораздо яснѣе видно это на промышленномъ заработкѣ: около 10 лѣтъ назадъ уломскій гвоздарь въ годовой промышленный сезонъ добывалъ 40—88 руб. [1]), въ настоящее время по разсчету доктора Грязнова онъ получаетъ 35—50 р. [2]), а по свѣдѣніямъ новгородской губернской земской управы, даже около 25 р. [3]). О тверскомъ гвоздарѣ мы можемъ заявить, что въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ средній его годовой заработокъ опредѣлялся въ 50 р. [4]), въ концѣ этого десятилѣтія хорошій мастеръ могъ получить въ недѣлю 1 р. 50 к.—1 руб. 80 к. [5]); про послѣдніе же годы г. Покровскій говоритъ: «кузнецы обыкновенно заработываютъ въ теченіи недѣли отъ 75 к. до 1 р. 75 к., но есть гвоздари, заработывающіе до 2 р. 40 к. и даже до 3 р. Изъ этого слѣдуетъ вычесть на уголья: въ зимнюю недѣлю отъ 25 до 30 к., а въ лѣтнюю до 35 к.». «Средній заработокъ исправнаго мастера $1^1/_2$ р. въ недѣлю или 67 р. въ годъ» [6]). Сравнивая этотъ средній доходъ кузнеца съ тѣмъ, какой онъ имѣлъ въ шестидесятыхъ годахъ, найдемъ, что онъ увеличился на 17 р. или 33%, но за тотъ же періодъ произошло еще большее пониженіе цѣны денегъ (до польскаго возстанія курсъ стоялъ почти al pari, а теперь онъ упалъ на 40%) и потому-то теперешній доходъ тверскаго гвоздаря обладаетъ во всякомъ случаѣ не большимъ матеріальнымъ содержаніемъ, между тѣмъ какъ траты его по причинѣ замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ и возрастанія его финансовыхъ обязательствъ, возвысились очень сильно. Дабы читатель не обольщался цифрой максимума заработка современнаго кузнеца и не подумалъ, что она оказываетъ замѣтное вліяніе на благосостояніе массы гвоздарей — мы приводимъ слѣдующій отзывъ г. Покровскаго объ ихъ питаніи: «лучшимъ доказательствомъ этого (нужды кузнецовъ) служитъ употребленіе большинствомъ кузнецовъ въ пищу такъ-называемой русановки, *цѣна которой, сравнительно съ прежней, теперь удвоилась*. Русановкой называютъ пшеничную выбойку. Прежде она употреблялась въ кормъ и пойло *для свиней, лошадей и рогатаго скота;* теперь же эту трудно-варимую и мало-питательную смѣсь, содержащую много отрубей, *ѣдятъ сами кузнецы*, приготовляя изъ нея лепешки. Годъ или два тому

[1]) Доклады ком. для изуч. полож. сельск. хоз. Прил. I, отд. II, с. 235—237.
[2]) Опытъ сравнительнаго изученія гигіеническихъ условій и пр., стр. 119.
[3]) Труды комиссіи по изслѣд. куст. пром., в. I, стр. 52—3.
[4]) Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности, ст. 490.
[5]) Доклады ком. id. Прил. I, отд. II, стр. 153.
[6]) Труды ком. id., в. V, отд. II, стр. 396—400

назадъ васильевцы пріобрѣли подмоченную и подгорѣлую гречневую муку копѣекъ по 45 за пудъ и употребляли ее въ пищу. Хлѣбъ, испеченый изъ такой муки, имѣлъ цвѣтъ земли и нѣкоторыя изъ качествъ послѣдней» [1]).

Мы не имѣемъ свѣдѣній о заработкѣ арзамасскихъ кузнецовъ въ прежнее время и потому не можемъ сравнить съ нимъ современный ихъ доходъ. О ветлужскихъ рогожникахъ мы приводимъ ниже свѣдѣнія, доказывающія, что, несмотря на возвышеніе денежнаго заработка, матеріальное вознагражденіе за ихъ трудъ понизилось: здѣсь же мы подтвердимъ это сравненіемъ цѣнности промышленнаго труда въ этомъ уѣздѣ въ настоящее время съ стоимостью земледѣльческаго въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Прежде лѣтній рабочій въ Макарьевскомъ уѣздѣ стоилъ на хозяйскомъ содержаніи 20—30 р. [2]), теперь ему платятъ 25 р. [3]). Денежное выраженіе одинаково, матеріальное же содержаніе, вслѣдствіе упадка цѣны денегъ и того обстоятельства, что мы сравниваемъ болѣе дорогой промышленный трудъ съ малоцѣннымъ земледѣльческимъ—должно быть меньше. Про ложкарей Семеновскаго уѣзда въ трудахъ комиссіи прямо говорится: «Послѣ 19-го февраля 1861 года ложкарю стало труднѣе. У крестьянъ вѣдомства удѣльнаго лѣса были отмежованы въ казну, а помѣщичьи поступили въ продажу. Поэтому ложкарю пришлось лѣсъ покупать. Съ тѣмъ вмѣстѣ подать, поборы, налоги, расходы по волостнымъ правленіямъ изъ года въ годъ стали возростать, а на ряду съ этимъ шло увеличеніе числа рабочихъ рукъ и даже самыхъ селеній, занимающихся ложкарствомъ». «Въ настоящее время бѣдность отдѣльныхъ лицъ съ каждымъ годомъ увеличивается, а между тѣмъ съ каждымъ же годомъ ростетъ цифра ложкарей» [4]). Столь же, если еще не болѣе прямыя указанія имѣемъ мы въ тѣхъ же трудахъ о движеніи заработка арзамасскихъ скорняковъ. «Прежде зайчина работалась 30—35 р. за тысячу, затѣмъ эта цѣна была сбавлена на 25 р., потомъ на 20 и, наконецъ, теперь дошла до 16 р. за тысячу» [5]). Относительно медынскаго бумаго-ткацкаго промысла, мы также имѣемъ категорическое заявленіе, выраженное въ слѣдующей формѣ; «при громадномъ числѣ жаждущихъ этой работы цѣна на нее *сбита до-нельзя*, такъ что многіе бросаютъ эту работу,

---

[1]) Труды ком. id., в. V, отд. II, стр. 403.
[2]) Доклады коммиссіи и пр. Прил. I, отд. I, стр. 109.
[3]) Труды комиссіи и пр., в. III, стр. 58.
[4]) Id. в. II, Нижегор. губ., стр. 10—11.
[5]) Труды комиссіи и пр., в. III, стр. 82.

кто—принявшись за что-нибудь другое, а кто—ничего не имѣя въ виду, а просто не находя разсчета ею заниматься» [1]). И дѣйствительно, за неустанный дневной трудъ ткачиха получаетъ 10 к. Объ овчинномъ промыслѣ того же уѣзда говорится: «теперь (послѣ освобожденія крестьянъ) каждый можетъ выбирать себѣ мѣсто (куда уходить для заработка), что при уменьшеніи выдѣлки овчинъ дѣлаетъ то, что плата вездѣ понизилась» [2]).

Положительное указаніе на увеличеніе заработка встрѣчаемъ мы въ трудахъ комиссіи для изслѣдованія кустарныхъ промысловъ только относительно сапожнаго производства. Объясняется это тѣмъ, что по трудности искусства оно пока гарантировано отъ быстраго переполненія рабочими, а вслѣдствіе непрестанно подвигающейся впередъ замѣны крестьянскаго лаптя сапогомъ, спросъ на этотъ товаръ до поры до времени быстро возростаетъ.

Московская губернія должна бы, кажется, представлять наиболѣе благопріятныя условія для процвѣтанія промышленнаго населенія: близость большого рынка-столицы обезпечиваетъ сбытъ и избавляетъ отъ необходимости въ кулакѣ-посредникѣ; это же обстоятельство способствуетъ развитію наиболѣе искусныхъ и потому хорошо оплачиваемыхъ формъ труда. А развитіе фабричной дѣятельности позволяетъ крестьянину, потерпѣвшему неудачу въ своей сферѣ, найти новый источникъ дохода и не переполнять предложеніемъ излишнихъ рукъ стараго промысла. Но за то эта же губернія служитъ центромъ, притягивающимъ своими фабричными заработками населеніе нѣсколькихъ губерній, чѣмъ создается почва для усиленной конкурренціи трудящихся. Поэтому можно было бы ожидать, что тенденція заработка къ пониженію всего яснѣе окажется въ простомъ чернорабочемъ и земледѣльческомъ трудѣ, спеціально же промышленный лучше будетъ сопротивляться общему теченію. Но это не совсѣмъ такъ: причины, толкающія крестьянъ къ неземледѣльческимъ занятіямъ, слишкомъ интенсивны и даютъ соотвѣтствующій эфектъ быстрѣе, нежели ростетъ рынокъ, даже такого промышленнаго города, какъ Москва; поэтому переполненіе промысловъ работающими развивается crescendo, и разсматриваемое нами движеніе заработка по направленію внизъ проявляется здѣсь совершенно ясно.

Въ ближайшей окружности столицы раскинулось мебельное производство, требующее большого искусства отъ работника. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, промыселъ этотъ застрахованъ отъ слишкомъ быстраго переполненія трудящимися; но это

[1]) Id. в. II, Калужская губернія, стр. 18.

[2]) Id. стр. 36.

отразилось на положеніи наемнаго рабочаго развѣ только въ томъ отношеніи, что хозяева, дорожа хорошими мастерами, не вводятъ въ употребленіе такой системы ихъ обиранія, какъ, напримѣръ, штрафы и уплата жалованья товаромъ. На этомъ чуть ли и не прекращаются выгоды, доставляемыя мебельному рабочему его искусствомъ; что касается заработной платы, то она остается in statu quo, несмотря на вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія и увеличеніе другихъ расходовъ крестьянина. «Въ мебельномъ промыслѣ издревле существуетъ мѣсячная или годовая рабочая плата, стоящая въ прямой связи со стоимостью производимыхъ товаровъ: округъ бѣлыхъ стульевъ знаетъ только очень невысокую заработную плàту, не превышающую 40—50 р. въ годъ; округъ кривья идетъ дальше, здѣсь работникъ получаетъ 70—80 р. Мѣсячная плата достигаетъ отъ 4—8 р.» [1]). Въ округѣ крупной мебели повременная плата переведена на поштучную, что даетъ возможность рабочему получить больше, но подъ условіемъ непомѣрнаго растяженія рабочаго дня. Но если наемный мастеръ болѣе или менѣе застрахованъ отъ быстраго пониженія его благосостоянія, то нельзя того же сказать о мелкихъ самостоятельныхъ хозяевахъ, въ особенности о бѣлодеревцахъ (производителяхъ простой мебели); тогда какъ работающіе крупную мебель до нѣкоторой степени обезпечены отъ конкурренціи трудностями своего ремесла, бѣлодеревцы подвергаются всѣмъ послѣдствіямъ безграничнаго наплыва работающихъ. Побуждаемый требованіями времени къ добыванію возможно бо́льшаго количества денегъ, бѣлодеревецъ расчитываетъ только на свой промыселъ, производитъ товаръ, не справляясь съ запросомъ, и не имѣя возможности выжидать цѣнъ, отдаетъ мебель въ магазинъ за плату, назначенную торговцемъ. Если кустаръ считаетъ при этомъ еще себя въ барышахъ, то по разсчетамъ оригинальнымъ: «если столяръ рубитъ березу на своемъ надѣлѣ, онъ говоритъ, что ему матеріалъ ничего не стоитъ; если онъ ее крадетъ, то онъ считаетъ ее также даровой; возитъ бѣлодеревецъ стулья въ Москву на своихъ лошадяхъ и считаетъ провозъ ни за что» [2]). Затѣмъ кустарю, чтобы сбыть свои стулья, приходится прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ, вести настоящую дипломатическую борьбу съ торговцемъ, подкупать его приказчика и т. п., и все это для того, чтобы хоть нѣсколько задержать пониженіе цѣны, къ чему клонитъ всѣми мѣрами торговецъ. Нечего говорить, на чьей сторонѣ остается побѣда; если

[1]) Промыслы Московской губерніи, т. I, в. I, стр. 49.
[2]) Id, стр. 67.

только кустарь не узнаетъ, что магазину въ данный моментъ особенно нуженъ какой-нибудь товаръ (для чего онъ и подкупаетъ приказчика), ему не избѣжать болѣе или менѣе солидной скидки, тяжесть которой еще усиливается способомъ уплаты: матеріаломъ и другими товарами, съ приличнымъ, разумѣется, возвышеніемъ ихъ цѣны сравнительно съ рыночной.

И такъ, въ мебельномъ округѣ денежное вознагражденіе за извѣстную единицу работы или осталось прежнимъ (у наемныхъ мастеровъ), или уменьшилось (мелкому самостоятельному кустарю, не имѣющему возможности выждать цѣну и продающему, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, въ убытокъ); абсолютная же величина заработка повременнаго рабочаго осталась прежняя, у бѣлодеревца не надолго можетъ подыматься съ тѣмъ, чтобы потомъ опуститься ниже нормы. Въ общемъ, самое бо́льшее, что мы имѣемъ право здѣсь допустить, это—сохраненіе того же денежнаго вознагражденія за единицу труда, какое было и много лѣтъ назадъ, что ведетъ къ необходимости для поддержанія своего существованія на привычномъ уровнѣ затрачивать больше силъ и времени.

Простой столяръ находится еще въ худшихъ условіяхъ: «деревянныя издѣлія упали въ цѣнѣ. Торговцы не требуютъ отъ этихъ товаровъ прочности, а только дешевизны, говоря, напр. про ящики: «намъ въ нихъ не жить». Послѣдніе 2—3 года были очень неудачны для производителей деревянныхъ издѣлій: рынокъ былъ наполненъ ими до насыщенія, а всеобщій застой въ дѣлахъ не могъ не отозваться и на промышленникахъ деревень. «Катушечники жалуются, что имъ приходится испытывать сильную конкурренцію со стороны токарей, чинящихъ, склеивающихъ старыя катушки» [1]).

Въ округѣ металлической промышленности бо́льшая часть наемныхъ рабочихъ «получаетъ крайне скудное вознагражденіе: иначе нельзя назвать тѣ 50—60 р., къ которымъ сводится годичный промысловый доходъ большинства. Объясненіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что мѣстный рынокъ для продажи рабочей силы крайне ограниченъ; это производитъ давленіе на заработную плату. Если бы многіе рабочіе шли въ Москву, то ихъ заработки возвысились бы значительно; но огромное большинство готово поступиться лишнимъ доходомъ, чтобы не оставлять родного селенія, не покидать своего домашняго хозяйства» [2]). Иначе говоря, предложеніе рабочей силы ростетъ бы-

[1]) Промыслы id., т. I, в. II, с. 10.
[2]) Промыслы id., т. II, с. 46.

стрѣе спроса на нее; но причина этого — вовсе не привязанность крестьянина къ домашнему очагу: всѣмъ не уйти въ Москву, гдѣ и безъ того не мало охотящихся за кускомъ хлѣба; да и описываемая мѣстность съ своей стороны отпускаетъ туда же изрядный процентъ. Такъ изъ Троицкой волости Московскаго уѣзда, занимающейся приготовленіемъ подносовъ, изъ 6,000 душъ обоего пола (въ числѣ которыхъ около 3,000 душъ мужскаго пола) по годовымъ паспортамъ уходитъ около 1,000 человѣкъ [1]); изъ Загарья (округъ мѣдныхъ издѣлій) отправляется слишкомъ шестая часть населенія [2]). Дѣло значитъ, ни въ домосѣдности москвичей, а въ условіяхъ, вынуждающихъ населеніе накидываться на всякій заработокъ, не справляясь съ запросомъ на работу, что ведетъ къ переполненію рынка трудомъ и его продуктами. Средняя цѣна послѣднихъ у кузнецовъ «не подвергается значительнымъ колебаніямъ, потому что она слишкомъ низка, чтобы падать, а соперничество производителей слишкомъ велико, чтобы она могла подняться». Но сколько треволненій испытаетъ кустарь, пока заполучитъ и этотъ сведенный къ minimum'у доходъ! «Пріѣзжаетъ онъ въ скобяной рядъ (въ Москвѣ), толкается въ одну лавку, въ другую, нигдѣ не встрѣчаетъ радушнаго пріема, вездѣ предлагаютъ ему низкую цѣну, но все же нужно продать»; хорошо еще, что ничтожность уплаты не прельщаетъ купцовъ оттягивать ее, отдавать товаромъ: «рукъ марать не стоитъ»! «Теперь уже нѣсколько лѣтъ торговля идетъ вяло». Относительно подносовъ нужно сказать тоже самое: «прежде сбытъ товаровъ былъ гораздо выгоднѣе; соперничество не было такъ велико, и подносъ, стоющій теперь 60 к., продавался за $1\frac{1}{2}$ р.». «Кокардники также указываютъ на крайній застой въ дѣлахъ и низкія цѣны». «Наплывъ этихъ товаровъ (кокардъ) на рынокъ дошелъ до того, что нетолько промышленники, но даже, судя по словамъ ихъ, и торговцы имѣютъ отъ этихъ товаровъ столь ничтожный доходъ, что считаютъ ихъ послѣдними въ своихъ лавкахъ и держатъ только для угожденія покупателю. Если крупныя промышленники такъ недовольны сбытомъ своихъ издѣлій, то мелкіе имѣютъ еще болѣе причинъ роптать». Положеніе ихъ тѣмъ тягостнѣе «что они, трудясь по мѣрѣ силъ и часто даже черезъ силу, являются на рынкѣ просителями, умоляющими торговцевъ взять ихъ товаръ. Понятно, что всѣ усилія, которыя торговецъ думаетъ предписать кустарнику, должны быть безотлагательно приняты этими послѣдними». Сами подносчики въ та-

[1]) «Сборн. Стат.» свѣд. по Моск. губ., т. I, сводная таблица.

[2]) Id., т. III, сводн. табл. по Богородскому уѣзду.

кихъ выраженіяхъ описываютъ свои мытарства вслѣдъ за изготовленіемъ товара: «пріѣдешь въ Москву рано и думаешь, что до вечера времени еще много, успѣешь продать товаръ. Постоянной лавки нѣтъ, навалишь товаръ на плечи и думаешь, что вонъ въ тульскую нужно пойти. Приходишь къ лавкѣ, станешь смирно на порогѣ и ждешь, покуда тебя купецъ окликнетъ. «Зачѣмъ ты пришелъ?»—Да вотъ вашей милости товаръ принесъ. «Не надо намъ вашего товара; онъ только мѣсто занимаетъ». Просишь-просишь, кланяешься-кланяешься, а онъ все «не надо» да «не надо». Выйдешь изъ лавки, горько станетъ, сядешь на тумбу да и думаешь, что ежели до вечера не продашь да не привезешь денегъ домой, то хоть мастеровъ распускай. Опять подходишь къ лавкѣ и, словно нищій, просишь купца взять товаръ, покуда онъ не согласится» [1]).

Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ мы съумѣемъ надлежащимъ образомъ отнестись къ слѣдующимъ разсужденіямъ г. Исаева: «По мѣстнымъ показаніямъ, благосостояніе несомнѣнно увеличилось: *представители* всѣхъ изслѣдуемыхъ промысловъ въ одинъ голосъ говорятъ, что близость Москвы даетъ каждому заработки и что населеніе располагаетъ бо́льшими средствами, нежели прежде. Присматриваясь къ предметамъ, коихъ потребленіе увеличилось, благодаря развитію промысла, мы замѣчаемъ разницу между кузнецами отдаленнаго Рузскаго уѣзда и подмосковными подносчиками или легко сообщающимися съ Москвой загарцами». Здѣсь «произошелъ за 25—30-лѣтіе значительный приростъ среди потребляемыхъ предметовъ: чай, котораго почти не пили въ 40 годахъ, настолько распространился, что крестьянинъ готовъ *сократить на обѣдѣ*, лишь бы випить чаю. Но потребленіе чая нисколько не умаляетъ потребленія водки, которой выпивается теперь гораздо больше, нежели въ 50-хъ годахъ. Табакъ потребляется большею частью рабочаго люда, находящаго его дѣйствіе однороднымъ съ дѣйствіемъ чая или водки. Кромѣ этихъ 3 статей, еще 4-я: увеличеніе расходовъ на одежду. Загарцы — такіе щеголя, что простые мастера носятъ въ праздники поддевки довольно тонкаго сукна, а женщины приходятъ въ церковь въ атласныхъ или хорошихъ суконныхъ шубкахъ... Лапти носятъ только старики, да и они возбуждаютъ смѣхъ этой старинной крестьянской обувью. Лучину замѣнила свѣча или фотогенъ по необходимости, такъ какъ порѣдѣвшіе лѣса не даютъ крестьянамъ матеріала даже для освѣщенія» [2]).

[1]) Пром. id. т. II, с. 68—9.

[2]) Id., с. 78—9.

Но, во-первыхъ, кто эти *представители*—заурядные ли рабочіе или богатые хозяева, объясняющіе, напр., низкую заработную плату такимъ образомъ: «зачѣмъ намъ дорого мастерамъ платить? развѣ они хорошо работаютъ или усердно? Нѣтъ, они лѣнивы, безтолковы и плохіе мастера». Во-вторыхъ, всѣ подобныя заявленія нисколько не доказываютъ, что благосостояніе населенія увеличилось. Замѣна, напримѣръ, крестьянской одежды городской можетъ даже не сопровождаться замѣтнымъ увеличеніемъ этой статьи расхода, такъ какъ и атласныя шубки, и сапоги съ калошами надѣваются только по праздникамъ, и это не помѣшаетъ въ остальное время самому завзятому деревенскому франту ходить босымъ и покрытымъ отребьями; возрастаніе расходовъ на наркотическія доказываетъ только усиленіе потребности въ возбуждающихъ и «забывающихъ» и можетъ идти въ ущербъ удовлетворенію болѣе важныхъ физіологическихъ потребностей или даже быть послѣдствіемъ недостаточнаго питанія организма. И дѣйствительно, за исключеніемъ указаннаго, «въ кругъ потребленія промышленниковъ не вошло ничего ни для устраненія той нечистоты, неопрятности, которая не можетъ не отзываться на здоровьѣ, ни для улучшенія своей пищи, которая скорѣе *даже ухудшилась*» [1]). Наконецъ, сравненіе, дѣлаемое авторомъ, относится къ промежутку въ цѣлыя 30 лѣтъ, пониженіе-же народнаго благосостоянія произошло главнымъ образомъ въ теченіи послѣдняго десятилѣтія.

Гдѣ изслѣдователи московскихъ промысловъ не ограничиваются записываніемъ тѣхъ или другихъ отзывовъ—всегда болѣе или менѣе субъективныхъ, такъ какъ они исходятъ не отъ безпристрастныхъ наблюдателей — а стараются собрать цифровыя указанія на движеніе промышленныхъ заработковъ во времени, тамъ мы въ большинствѣ случаевъ получаемъ неопровержимыя доказательства ихъ пониженія. Такъ, г. Исаевъ приводитъ данныя о поштучной платѣ точильщиковъ въ гончарномъ промыслѣ, изъ которыхъ видно, что съ 1863 по 1876 годъ она упала на 13%. „Приращеніе рабочихъ рукъ и застой въ фарфоровой промышленности и были причиной упадка сдѣльной платы. Но получая меньшую плату за каждый предметъ, рабочій увеличиваетъ напряженіе и поспѣшность своего труда; черезъ это онъ успѣетъ сдѣлать больше продуктовъ и заработать не меньше, чѣмъ прежде". „Десятка два лѣтъ тому назадъ, положеніе рабочихъ было гораздо лучше. Благодаря успѣшному сбыту товаровъ, заводчики предъявляли на нихъ такой запросъ, что ра-

[1]) Id., c. 79.

бочему не трудно было получить впередъ 100 р. и больше. Теперь заводчики не даютъ имъ при наймѣ такихъ суммъ“ [1]). Къ тому же выводу мы приходимъ и сравненіемъ современныхъ заработковъ мастеровъ съ бывшими въ началѣ 70-хъ годовъ. Средній заработокъ точильщика въ настоящее время 60—70 к. день, а прежде 60 — 1 р.; рисовальщикъ фарфоровой посуды вырабатываетъ теперь 40 — 50 к., а прежде 40 — 80 к. [2]). „Неупадокъ платы молольщиковъ, подавальщиковъ и др. объясняется тѣмъ, что они, какъ чернорабочіе, могутъ въ случаѣ паденія платы найти себѣ другую работу“. Но, во-первыхъ, этотъ „неупадокъ“ денежной платы долженъ быть признанъ за пониженіе матерьяльнаго ея содержанія, а во-вторыхъ, за ту же абсолютную цифру жалованья (60—75 р. въ годъ) молольщикъ долженъ теперь работать больше, такъ какъ урокъ ему съ 63 г. увеличился [3]).

Тоже самое говорятъ цифры, относящіяся къ щеточному промыслу Подольскаго и Звенигородскаго уѣздовъ. Заработки кустаря отъ сотни щетокъ были въ 1870 г.—17 р. 40 к., 1875—7 гг. (застой производства) — 4 р., въ 1878 г. — 11 р. 80 к., 1879—8 р. [4]). Постепенность уменьшенія была лишь временно нарушена во время и передъ войной. Поэтому намъ остается только согласиться съ слѣдующимъ заключеніемъ сборника: „Изъ того, что до сихъ поръ сказано о щеточномъ промыслѣ, можно замѣтить, что и вообще все современное его состояніе есть жалкое и, такъ сказать, безпомощное. Отсюда и экономическое положеніе самихъ производителей таково, что только весьма немногіе изъ нихъ имѣютъ сколько-нибудь значительные доходы; большинству же щеточниковъ, промыселъ даетъ возможность сводить лишь концы съ концами, перебиваться изъ-за соли на хлѣбъ“ [5].

Стоимость земледѣльческаго труда въ Московской губерніи, насколько доступны сравненію имѣющіяся у насъ данныя, также понизилась: въ настоящее время рабочаго въ Бронницкомъ уѣздѣ можно нанять лѣтомъ по 7 — 8 р. въ мѣсяцъ; въ началѣ же 70-хъ годовъ онъ стоилъ въ лѣто 46 — 60 р., т.-е. въ мѣсяцъ $7^1/_2$ — 10 р. Поденный трудъ оплачивается теперь въ жнитво 50 к., въ покосъ—25 к., около 10-ти лѣтъ назадъ поденщица

[1]) Id., стр. 145—6.
[2]) Ср. Id. и Докл. ком., и пр., прилож. I, отд. 2, стр. 163.
[3]) Id., стр. 144—5.
[4]) Сб. стат. свѣд. по Моск. губ. Т. VI, вып. I, стр. 41.
[5]) Id., стр. 47.

во время жатвы получала 60 — 70 к., въ сѣнокосъ: мужчина 60 к.—1 р., женщина 30—40 к. [1]).

Въ промышленной мѣстности пониженіе цѣны труда можетъ быть вознаграждено увеличеніемъ его напряженія: кустарь растягиваетъ свой рабочій день до 16—18 часовъ и иногда наверстываетъ потерю. Но это невозможно для земледѣльца: въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ земля уже вся распахана, и крестьянинъ не въ состояніи увеличить свой посѣвъ; въ другихъ мѣстностяхъ происходитъ тотъ же результатъ, вслѣдствіе ограниченности земледѣльческаго рабочаго сезона. Хотя цѣна продукта разсматриваемаго труда — хлѣба — постоянно ростетъ, но это совершается на рынкахъ, въ большинствѣ случаевъ недоступныхъ крестьянину; на мѣстѣ же, торгуя съ кулакомъ-скупщикомъ, онъ обыкновенно принужденъ отдавать хлѣбъ по цѣнѣ, назначенной послѣднимъ. Поэтому естественно ожидать, что цѣна земледѣльческаго труда будетъ отличаться большей устойчивостью сравнительно съ промышленнымъ, а нанимающіеся крестьяне земледѣльческихъ губерній съ теченіемъ времени станутъ получать плату, возвышающуюся, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы покрыть увеличивающіяся цѣны продуктовъ потребленія и ростущіе налоги. Но увы! И здѣсь мы легко подмѣтимъ указанную тенденцію заработка къ пониженію, не смотря на то, что при отрывочности данныхъ и сильныхъ колебаніяхъ цѣнъ разсматриваемаго труда въ зависимости отъ урожая, наплыва рабочихъ и проч., здѣсь намъ естественнѣе всего встрѣтить рядъ противорѣчивыхъ указаній, способныхъ лишь спутать всякую попытку отыскать какой-либо законъ измѣненія стоимости земледѣльческаго труда.

Земледѣльческій районъ, какъ и промышленный, слѣдовало бы раздѣлить на нѣсколько областей сообразно тому, довольствуются ли онѣ своимъ населеніемъ, привлекаютъ ли въ извѣстные моменты земледѣльческаго сезона народъ со стороны, или сами отпускаютъ бродячую армію рабочихъ. Затѣмъ, нужно было бы имѣть свѣдѣнія, по возможности однообразныя по мѣстности и другимъ условіямъ и касающіяся такихъ періодовъ земледѣльческой дѣятельности, которые отличаются въ этомъ отношеніи большимъ постоянствомъ и даютъ окрестному населенію значительные заработки. Такъ, въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ стоимость уборки хлѣба сильно колеблется въ зависимости отъ урожая на мѣстѣ и въ сосѣднихъ губерніяхъ, высы-

[1]) Ср. докл. прил. I, отд. I, стр. 102—3 и Сб. Стат. свѣд. по Моск. губ. Т. V, вып. I, стр. 135—9.

лающихъ сюда рабочія руки или привлекающихъ къ себѣ здѣшнія; поэтому, отрывочныя данныя этихъ цѣнъ вовсе не укажутъ намъ нормальнаго вознагражденія рабочихъ за извѣстныя усилія и, слѣдовательно, не будутъ имѣть большого значенія. Затѣмъ, для массы населенія важнѣе измѣненія той платы, какую рабочіе получаютъ круглый годъ или за постоянное занятіе, нежели повышеніе заработка въ какіе-нибудь отдѣльные моменты сезона. Но намъ выбирать не приходится, и мы по необходимости станемъ пользоваться всѣми данными, какія намъ встрѣтятся. Прибавимъ, что значительная часть свѣдѣній за послѣдніе годы почерпнута нами изъ описаній отдѣльныхъ помѣщичьихъ имѣній, а такъ какъ въ печать попадаютъ болѣе раціонально ведущія свои дѣла хозяйства, то нужно ожидать, что и наши цифры современнаго заработка трудящихся нѣсколько выше среднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, организація рабочей силы въ имѣніи — важнѣйшее условіе успѣшнаго хода дѣлъ, и хозяева-піонеры высшей земледѣльческой культуры, нужно полагать, не поскупятся на излишнія затраты, въ видахъ обезпеченія себя достаточнымъ количествомъ и качествомъ труда, а большій доходъ, получаемый ими съ раціонально организованнаго хозяйства, позволяетъ имъ сдѣлать это безъ обремененія послѣдняго непосильною тягостью. И дѣйствительно, мы встрѣтимся иногда съ прямыми заявленіями авторовъ описаній, что приводимыя ими цѣны труда выше окружающихъ. Отрывочность имѣющихся у насъ данныхъ служитъ причиною частой повторяемости такого явленія, какъ движеніе вознагражденія рабочаго той же мѣстности за различныя формы земледѣльческаго труда въ противуположныхъ направленіяхъ: поденная плата, напримѣръ, повышается, годовая или издѣльная падаетъ. Причины такого явленія (когда оно имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, а не есть результатъ недостаточности данныхъ) могли бы быть поняты только при болѣе близкомъ знакомствѣ со всѣми конкретными случаями. Съ однимъ изъ противорѣчій мы встрѣчаемся въ Симбирской губерніи. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Ардатовскомъ, Курмышскомъ, Сызранскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ поденный пѣшій рабочій получалъ на своемъ содержаніи: мужчина 30—50 к., женщина 15—30 к., конный вдвое больше; на хозяйскихъ харчахъ пѣшему мужчинѣ платили 20—40 к., женщинѣ—10—20 к. [1]). Въ концѣ 70-хъ гг. въ Корсунскомъ уѣздѣ пѣшій мужчина получалъ лѣтомъ на своемъ содержаніи 20—30 к., женщина и подростокъ—15—20 к.,

[1]) Докл. id. Прил. I, отд. I, стр. 110—111.

конный мужчина—30—40 к. [1]). Пониженіе очень значительное, и трудно предположить, чтобы оно задѣло только одинъ уѣздъ губерніи. Это подтверждается тѣмъ, что въ уѣздѣ губернскаго города батракъ въ послѣднее время стоитъ: годовой 40—50 р., лѣтній 30—40 р. [2]). Хотя за прежніе годы свѣдѣній по этому уѣзду не имѣется, но, принимая во вниманіе, что населеніе Симбирскаго уѣзда имѣетъ вблизи большой городъ и волжскую пристань, оно, вѣроятно, заработываетъ больше другихъ уѣздовъ губерніи, не пользующихся такими преимуществами; это подтверждается поденной платой, которая въ настоящее время для мужчины равна 25—50 к. и выше, т.-е. значительно больше корсунской; предполагая, что такое же отношеніе существовало и 10 лѣтъ назадъ, зная притомъ, что въ Корсунскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ средняя плата годовому работнику была прежде 40 р., лѣтнему 30 р., мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если примемъ, что вознагражденіе крестьянина Симбирскаго уѣзда было тогда выше этихъ цифръ, что оно приближалось, напримѣръ, къ вознагражденію сызранскаго крестьянина, которое для годового рабочаго составляло 43—53 р., для лѣтняго—35—49 р. А если эти соображенія справедливы, то мы можемъ сказать, что и въ Симбирскомъ уѣздѣ рабочая плата за послѣднее время упала. Послѣ такого заключенія мы вдругъ встрѣчаемся съ фактами противоположнаго характера. По даннымъ губернской земской управы, цѣны на уборку ржи въ 1879 г. были во всѣхъ уѣздахъ почти одинаковы: при наймѣ зимой въ среднемъ 2 р. 75 к. десятина (исключая Сызранскаго, Ардатовскаго и Алатырскаго уѣздовъ, гдѣ она 3 р.), при лѣтней наемкѣ она по уѣздамъ колеблется отъ 3 до 4 р. [3]) (исключая Сызранскій уѣздъ). Такое однообразіе даетъ намъ право заключить, что населеніе всѣхъ уѣздовъ губерніи находится приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ относительно заработка; если сызранскій крестьянинъ въ частности зимой соглашается наняться на лѣто на 9% дороже другихъ, это значитъ, что лѣтнія цѣны въ этомъ уѣздѣ немногимъ выше цѣнъ другихъ мѣстностей губерніи, а между тѣмъ, онѣ показаны управой въ 4 — 7½ р. десятина. Такое очевидное противорѣчіе можетъ быть объяснено только стеченіемъ обстоятельствъ, неожиданно поднявшихъ въ Сызранскомъ уѣздѣ цѣны на трудъ въ періодъ жатвъ, такъ какъ уборка хлѣба есть именно тотъ моментъ земледѣльческаго труда, стоимость

[1]) Сельск. хоз. и лѣс. 78, 8 «Крестьянское хозяйство, какъ оно есть».

[2]) Труды вольн. экон. общ. 79, 9.

[3]) «Землед. Газета», 80, 1. Изъ «Симб. Земск. Газеты».

котораго подвержена наибольшимъ колебаніямъ: напримѣръ, въ 1868 г. жнитво десятины ярового стоило въ томъ же уѣздѣ 8 р., а въ 1872 г. 2 р. 70 к. Поэтому, приведенная выше цѣна уборки хлѣба въ Сызранскомъ уѣздѣ въ 1879 г., какъ исключительная, не можетъ служить указателемъ вознагражденія за трудъ въ послѣдніе годы; судя же по тому, что зимняя наемка даетъ здѣсь рабочему лишь 9—10% преимущества надъ другими уѣздами, мы можемъ съ большой вѣроятностью принять за нормальную лѣтнюю цѣну уборки ржи въ этомъ уѣздѣ никакъ не больше 4—5 р. (на 25—30% выше платы въ другихъ уѣздахъ). Въ пользу необходимости подобной поправки цѣны, данной земствомъ, говоритъ и то обстоятельство, что тогда какъ во всѣхъ уѣздахъ колебанія лѣтней цѣны не превышаютъ 33%, въ Сызранскомъ она двигалась отъ 4 до 7½ р., т.-е. въ предѣлахъ почти 100%. Мы не можемъ признать эти колебанія за нормальныя тѣмъ болѣе, что періодъ уборки длится очень недолго. Нужно, слѣдовательно, предположить, что высшая цифра (7½ р.) встрѣтилась гдѣ-либо въ видѣ исключенія или какъ случайность; иначе невозможно понять, какимъ образомъ крестьяне соглашались работать за 4 р., если могли бы получить вдвое больше. Поэтому, мы думаемъ, что поступимъ правильнѣе, если за среднее вознагражденіе сызранскаго крестьянина при уборкѣ ржи примемъ 4—5 р. Сравнимъ эту плату съ прежней (прежняя другихъ уѣздовъ намъ неизвѣстна). Жатва одной десятины ржи въ Сызранскомъ уѣздѣ стоила въ 1868 г.—5 р., 1871—4 р., 1872—3 р. [1]), въ среднемъ слѣдовательно 4 р. Здѣсь возникаетъ новое сомнѣніе: какая десятина принималась въ томъ и другомъ случаѣ. Хотя въ сообщеніи симбирской управы (какъ оно передано „Земледѣльческой Газетой“) размѣры десятины не показаны, но затѣмъ урожай опредѣляется на десятину въ 3,200 кв. саж.; естественно заключить, что таковая же предполагалась и выше. Въ докладахъ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства (откуда мы почерпаемъ свѣдѣнія о цѣнѣ труда въ началѣ 70-хъ годовъ), какъ изданіи оффиціальномъ, принимается, вѣроятно, казенная десятина, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ (какъ и въ нашемъ), когда не упомянуто, что приводимая десятина — спеціальной мѣры. Если эти соображенія справедливы, если единицы мѣры того и другого періода не одинаковы, то для приведенія обоихъ показаній къ одному знаменателю мы уменьшимъ современную намъ стоимость уборки на 25% (разница между десятинами того и другого періода), и

[1]) Доклады id., стр. 111.

тогда получимъ 3—3¾ р.—цѣны почти тѣ же, что и въ началѣ 70-хъ гг. Но этимъ дѣло не разрѣшается: мы сравнивали прежнюю плату съ исправленной *лѣтней* цѣной настоящаго времени, слѣдовательно, предполагали, что и она тоже лѣтняя; но можетъ быть, что она получена путемъ зимняго уговора съ рабочимъ; въ такомъ случаѣ ей слѣдуетъ противупоставить и современную плату зимней наемки, т.-е. 3 р., уменьшенные еще на 25%, каковая плата будетъ значительно меньше подесятинной платы начала 70-хъ годовъ (3½—4 р.). Наконецъ, предполагая даже десятины въ обоихъ случаяхъ одинаковыми, считая, что плата докладовъ средняя для лѣтней и зимней наемки, и сравнивая съ ней таковую же среднюю цифру современной цѣны, не поправляя даже лѣтняго элемента послѣдней, мы получимъ, что теперь рабочій имѣетъ 37½ к. или 10% больше, чѣмъ 10 лѣтъ назадъ [1]). Совокупность всѣхъ данныхъ соображеній и разсчетовъ даетъ намъ, кажется, право сдѣлать окончательное заключеніе, что денежное выраженіе заработной платы въ Симбирской губерніи въ концѣ 70-хъ годовъ, если не опустилось внизъ сравнительно съ таковымъ же конца 60-хъ, то и не поднялось значительно вверхъ, а это значитъ, что положеніе рабочаго ухудшилось.

Мы остановились такъ долго на этомъ примѣрѣ, чтобы показать читателю, съ какими затрудненіями приходится подчасъ въ нашемъ вопросѣ добираться до истины, да и то крайне относительной; въ послѣдующемъ мы будемъ значительно кратче. Относительно Саратовскаго уѣзда, мы встрѣчаемся съ такимъ противорѣчіемъ, что тогда какъ годовая плата сохранилась въ прежнихъ размѣрахъ, поденная и издѣльная упала: годовому батраку въ началѣ 70-хъ годовъ платили 40—80 р., въ концѣ этого десятилѣтія экономія кн. Кочубея, „Рыбушка“, нанимала ихъ за 50—70 р.—въ среднемъ та же плата; лѣтній въ настоящее время стоитъ 40 р. (за 7½ мѣс.), прежде ему платили 35 р., но здѣсь неизвѣстно нанимался ли рабочій только на полугодіе, какъ это обыкновенно бываетъ, или на 7½ мѣс., какъ въ первомъ случаѣ. Поденному прежде платили: пѣшему (зимой) мужчинѣ 30 к.—1 р., женщинѣ—20 к.—1 р., конному (лѣтомъ) мужчинѣ 40 к.—1 р. съ харчами и 60 к.—1 р. безъ харчей хозяина; въ настоящее время мужчину можно нанять за 30—40 к., женщину—за 20 к. Вспахать десятину тогда стоило 3 р., теперь 2 р.; уборка въ тѣ времена произ-

[1]) Средн. плата 68—72 гг.—4 р., средн. за 79 г., составленная изъ 3 р. зимней и 5 р. 75 к. лѣтней, будетъ 4 37½ к.; разница между ними 37½ к.

водилась исключительно пришлыми рабочими, бравшими за жнитво 6 — 7 р., теперь мѣстные жители дѣлаютъ ту же работу при зимнемъ задаткѣ за $2^1/_2$—$3^1/_2$ р., а при лѣтнемъ наймѣ—за 5—8 р., смотря по урожаю за Волгой [1]). Читатель видитъ, что въ общемъ заработки народа въ этомъ уѣздѣ понизились.

Въ Тульской губерніи рабочая плата, по словамъ г. Краинскаго, вслѣдствіе отсутствія отхожихъ промысловъ крайне низка: поденный рабочій на своемъ содержаніи въ среднемъ стоитъ: мужчина 20 к., женщина 15 к.; въ началѣ 70-хъ гг. лѣтняя плата въ разныхъ уѣздахъ, въ одинъ изъ наиболѣе дешевыхъ моментовъ земледѣльческаго сезона (посѣвъ), колебалась отъ 40 до 70 к. мужчинѣ и 20—50 к. женщинѣ; въ частности о Чернскомъ уѣздѣ можно сказать, что заработокъ крестьянина подымается теперь выше 25 к. въ день развѣ только во время уборки хлѣба, между тѣмъ какъ въ 1871 поденнаго рабочаго здѣсь нельзя было нанять ни за какія деньги; въ Богородицкомъ уѣздѣ за уборку десятины хлѣба платили въ началѣ 70-хъ гг. $3^1/_2$ р. при хозяйскихъ харчахъ и $4^1/_2$ р. безъ оныхъ, теперь скосить, связать и сложить десятину ржи стоитъ 2—$2^1/_2$ р., овса—1 р. 80 к.—$2^1/_2$ р. [2]).

Изъ уѣздовъ Курской губерніи мы имѣемъ за послѣдніе годы болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія только объ Обоянскомъ уѣздѣ—какъ разъ о такомъ, о которомъ нѣтъ ни слова въ докладахъ комиссіи; поэтому, не приводя цифровыхъ данныхъ, мы только скажемъ, что заработки населенія этого уѣзда въ послѣдніе годы значительно ниже тѣхъ, какіе были въ началѣ 70-хъ годовъ въ остальныхъ уѣздахъ; и если Обоянскій уѣздъ не самый дешевый въ губерніи, то это обстоятельство доказываетъ пониженіе заработной платы. Впрочемъ, о Щигровскомъ уѣздѣ мы имѣемъ свѣдѣнія, что цѣна молотьбы хлѣба тамъ повысилась съ 10—20 к. до 15—30 к. [3]).

На свекловичныхъ плантаціяхъ Харьковской губерніи самая высокая плата, по словамъ г. Ермолова, бываетъ въ маѣ мѣсяцѣ, при очищеніи полей отъ нападающаго на нихъ червя. Тогда работа идетъ непрерывно въ будень и праздникъ, и, чтобы замѣнить рабочему воскресное гулянье, помѣщикъ нанимаетъ музыку, устраиваетъ качели, выставляетъ водку. И въ это-то

---

[1]) Сравни доклады. Id., с. 113—114 и Сельск. хоз. и лѣс. 79, X. „Рыбушка“.

[2]) Ср. Докл. id., стр. 119—21 и Сельск. хоз. и лѣс. 78 г., 7, 8. „Хоз. въ имѣніи гр. Бобринскаго“. „Землед. Газ.“, 79, 34.

[3]) Ср. докл. id. с. 122—3 и „Земл. Газ.“ 79, 37, 44 и 80, 8; „Сельск. хоз. и лѣс.“ 78, 7.

горячее время рабочіе (главнымъ образомъ женщины и дѣти) получаютъ 4½ р. за рабочій мѣсяцъ въ 24 дня. Обращаясь къ докладамъ комиссіи, мы тамъ найдемъ мѣсячную лѣтнюю плату женщинѣ въ Ахтырскомъ уѣздѣ 5 р.; въ другихъ уѣздахъ, судя по цѣнамъ мужского труда, можетъ быть, нѣсколько меньше, такъ что слѣдуетъ признать денежный заработокъ крестьянъ неизмѣнившимся. Во время уборки хлѣба рабочая плата сильно колеблется погодно и помѣстно, поэтому отдѣльные примѣры ничего не доказываютъ: въ Харьковскомъ уѣздѣ, въ послѣдніе годы, цѣна въ этотъ періодъ колебалась отъ 65 коп. до 1 руб. 20 к., близъ Славянска въ 1879 г. она была 40—50 к.; въ 1871 году во многихъ уѣздахъ платили рабочимъ обоего пола по 2½ руб. въ день, а въ 1872 г. въ Изюмскомъ уѣздѣ заработокъ, вслѣдствіе неурожая и наплыва рабочихъ, упалъ до 22—25 к. въ день [1]).

Рабочій Тамбовской губерніи стоитъ зимой: мужчина 25 коп., женщина 12½ коп.; прежде, въ это же время, средняя плата ему колебалась по уѣздамъ отъ 20 до 35 к. для мужчины и 11—20 для женщины, исключая Спасскаго уѣзда, гдѣ она была значительно выше. Въ маѣ 1879 г., на своемъ содержаніи, мужчина получалъ въ среднемъ 37½ к., женщина 17½ к.; въ началѣ 70-хъ гг. лѣтняя плата 30—35 к. мужчинѣ и 15—20 к. женщинѣ была только въ 3-хъ уѣздахъ, въ остальныхъ лѣтомъ цѣна не опускалась ниже 50—60 к. мужчинѣ и 25—40 к. женщинѣ; конный въ 1879 г. нанимался за 75—80 к., а въ началѣ 70-хъ гг., смотря по уѣзду, отъ 45 к. до 1 р. [2]).

Въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, поденная плата въ настоящее время колеблется отъ 12—15 (зимой) до 35—45 к. (лѣтомъ) для мужчины и 10—12 (зимой) до 20—30 к. (лѣтомъ) для женщины; 8—10 лѣтъ назадъ, мужской рабочій день оплачивался зимой 20—30 к., лѣтомъ—30—60 к., женскій—зимой, 15—25, лѣтомъ—20—40 [3]).

Интересно посмотрѣть, какія заработки даютъ населенію мѣстности, притягивающія на земледѣльческія работы крестьянъ окрестныхъ губерній, а также тѣ, гдѣ народъ болѣе или менѣе обезпеченъ земельнымъ надѣломъ. Изъ губерній 1-го рода у

---

[1]) Срав. доклады, id., с. 125 и Сел. хоз. и лѣс. 1879 г. № 25. „Земледѣльч. Газета“ 1879, № 32 и 35.

[2]) Ср. доклады, id., с. 115—17, Тр. вольн. эконом. общ. 1878, 2 и „Нов. Время“, 79, 1175.

[3]) Ср. доклады, id., с. 109 и Сел. хоз. и лѣс. 78, 8.

насъ есть нѣсколько данныхъ о Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Херсонской губерніи, въ томъ числѣ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ, рабочій, на хозяйскомъ содержаніи, получалъ:

	Въ 1871 г.		Въ 1872 г.		Въ посл. годы въ Елисав. у.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
годовой	60 р.	36 р.	48 р.	36 р.	60 р.	32½ р.
лѣтній	48 „	—	36 „	—	52½ „	—

И такъ, цѣны послѣдняго года (не знаемъ, насколько онѣ нормальны), сравнительно съ 1871 г., возросли для нанятыхъ на лѣто мужчинъ и упали для женщинъ. Поденщикъ въ наше время получаетъ 30 к.—1½ р. (косарь), между тѣмъ какъ въ началѣ 70-хъ гг. цѣна была 40—50 к. пѣшему и до 1 р. 40 к. конному. Если такое возвышеніе заработной платы во время уборки хлѣба не случайность, то оно коснулось, во всякомъ случаѣ, не цѣлой губерніи, ибо въ другомъ ея уѣздѣ, Александрійскомъ, позже цѣны были ниже. Такъ, мужчина въ среднемъ получалъ 40 к., женщина—30 к., „притомъ поденные изъ другихъ деревень получали и хозяйское содержаніе“, слѣдовательно, ближайшіе крестьяне кормились при этомъ своими харчами; обращаясь къ началу 70-хъ гг., мы увидимъ, что на такихъ условіяхъ рабочимъ давали тогда гривенникомъ больше. Годовая цѣна работнику въ этомъ уѣздѣ теперь 65—75 р.; если и къ ней относится вышеприведенное замѣчаніе о хозяйскомъ содержаніи, то слѣдуетъ признать, что оно нѣсколько повысилось, сравнительно съ первыми годами этого десятилѣтія, когда рабочій получалъ 60—72 р., смотря по тому, нанимался ли онъ съ хозяйскими харчами или безъ оныхъ [1]).

О другой губерніи Новороссійскаго края, Екатеринославской, мы имѣемъ свѣдѣнія, касающіяся только побережья Азовскаго моря, слѣдовательно Ростовскаго и Маріупольскаго уѣздовъ, и относящіяся къ дорогимъ годамъ начала и конца прошедшаго десятилѣтія, 1871 и 1879 гг. Косарь здѣсь въ 1879 г. стоилъ 85 к.—1 р. въ день, гребецъ—половину; въ 1871 г. мужчина за тотъ же трудъ бралъ въ Ростовскомъ уѣздѣ 1 р. 20 к.—1 р. 75 к., женщина—50—75 к., это на хозяйскомъ содержаніи и отъ 1 р. 60 к. до 2 р.—мужчина, 55 к.—1 р.—женщина на своихъ харчахъ; въ Маріупольскомъ округѣ цѣны были нѣсколько ниже. Нанимая рабочихъ въ маѣ и половинѣ іюня,

[1]) Ср. доклады, id. 131—2 и Труды вольнаго экономич. общ. 1878 г., 2 и 1880 г., 4.

когда уже выяснился хорошій урожай пшеницы, въ 1879 г., за 4 мѣсяца давали 65 р., въ 1871 г. лѣтній, въ Ростовскомъ уѣздѣ, получалъ столько же. Издѣльно платили въ 1879 г. за уборку десятины ржи, съ вязкою сноповъ, $5^1/_2$ р., пшеницы 10—12 р.; въ 1871 г. за уборку десятины въ Маріупольскомъ округѣ брали 10 р., Ростовскомъ—11—13 р. [1]). И такъ, хорошія цѣны Екатеринославской губерніи конца 70-хъ гг. ниже таковыхъ же начала этого десятилѣтія, и заработки крестьянъ, стремящихся лѣтомъ на югъ, скорѣе понизились, чѣмъ повысились.

Не-лучше-ли поставлено дѣло въ Западномъ краѣ?

«Стоимость рабочаго дня (въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи въ концѣ 70-хъ гг.) поденнаго, начиная съ 10—15 к. въ мартѣ, достигаетъ своего maximum'a во время уборки хлѣба, въ іюлѣ, когда она доходитъ до 40—50 к., затѣмъ опять понижается и доходитъ до тѣхъ же 15 к. въ сентябрѣ». Въ началѣ 70-хъ гг. цѣна въ томъ же районѣ колебалась весной и осенью отъ 15 к. (полурабочій) и 25 к. (взрослый) до 35 и 40 к., лѣтомъ косорямъ и сѣвачамъ платилось отъ 40 до 75 к. [2]); за 10 лѣтъ заработокъ крестьянъ значительно понизился.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ Минской губерніи поденная заработная плата за послѣднія 20 лѣтъ измѣнилась слѣдующимъ образомъ:

	До 1861 года.	Въ началѣ 70 гг.	Въ концѣ 70 гг.
Мужчины . . .	10 —25 к.	30—60 к.	30—35 к. (цѣны лѣтомъ).
Женщины . . .	$7^1/_2$—15 „	20—25 „	15—30 „ (30 к. за жнит.) [3]).

Въ Черниговской губерніи, гдѣ пашня отдается крестьянамъ изъ доли, эта послѣдняя и теперь уже достигла такой величины, что крестьянину остается не больше, чѣмъ онъ получилъ бы, нанимаясь на батрацкую работу (при урожаѣ въ 30 пудовъ ржи всѣ расходы крестьянина будутъ 33 пуд.), и, однако, доля владѣльца продолжаетъ повышаться [4]). Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ цѣна труда теперь такая-же, какою она была въ 61 г. («Нѣжинскій уѣздъ», с. 187).

Представимъ еще нѣсколько данныхъ о сѣверныхъ губерніяхъ.

Раззореніе Вятскаго края, засвидѣтельствованное частнымъ и оффиціальнымъ путемъ, началось раньше такового же другихъ мѣстностей Россіи, и потому заработки крестьянъ замѣтно понизились тамъ еще въ первой половинѣ 70-хъ гг.

[1]) Ср. Докл., с. id. 129—30, Тр. вольн. эконом. общ 80, 3.

[2]) Ср. Докл., id. с. 134 и Сельск хоз. и лѣс. 80, 3.

[3]) Ср. Докл., id. с. 139 и Сельск. хоз. и лѣс. 78, 8.

[4]) „Отеч. Записки", 1878 г., X. „Евреи-арендаторы въ Черниговской губерніи".

	Въ 50-хъ гг.	Въ 70-хъ гг.
Такъ, валяльщики за пару сапогъ получали.	50 коп.	30 коп.
Плотники въ годъ	30—60 руб.	33 руб.
Печники	30—80 „	14—30 „
Каменьщики	60 „	50 „
Кузнецы	до 100 „	22 „
Цѣна же муки въ Котельнич. у. была пудъ.	30—40 коп.	70 коп.
„ „ мяса „ „ „ „ фунтъ.	4 „	12 „ [1]

Въ Каргопольскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи мука за 20 лѣтъ поднялась въ цѣнѣ въ 4 раза (съ 25 к. до 1 р. за пудъ), между тѣмъ какъ заработная плата увеличилась только вдвое; плата же за обработку бѣлки «не только не повысилась, но даже осталась такою же, какая была 40 лѣтъ назадъ, а за разборъ, подборъ, шитье и правку мѣховъ еще уменьшена. Тогда платили за разборъ 1,000 хребтовъ 17 к., а теперь платятъ 15 к., за подборъ хребтоваго мѣха давали 15 к., нынѣ 12 к.; за шитье хребтоваго мѣха платили 26 к., теперь 14 к.; за правку 100 паръ мѣховъ прежде платили около 8 р. с., а теперь даютъ 6 р. Цѣна за кройку черевъ уменьшена втрое» и т. д. [2]).

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находятся жители Велико-Устюжскаго уѣзда или, по крайней мѣрѣ, самого города (Вологодской губерніи). По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, поденная плата рабочему при обдѣлкѣ льна увеличилась съ 1870—1879 г. на 50%; но значеніе этого обстоятельства подрывается другими, имѣющимися у насъ свѣдѣніями; такъ за ческу пакли цѣна въ это же время возросла съ 23 до 28 к. съ пуда, т.-е. всего на 22%. Еще меньшее повышеніе окажется для бондарей, и эти данныя тѣмъ важнѣе, что мы можемъ поручиться за ихъ достовѣрность, такъ какъ имѣемъ поименный списокъ рабочихъ при одномъ изъ здѣшнихъ складовъ, съ обозначеніемъ вознагражденія каждаго въ періодъ съ 1870—1879 гг. Оказывается, что простому рабочему плата за это время возвысилась съ $7\frac{1}{2}$—8 р. до 9 р., т.-е. на 13—20%, хорошему бондарю съ 12 до 13—14, т.-е. на 8—17%. Что эти послѣднія цифры заслуживаютъ большаго довѣрія, доказывается вознагражденіемъ здѣшнихъ бурлаковъ, которое за 20 лѣтъ повысилось за извѣстный рейсъ съ 15 до 18 р., т.-е. на 20%, это за цѣлыя 20—25 лѣтъ. Обращаясь отъ этихъ денежныхъ разсчетовъ къ матеріальному содержанію заработной платы, мы приведемъ цѣны на нѣкоторые жизненные продукты. За послѣднія 8 лѣтъ (съ 1872—1879 гг.) наибольшему измѣненію подверглись цѣны ржаной муки, сайды

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1880, X. „Вятское земство“.

[2]) Труды ком. для изслѣд. куст. пром., в. IV, с. 296—7.

(рыба), вина и мяса; за исключеніемъ послѣдняго, всѣ эти продукты обильно потребляются рабочими. И такъ, пудъ ржаной муки поднялся въ цѣнѣ съ 75 к. до 1 р., т.-е. на 33%, ведро вина стоило въ 1872 г. 3 р. 80 к. (ведерной продажей) до 5 р. (въ розницу), въ настоящее время цѣна ему отъ 4 р. 80 к. до 7 р., т.-е. увеличилась на 26—40%; говядина съ 1 р. 85 к. до 2 р. 65 к. пудъ или на 30%, сайда тоже не меньше, какъ на 30%. Мало измѣнились (на 10—15%) изъ предметовъ обычнаго крестьянскаго потребленія цѣны постнаго масла и дровъ. И такъ, хотя заработная плата въ этомъ уголкѣ Россіи возвысилась, но не менѣе того поднялась и стоимость предметовъ потребленія, а также размѣры платежей въ казну и земство, такъ что количество продуктовъ, получаемыхъ населеніемъ для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, не только не увеличилось, но, можетъ быть, даже уменьшилось.

Мы могли привести читателю только немногія цифровыя данныя по интересующему насъ вопросу, хотя изъ различныхъ мѣстныхъ изданій ихъ, вѣроятно, можно было бы набрать гораздо больше. Кромѣ того, цифры наши (за исключеніемъ относящихся къ промышленному заработку) сомнительны и въ качественномъ отношеніи, ибо мы очень часто, какъ замѣтилъ читатель, не могли сказать положительно, насколько онѣ нормальны для такого района, какъ цѣлая губернія или даже одинъ только уѣздъ, и въ какихъ случаяхъ ихъ слѣдуетъ признать типическими для того или другого историческаго момента. Но всѣ эти недостатки служили бы важнымъ препятствіемъ для выводовъ, если бы мы писали изслѣдованіе о заработной платѣ въ Россіи; въ разсматриваемомъ же случаѣ, когда положеніе о сокращеніи заработка за послѣднее десятилѣтіе логически вытекаетъ изъ данныхъ объ упадкѣ производства, абсолютная вѣрность цифровыхъ указаній не имѣетъ такого значенія, какое слѣдуетъ за ней признать, если бы устанавливаемое послѣдними положеніе находилось въ дисгармоніи съ заключеніями, полученными инымъ путемъ. Такъ, мы бы пришли въ недоумѣніе, если бы послѣ всего, что намъ извѣстно о состояніи промышленности, цифры заработка свидѣтельствовали бы о возвышеніи благосостоянія народа; но мы видимъ, напротивъ, что вышеприведенныя данныя, несмотря на всю ихъ отрывочность, указываютъ, однако, съ достаточной ясностью на положеніе, находящееся, кромѣ того, въ логической связи съ выводами, полученными изъ фактовъ иного рода. А въ такомъ случаѣ извлеченное изъ нихъ заключеніе не только становится

достаточно для насъ убѣдительнымъ, но и подтверждаетъ истину положеній, установленныхъ раньше.

И такъ, за немногими исключеніями, заработная плата въ приводимыхъ нами случаяхъ не удержалась даже на прежней своей *денежной* величинѣ. А имѣя въ виду вздорожаніе предметовъ необходимости, мы должны сказать, что не только status quo денежной стоимости труда, но и небольшое ея возвышеніе равносильно пониженію натуральнаго вознагражденія рабочаго. Такъ, напримѣръ, по сообщенію президента г. Варшавы, заработная плата за послѣднія 30 лѣтъ тамъ поднялась: пѣшему рабочему съ 35 до 60 к. въ день, конному съ 1 р. 40 к. до 2 р. 75 к., т.-е. почти на 100%. Съ перваго взгляда можно подумать, что пропорціонально возвысилось и благосостояніе трудящагося; но, обращаясь къ цѣнамъ на жизненные продукты, мы придемъ уже къ другому заключенію; мы узнаемъ что стоимость ржи возросла за это время на 275%, мясо—240%, т.-е. слишкомъ вдвое больше сравнительно съ ростомъ заработной платы. А потому положеніе рабочаго не только не улучшалось вмѣстѣ съ возвышеніемъ его денежнаго заработка, а прогрессивно падало и теперь стоитъ на 72% (?) ниже [1]). По словамъ г. Иванова, близко знакомаго съ состояніемъ рогожнаго промысла въ Макарьевскомъ уздѣ, Нижегородской губ., денежный заработокъ кустарей съ 1867 по 1878 г. возвысился съ 2 до $2^1/_2$ р. въ недѣлю, но это не доказываетъ улучшенія ихъ благосостоянія: тогда какъ въ 1867 г. за свой двухрублевый недѣльный доходъ рогожникъ могъ купить около 3 пуд. хлѣба, теперь за $2^1/_2$ р. онъ пріобрѣтетъ не больше $2^1/_4$ пудовъ [2]). Тоже самое мы наблюдаемъ и на тверскихъ кузнецахъ, принужденныхъ теперь употреблять пищу, которою прежде кормили скотину, и это въ то время, когда ихъ денежный заработокъ увеличился на $^1/_3$.

А между тѣмъ, въ большинствѣ приводимыхъ нами случаевъ, денежное вознагражденіе рабочаго или осталось прежнимъ, или понизилось. Поэтому, мы имѣемъ полное право сказать, что данныя, относящіяся къ положенію нашей промышленности за послѣднее десятилѣтіе, вмѣстѣ съ фактами, указывающими на измѣненіе народныхъ заработковъ, согласно подтверждаютъ все больше распространяющееся въ обществѣ убѣжденіе, что народъ нашъ бѣднѣетъ, что даже національное производство сокращается; что такое серьезное разстройство экономическаго быта зависитъ не отъ поверхностныхъ вліяній и не можетъ быть исправлено палліа-

[1]) Новое Время, 1880, 1640. Изъ Правит. Вѣстн.

[2]) Русское Богатство, 1880, 9.

тивами въ родѣ уничтоженія подушной подати, солянаго акциза, помощи крестьянамъ при покупкѣ ими земли черезъ посредство земскихъ банковъ, устраненіемъ законодательныхъ препятствій переселеніямъ крестьянъ и т. п. Исцѣленіе можетъ быть произведено лишь радикальнымъ измѣненіемъ самыхъ основаній нашей внутренней экономической политики, которая должна отречься отъ солидарности съ капиталистическимъ производствомъ, не оправдавшимъ надеждъ, возлагаемыхъ на него обществомъ, оказавшимся неспособнымъ утвердиться въ Россіи настолько, чтобы сдѣлаться руководителемъ нашей промышленности въ ея прогрессивномъ развитіи, и только принесшимъ свою лепту на алтарь, гдѣ было заклано мелкое производство, а съ нимъ и народное благосостояніе.

Факты, приведенные въ этой главѣ, противорѣчатъ тому заключенію, какое способенъ сдѣлать человѣкъ, прикидывающій къ Россіи шаблонъ западно-европейскихъ порядковъ. По этому шаблону мы должны были встрѣтить въ Россіи прогрессивное сокращеніе мелкой промышленности подъ вліяніемъ столь же прогрессивнаго расширенія крупной, а нашли упадокъ той и другой. Нормы этого упадка въ обоихъ этихъ случаяхъ настолько различны, что дѣлаютъ совершенно несбыточной попытку найти въ русской жизни подтвержденіе эмпирическихъ законовъ промышленнаго прогресса по западно-европейскому образцу, которымъ мы придавали значеніе научныхъ законовъ общечеловѣческаго развитія. Несмотря на бѣглость нашего обзора, все-таки выяснилось съ достаточной очевидностью, что кустарная промышленность падаетъ *относительно* между тѣмъ, какъ капиталистическая сокращается *абсолютно:* въ первомъ случаѣ мы имѣемъ, какъ общее правило, такое быстрое расширеніе производства по числу занятыхъ рукъ и количеству поставляемыхъ на рынокъ товаровъ, что оно перерастаетъ спросъ и потому ведетъ къ пониженію доходовъ кустарей, становится недостаточнымъ *сравнительно съ нуждою народа въ заработкѣ;* въ области же капиталистической промышленности мы видимъ сокращеніе, какъ въ числѣ рабочихъ, такъ и въ количествѣ произведенныхъ товаровъ. Т.-е., тогда какъ мелкое производство черезчуръ быстро распространяется впередъ, крупное клонится къ упадку.

Это противорѣчіе жизни и теоріи — такое несходство явленій, совершающихся въ Россіи, съ имѣвшими мѣсто въ Европѣ въ то время, когда она переживала періодъ, на который, предполагается, вступила только теперь Россія, періодъ водворенія капиталистической промышленности или организаціи общественной

формы труда капиталомъ—противорѣчіе это находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что мы неправильно воспользовались методами изслѣдованія общественной жизни, частное явленіе приняли за общій соціологическій законъ. Наука подмѣтила въ исторіи смѣну однѣхъ формъ промышленности другими, причемъ каждая послѣдующая отличается отъ предыдущей бо́льшей производительностью труда, развитіемъ его общественной организаціи и возрастающей капитализаціей производства. Обративъ все вниманіе только на эти стороны процесса, не расчленивъ ихъ на главныя и второстепенныя и притомъ игнорируя его отрицательныя вліянія (на благосостояніе и здоровье рабочихъ), политико-экономы найденную *конкретную* форму промышленнаго прогресса возвели въ абстрактный общеобязательный законъ. Между тѣмъ, какъ для всякаго предубѣжденнаго ума ясно, что формула западно-европейскаго промышленнаго развитія состоитъ не изъ равнозначащихъ элементовъ, что развитіе производительности труда есть основное явленіе и притомъ единственное, которое по нашимъ понятіямъ о прогрессѣ можетъ быть признано за обязательное для всякой развивающейся страны, что комбинація мелкихъ мастерскихъ въ одну крупную промышленную единицу, а тѣмъ паче участіе въ этомъ процессѣ капитала есть лишь одно изъ орудій прогресса и потому должно быть признано за второстепенное явленіе, получившее, однако, такое выдающееся значеніе на Западѣ только благодаря тому, что весь процессъ совершался подъ руководствомъ капитала, верховный принципъ котораго — возрастаніе прибавочной стоимости — требовалъ развитія общественной формы труда (или, что тоже, образованія крупныхъ мастерскихъ) во что бы то ни стало, не обращая вниманія на происходящій отъ этого вредъ для рабочаго, принося физическое и нравственное благосостояніе послѣдняго въ жертву своему мамону. Уже одно противорѣчіе цѣлей общественнаго прогресса (поднятіе физическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія людей) съ тѣми задачами, которыя онъ сталъ преслѣдовать подъ руководствомъ капитала, и тѣми послѣдствіями, которыя оттого произошли для рабочаго, это превращеніе верховной цѣли общежитія — человѣка, въ средство для процвѣтанія производства, уже одно это должно было навести изслѣдователей на мысль, что капиталистическій способъ развитія производительности труда есть ненормальный, противорѣчащій задачамъ общества, и что поэтому не могутъ быть признаны правильными всѣ тѣ пріемы, которыя онъ употреблялъ для достиженія цѣли, и между ними — игравшее выдающуюся роль скученіе производителей въ

больнія мастерскія, фабрикъ и мастерскихъ въ города, а также стремленіе производства расширяться далеко за предѣлы внутренней потребности въ его продуктахъ, подчинять себѣ (экономически) чуждые народы и т. д.

А между тѣмъ, историки и политико-экономы, поражаемые и подкупаемые грандіозностью формъ, принимаемыхъ промышленностью подъ эгидой капитала, совершенно игнорировали народную жизнь и тѣ попытки, какія дѣлались ремесленнымъ производствомъ съ цѣлью, не теряя до поры до времени своей ремесленной организаціи и связанной съ нею исторически самостоятельности производителя, достигнуть выгодъ детальнаго раздѣленія труда, которое было въ высокой степени развито капиталомъ и которое, говорятъ, можетъ быть осуществлено только черезъ соединеніе нѣсколькихъ мелкихъ мастерскихъ, путемъ организаціи общественной формы труда, что, повторяемъ, по историческимъ условіямъ не могло быть достигнуто безъ потери самостоятельности каждымъ отдѣльнымъ производителемъ. Не останавливаясь на этомъ болѣе подробно (что нами сдѣлано уже въ главѣ III), мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ изъ жизни русскаго кустарнаго промысла въ поясненіе того, что обыкновенно называемое мануфактурнымъ раздѣленіе труда возможно и безъ соединенія производителей въ одну мастерскую, и безъ потери ими своей хозяйственной самостоятельности.

Производство деревянной ложки разбивается на 10 различныхъ операцій и потому, чтобы воспользоваться всѣми выгодами раздѣленія труда, мастерская должна бы состоять изъ довольно большого числа лицъ. По такимъ размѣрамъ нормальной промышленной единицы, приближающимъ ее скорѣе къ типу мануфактурной, а не ремесленной мастерской, производство это было бы недоступно обыкновенной крестьянской семьѣ и такъ какъ, по разсматриваемой нами теоріи, ремесленники сами не въ состояніи додуматься до соединенія въ артель, то организацію общественной формы труда долженъ взять на себя капиталъ: кулакъ соберетъ подъ одну кровлю нѣсколькихъ рабочихъ, раздѣлитъ между ними всѣ операціи и такимъ путемъ возвыситъ производительность труда. Такъ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ и идетъ промышленный прогрессъ, но семеновскіе ложкари устроили свое дѣло иначе; ложка, по мѣрѣ ея изготовленія, переходитъ черезъ 3 различныя мастерскія: однѣ семьи, въ качествѣ самостоятельныхъ кустарей, выдѣлываютъ ложку на-черно и сбываютъ купцамъ; тѣ отдаютъ ее сначала другимъ ремесленникамъ въ отдѣлку, а затѣмъ третьимъ въ окра-

ску [1]). Г. Тим—ъ утверждаетъ даже, что семьи, совершающія различныя операціи, связаны между собой артельно: «одна семья разрубаетъ дерево на мелкіе куски, другая эти куски топоромъ обрубаетъ, придавая грубую форму ложекъ, третья рѣзцомъ выдалбливаетъ ложки, четвертая окончательно обдѣлываетъ внѣшнюю форму, пятая краситъ, шестая наводитъ лакъ и т. д.; когда значительный запасъ ложекъ приготовленъ, продаютъ въ Семеновѣ, въ Нижнемъ или на мѣстѣ скупщикамъ, а выручка дѣлится поровну»; и что «въ Тверской губ. при раздѣленіи труда, подобномъ ложечному, выковываются топоры, гвозди и проч.» [2]). Но даже, еслибы артели не существовало, то и тогда мы должны были бы признать, что мелкое ремесло нашло способъ воспользоваться всѣми техническими выгодами мануфактуры, что промышленность страны можетъ ступить на мануфактурную ступень своего развитія, не принимая за образецъ ту промышленную единицу (большая мастерская, принадлежащая капиталисту), какая выработана этимъ періодомъ на Западѣ, а создавая форму болѣе подходящую къ мѣстнымъ условіямъ, форму мануфактуры, такъ сказать, расчлененной, при которой сохраняется хозяйственная самостоятельность рабочаго.

Такое же мануфактурное раздѣленіе труда безъ образованія большой промышленной единицы (завода, фабрики и проч.), мы имѣемъ и въ валеномъ промыслѣ той же Нижегородской губерніи: колпаки для шляпъ и стельки катаются въ одномъ селѣ, а стираются и получаютъ окончательную отдѣлку въ другомъ [3]). Мы не будемъ больше распространяться объ этомъ предлагая читателю обратиться къ III гл., гдѣ онъ кромѣ того узнаетъ и о попыткахъ, имѣвшихъ мѣсто на Западѣ, примѣнить къ мелкому производству такіе, напримѣръ, факторы успѣшности труда, считающіеся специфической принадлежностью крупной промышленности, какъ паръ, машины.

Изъ всего этого очевидно, что формула промышленнаго прогресса, выработанная западной Европой для того, чтобы сдѣлаться универсальной, требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій и поправокъ. Формула эта такова: *развитіе производительности труда путемъ организаціи его общественной формы подъ руководствомъ капитала.* Существенная часть этого положенія, его содержаніе заключается въ развитіи производительности труда, это послѣднее можетъ быть достигнуто путемъ его обобществленія, но мы-

[1]) Труды Комиссіи для изслѣд. куст. пром., в. II.

[2]) „Русское Богатство", 1880, 5. „Съ поволжья".

[3]) Труды комиссіи id., в. V.

слимо въ очень многихъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ или для многихъ производствъ и безъ комбинаціи мелкихъ мастерскихъ въ крупныя; наконецъ, самая общественная форма труда, въ тѣхъ случаяхъ, когда она необходима, можетъ быть достигнута, какъ артельнымъ или правительственнымъ путемъ, такъ и при посредствѣ капитала. Слѣдовательно, капиталистическое производство есть лишь одна изъ формъ осуществленія промышленнаго прогресса, между тѣмъ какъ мы его приняли чуть ли не за самую сущность и во всякомъ случаѣ участіе капитала въ процессѣ считали conditio sine qua non экономическаго развитія страны. Очевидно, что мы сильно увлеклись примѣромъ Запада, и разочарованіе, испытанное нами, когда мы попробовали прикинуть къ Россіи шаблонъ западно-европейской организаціи, не должно омрачать наши надежды на развитіе у себя производительности труда; пораженіе, испытанное въ Россіи капитализмомъ, не есть смертный приговоръ исторіи родной нашей культурѣ; это явленіе не служитъ доказательствомъ косности и неспособности русскихъ къ прогрессу, а должно считаться благопріятнымъ признакомъ, доказательствомъ возможности для насъ достигнуть участія въ общечеловѣческой цивилизаціи, воспользоваться всѣми чистыми благами послѣдней, не прививая къ себѣ ея вредныхъ сторонъ, не проходя той ступени экономическаго развитія, на какой стоитъ въ настоящее время Европа, и которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ и публицистовъ, служитъ основаніемъ всѣхъ золъ, составляющихъ темную сторону цивилизаціи.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній прибавимъ, что такой результатъ, такое отступленіе Россіи отъ историческихъ формъ Запада произошло, по нашему мнѣнію, не въ силу какихъ-либо расовыхъ особенностей русскаго народа. Оно есть естественное послѣдствіе тѣхъ условій, въ какихъ теперь находятся другъ къ другу различныя страны: стѣсненіе международной торговли, развивающееся по мѣрѣ привлеченія къ прогрессу новыхъ народовъ, создаетъ для молодыхъ странъ все большія и большія затрудненія пышному расцвѣту у нихъ капиталистическаго производства. Наша особенность состоитъ въ томъ, что мы послѣ другихъ выступили на путь прогресса, и эту особенность со всѣми ея послѣдствіями раздѣляютъ съ нами и многіе другіе славянскіе и не славянскіе народы. Мы счастливы еще и тѣмъ, что до настоящаго времени сохранили у себя такія общечеловѣческія черты характера и учрежденія (артельный духъ, община), которыя другими народами давно уже утрачены и которыя придется имъ опять завоевывать.

И такъ, въ промышленной жизни Россіи за послѣднее десятилѣтіе мы замѣтили относительный упадокъ мелкой промышленности и абсолютный—крупной капиталистической. То и другое явленіе, несмотря на совершенно различное значеніе, какое они имѣютъ, какъ предтечи будущей судьбы обѣихъ формъ промышленности, произошло отъ одной причины—обѣднѣнія народа. Сѣсненное во внѣшнемъ сбытѣ крупное производство могло бы безъ явнаго позора тянуть у насъ свое существованіе при обширномъ внутреннемъ рынкѣ. При общей суммѣ вывоза 400—500 мил. руб. и таковомъ же приблизительно оборотѣ фабричной промышленности, мы отпускаемъ продуктовъ послѣдней всего какихъ-нибудь 10—20 мил. руб., очевидно, что процвѣтаніе этой формы промышленности въ Россіи немыслимо безъ возвышенія благосостоянія массы народа, создающаго запросъ на продукты капиталистическаго производства. Улучшеніе же матеріальнаго благосостоянія народа не можетъ быть достигнуто при господствѣ послѣдняго, ибо всякій его шагъ впередъ, при невозможности расширить рынокъ пропорціонально увеличенію количества продуктовъ—каковое неизбѣжно явится, еслибы всѣ мелкіе ремесленники, лишаемые развивающимися капитализмомъ своей самостоятельности, были привлекаемы къ производству въ качествѣ наемныхъ рабочихъ—всякій его шагъ станетъ сопровождаться уменьшеніемъ числа работающихъ, лишеніемъ части населенія заработка.

И такъ, капиталистическая организація, попытавшись утвердиться въ Россіи, вступила въ своего рода заколдованный кругъ: для ея процвѣтанія необходимо богатое населеніе, но каждый ея шагъ на пути развитія сопровождается обѣднѣніемъ послѣдняго; развитіе капиталистическаго производства ведетъ къ обѣднѣнію народа, а это обѣднѣніе подрываетъ существованіе указанной формы промышленности. Кругъ этотъ могъ бы быть разорванъ, еслибы крупное производство, пока оно не основано на артельныхъ началахъ, отмежевало себѣ область, изъ которой не пыталось бы выйти. Въ такомъ случаѣ оно нетолько бы существовало безъ треволненій и опасеній за свое будущее, но и сослужило бы великую службу странѣ. Есть много отраслей труда, гдѣ крупная организація производителей составляетъ въ настоящее время техническую необходимость: желѣзныя дороги, пароходы, горное дѣло, машиностроеніе и т. п. не могутъ существовать въ ремесленной формѣ — пусть эти отрасли и остаются въ вѣдѣніи крупной организаціи. Да и то сомнительно, чтобы таковая явилась здѣсь по милости капитала, и чуть ли не неиз-

бѣженъ переходъ этихъ отраслей производства въ руки правительства.

И такъ, даже нашего краткаго обзора современной экономической жизни достаточно, чтобы констатировать, что выдающимся явленіемъ послѣдняго десятилѣтія, опредѣляющимъ направленіе промышленнаго развитія страны, было обѣднѣніе народа. Оно имѣло послѣдствіемъ сокращеніе земледѣлія и оборотовъ крупнаго производства, переполненіе кустарныхъ промысловъ работающими, поведшее къ запруженію рынковъ товаромъ, ненормально быстрое возрастаніе предложенія труда, результатомъ каковой совокупности явленій оказалось сокращеніе народныхъ заработковъ и переживаемый нами теперь кризисъ. Отчего же произошло обѣднѣніе народа? Есть ли это неизбѣжное послѣдствіе вліяній, оказанныхъ на нашъ бытъ прежними дореформенными порядками, наслѣдіе, полученное отъ прошлаго, или не малую роль играли въ этомъ процессѣ и различныя мѣропріятія послѣдняго времени, слѣдовательно, отвѣтственнымъ лицомъ за результаты являются тѣ, кто былъ зиждителемъ мѣропріятій, такъ называемое общество? И въ послѣднемъ случаѣ, гдѣ заключалась основная ошибка, поведшая ко всему остальному? Насколько, наконецъ, виноватъ здѣсь самъ народъ, своею косностью допустившій такое разложеніе, не противупоставившій бѣдствію свою общинную солидарность, не поддержавшій отдѣльныхъ членовъ мірской организаціи, пустившій ихъ бороться за существованіе въ разсыпную, вмѣсто того, чтобы заставить еще тѣснѣе сомкнуться? Не доказываетъ ли это, что способность народа къ самодѣятельности и его общинная организація, пріобрѣтенныя имъ въ продолженіе тысячелѣтней исторіи, спасшія личность крестьянина отъ окончательнаго порабощенія во время крѣпостнаго права, все, въ чемъ сохранились оригинальныя черты, выгодно отличающія простой народъ отъ безпринципнаго общества, что все это оказалось отжившимъ, негоднымъ для новой жизни, въ какую вступила страна послѣ реформы, и потому разсыпавшимся въ прахъ передъ лучемъ свѣта истинной цивилизаціи?

Говорятъ, что основная причина современныхъ бѣдствій заключается въ малой производительности народнаго труда: въ кустарной промышленности до сихъ поръ господствуютъ допотопные пріемы и орудія, въ земледѣльческой продолжается процессъ истощенія почвы, не смотря на то, что уже давно наступилъ моментъ, когда необходимо перейти къ высшей сельскохозяйственной культурѣ. Доколѣ не совершатся требуемыя жизнью преобразованія, пока не увеличится количество продуктовъ, до-

бываемыхъ каждымъ отдѣльнымъ производителемъ, до тѣхъ поръ народъ не выйдетъ изъ бѣдности, ибо ростущія потребности государства требуютъ постояннаго возростанія жертвъ, приносимыхъ въ его пользу народомъ.

Согласны, что производительность нашего труда крайне низка сравнительно съ европейской и что необходимымъ элементомъ прогресса должно быть и ея повышеніе. Допустимъ, что и отвѣтственность за эту низкую производительность въ прошедшемъ не ложится ни на одинъ слой русскаго общества; исторія поставила нашу страну въ хвостѣ цивилизаціи, а путы, какими былъ связанъ народъ, чтобы не убѣжалъ съ барскаго поля, не могли способствовать развитію его производительныхъ силъ. Но нужно признать также, что все это должно было имѣться въ виду, когда приступали къ реформамъ, когда ожидали громаднаго роста государственныхъ расходовъ. Малая производительность труда есть то необходимое въ соціальной обстановкѣ Россіи, съ чѣмъ долженъ считаться всякій, желающій такъ или иначе воздѣйствовать на текущую жизнь. Судьбы этой не могло избѣжать и правительство въ своей преобразовательной работѣ. Правящимъ классамъ слѣдовало понимать, что подобныя измѣненія въ народной жизни не совершаются по сказочному, что этотъ процессъ требуетъ для своего завершенія многихъ десятилѣтій, даже вѣковъ, что онъ составляетъ притомъ одну изъ главныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ и государствомъ, словомъ, что возвышеніе производительности труда можетъ быть достигнуто только совокупными усиліями народа и государства. Поэтому, обремененіе страны новыми расходами должно было развиваться параллельно съ успѣхами, достигаемыми на пути возвышенія производительности труда; преобразованія, требующія большихъ расходовъ, должны слѣдовать за реформами, способствующими подъему производительныхъ силъ страны: лишь въ такомъ случаѣ они будутъ вынесены ею легко, уплачены такъ сказать изъ доходовъ, а не оборотнаго капитала. Т.-е. въ рядѣ реформъ, намъ предстоявшихъ, нужно было соблюсти извѣстную послѣдовательность, въ которой первыя мѣста принадлежали бы такимъ положительнымъ и отрицательнымъ мѣрамъ, результатомъ которыхъ было бы увеличеніе производительности труда, а затѣмъ уже можно было бы приступить къ такимъ, которыя отражаются на плательщикахъ, главнымъ образомъ, возвышеніемъ финансовой тягости.

Въ прежнее время такимъ плательщикомъ былъ народъ. Съ наступленіемъ эпохи преобразованій слѣдовало опредѣлить направленіе, въ какомъ пойдетъ наше экономическое развитіе и

которому предполагало покровительствовать правительство: станетъ ли оно поддерживать народное самостоятельное хозяйство, способствовать развитію общественной формы труда на артельныхъ началахъ или примется создавать крупную промышленность, организуемую капиталомъ. Какой путь избрать — это зависѣло отъ общаго развитія нашего общества, интенсивности эгоизма привиллегированныхъ классовъ, вліянія, какое эти классы, а также журналистика оказывали на правительство, способностей и проницательности лицъ, стоящихъ во главѣ реформаціонной партіи. Но разъ избранъ тотъ или другой путь, разъ было рѣшено, что основаніемъ нашего дальнѣйшаго прогресса послужитъ народное или капиталистическое производство, и всѣ тягости по преобразованію должны быть возложены на это избранное дѣтище. Этого требуетъ нетолько справедливость, но и простой разсчетъ: если въ будущемъ всѣ усилія государства направятся на развитіе, напримѣръ, капиталистическаго производства, если поэтому интересы мелкой промышленности будутъ игнорироваться, что естественно поведетъ къ ея упадку, то, — коль скоро она служитъ главнымъ или единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ,—ея упадокъ отразится и на послѣднихъ. Поэтому естественно ожидать, что между нашими финансовыми и экономическими реформами будетъ существовать извѣстная солидарность и онѣ пойдутъ рука объ руку: экономическія преобразованія станутъ создавать и развивать источники національнаго богатства, которые послужатъ основаніемъ для новаго финансоваго зданія. Не тутъ-то было!

Отчего это случилось—не наше дѣло, но только съ первой же большой реформы преобразовательное движеніе сѣло такъ сказать межъ двухъ стульевъ. Извѣстно, что между принципами, положенными въ основаніе крестьянской реформы редакціонными комиссіями, и фактическими отношеніями, въ какія поставлены крестьяне положеніемъ «19-го февраля», существуетъ значительное противорѣчіе. Самый законъ носитъ на себѣ слѣды борьбы 2-хъ направленій: покровительства мелкой и крупной земледѣльческой промышленности, причемъ теоретическая часть или мотивировка положенія построена въ пользу первой, а формулированіе статей закона играетъ на руку послѣдней. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ основаніе земельнаго устройства крестьянъ положено въ принципѣ отведеніе имъ такого надѣла, который бы обезпечивалъ ихъ бытъ и выполненіе обязательствъ передъ правительствомъ и помѣщиками; этимъ какъ бы высказывается, что ре-

форма будетъ совершена въ пользу мелкаго производства. Въ дальнѣйшемъ развитіи принципъ этотъ отчасти уже былъ нарушенъ принятіемъ положенія о сохраненіи существующихъ надѣловъ безъ вниманія къ тому обстоятельству, что въ виду быстраго возростанія налоговъ, которое неминуемо послѣдуетъ при дальнѣйшихъ преобразованіяхъ, у народа должны быть увеличены и средства ихъ выносить и что съ размноженіемъ населенія отведеннаго количества земли будетъ недостаточно для достиженія цѣлей реформы. Но чѣмъ дальше подвигается составленіе новаго закона, тѣмъ сильнѣе затемняется основная мысль законодателя, тѣмъ больше привиллегій получаетъ крупное землевладѣніе. Такъ, принявъ за основаніе сохраненіе существующаго надѣла, редакціонныя комиссіи,—въ видахъ огражденія интересовъ крестьянъ, владѣвшихъ недостаточными участками, и чтобы не обидѣть тѣхъ помѣщиковъ, которые предоставили крестьянамъ почти всѣ свои земли — допустили отрѣзки въ пользу той и другой стороны, т.-е. такъ называемые высшій и низшій надѣлы. Принципъ сохраненія хозяйственной самостоятельности народа оставался при этомъ ненарушимымъ, и сама система отрѣзокъ принята была, какъ мѣра, способствующая возстановленію нарушенной эгоизмомъ помѣщика самостоятельности крестьянъ; слѣдовало поэтому ожидать, что предѣльныя нормы будутъ назначены такой величины, чтобы достигалась главная цѣль реформы и чтобы, если уже неизбѣжны ошибки, онѣ были бы въ пользу крестьянъ, какъ преобладающаго класса, для котораго къ тому же то или другое количество земли представляетъ существенную важность, а помѣщикъ самымъ фактомъ предоставленія крестьянамъ большого надѣла доказалъ, что излишекъ земли, имъ отданный, не играетъ замѣтной роли въ его финансовыхъ разсчетахъ и не нуженъ для обезпеченія его благосостоянія. Но когда назначены были самыя цифры maximum'а и minimum'а еще редакціонными комиссіями, то и тогда уже примѣрный разсчетъ показалъ, что отрѣзки помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ будутъ произведены не больше, какъ въ 5% всѣхъ имѣній, у крестьянъ же въ пользу владѣльцевъ (въ черноземной мѣстности) отрѣзки будутъ въ 5 разъ чаще. Кромѣ того помѣщикамъ дано было право сохранить себѣ во всякомъ случаѣ (съ ничтожнымъ ограниченіемъ) отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ своего земельнаго имущества. Вмѣсто покровительства крестьянскому землевладѣнію, явилось, какъ видите, поддержаніе помѣщичьяго

Такое же противорѣчіе между руководящими законодателемъ принципами и практическимъ ихъ осуществленіемъ оказалось и

по вопросу о выкупѣ надѣловъ. Принципъ заявлялъ: личность крестьянина свободна и потому не подлежитъ выкупу; оплачивать мужикъ будетъ землю, полученную имъ отъ владѣльца. Въ «Современникѣ» того времени была напечатана статья (кажется г. Кавелина), въ которой предполагалось вознаградить помѣщиковъ не только за землю, но и за теряемую ими рабочую силу, и, однако, размѣры выкупной суммы автора проекта ниже тѣхъ, какіе установлены были «положеніемъ» для выкупа одного только земельнаго участка. Впрочемъ, и сами составители закона о крестьянахъ въ концѣ-концовъ соглашались, что ими руководило въ этомъ вопросѣ желаніе вознаградить помѣщиковъ нетолько за уменьшеніе ихъ земельныхъ владѣній, но и за потерю ими даровой силы.

Результатомъ всѣхъ такихъ компромисовъ было то, что въ большинствѣ случаевъ народъ продолжалъ платить прежніе оброки за уменьшенные надѣлы, т.-е. съ первыхъ же шаговъ свободнаго состоянія, когда крестьяне потеряли право на помощь въ трудныхъ случаяхъ отъ помѣщиковъ и должны были приспособляться къ новой обстановкѣ, они оказались въ экономическомъ отношеніи хуже вооруженными, чѣмъ были во времена крѣпостного права; и такъ какъ одновременно же началось и увеличеніе разнообразныхъ платежей, то вмѣстѣ съ ухудшеніемъ вооруженія крестьянъ возросли и силы непріятеля, съ которымъ имъ предстояло бороться. Словомъ, вышло нѣчто совершенно неожиданное: вмѣсто покровительства мелкой земледѣльческой культурѣ, реформа оказалась произведенной съ такимъ разсчетомъ, чтобы владѣльцамъ были обезпечены капиталъ и дешевыя руки для обработки ихъ земель, т.-е. она была въ пользу крупнаго хозяйства. Мелкое крестьянское землевладѣніе было подорвано во многихъ случаяхъ уменьшеніемъ количества находящейся въ пользованіи двора земли и во всѣхъ — лишеніемъ возможности расширять самостоятельное хозяйство по мѣрѣ размноженія населенія; податная же тягость осталась при этомъ на крестьянахъ, т.-е. на мелкомъ производствѣ.

Разсматриваемая реформа была въ экономическомъ смыслѣ самая демократическая; въ дальнѣйшемъ наша внутренняя политика уже прямо выставила принципъ покровительства крупной добывающей и обработывающей промышленности; финансовая же система осталась дореформенная, иначе говоря, расходы по всѣмъ преобразованіямъ, между прочимъ и по тѣмъ, смыслъ которыхъ заключается въ уничтоженіи мелкаго, народнаго производства, возложены были на классъ, противъ самостоятельности котораго

направлены реформы, на производство, обреченное смерти и тѣмъ болѣе быстрой, чѣмъ лучше примутся ростки насаждаемаго древа капиталистическаго производства. Прибавимъ, что, вслѣдствіе господства круговой поруки по платежу податей, мелкое хозяйство не могло избавиться отъ податной тягости даже въ размѣрѣ, пропорціональномъ своему паденію. Нѣтъ, оно могло претерпѣвать всевозможныя измѣненія къ худшему, но не смѣло лишаться своей платежной способности.

Послѣ сказаннаго становится яснымъ, кто обязанъ былъ заботиться о возвышеніи производительности земли, кто могъ взять на себя задачу водворенія высшей сельско-хозяйственной культуры — покровительствуемое ли правящими классами крупное землевладѣніе, или всѣми способами угнетаемое мелкое, крестьянское; ясно, на комъ лежитъ отвѣтственность за переживаемое нами тяжелое время: на крестьянствѣ, якобы не способномъ выполнить задачу, поставленную историческимъ моментомъ, или обществѣ въ тѣсномъ смыслѣ и покровительствуемомъ имъ помѣщичьемъ классѣ.

Крестьянству въ пору было справляться и съ одной задачей: доставлять деньги для поддержанія русскаго капитализма. И нужно сказать, что преслѣдовалъ онъ ее добросовѣстно до глупости; онъ изнемогалъ подъ тяжестью существующей поддержки, оказываемой изъ его кармана крупному производству прямо (въ видѣ выкупныхъ платежей, оброка) и черезъ посредство правительства (субсидіи коммерческимъ предпріятіямъ), а казна ему постоянно подбавляла новыя заботы. И хотя для помощи выкупной операціи образованъ былъ въ свое время особый фондъ, хотя выкупные платежи и безъ участія послѣдняго давали правительству, за покрытіемъ его дѣйствительныхъ расходовъ, десятки милліоновъ рублей, но таково было ослѣпленіе государства насчетъ предстоящей ему экономической задачи и незнакомство съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, что остающіеся излишки, вмѣсто того чтобы возвратить тѣмъ или инымъ путемъ изнемогающему подъ тяжестью платежей народу, оно употребило на поддержаніе той же крупной промышленности. По разсчетамъ г. Колюпанова, изъ внесенныхъ крестьянами выкупныхъ до 76 года истрачено было на разныхъ комерсантовъ болѣе 150 мил. рублей [1]).

И такъ, на мелкихъ хозяевахъ продолжала лежать задача поддерживать стремящійся къ уничтоженію ремесла капитализмъ. Чтобы добыть нужныя для этого средства народъ распахалъ все,

[1]) „Русскій Курьеръ“, 1880 г., № 320.

что возможно было разработать въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, стремился къ эксплуатаціи казенныхъ арендныхъ статей въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, а не находя приложенія своихъ силъ и исхода стремленію къ самостоятельности на родинѣ, отправлялся искать счастья на востокъ, занималъ и культивировалъ никому не принадлежащія земли. Правительство, повидимому не понимая необходимости такой колонизаціи, не сознавая, что центральныя губерніи относительно переполнены населеніемъ, и опасаясь, что народный потокъ на свободныя земли унесетъ туда и руки, необходимыя для капиталистическаго земледѣлія, сдерживало по мѣрѣ силъ это движеніе; когда же оно продолжалось, такъ сказать, внѣ закона и грозило все равно создать мелкое земледѣліе на востокѣ, приняты были мѣры къ тому, чтобы и на новыхъ земляхъ образовалось капиталистическое хозяйство: было разрѣшено продавать свободныя казенныя земли въ частныя руки. Хотя это распоряженіе для восточныхъ губерній было обставлено извѣстными ограниченіями (продажѣ подлежали участки не выше 2000 десятинъ, пріобрѣтать ихъ имѣли право лица заслуженныя, отъ водворенія которыхъ въ краѣ ожидалась особая для него польза), но мѣстная администрація распорядилась по своему. Въ продажу были пущены нетолько собственно казенныя земли, но и тѣ, которыя остались за надѣленіемъ башкиръ и предназначались для пополненія недостатка въ землѣ, вызваннаго размноженіемъ населенія. Величина отчуждаемыхъ участковъ доходила до 6000 дес., и состояли они иногда изъ дачъ корабельнаго лѣса, продавать который положительно запрещено закономъ. Земля продавалась съ разсрочкой на 37 лѣтъ по 2—4 р. за десятину, тогда какъ арендная плата здѣсь колебалась отъ $1^1/_2$ до 7 р. Списки счастливцевъ-пріобрѣтателей составлялись, разумѣется, безъ публикаціи, частью въ канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора, частью въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Продажа велась такъ поспѣшно, что въ 1—2 года роздано все возможное; особенно заслуженными и могущими своимъ водвореніемъ въ краѣ принести ему большую пользу оказался всякій, начиная отъ министра государственныхъ имуществъ и оренбургскаго генералъ-губернатора до учителя гимнастики и ссыльнаго поляка— кромѣ тѣхъ, безъ которыхъ край дѣйствительно не могъ обойтись и которые въ самомъ дѣлѣ нуждались въ землѣ. «Какой бы крестьянинъ—скажемъ словами Белебеевскаго земства — не уплатилъ безъ разсрочки 1—$3^3/_4$ рубля за землю, отданную чиновнику съ разсрочкой!» Кулаки, пронюхавъ о продажѣ и

сообразивъ, что переселенія крестьянъ будутъ теперь облегчены, но не имѣя высокаго понятія о практическихъ сельско-хозяйственныхъ способностяхъ новыхъ владѣльцевъ, большинство которыхъ вѣроятно никогда не выѣзжало и не выѣдетъ изъ Петербурга, рѣшили взять на себя задачу быть особенно полезными краю, какъ того требовалъ отъ новыхъ помѣщиковъ законъ. Они набросились на несчастныя губерніи, перекупаютъ тамъ землю, и вотъ русскій крестьянинъ, отправившійся разработывать свободныя земли, встрѣтился здѣсь съ тѣмъ же кулакомъ, отъ котораго бѣжалъ съ родины.

Нѣчто подобное повторилось и въ исторіи арендованія крестьянами казенныхъ земель. Въ до-реформенное время правительство заботилось объ упроченіи экономической самостоятельности народа: въ этихъ видахъ оно облегчало аренду ими казенныхъ земель; такъ въ 50 годахъ постановлено, чтобы земля, смежная съ селами, въ ней нуждающимися, не предъявлялась къ торгамъ, а сдавалась обществамъ за плату, лишь на 1% превышающую оброкъ ихъ за падѣлы. Это давало крестьянамъ возможность большую часть нужной имъ земли снимать безъ посредства спекулянтовъ. Время реформъ отразилось и на этомъ вопросѣ: въ 60-хъ годахъ всѣ казенныя земли стали сдаваться съ торговъ, и постепенно начала развиваться система посредничества кулака между казной и народомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и земельная спекуляція. По нѣкоторымъ напечатаннымъ даннымъ можно судить, въ какихъ размѣрахъ развилось указанное явленіе: въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, количество земли, непосредственно арендуемой крестянами, уменьшилось въ 4 раза, а арендная плата возросла вдвое; въ Николаевскомъ уѣздѣ количество земли уменьшилось въ 3 раза, а плата возросла въ 5 разъ [1]) и т. д. Земля сдѣлалась предметомъ спекуляціи аферистовъ, крестьяне перестали относиться къ ней, какъ къ обезпеченію будущихъ поколѣній, и безпощадно ее истощали. Въ 69 году возможность крестьянскимъ обществамъ участвовать въ торгахъ на казенныя земли ограничена еще больше стѣсненіемъ даннаго имъ прежде права замѣнять залоги мірскими приговорами. Мелитопольское земство рѣшило ходатайствовать о возвращеніи къ прежнимъ порядкамъ, но этотъ голосъ народа не дошелъ даже до правительства, а застрялъ въ канцеляріи губернатора. Не больше успѣха имѣло и недавнее ходатайство херсонскаго земства, разница только въ формѣ отказа, который

[1]) «Русскій Курьеръ» 80, 243.

въ данномъ случаѣ мотивировался тѣмъ, что будто бы казна уже сдѣлала все возможное для облегченія крестьянскихъ арендъ.

Итакъ, въ послѣднее двадцатилѣтіе правительство послѣдовательно проводитъ идею покровительства крупному капиталистическому производству на средства, доставляемыя обреченнымъ гибели мелкимъ. Такимъ путемъ думаетъ оно достигнуть увеличенія производительности труда, возвышенія національнаго богатства, если не народнаго благосостоянія, и, какъ неизбѣжное послѣдствіе всего этого—упроченія государственныхъ финансовъ. Но на практикѣ во всѣхъ отношеніяхъ оказалось совершенно противуположное: капиталистическое производство пятится назадъ, количество добываемыхъ земледѣльческихъ продуктовъ уменьшается, общая сумма національнаго производства, нѣсколько поддерживаемая гонимымъ мелкимъ промысломъ, сокращается, народъ бѣднѣетъ, и въ заключеніе всего финансы государства все болѣе и болѣе разстраиваются. Такіе блестящіе отрицательные результаты двадцатилѣтнихъ усилій правительства неопровержимо доказываютъ ложность основной идеи господствующей экономической политики; и обратно — противорѣчіе задачъ, поставленныхъ правящимъ классомъ, естественному ходу вещей и тенденціи времени, его рѣшимость преслѣдовать свои цѣли во что бы то ни стало, не поддаваясь, а ломая препятствія, встрѣчаемыя въ дѣйствительной жизни, не могли привести ни къ чему иному, кромѣ замѣшательства въ обычномъ ходѣ этой послѣдней, разстройства существующихъ формъ безъ организаціи на ихъ мѣстѣ новыхъ, къ разложенію, а не развитію нашего промышленнаго строя.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи нѣтъ почвы для развитія капитализма, и потому всѣ усилія насадить его у насъ пропадутъ даромъ. Но, кромѣ неуспѣха, попытки эти могутъ принести положительный вредъ, если онѣ основаны на разрушеніи существующей экономической организаціи, а у насъ такъ именно и было. Какъ идея ложная — развитіе капиталистическаго производства въ своемъ практическомъ осуществленіи должно неминуемо повести къ ряду нелѣпостей. Эти послѣдствія, если они касаются только затраты казенныхъ денегъ, приводятъ лишь къ гибели капиталовъ, съ такимъ трудомъ собираемыхъ народомъ; на этомъ ихъ вліяніе и прекращается. Но другое дѣло, если осуществленіе излюбленной идеи потребуетъ мѣропріятій, непосредственно затрогивающихъ самые существенные интересы мелкаго хозяйства: какъ несоотвѣтствующія дѣйствительности, они къ ней не приложимы и при естественномъ, ничѣмъ не стѣсняемомъ теченіи

жизни будутъ ею переработаны въ должномъ направленіи; но какъ требованіе, поддерживаемое силой и неспособное ни къ какимъ уступкамъ, они изломаютъ существующій порядокъ вещей безъ возможности возростить на его мѣстѣ новый. Какими средствами обладаетъ жизнь для успѣшной борьбы съ такимъ ничего не разбирающимъ, ничему не внемлющимъ, но физически сильнымъ противникомъ? Какими мѣрами можетъ оградиться мелкое хозяйство отъ разрушенія прямымъ насиліемъ? Какими сверхестественными силами должна обладать община, чтобы сохранить свою организацію, разсчитанную на естественное, сообразное съ реальными историческими законами, хотя бы, по временамъ, и болѣзненное развитіе, а не на безумную вакханалію ослѣпленной теоріи, поддерживаемой громадной физической силой! Чего, кромѣ смерти, могъ ожидать средневѣковый раціоналистъ отъ фанатика-инквизитора, неспособнаго и не желающаго выслушивать доводы разсудка, но готоваго употребить пытку, лишь бы заставить противника вѣрить и думать по своему? Здѣсь, по крайней мѣрѣ, возможна уловка; но къ какой уловкѣ прибѣгнетъ раззоренная община передъ фискомъ, требующимъ или денегъ, или аукціона?

Выше мы имѣли примѣръ того, какъ неуклонное преслѣдованіе казной невозможнаго требованія привело ветлужскихъ рогожниковъ къ полному почти раззоренію: у крестьянъ нѣтъ денегъ для уплаты податей, но они спокойны, ибо не могутъ, на первый разъ, помириться съ мыслью, чтобы съ нихъ потребовали больше, чѣмъ они въ состояніи дать. Но все дѣло въ томъ, что они еще не ознакомились достаточно со свойствами новѣйшаго фиска и потому заблуждаются относительно послѣдствій своего «упорства». Скоро дѣло понемногу разъясняется: полиція грозитъ принять такія рѣшительныя мѣры, что міръ убѣждается въ крайней нуждѣ правительства въ деньгахъ и потому прибѣгаетъ къ займу подъ круговую поруку нужной суммы, рѣшается ко всѣмъ своимъ тягостямъ прибавить еще одну. Приходитъ новый срокъ платежа: крестьяне, ослабленные прежними уплатами, еще менѣе способны удовлетворить требованіямъ казны, но настоянія послѣдней не дѣлаются отъ этого болѣе мягкими; община, можетъ быть, и на этотъ разъ выкрутится, но уже не иначе, какъ въ ущербъ будущему. Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда у крестьянъ нѣтъ ни наличныхъ, ни кредита; теперь они могутъ исполнять невольно взятую на себя миссію поддержанія капитализма уже подъ условіемъ растраты такъ называемаго капитала, т.-е. приступая къ самораззоренію. Міръ

не въ состояніи допустить мысли, чтобы отъ него потребовали такого шага: вѣдь лишиться средствъ производства, значитъ потерять на вѣки-вѣчные платежную способность; а что же тогда станетъ дѣлать государство, финансовая система котораго основана именно на платежныхъ силахъ народа? Но невозможное по здравому смыслу общины оказывается удобоисполнимымъ для полиціи; она не заглядываетъ въ будущее, а жаждетъ немедленно привести въ исполненіе распоряженіе начальства въ настоящемъ. Ради удовлетворенія этой жажды, она готова на всякія средства: она буквально *выбиваетъ* платежи и иногда калѣчитъ или доводитъ до смерти плательщиковъ. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ: въ Трушниковской волости, Слободского уѣзда, Вятской губерніи, по *постановленію земскаго собранія* высѣчена была половина, а въ Кайгородской — почти все мужское населеніе, тѣмъ не менѣе подати остались не взысканными. Одинъ изъ рязанскихъ становыхъ такъ усердно исполнялъ *циркулярное распоряженіе исправника* о сѣченіи недоимщиковъ, что самъ распоряжался экзекуціей, мочилъ розги въ соляномъ растворѣ и достигъ въ этомъ исскуствѣ такого совершенства, что нѣсколькими ударами выбивалъ изъ неплательщиковъ не только подать, но и сознаніе. Становой Ямбургскаго уѣзда столичной губерніи до того увлекался самоличнымъ приведеніемъ въ исполненіе экзекуціонныхъ дѣйствій, что, въ порывѣ холопскаго усердія, удерживая бьющагося подъ розгами мужика, вывихнулъ своей жертвѣ руку. Старшина Бугурусланскаго уѣзда Самарской губерніи *научился въ Казанской губерніи* и примѣнялъ въ своей слѣдующій способъ сбора податей: онъ привязывалъ неплательщика за бороду къ палатному брусу такимъ образомъ, чтобы онъ прикасался къ полу только кончиками пальцевъ, и, продержавши въ этомъ положеніи нѣкоторое время, запиралъ въ подвалъ, гдѣ было такъ тепло, что онучи примерзали къ ногамъ. Одинъ 70-тилѣтній старикъ не выдержалъ такого испытанія своей привязанности къ насажденію капитализма въ Россіи и умеръ. Усердный старшина былъ приговоренъ за это окружнымъ судомъ (безъ участія присяжныхъ) къ 7-дневному аресту при полиціи. Не знаемъ, что подумали истязуемые, а старшина остался доволенъ рѣшеніемъ суда.

При такомъ военномъ отношеніи начальства къ обыденной жизни, уподобляющемся развѣ только готовности хозяина зарѣзать послѣднюю курицу, лишь бы достать сію же минуту кроющееся въ ней яйцо—какъ бы хорошо курица ни понимала всего безумія рѣшенія удовлетворить такимъ образомъ свой аппетитъ,

какъ бы сильны ни были ея жизненные инстинкты и рѣшимость даромъ не отдавать своей жизни, ей ничего больше не остается дѣлать, какъ подставить голову подъ ударъ. Въ подобномъ отношеніи къ фиску находится міръ, истощившій для удовлетворенія его требованій всѣ свои обыкновенные и экстраординарные рессурсы; дальнѣйшія жертвы не могутъ быть приносимы безъ разрушенія производительныхъ силъ общины, т.-е. безъ колебанія основанія, на которомъ построено финансовое зданіе государства. Но фискъ не останавливается и передъ этимъ средствомъ, и вы согласитесь, что вмѣстѣ съ такимъ рѣшеніемъ фиска прекращается существованіе общинной организаціи, какъ свободнаго союза лицъ ради лучшаго достиженія жизненныхъ цѣлей: міръ добровольно покрывалъ слабыхъ членовъ круговой порукой, пока видѣлъ, что положеніе дѣлъ не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, пока надѣялся, хотя и съ большими пожертвованіями, но все-таки удовлетворить требованіямъ минуты. Но когда онъ убѣждается въ томъ, что условій естественной жизни больше не существуетъ, что передъ нимъ стоитъ не реальный предметъ, способный поддаваться вліянію такихъ же реальныхъ явленій жизни, а олицетворенная фантазія, игнорирующая условія мѣста и времени и достаточно сильная, чтобы выдержать это игнорированіе до конца,—міру, какъ явленію обыденной жизни, ограниченному естественными ея законами и потому не способному бороться съ явленіями не отъ міра сего, не остается ничего больше, какъ прекратить свое существованіе: община распадается, какъ добровольный союзъ, остается «общество» въ административномъ смыслѣ, группа лицъ, насильно связанныхъ круговой порукой, т.-е. отвѣтственностью каждаго за ограниченность силъ всѣхъ плательщиковъ и неспособностью фиска понять эту ограниченность. Всѣ выгоды, когда-то доставляемыя общиной, исчезли; остались лишь неудобства, связанныя съ принадлежностью къ «обществу». Чувство самосохраненія побуждаетъ каждаго удаляться изъ сферы вліянія этой ужасной фикціи, бросать общину и деревню, и никакія высшія нравственныя соображенія не могутъ заставить самаго добродѣтельнаго человѣка поступить иначе: бороться съ бѣдствіемъ община не можетъ и не потому, что она недостаточно прочна или разумна, а потому, что условія выходятъ изъ сферы компетентности этого союза: предстоящій вопросъ не мѣстно-экономическій, а обще-политическій.

Вотъ основная причина разрушенія общины, развитія въ народѣ индивидуализма. Не отсталость разсматриваемой формы

общежитія и не свойства цивилизаціи вызываютъ это явленіе; но крайней мѣрѣ, общечеловѣческая цивилизація здѣсь ни причемъ.

Какъ невозможно было крестьянству при помощи общинной организаціи сохранить хозяйственную самостоятельность всѣхъ своихъ членовъ, такъ же было бы несправедливо обвинять народъ за то, что онъ не измѣнилъ старой системы земледѣльческой культуры, продолжаетъ хищнически истощать землю. По вышеизложенному, мы въ состояніи до нѣкоторой степени судить, насколько благопріятна была внѣшняя обстановка для возможности такого процесса; мы видѣли, что бо́льшая часть вліяній, воздѣйствовавшихъ на народную жизнь, нетолько неспособны были развить въ крестьянахъ любовь къ земледѣлію (безъ которой немыслима и реорганизаціонная работа), но всячески побуждали бросить эту сферу дѣятельности, избавиться отъ чести быть собственникомъ цѣннаго инвентаря, ибо онъ все равно пойдетъ въ уплату лежащей на общинѣ недоимки. И однако, не смотря на это, крестьянство нетолько не забросило окончательно земледѣлія, но еще задалось цѣлью уничтожить всѣ старанія привиллегированныхъ классовъ насадить крупное производство, рѣшилось вырвать изъ рукъ помѣщиковъ эту отрасль промышленной дѣятельности. Народъ оказался проницательнѣе или счастливѣе интеллигенціи, его задача совпадала съ естественнымъ ходомъ вещей, и потому онъ остается побѣдителемъ въ борьбѣ за форму земледѣльческой культуры, хотя одержанная побѣда еще усилила его раззореніе. Не нужно думать, что народъ лишь получилъ то, что ему дало время, самъ оставаясь пассивнымъ участникомъ борьбы крупной культуры съ противнымъ теченіемъ жизни. Нѣтъ, онъ самъ боролся, и о напряженіи этой борьбы свидѣтельствуютъ жертвы, принесенныя имъ для завоеванія хозяйственной самостоятельности. Дворянское сословіе оказалось, правда, мало пригоднымъ для того, чтобы взять на себя задачу организовать при новыхъ условіяхъ экономической жизни общественную форму труда въ земледѣльческой области; но у насъ не было бы недостатка въ лицахъ изъ другихъ классовъ, потребныхъ для этой цѣли и способныхъ преслѣдовать ее въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ или мелкихъ капиталистовъ-фермеровъ. Но крестьянство уничтожило самую возможность приступить къ такому процессу: какъ ни мало обезпечено положеніе земледѣльца вслѣдствіе непомѣрной платежной тягости, подмывающей его освободиться отъ бремени, связаннаго съ ролью самостоятельнаго хозяина, но онъ рѣшился взять на себя еще лишніе расходы, лишь бы сохранить эту послѣднюю. Вмѣсто того, чтобы пойти

въ батраки на вѣрное обезпеченіе, онъ предпочелъ получать тоже батрацкое содержаніе, но подъ флагомъ доходовъ отъ самостоятельнаго хозяйствованія, т.-е. при условіяхъ, когда онъ рискуетъ не получить ничего. За то онъ имѣетъ нравственное удовлетвореніе и сослужитъ великую службу будущему своей родины, устранивъ съ ея почвы капиталистическое земледѣліе.

Что онъ, дѣйствительно, сознательно сопротивлялся засѣванію капиталистической формы производства—о томъ свидѣтельствуютъ общераспространенныя жалобы помѣщиковъ на отсутствіе хорошихъ и добросовѣстныхъ рабочихъ. Владѣльцы хорошо понимаютъ причины этого явленія и сами объясняютъ его тѣмъ, что маломальски исправный хозяинъ-земледѣлецъ всѣми силами старается избѣжать батрацкой работы, а идутъ на эту должность обыкновенно раззорившіеся и нравственно опустившіеся крестьяне. Но почему же помѣщики не сопротивляются такому стремленію народа къ сохраненію своей самостоятельности? Вѣдь они знаютъ, что какъ бы крестьяне ни избѣгали наемнаго труда, имъ не обойтись для этого безъ помѣщичьей земли. Зачѣмъ же владѣльцы отдаютъ имъ часть своихъ угодій и такимъ образомъ способствуютъ осуществленію плановъ, направленныхъ повидимому въ ущербъ ихъ собственнымъ интересамъ? Дѣло въ томъ, что крестьяне заставляютъ землевладѣльцевъ поступать такимъ образомъ, заставляютъ не дубьемъ, разумѣется, а рублемъ; чтобы отбить у нихъ всякое поползновеніе сдѣлаться руководителями производства хлѣба, крестьяне соблазняютъ ихъ такими арендными цѣнами, которыя содержатъ въ себѣ нетолько ренту, но и проценты на капиталъ, а можетъ быть еще часть или всю предпринимательскую прибыль. Такая готовность крестьянъ жертвовать всѣмъ земледѣльческимъ доходомъ, довольствуясь одной заработной платой—лишь бы сохранить свою хозяйственную самостоятельность—дѣлаетъ почти невозможнымъ веденіе сельско-хозяйственнаго предпріятія батрацкимъ путемъ на обыкновенныхъ коммерческихъ основаніяхъ: владѣлецъ имѣнія безъ всякаго риска получитъ хорошій доходъ отдачей земли въ аренду, капиталисту невозможно нанимать землю по крестьянскимъ цѣнамъ, какъ заключающимъ въ себѣ нетолько ренту, но и элементы чистаго дохода. Часть своей самостоятельности помѣщики сохраняютъ, требуя съ крестьянъ уплаты за землю трудомъ, давая впередъ деньги подъ работу и т. п.; но, вопервыхъ, этимъ они сохранятъ только часть возможной по размѣрамъ ихъ угодій хозяйственной самостоятельности, во-вторыхъ, трудъ, добытый такимъ образомъ, будетъ уже кабалой. Это и служитъ одною изъ при-

чинъ, почему владѣльцы забрасываютъ свои имѣнія; если послѣднія передаются ими даже крупнымъ арендаторамъ, то описаннымъ манёвромъ крестьяне и тѣхъ заставляютъ отказаться отъ чести быть организаторами новой системы земледѣлія; а передать это дѣло имъ—исконнымъ хлѣбопашцамъ.

Побѣда, какъ видимъ, не дешево достается народу: можно сказать почти навѣрное, что въ качествѣ самостоятельнаго арендатора крестьяне очень часто получаютъ не больше, чѣмъ нанявшись въ батраки. Кромѣ того за удовольствіе быть хозяевами производства, они берутъ на себя всѣ послѣдствія неурожая, наваливаютъ на свою шею новый платежъ, который должны отдать своевременно, очень часто когда еще хлѣбъ находится на корню и крестьянинъ сидитъ безъ гроша. А если читатель хотя нѣсколько знакомъ съ тѣмъ, на какихъ условіяхъ мужикъ занимаетъ нужные ему десятокъ-другой рублей — онъ пойметъ, что значитъ лишнее денежное обязательство на шеѣ: развязаться съ нимъ придется путемъ еще новой жертвы и на этотъ разъ нетолько матеріальной, но и нравственной — подчиненіемъ кулаку. Такимъ образомъ, чѣмъ энергичнѣе и настойчивѣе крестьянинъ вырываетъ у помѣщика бразды управленія сельскимъ хозяйствомъ, тѣмъ большую часть своихъ доходовъ онъ принужденъ отчуждать на сторону, тѣмъ меньше тратитъ лично на себя, тѣмъ сильнѣе, значитъ, онъ бѣднѣетъ и раззоряется. *Выигрывая, какъ самостоятельный производитель, народъ теряетъ, какъ потребитель.*

Нельзя поэтому сказать, что народъ двадцать лѣтъ проспалъ, что у него только и было заботы: истощать землю и подготовлять сельско-хозяйственный кризисъ. Онъ совершалъ въ это время великое дѣло, отъ того или другого направленія котораго зависитъ будущее наше развитіе, онъ боролся *за высшій типъ общественно-экономическаго прогресса*, и не его вина, если побѣда далась ему путемъ пониженія степени развитія; нельзя упрекать его за то, что, принужденный вести отчаянную борьбу съ обществомъ, народъ не достаточно былъ энергиченъ въ своихъ отношеніяхъ къ природѣ: природа отъ него не уйдетъ, а пропустить благопріятный общественно-историческій моментъ очень не трудно.

Но, кромѣ описанныхъ соціально-историческихъ препятствій, на пути развитія высшей сельско-хозяйственной культуры народомъ стояли и домашнія финансовыя затрудненія. Процессъ этотъ, кромѣ необходимыхъ знаній, требуетъ еще и капитала: чтобы углубить пахоту, нужно затратиться на плугъ, введеніе

травосѣянія также немыслимо безъ пріобрѣтенія сѣмянъ, перемѣна трехполья на многополье связана съ полученіемъ въ первые годы, до окончательной организаціи дѣла, меньшаго количества хлѣба, слѣдовательно, требуетъ также запасовъ для содержанія въ это время семьи. Люди, не ограничивающіеся книжными разсужденіями о нуждахъ крестьянскаго хозяйства, а пытающіеся удовлетворить ихъ на практикѣ, хорошо сознаютъ силу этихъ непреодолимыхъ для крестьянъ финансовыхъ затрудненій; такъ, г. Кавелинъ, пытающійся помочь имъ въ этомъ дѣлѣ своими познаніями, говоритъ, что первымъ шагомъ здѣсь должна быть ссуда крестьянамъ нужной суммы съ разсрочкой возвращенія лѣтъ на 10 [1]). А мы, кажется, еще не приняли никакихъ мѣръ для организаціи народу такого долгосрочнаго кредита, мы только тянули, тянули съ мужика и дотянули до того, что сельско-хозяйственная культура двинулась назадъ. Главная причина забрасыванія крестьянами земли и бѣгства ихъ изъ деревни заключается въ пониженіи урожаевъ, зависящемъ, въ свою очередь, отъ уменьшенія крестьянскаго скота, проданнаго на подати и удовлетвореніе другихъ неотложныхъ потребностей народа. Если отсутствіе сельско-хозяйственнаго прогресса мыслимо приписать неразумію и неспособности крестьянъ, то невозможно самому отчаянному народо-ненавистнику объяснять этими же причинами и продажу крестьяниномъ своей скотины; т.-е. слѣдуетъ признать, что это послѣднее произошло, не смотря на старанія хозяевъ предупредить такое печальное событіе. А если расходы, наваленные на крестьянъ помимо ихъ согласія, оказались столь громадными, что потребовали превращенія въ деньги такого имущества, за утратой котораго неминуемо должно было послѣдовать пониженіе сельско-хозяйственной культуры и уменьшеніе доходовъ отъ земледѣлія, то какимъ образомъ могли бы они одновременно *увеличивать* свой инвентарь и дѣлать другія необходимыя для земледѣльческаго прогресса затраты? Обстоятельства, напримѣръ, заставляютъ васъ продать нужную для удержанія на извѣстномъ уровнѣ дохода лошадь или корову, а вамъ ставятъ въ упрекъ, что вы не пріобрѣтаете плуга, съ которымъ, правда, при благопріятныхъ условіяхъ, вы могли бы возвысить доходъ, но который совершенно излишенъ при отсутствіи лошади.

Не ограниченность знаній, энергіи, вообще способностей народа и не общинное землевладѣніе причиною низкаго состоянія русскаго земледѣлія, а неустранимыя силами общины обще-

[1]) „Земледѣл. Газета“. 1879 г. № 37, 38 и 1880 г. № 39.

ственныя и финансовыя условія, созданныя культурными слоями. Эти условія мѣшаютъ народу даже примѣнять на практикѣ тѣ правила обычной полевой системы, которыя выработаны имъ долголѣтнимъ опытомъ и наблюденіемъ природы; поэтому-то между его теоріей земледѣлія и практикой существуетъ значительное противорѣчіе. Если вы желаете вести хозяйство раціонально (не на заграничный, разумѣется, манеръ), то лучшимъ вашимъ учителемъ въ этомъ предпріятіи на первое время будетъ крестьянинъ: повести, какъ слѣдуетъ, дѣло у себя онъ не имѣетъ средствъ, но онъ съумѣетъ научить этому другого. Вотъ почему лучшія хозяйства въ средней Россіи принадлежатъ тѣмъ купцамъ, которые покупаютъ имѣнія не ради преходящей аферы, а продолжаютъ вести здѣсь земледѣліе: они не пренебрегаютъ народнымъ разумомъ и опытомъ и, владѣя капиталомъ, могутъ организовывать свое хозяйство сообразно указаніямъ мужицкой теоріи.

ГЛАВА VII.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНІЕ ТОВАРОВЪ.

На предыдущихъ страницахъ я пытался подмѣтить характеристическія черты современныхъ русскихъ экономическихъ порядковъ, провѣрить гипотезу объ универсальномъ значеніи законовъ промышленнаго развитія, выведенныхъ на основаніи фактовъ западно-европейской жизни. Мои заключенія состоятъ въ томъ, что послѣдняя конкретная форма, въ какую вылился промышленный прогрессъ на Западѣ—капиталистическое производство не имѣетъ прочной основы на русской почвѣ; это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что число наемныхъ рабочихъ въ крупной обработывающей промышленности остается неизмѣннымъ въ продолженіе цѣлыхъ 30—40 лѣтъ, въ сферѣ же земледѣлія прежніе крупные производители, помѣщики, понемногу выпускаютъ изъ своихъ рукъ бразды сельско-хозяйственнаго управленія, и не является никакого другого класса, который взялъ бы на себя задачу организовать здѣсь производство въ большихъ размѣрахъ. Факты эти можно признать имѣющими рѣшающее значеніе, потому что послѣднее двадцатилѣтіе было именно критическимъ моментомъ въ исторіи нашей промышленности: крѣпостные порядки рухнули, трудъ сдѣлался свободнымъ, естественное тече-

ніе жизни получило возможность выработывать такую экономическую организацію, которая всего больше соотвѣтствуетъ требованіямъ времени, лучше обезпечиваетъ безпрепятственное развитіе общества и государства. Насколько въ этомъ процессѣ сознательно принимала участіе воля послѣднихъ—онъ направлялся въ сторону крупнаго производства: дабы обезпечить ему капиталъ, руки и рынокъ, принимались такія мѣры, какъ уменьшеніе крестьянскаго землевладѣнія, стѣсненіе переселеній, организація крупнаго кредита, субсидіи капиталистическимъ промышленнымъ предпріятіямъ, постройка на счетъ народа желѣзныхъ дорогъ и проч.; съ другой стороны—не дѣлалось ничего или почти ничего для поддержанія мелкаго производства въ его борьбѣ съ крупнымъ. И если послѣднее до сихъ поръ не воспользовалось благопріятнымъ моментомъ, чтобы прочно утвердиться, пустить глубоко въ почву корни, то это даетъ намъ право предположить, что оно лишено этой возможности и въ ближайшемъ будущемъ; ибо противуестественная политика правящихъ классовъ, не приведя къ желанной цѣли развитія капиталистическаго производства, создала, однако, такую соціально-экономическую атмосферу, въ которой способенъ погибнуть всякій прогрессъ, почему она рано или поздно должна перемѣнить фронтъ — обратиться лицомъ отъ крупнаго производства къ мелкому.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ вышеперечисленныя мѣры покровительства крупному производству дали въ руки экономически сильному лишнее оружіе для борьбы съ слабымъ. Воспользоваться своимъ преимуществомъ тотъ могъ двояко: озаботиться организаціей *крупнаго производства* (что и имѣло въ виду правительство, покровительствуя капиталистамъ) или направить весь арсеналъ на усиленіе эксплуатаціи *мелкаго производителя*. Интересы кармана, приноравливаясь къ условіямъ мѣста и времени, толкнули нашихъ капиталистовъ на послѣдній путь. Крестьянство, свободныя средства котораго и безъ того сократились обязательствомъ поддерживать новѣйшія общественныя реформы, вынуждено было еще урѣзывать траты на себя и свое хозяйство ради обогащенія массы все болѣе и болѣе размножающихся крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ; это лишаетъ его возможности предпринимать что-либо для поднятія производительности своего труда—напротивъ, есть много обстоятельствъ, клонящихъ послѣднюю къ упадку. Результатомъ такой комбинаціи различныхъ факторовъ экономической жизни было то, что у насъ одновременно появились status quo или даже, быть можетъ, пониженіе доходовъ крестьянина и постоянно прогрессирующее увеличеніе его рас-

ходовъ. Естественнымъ послѣдствіемъ созданнаго положенія было быстро подвигающееся впередъ обѣднѣніе народа, которое, развиваясь дальше, неизбѣжно закончится экономическимъ и финансовымъ кризисомъ.

Вотъ вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, основываясь на данныхъ, касающихся нашего крупнаго и мелкаго производства: на цифрахъ развитія оборотовъ крупной обрабатывающей промышленности, фактахъ изъ жизни кустарнаго промысла и помѣщичьяго земледѣлія, движеніи заработной платы за послѣднее десятилѣтіе и проч.

Но промышленная жизнь общества получаетъ свое выраженіе не въ однѣхъ только формахъ производства; капиталическая организація характеризуется также цѣлой законченной системой товарнаго обращенія; поэтому, изученіе послѣдняго способно, въ свою очередь, пролить свѣтъ на существующіе экономическіе порядки. Съ этой стороны подошелъ къ вопросу г. Николай—онъ («Слово», 1880 г., № 10), и для провѣрки моихъ положеній, а также для рѣшенія вопроса о судьбѣ капиталистическаго производства въ Россіи весьма важны тѣ заключенія, которыя вынужденъ былъ онъ сдѣлать. Если его выводы согласны съ моими, если результатомъ его изслѣдованія явится также сомнѣніе въ обширности и прочности сѣтей, раскинутыхъ капиталистическимъ производствомъ въ нашей странѣ, то этимъ будетъ дано весьма вѣское доказательство ложности теоріи о неизбѣжности для промышленности всякаго народа пройти капиталистическую ступень развитія. Выводъ этотъ будетъ тѣмъ замѣчательнѣе, что г. Николай — онъ приступилъ къ вопросу, очевидно, съ предвзятой идеей, вѣруя въ непогрѣшимость общепринятой теоріи; и самъ Марксъ, заинтересуйся онъ судьбами русскаго капитализма, не могъ бы избрать лучшаго метода изслѣдованія и врядъ-ли провелъ бы его болѣе послѣдовательно, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ.

Все вышеизложенное побуждаетъ насъ ближе ознакомиться съ работой г. Николая — она, сопоставивъ его выводы съ нашими, рѣшитъ вопросъ — такъ-ли они непримиримы, какъ это можетъ показаться читателю, не вдумавшемуся въ аргументацію автора.

«Съ развитіемъ на Западѣ, главнымъ образомъ въ Англіи, фабричнаго производства въ обширныхъ размѣрахъ, количество произведенныхъ товаровъ далеко опередило мѣстныя потребности, чтб вызвало развитіе перевозочныхъ средствъ. Другими словами, желѣзныя дороги, гигантскіе пароходы и проч. явились слѣдствіемъ развитія обращенія товаровъ, отправившихся за поисками

потребителей. Тоже самое развитіе товарнаго обращенія вызываетъ требованіе денегъ; требованію этому удовлетворяютъ банки; они, стягивая отъ публики свободныя средства, раздаютъ ихъ фабрикантамъ и торговцамъ подъ векселя и проч.» («Слово», 1880 г., № 10, стр. 101).

Такимъ образомъ, развитіе желѣзныхъ дорогъ и банковъ на Западѣ было результатомъ извѣстныхъ перемѣнъ, совершившихся въ сферѣ производства; покоясь на прочномъ основаніи, удовлетворяя важнымъ потребностямъ вновь развивающейся формы промышленности, желѣзныя дороги могли быть построены и содержимы на средства этой послѣдней, а, расчищая ей дорогу, способствовали, въ свою очередь, дальнѣйшему росту капиталистической продукціи. Средства обращенія и производство въ капиталистической его формѣ развивались на Западѣ параллельно, дополняя и поддерживая другъ друга. То ли мы видимъ въ Россіи?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что и у насъ происходитъ нѣчто аналогичное: за послѣднія двадцать лѣтъ мы выстроили 20,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ — слѣдуетъ полагать, что наша промышленность нуждалась въ нихъ и нашла въ себѣ достаточно силы для удовлетворенія такой потребности. Но при ближайшемъ изслѣдованіи дѣло представляется уже въ иномъ видѣ. Во-первыхъ, что значитъ постройка 20,000 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ сравнительно съ успѣхами на этомъ поприщѣ странъ, гдѣ капитализмъ ведетъ серьезную игру: въ Америкѣ, напримѣръ, за одно послѣднее десятилѣтіе выстроено 60,000 верстъ рельсовыхъ путей, это при населеніи въ $1^1/_2$ раза меньшемъ населенія Россіи! Можно было бы подумать, что, имѣя такъ мало желѣзныхъ дорогъ, мы создали за то хорошія шоссейныя; однако, обращаясь къ фактамъ, мы терпимъ полнѣйшее разочарованіе: по послѣднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, ихъ у насъ еще меньше, нежели желѣзныхъ путей, именно всего 13,414 верстъ, тогда какъ въ маленькой Пруссіи построено 32,000 верстъ, а во Франціи—281,500 верстъ.

Но главную особенность нашихъ орудій товарнаго обращенія мы узнаемъ, познакомившись съ средствами, идущими на поддержаніе желѣзно-дорожной сѣти.

Изъ 2,060,000,000 кредитныхъ рублей, заключающихся въ желѣзно-дорожныхъ акціяхъ и облигаціяхъ, выпущенныхъ къ 1878 году, 1,112,000,000 рублей принадлежитъ правительству; т.-е. послѣднее дало изъ своего (или, что тоже, изъ народнаго) кармана больше половины средствъ, нужныхъ для постройки

рельсовыхъ путей. Не имѣя достаточно силъ для пріобрѣтенія необходимаго орудія товарнаго обращенія, наша капиталистическая промышленность оказалась неспособной и поддерживать машину, заведенную для нея правительствомъ: кромѣ денегъ на постройку новыхъ путей, послѣднее даетъ существующимъ уже дорогамъ ссуды на различныя ихъ надобности, и недоимокъ по этой статьѣ за желѣзными дорогами числилось къ 1878 году 164,2 милл. руб.

Кромѣ того, товарное обращеніе у насъ еще такъ незначительно, что оно не въ состояніи дать работу всѣмъ построеннымъ дорогамъ, и многія вѣтви существуютъ въ убытокъ, такъ что не поддерживай ихъ государство, не плати оно за нихъ проценты акціонерамъ—и, вѣроятно, не одна тысяча верстъ нашей желѣзнодорожной сѣти выпала бы изъ рукъ капитализма. А теперь онъ здѣсь хоть и въ убытокъ обществу, но все-таки процвѣтаетъ; и какое, скажите, ему дѣло до того, что долгъ желѣзныхъ дорогъ по правительственной гарантіи достигъ къ 1878 году 172,8 милл. руб.! все-таки эта сумма перешла теперь въ карманы капиталистовъ, а послѣ—хоть потопъ!

Изъ представленныхъ цифръ естественно вытекаетъ то заключеніе, что развитіе желѣзно-дорожной сѣти въ Россіи выросло не изъ потребностей производства, а явилось по желанію правительства, стремившагося перенести къ намъ западно-европейскую культуру; что, и родившись на свѣтъ божій, желѣзно-дорожное сообщеніе держится не товарнымъ обращеніемъ вообще, и тѣмъ паче не капиталистическимъ спеціально, а тою же правительственной гарантіей. И единственный, пока очевидный, результатъ финансовыхъ операцій на желѣзно-дорожной почвѣ, это—обогащеніе отдѣльныхъ лицъ и обществъ, въ руки которыхъ правительство передало завѣдываніе дѣломъ, доходы которыхъ оно гарантируетъ своимъ бюджетомъ, и громадное возрастаніе государственнаго долга, 28% котораго сдѣлано съ спеціальной цѣлью поддержанія желѣзно-дорожныхъ предпріятій; за послѣднія десять лѣтъ эта часть государственнаго долга «увеличилась абсолютно впятеро (съ 203 милл. руб. до милліарда слишкомъ), а по отношенію ко всей суммѣ государственныхъ долговъ—втрое» (съ 10,6% до 28%).

Посмотримъ на матеріальныя операціи желѣзныхъ дорогъ, узнаемъ, какіе продукты по преимуществу они перевозятъ, какимъ производствомъ—мелкимъ или крупнымъ—поддерживается ихъ собственное, хотя и жалкое существованіе. Цѣлый рядъ фактовъ съ замѣчательнымъ согласіемъ доказываетъ, что наше то-

варное обращеніе основано на земледѣльческой производительности, что все желѣзно-дорожное движеніе обусловлено именно ею. Такъ, въ 1876 г. «пробѣгъ хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ равнялся 42% пробѣга всѣхъ грузовъ малой скорости» (въ 1869 г. хлѣбъ составлялъ только 33,4% всѣхъ грузовъ). Но хлѣбъ — не единственный продуктъ земледѣлія; судя по вывозу 1878 года (гдѣ на общую сумму 596,5 милл. руб. хлѣба приходилось на 366,5 милл. руб., да скота, льна и пеньки на 89 милл., всего главныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства на 455 милл. руб., т.-е. 3/4 всего вывоза), судя, говоримъ, по вывозу, ради котораго, главнымъ образомъ, и работаютъ желѣзныя дороги, можно предположить, что продукты земледѣлія составляютъ гораздо больше половины всѣхъ товаровъ, перевозимыхъ ими. Предположеніе это подтверждается и деталями желѣзно-дорожнаго движенія, колебаніемъ числа пассажировъ и количества грузовъ по мѣсяцамъ.

У насъ нѣтъ рѣзко обособленнаго класса наемныхъ рабочихъ: тотъ же крестьянинъ, ведя семостоятельное земледѣльческое хозяйство, нанимается при случаѣ поработать на чужомъ полѣ, а въ остальное время, если на имѣетъ ремесла, идетъ на фабрику. Это служитъ причиною подвижности населенія и развитія такого характеристическаго явленія, какъ отхожіе промыслы. Спрашивается: можно ли по даннымъ желѣзно-дорожнаго движенія составить болѣе или менѣе правильное понятіе о родѣ нашихъ отхожихъ промысловъ и о формѣ производства, которая вызываетъ массовыя перекочевки рабочихъ? Факты отвѣчаютъ на это слѣдующее: въ мартѣ мѣсяцѣ число проѣзжающихъ пассажировъ возрастаетъ на 19,5%, въ апрѣлѣ — на 24%, въ слѣдующіе мѣсяцы возрастаніе идетъ медленнѣе, хотя продолжается до августа, когда цифра проѣзжающихъ достигаетъ наивысшаго предѣла; въ сентябрѣ число пассажировъ сразу падаетъ на 34% и продолжаетъ уменьшаться вплоть до марта; затѣмъ начинается опять возвышеніе. Такъ какъ это повторяется неизмѣнно изъ года въ годъ, то значитъ населеніе постоянно движется лѣтомъ куда-то на работу и къ осени возвращается назадъ. Время этого передвиженія совпадаетъ съ земледѣльческимъ рабочимъ сезономъ, поэтому, приведенные факты доказываютъ, по мнѣнію автора, что «громадное большинство крестьянскихъ отхожихъ промысловъ суть именно земледѣльческіе». Мы сдѣлаемъ небольшую поправку къ этому положенію г. Николая—она. Правда, выдающаяся черта пассажирскаго желѣзно-дорожнаго движенія основана на стремленіи рабочаго класса къ земледѣлію; но этимъ

только доказывается относительная второстепенность другихъ родовъ заработка, а не рѣшается вопросъ о *формѣ* земледѣльческаго производства. Между тѣмъ какъ, по формулированію вывода, сдѣланному авторомъ, можно подумать, что лѣтнее передвиженіе населенія вызвано именно стремленіемъ народа достать *наемную* работу на владѣльческихъ земляхъ. Изъ фактовъ пассажирскаго движенія этого, однако, не видно, а другого рода данныя говорятъ намъ, что лѣтомъ сокращаются многія отрасли неземледѣльческаго производства, и занятое ими зимой населеніе спѣшитъ на *свои* и чужія поля. Поэтому усиленіе лѣтняго движенія пассажировъ производится какъ тѣми крестьянами, которые идутъ въ отхожіе земледѣльческія работы (т.-е. на чужія поля), такъ и другими, бросающими всѣ занятія, которымъ предавались на сторонѣ, ради интересовъ *своего собственнаго* земледѣльческаго хозяйства. Въ пользу нашего толкованія говоритъ и то обстоятельство, что усиливается пассажирское движеніе всего быстрѣе въ весенніе мѣсяцы, передъ началомъ полевыхъ работъ, когда наемный трудъ въ земледѣліи имѣетъ наименьшее приложеніе. Нужно полагать, что это весеннее усиленіе, насколько оно обусловливается требованіями сельскаго хозяйства, зависитъ именно отъ передвиженія самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ, хотя это не значитъ, что дальнѣйшее увеличеніе числа пассажировъ вызывается исключительно передвиженіемъ наемныхъ рабочихъ, ибо намъ извѣстно, что многіе самостоятельные хозяева-земледѣльцы возвращаются на свои поля только на время сѣнокоса и уборки хлѣба.

Какъ бы то ни было, но приведенные факты доказываютъ, что пассажирское желѣзно-дорожное движеніе поддерживается, главнымъ образомъ, требованіями земледѣльческаго производства, а не фабричнаго, напримѣръ. Преобладающее значеніе въ товарномъ движеніи земледѣльческой промышленности явствуетъ и изъ фактовъ, относящихся къ перевозкѣ грузовъ малой скорости. Перевозка эта сильно увеличивается два раза въ годъ: осенью и весною, т.-е. тогда, когда поспѣетъ хлѣбъ и существующее водяное сообщеніе дозволяетъ подвозить зерно къ желѣзнымъ дорогамъ. Зимой перевозка грузовъ сокращается за невозможностью доставить хлѣбъ къ станціямъ, лѣтомъ то же явленіе обусловливается распродажей продукта прошлогодняго земледѣльческаго труда.

И здѣсь на первомъ планѣ желѣзно-дорожной дѣятельности стоитъ забота о продуктахъ сельскаго хозяйства, и здѣсь, какъ и въ пассажирскомъ движеніи, новые пути держатся доходами

отъ земледѣльческой отрасли промышленности. Авторъ почти правъ, утверждая, что «все желѣзно-дорожное движеніе обусловлено земледѣльческою производительностью».

Обратимся теперь къ дѣятельности нашихъ банковъ. «Какъ извѣстно, первое частное (всесословное) кредитное учрежденіе явилось въ Россіи въ 1874 году. Вновь открывшіяся учрежденія для привлеченія свободныхъ денегъ должны были открыть у себя операцію процентныхъ текущихъ счетовъ. Дѣйствительно, деньги стали быстро приливать въ ихъ кассы, какъ на текущій счетъ, такъ и на срочные вклады. Надо было ихъ выдавать: охотниковъ для полученія нашлось много. Тутъ-то и появляется масса акціонерныхъ предпріятій: акціи рѣкой потекли въ банки». Но эта «масса» и «рѣка», разумѣется, относительны; если ихъ сравнить съ западно-европейскими, то онѣ превратятся въ маленькіе ручейки. Такъ, обороты всѣхъ нашихъ банковъ въ 1876 г. составляли 3,328 милл. руб., между тѣмъ, какъ одинъ лондонскій Bankers Clearing House совершилъ въ это время оборотовъ на 31 слишкомъ милліардъ руб., т.-е. въ 10 разъ болѣе. Разсматривая подробнѣе дѣятельность нашихъ банковъ, мы увидимъ, что къ 1878 году различныя общества обладали капиталомъ въ 2,960 милл. руб.; изъ нихъ на желѣзныя дороги пошло 1,383 милл. руб., поземельныя кредитныя учрежденія имѣли около 390 милл. руб., торговый капиталъ составлялъ около 850 милл. руб.; на всѣ остальныя капиталистическія предпріятія оставалось, слѣдовательно, 300—400 милл. руб., т.-е. $^1/_7$—$^1/_8$ доля капиталовъ, вложенныхъ въ различныя предпріятія. Желѣзныя дороги держатся, какъ мы видѣли, земледѣліемъ, торговля (по крайней мѣрѣ, вывозная, о которой есть вѣрныя данныя) обязана своимъ развитіемъ, главнымъ образомъ, ему же; слѣдовательно, преобладающая масса акціонерныхъ капиталовъ вызывается къ обращенію по милости нашей сельско-хозяйственной производительности, и лишь незначительную долю своего вниманія банки удѣляютъ другимъ промышленнымъ предпріятіямъ. Это подтверждается и помѣсячнымъ передвиженіемъ денегъ изъ Петербурга въ провинціи, удаленіемъ ихъ изъ банковъ и обратно.

Деньги накопляются въ банкахъ зимой; лѣтомъ идетъ усиленный переводъ ихъ изъ Петербурга въ провинцію, гдѣ онѣ копятся до сентября мѣсяца, когда вдругъ быстро исчезаютъ изъ банковыхъ кассъ. «Куда же онѣ дѣваются? Въ сентябрѣ онѣ отправляются въ народъ. Въ августѣ и особенно въ сентябрѣ происходитъ скупка земледѣльческихъ продуктовъ по всѣмъ деревенскимъ рынкамъ Россіи, слѣдовательно, деньги проявляютъ

особенно сильно свою дѣятельность именно въ это время. Но въ народѣ долго имъ дѣлать нечего: сдѣлавъ свое дѣло, закупивъ что нужно, онѣ начинаютъ въ слѣдующій же мѣсяцъ возвращаться въ банки».

Даже выпускъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніе, который, говорятъ, производится исключительно для удовлетворенія потребностей правительства, даже онъ подчиняется общему движенію и стоитъ гораздо въ большей зависимости отъ нуждъ нашего сельскаго хозяйства, чѣмъ отъ требованій государства: въ три лѣтніе мѣсяца, когда деньги изъ столицы переводятся въ провинціи и идутъ въ народъ, кредитныхъ билетовъ выпускается 85% всего годового количества, и въ одномъ сентябрѣ 56,5%.

И такъ, все наше товарное обращеніе основано на движеніи продуктовъ сельскаго производства, а не фабричной промышленности, вся наша капиталистическая одежа натянута на производителя-земледѣльца. Кто же этотъ послѣдній? Капиталистъ, организаторъ крупнаго хозяйства или мелкій земледѣлецъ, ведущій дѣло за свой страхъ и подъ своею отвѣтственностью? Отвѣтомъ на поставленный вопросъ служатъ данныя, рисующія изъ года въ годъ нашу хлѣбную производительность. Не станемъ приводить самихъ цифръ (см. предыдущую главу), скажемъ только словами автора, что «хлѣбное производство, которымъ держится все наше государственное и народное хозяйство, находится въ абсолютномъ застоѣ; мало того, производительность труда въ этой отрасли хозяйства, хотя весьма незначительно, но понижается. Другими словами, въ *противуположность западно-европейской практикѣ*, мы можемъ сказать, *что развитіе желѣзныхъ дорогъ и банковъ не было вызвано массовымъ ростомъ производства.* Но мы, разъ попавъ въ хозяйственную семью Европы, чтобы поддержать тѣнь своей хозяйственной самостоятельности, обратили наши силы *не на развитіе самаго производства, а на развитіе результатовъ производства,* и именно результатовъ *капиталистическаго* производства: банковъ и желѣзныхъ дорогъ». Сдѣлаемъ здѣсь маленькую поправку: мы обращали свое вниманіе на развитіе не однихъ только *результатовъ капиталистическаго* производства, но заботились и о процвѣтаніи послѣдняго. Не наша вина, если заботы пропали даромъ; это доказываетъ, что теперь не время капиталистическаго производства, что старанія о его водвореніи способны привести лишь къ раззоренію народа и экономическому кризису.

Неподвижность производительности земледѣльческаго труда служитъ яснымъ доказательствомъ слабаго участія въ этой обла-

сти капитала. Такъ какъ г. Николай—онъ не отрицаетъ этого положенія (на страницѣ 109 онъ даже говоритъ прямо: «такъ какъ земледѣльческое хозяйство *не капиталистическое*, то капиталисты не считаютъ своей обязанностью заботиться» объ успѣшности труда), а мы уже развили его, то теперь сдѣлаемъ просто окончательное заключеніе, что развитіе у насъ капиталистическаго обращенія не свидѣтельствуетъ въ пользу господства таковаго же производства; напротивъ, оно само всецѣло покоится на такой отрасли промышленности, которая составляетъ преимущественное достояніе мелкаго производства. «Помѣсячный анализъ пассажирскаго движенія, говоритъ авторъ:—привелъ насъ къ заключенію, что это движеніе мужицкое». «Какъ пассажирское движеніе можно назвать мужицкимъ, такъ перевозка грузовъ держится, главнымъ образомъ, продуктами того же мужика-хлѣбопашца. Словомъ, желѣзныя дороги живутъ мужикомъ. Да и не однѣ желѣзныя дороги, банки живутъ также на его счетъ. Всѣ приведенныя нами данныя въ одинъ голосъ говорятъ рѣшительно то же самое». «Мужикъ» здѣсь синонимъ не рабочаго, ибо въ такомъ случаѣ нетолько у насъ, но и въ самыхъ капиталистическихъ странахъ все держится «мужикомъ»—а мелкаго хозяина-производителя. То-есть, по мнѣнію г. Николая — она, капиталистическое *производство* у насъ такъ еще слабо, что ничѣмъ не проявило своего существованія въ области общественно-экономической жизни, отличающейся наибольшимъ капиталистическимъ пошибомъ (товарномъ обращеніи). Слѣдовательно, выводы автора не противорѣчатъ нашимъ положеніямъ, но блистательно ихъ подтверждаютъ, такъ что о бо́льшемъ согласіи мы не могли бы даже мечтать. Тѣмъ вѣроятнѣе становится въ глазахъ читателя защищаемое нами мнѣніе, что Россіи не видать у себя сильнаго капиталистическаго производства, что въ своемъ промышленномъ прогрессѣ она избавлена отъ предводительства этого отчаяннаго полководца и должна въ собственной мастерской вылить подходящіе для себя образцы. Если г. Николай — онъ не выражается также категорически, то это происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе осторожности, присущей истинному ученому вообще, а до нѣкоторой степени, можетъ быть, зависитъ и оттого, что рядомъ съ описанными явленіями нашей экономической жизни, разрушающими гипотезу объ универсальномъ значеніи капитализма, авторъ подмѣтилъ и другія, свидѣтельствующія о быстромъ накопленіи въ Россіи капиталовъ и какъ бы подтверждающія истинность вышеупомянутаго ученія. Обратимся къ фактамъ этого рода.

Послѣ освобожденія крестьянъ въ экономической жизни Россіи началась борьба двухъ принциповъ производства; государство стало при этомъ на сторону новой формы—капиталистической. «Вліяніе новой формы можно прослѣдить въ самомъ «Положеніи» 19-го февраля, допускающемъ такъ называемый даровой, нищенскій надѣлъ и въ особенности въ тѣхъ его статьяхъ, которыя относятся къ горнозаводскимъ рабочимъ (получившимъ всего по 1 десятинѣ)». Но «само «Положеніе» было лебединою пѣснью стараго процесса производства; послѣ него не было ни одного законодательнаго акта, имѣющаго цѣлью развитіе крестьянъ, какъ производителей: вся послѣдующая государственно-хозяйственная дѣятельность была направлена въ совершенно противоположную сторону. Не было издано никакихъ бросающихся въ глаза хозяйственныхъ законодательныхъ актовъ, вообще вся дѣятельность этого рода послѣ 1861 года произвела гораздо меньше шума, но по результатамъ она оказала болѣе существенное вліяніе на весь народный хозяйственный строй, чѣмъ Положеніе». Прибавимъ, что это существенное вліяніе отразилось не на производствѣ, которое, вопреки всѣмъ усиліямъ правящихъ классовъ, остается мелкимъ, а на распредѣленіи продуктовъ; послѣднее совершается все къ меньшей и меньшей выгодѣ крестьянъ, которые принуждены все большую долю продуктовъ своего труда отдавать непроизводительнымъ классамъ. Въ этомъ усиленіи эксплуатаціи мелкаго производства правительственныя мѣропріятія, повторяемъ, играли первенствующую роль. Мы видѣли, напримѣръ, какъ заботилось государство о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя оно передало въ частныя руки, гарантируя имъ притомъ извѣстный minimum дохода. А желѣзныя дороги есть одно изъ орудій для отдаленія продукта отъ труда, его добывшаго, для эксплуатаціи нашего производителя. Существуетъ мнѣніе, что выкупъ крестьянами земель былъ выполненъ не безъ пожертвованія со стороны привилегированныхъ классовъ вообще и казны въ частности; между тѣмъ, какъ относящіеся сюда факты говорятъ слѣдующее: «Для выкупа земли вышедшихъ на волю милліоновъ крестьянъ, было выпущено государствомъ и находилось въ обращеніи къ 1879 г. бумагъ на 392 мил. руб., а между тѣмъ, для развитія противоположнаго направленія, капиталистическаго, государство приняло на себя обязательствъ почти на втрое большую сумму». Кромѣ того, тогда какъ для выкупа крестьянами ихъ земель правительство нетолько не доплачиваетъ ничего изъ своего кармана, но имѣетъ даже возможность накапливать остатки отъ выкупныхъ платежей, употребляя ихъ на

покровительство капиталистамъ, «долги желѣзныхъ дорогъ правительству оказываются выше ихъ платежной способности», и за нихъ принуждена отвѣчать казна. «Тогда какъ недоимки на податныхъ сословіяхъ въ періодъ времени съ 1869 до 1879 г. составляли отъ 5 до $7^1/_2\%$ всѣхъ долговъ разныхъ лицъ и учрежденій государственной казнѣ, недоимки на желѣзныхъ обществахъ возросли отъ 35% до 70%. «Но государство, принявъ на себя по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ такія тяжелыя обязательства, въ состояніи выполнить ихъ только подъ условіемъ увеличенія бюджета, который всею своею тяжестью лежитъ на податныхъ классахъ». Вотъ одинъ изъ методовъ, служащихъ для усиленія эксплуатаціи крестьянина-производителя разнаго рода дѣльцами и аферистами. Но пускай бы желѣзныя дороги получали, черезъ посредство казны, подать съ мужика, пускай бы накопленіе капитала совершалось въ такихъ опредѣленныхъ чужой волей рамкахъ! На дѣлѣ существуетъ нѣчто гораздо большее: доля, отдаваемая крестьяниномъ разнымъ аферистамъ черезъ руки казны, наименьшая часть, отчуждаемая имъ; желѣзныя дороги гораздо сильнѣе нажимаютъ на мелкаго производителя, втягивая его въ операціи обмѣна, превращая его продуктъ въ товаръ, побуждая крестьянина отчуждать тотъ хлѣбъ, которымъ раньше онъ самъ питался. Мы видѣли, что хлѣбная производительность за послѣднее десятилѣтіе осталась неизмѣнной, между тѣмъ, какъ вывозъ зерна за-границу почти удвоился. Вывозъ этотъ въ началѣ 70 хъ годовъ составлялъ около 10% чистаго сбора, въ концѣ же этого десятилѣтія—18%; 8% было отнято отъ народнаго потребленія. Если же имѣть въ виду, что за тотъ же періодъ произошелъ приростъ населенія, то окажется, что народное потребленіе за послѣднее десятилѣтіе сократилось на 14%. Около $^2/_3$ этого сокращенія пошло въ карманы торговцевъ.

Чтобы яснѣе показать размѣры эксплуатаціи народнаго труда, развившейся въ послѣднее десятилѣтіе, и распредѣленіе продукта, отчуждаемаго народомъ, между казной и капиталистами, г. Николай—онъ приводитъ слѣдующіе разсчеты. Оцѣнивая на деньги доходъ народа отъ земледѣлія, онъ вычисляетъ, что государство брало изъ чистаго дохода въ началѣ 70-хъ годовъ 40,3%, а въ концѣ—41,3%; заграничный же вывозъ отнялъ въ первомъ періодѣ 10%, во второмъ—18. То есть часть чистаго сбора, идущая капиталистамъ возрастаетъ слишкомъ въ 8 разъ быстрѣе, чѣмъ доля, отдаваемая государству: несмотря на всю быстроту роста налоговъ, народу приходится гораздо тяжелѣе отъ роста

 Въ началѣ 70-хъ годовъ изъ всего урожая въ 199

мил. четв. народъ уплачивалъ въ казну около 90 мил. чет. Онъ продавалъ еще хлѣба 39 мил. четв.; но допустимъ, что вырученная сумма шла именно на уплату податей. Съ тѣхъ поръ подати возросли всего на 4 мил. четв., вывозъ же хлѣба увеличился на 34 мил. четв. и, что главное, онъ пошелъ уже не на государственныя потребности (которыя измѣнились очень мало), а въ карманы капиталистовъ; поэтому его должно прибавить къ непроизводительнымъ расходамъ крестьянина. И такъ теперь народъ отдаетъ уже 128 мил. четв. изъ 202 мил. сбора. Прежде онъ лишался 45% сбора, а себѣ оставлялъ 55%, теперь отдаетъ около $^2/_3$. «Переведя на рабочее время, оказывается, что производитель работаетъ два дня на себя и четыре на другихъ. Если же принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ производится продажа хлѣба крестьянами, а главное, наемъ земли и пр., то для насъ станетъ вполнѣ понятнымъ явленіе, на первый взглядъ поражающее своей парадоксальностью: крестьяне осенью продаютъ свой хлѣбъ, а весною собственный же хлѣбъ покупаютъ снова».

Читатель видитъ, что до сихъ поръ выводы автора вполнѣ согласны съ нашими и что они нисколько не говорятъ въ пользу развитія въ Россіи капиталистическаго *производства*, а свидѣтельствуютъ лишь о громадномъ ростѣ эксплуатаціи народнаго труда или, если хотите—о быстромъ накопленіи капитала. Но въ томъ-то и особенность нашего положенія, что, накопляясь, капиталъ и не думаетъ приняться за свою специфическую миссію—организацію общественной формы труда; онъ у насъ фигурируетъ въ качествѣ торговаго, ростовщическаго, но не промышленнаго капитала и превращается въ послѣдній только на время, и то при условіи правительственной гарантіи. Отсюда вытекаетъ то любопытное явленіе, что интересы нашихъ капиталистовъ совершенно расходятся съ интересами нетолько народа, но и самаго производства: какія бы несчастія ни постигали Россію, какія бы затрудненія не терпѣла промышленность—капиталъ продолжаетъ возрастать, даже еще можетъ быть быстрѣе, ибо онъ *воспроизводится* не промышленностью, а обмѣномъ и ростовщичествомъ; народныя же несчастія ускоряютъ процессы его воспроизведенія, такъ какъ заставляютъ населеніе еще больше нуждаться въ кулакахъ и ростовщикахъ, дѣлаютъ его болѣе сговорчивымъ на почвѣ свободныхъ и невольныхъ соглашеній съ своими патронами. Интереснымъ подтвержденіемъ этому служитъ движеніе вкладовъ на храненіе въ государственномъ банкѣ (результатъ «воздержанія» капиталистовъ или, что тоже, эксплуа-

таціи народа) съ 1871 по 1878 годъ. Мы видимъ, что за это время они возрасли почти втрое, съ 306 мил. р. до 882 мил. р. «Разсматривая же изъ года въ годъ, оказывается, что сначала ростъ идетъ довольно равномѣрно, впрочемъ, постоянно увеличиваясь. Это продолжается до 1876 г. Такъ какъ предыдущій годъ былъ неурожайный, то ростъ накопленія хотя и увеличился, но не такъ значительно, въ 1875 году онъ увеличился на 78 мил. р., а въ 1876 г. только на 64,8 мил. Но вотъ настаетъ несчастный 1877 годъ, годъ войны; силы государства и народа напряжены; накопленіе, конечно, должно уменьшиться, патріоты-капиталисты и ихъ прихвостни-газетчики кричатъ о необходимости жертвъ. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Въ то время, какъ за первые 6 лѣтъ восьмилѣтія накопленіе возрастало со среднею скоростью 18% въ годъ, въ этотъ 1877 годъ всевозможныхъ народныхъ жертвъ и бѣдствій, оно сразу увеличилось на 30%, на 105 мил. руб. Народное бѣдствіе дало возможность усилиться капиталистическому накопленію вдвое. Капиталъ спекулировалъ на поприщѣ народнаго несчастія. Эта эксплуатація народнаго горя продолжалась и въ слѣдующій годъ, но уже не въ такой сильной степени: война кончилась, накопленіе увеличилось на 102 мил. или на 26%. Вотъ ключъ для объясненія воинственнаго настроенія нашихъ шовинистовъ и ихъ вѣрныхъ выразителей и нахлѣбниковъ—газетчиковъ; народное несчастіе—для нихъ манна небесная: не теряя ничего, они пріобрѣтаютъ все; народное горе приноситъ имъ золотые плоды. Но въ государственный банкъ попадаетъ сравнительно незначительная часть цѣнностей, являющаяся такимъ образомъ продуктомъ вынужденнаго народнаго воздержанія. Другая часть, гораздо большая, вносится въ круговоротъ обмѣна, помощью котораго захватываетъ большую и большую часть продуктовъ народнаго труда».

Въ чемъ же состоитъ общественно-экономическое значеніе развитія въ Россіи капитализма? Если оно не ведетъ къ организаціи труда, то какія другія прочныя измѣненія будутъ результатомъ накопленія у насъ капитала?

Выше мы видѣли, что, одновременно съ послѣднимъ и какъ его прямой результатъ, явилось сокращеніе народнаго потребленія на 14%. Теперь узнаемъ, что измѣнившись количественно, содержаніе народа упало и въ качественномъ отношеніи. «До проложенія рельсовыхъ путей мѣстное производство направляется исключительно на удовлетвореніе мѣстныхъ же потребностей. Деньги и желѣзныя дороги, пробивъ себѣ путь въ какое-нибудь захолустье, тотчасъ же повышаютъ цѣны какъ на предметы

первой необходимости, такъ и на тѣ, которые удовлетворяютъ чуть-чуть болѣе развитымъ потребностямъ, и потребленіе которыхъ выражаетъ нѣкоторый достатокъ. Послѣдніе, какъ болѣе податливые, мало по малу совсѣмъ исчезаютъ изъ мѣстнаго потребленія... Заполонивъ предметы довольства, втянувъ ихъ въ себя, торговля обращается къ лучшимъ родамъ хлѣба, къ тѣмъ родамъ его, которые она считаетъ слишкомъ высокими для мужицкаго желудка, начиная и ихъ втягивать въ тотъ омутъ, изъ котораго можетъ быть возвратъ къ производителю только на условіяхъ очень тягостныхъ». За хлѣбомъ слѣдуетъ лепъ и пр. Взамѣнъ этихъ продуктовъ, населенію приходится употреблять другіе, хотя и менѣе полезные, но болѣе дешевые. «Хлопчато-бумажныя произведенія, картофель, водка—вотъ предметы общаго потребленія. Картофель порождаетъ малокровіе, хлопокъ вытѣсняетъ ленъ и холстъ, не смотря на то, что они во многихъ случаяхъ полезнѣе хотя бы въ гигіеническомъ отношеніи; водка вытѣсняетъ вино и пиво, не смотря на то, что, какъ напитокъ, она всѣми признается за ядъ».

Обращаясь къ Россіи, мы находимъ полное подтвержденіе этихъ положеній. Какъ ни прославлялись съ точки зрѣнія народнаго блага артельныя сыроварни, но должно признать, что рукою ихъ основателя, невѣдомо для него самого, двигалъ врагъ народа—капиталъ. Иначе не былъ бы возможенъ, такой, напримѣръ, фактъ: корчевская земская санитарная комиссія «обратила вниманіе на громадную смертность между дѣтьми у крестьянъ Кудрявцевской волости, зависящую отъ того, что дѣти ихъ выкармливаются на одномъ хлѣбѣ; молоко же все идетъ на сыроварню г. Верещагина, расположенную въ предѣлахъ этой волости». Потребленіе пшеницы народомъ сокращается очень быстро: въ первое 4-хъ-лѣтіе семидесятыхъ годовъ ея вывезено 40,5% чистаго сбора, а во второе—44,4%. Во внутренней торговлѣ (насколько объ этомъ можно судить по даннымъ желѣзныхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній) въ 1874 г. пшеницы обращалось 41% чистаго сбора, а въ 1876 г. уже 76%. «Если же принять, что значительная часть ея ускользаетъ отъ учета и что въ нашъ разсчетъ не вошла крупа, приготовляемая изъ пшеницы, то окажется, что въ рукахъ производителей остается самая незначительная часть ея». Это относится къ 1876 г. О 1878 годѣ, когда вывозъ пшеницы охватилъ больше половины чистаго сбора, нужно допустить, что «денежное хозяйство, сокративъ деревенское потребленіе пшеницы до нуля, принялось за вывозъ сѣмянъ. Покончивъ такимъ образомъ дѣло съ пшеницей, оно взялось за рожь». Ея отчуждаетъ народъ, правда, меньше чѣмъ пшеницы, но отчужденіе

это все-таки ростетъ. Препятствіемъ здѣсь служитъ, однако, крестьянскій желудокъ, «который не можетъ остаться совсѣмъ безъ пищи». Но капиталистъ стремится соблазнить и его, предлагая за рожь высокую цѣну; пшеница, по ея дороговизнѣ, недоступна мужику, слѣдуетъ поднять на ту же высоту и рожь—и вотъ цѣны обоихъ хлѣбовъ стремятся выравняться: въ первое 4-хъ-лѣтіе семидесятыхъ годовъ пшеница была дороже ржи на 84,6%, во второе—только на 64%, въ августѣ 1880 г.—всего на 30%. Ловкій манёвръ не остался безплоднымъ, желудокъ началъ сокращать потребленіе и этого хлѣба: въ 1874 г. на внутреннихъ рынкахъ обращалось уже 23% чистаго сбора, черезъ два года торговля его усилилась почти на половину и обращеніе ржи достигло 32%. Однако, «какъ ни эластиченъ желудокъ производителей, но и этой способности есть предѣлы; потребленіе достигаетъ minimum'а, ниже котораго оно итти не можетъ; но въ жару борьбы желудокъ уступилъ слишкомъ значительную часть поля битвы деньгамъ (вспомните заботы ученой литературы вольно-экономическаго общества и земствъ о замѣнѣ настоящаго хлѣба картофельнымъ и другими суррогатами), такъ что та доля, которой пришлось довольствоваться крестьянскому желудку, оказалась гораздо ниже количества, требуемаго для поддержанія организма въ здоровомъ состояніи. Другими словами, организмъ уже не въ состояніи выносить при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ того, что приходилось выносить при прежнихъ. Онъ дѣлается болѣе слабымъ, болѣе податливымъ, склоннымъ ко всякимъ болѣзнямъ, эпидеміямъ и пр., а это на языкѣ біологовъ носитъ страшное названіи—*вырожденія*. Не чума, дифтеритъ и пр. болѣзни усилились, и ослабѣлъ организмъ: въ этомъ существенное различіе».

Но вырождается не одинъ организмъ русскаго мужика, а и его хозяйство; капиталъ, урѣзывая потребленіе перваго, ведетъ къ истощенію силъ втораго. Производитель, отдавая въ жертву капиталистическому накопленію лично самого себя, не могъ уберечь отъ тлетворнаго вліянія и свое хозяйство; въ добавокъ къ хлѣбамъ, которыми питается человѣкъ, онъ вынужденъ отчуждать и кормъ, необходимый для его скота: въ первое 4-хъ-лѣтіе изъ собранныхъ 240 мил. четвертей овса вывезено 15 мил., во второе—изъ 226 мил. вывезено 25,5 мил. Вывозъ овса ростетъ, не смотря на сокращеніе производства; это должно отразиться на качествѣ и количествѣ скота, съ уменьшеніемъ котораго разрушается сельское хозяйство.

И такъ, рядомъ съ усиленіемъ обмѣна, въ Россіи ослабляется производство; процессъ этотъ, продолжаясь далѣе, неизбѣжно

закончится кризисомъ. «Уже въ настоящее время имѣются всѣ признаки крайне тяжелаго положенія дѣлъ. Не неурожай намъ тягостенъ, а тѣ исключительныя условія, которыя обострили на этотъ разъ его значеніе»—отсутствіе у производителя всякаго намека на запасы. Тяжелое положеніе дѣлъ отразилось и на товарномъ обращеніи, которое быстро замедляется. «Но при этомъ государственныя потребности должны быть удовлетворены. Свободныхъ рессурсовъ подъ рукою нѣтъ, и правительство вынуждено прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ, что ропщетъ и безъ того низкій ихъ курсъ. Но этого мало. Подати, вслѣдствіе неурожая, будутъ поступать въ меньшемъ количествѣ, а государственные расходы увеличатся вслѣдствіе вздорожанія всѣхъ товаровъ (расходы по интендантству и пр.) и паденія курса. Уменьшеніе доходности желѣзныхъ дорогъ вызоветъ увеличеніе приплатъ по правительственной гарантіи дохода, и пр. Можно еще много насчитать явленій, указывающихъ на приближеніе всеобщаго кризиса. Какъ онъ появится—предсказать не беремся. Чѣмъ бы онъ, однако, не кончился, *появленіе его въ будущемъ нисколько не устраняется*».

Пріятная перспектива ожидаетъ нашу страну, и читатель видитъ, гдѣ кроются причины такого положенія дѣлъ. Оно является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ искусственнаго поддержанія въ Россіи капитализма и представляетъ еще одинъ аргументъ въ пользу мысли, что послѣдній намъ вовсе не къ лицу, что новый экономическій принципъ способенъ лишь погубить, разрушить наше производство, но не организовать его въ общественную форму, не вывести его на торную дорогу прогресса. Поэтому всѣ попытки насадить капитализмъ въ Россіи должны окончиться *разложеніемъ* нашей общественно-экономической жизни, а не превращеніемъ прежней ея формы въ болѣе развитую, какъ это было на западѣ. Смерть обществу и государству—вотъ что увѣнчаетъ то зданіе, которое мы съ усердіемъ, достойнымъ крыловскаго медвѣдя, пытались воздвигнуть въ послѣднее двадцатилѣтіе. Мнѣніе г. Николая—она на этотъ счетъ абсолютно тождественно съ тѣмъ, которое развивалось мною. «Капитализмъ, который породилъ такое трудное положеніе дѣлъ, который разрушилъ всѣ вѣковые народные устои, хозяйственные, правовые, нравственные, не смотря на все это, пользуется репутаціей зиждителя основъ, тогда какъ направленіе, стремящееся къ тому, чтобы не допустить до погибели, а дать возможность развиться основной мысли манифеста 19-го февраля, направленіе это, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, относилось къ числу разрушительныхъ. *Можно надѣяться, что настоящій кризисъ откроетъ*

глаза обществу и покажетъ тѣхъ и другихъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ».

Что же тогда обществу остается дѣлать? «Такъ какъ накопленію избытковъ продуктовъ труда въ рукахъ производителей и *обращенію ихъ на развитіе средствъ производства* препятствовала вся общественно-хозяйственная дѣятельность послѣднихъ 15—20 лѣтъ, дѣятельность, приведшая къ наступающему кризису, то, для избѣжанія повторенія его, а главнымъ образомъ, для способствованія общественно-хозяйственному развитію производителей, слѣдовательно, и всей страны, необходимо *сойти съ того пути, который стремится къ развитію обмѣна* и направить всѣ силы на развитіе успѣшности труда производителей *при свободномъ владѣніи ими орудіями труда*, въ чемъ Положеніе совершенно справедливо видитъ залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго».

Это pium desiderium автора не есть плодъ его благодушія или боязни истины; оно логически вытекаетъ изъ всей нашей новѣйшей исторіи и подтверждается массою цифръ, собранныхъ г. Николаемъ—онъ. Значитъ и послѣдній держится того мнѣнія, что капиталистическое *производство* не нашло благопріятной почвы въ Россіи, и что нашъ дальнѣйшій промышленный прогрессъ будетъ покоиться на исконныхъ народныхъ устояхъ, каковыми должны быть признаны община и артель. Тѣмъ досаднѣе встрѣтиться въ трудѣ автора съ нѣкоторыми мѣстами, противорѣчащими всей сущности его изслѣдованія и конечнымъ его выводамъ, и могущими представить въ ложномъ свѣтѣ какъ истинное положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и отношеніе къ настоящему историческому моменту самого автора. (Впрочемъ, и все изслѣдованіе г. Николая—она по формѣ построено въ угоду капиталистической теоріи промышленнаго прогресса; этимъ существенное его содержаніе еще болѣе выигрываетъ въ нашихъ глазахъ, но невнимательный читатель легко можетъ не понять аргументаціи автора и подумать, что она клонится къ защитѣ указанной теоріи). Такое мѣсто находится, напримѣръ, на страницѣ 136.

Развивая положеніе, что задачей капитализма на Западѣ была организація общественной формы труда, для чего капиталъ долженъ былъ предварительно овладѣть орудіемъ производства, авторъ возвращается къ Россіи, гдѣ «приложенію капитала къ землѣ, исполненію его исторической миссіи мѣшаетъ Положеніе, надѣлившее производителей орудіями труда. Капиталистическому же хозяйству способствуетъ вся пореформенная государственно хозяйственная дѣятельность. Эти два взаимно уничтожающія

направленія и составляютъ источникъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться. *Теченіе капиталистическое, однако, видимо пересиливаетъ!* Гдѣ же признаки этого пересиливанія? «Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что все бо́льшая и бо́льшая часть производителей экспропріируется: уменьшеніе доли производителя въ продуктѣ и увеличеніе доли капиталиста, происходящее на нашихъ глазахъ, заставляетъ все бо́льшую и бо́льшую часть первыхъ бросать землю, не обрѣзать ее». Все это вѣрно, но прямой выводъ отсюда тотъ, что, благодаря вліянію капитализма, наше населеніе бѣднѣетъ, народное производство разстроивается. Но гдѣ же положительная сторона господства русскаго капитализма, гдѣ факты, доказывающіе, что онъ не довольствуется разрушеніемъ стараго зданія, а готовъ приступить къ постройкѣ новаго? «Все бо́льшая часть производителей экспропріируется» — положимъ; но кѣмъ именно? Земля освобождается отъ мелкаго хозяина, орудіе производства выпадаетъ изъ его рукъ, самъ онъ готовъ превратиться въ наемнаго рабочаго—всѣ элементы капиталистическаго земледѣлія на лицо; но капиталистическое производство тѣмъ не менѣе не является, «земледѣльческое хозяйство (у насъ) не капиталистическое». Мы можемъ сказать даже больше: капиталистическое земледѣліе сокращается, мелкая культура, гдѣ она въ состояніи держаться, вытѣсняетъ крупную, а коль скоро она падаетъ—на ея могилѣ выростаетъ лопухъ, но не цвѣтетъ капиталистическое хозяйство. Эту мысль мы развивали раньше, подтвержденіе ей находимъ и въ статьѣ г. Николая — она; поэтому, его утвержденіе, что „капиталистическое теченіе (въ производствѣ) видимо пересиливаетъ“ — какъ противорѣчащее всѣмъ другимъ заключеніямъ автора, мы должны признать за послѣднюю дань, воздаваемую имъ авторитету западной экономической науки.

Или, можетъ быть, капиталъ проявилъ свои организаціонныя способности въ сферѣ обрабатывающей промышленности, можетъ быть, эта послѣдняя дѣлаетъ огромные успѣхи? Объ этомъ мы тоже говорили раньше, и здѣсь повторимъ только, что съ 1842 г. и по 1877 г. число рабочихъ, занятыхъ на нашихъ заводахъ и фабрикахъ, необложенныхъ акцизомъ, осталось неизмѣннымъ, т.-е. капитализмъ въ этой отрасли не только, не подвигается впередъ, но отступаетъ назадъ, ибо для сохраненія прежняго отношенія онъ долженъ былъ расширить сферу своего вліянія хотя бы на 30—40% — пропорціонально размножившемуся за это время населенію. Если этого факта достаточно для категорическаго утвержденія, то мы съ бо́льшимъ правомъ можемъ сказать, что

«капиталистическое теченіе видимо ослабѣваетъ сравнительно съ противнымъ».

Если въ какихъ отрасляхъ производства нашъ капитализмъ и показалъ себя молодцомъ, такъ это относится къ предпріятіямъ, доходы которыхъ тѣмъ или инымъ способомъ гарантируются правительствомъ. Такъ капиталъ охотно явился на готовые хлѣба при постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ; съ вожделѣніемъ набросился на машиностроеніе, откуда тоже выглядываетъ жирный кусокъ; но въ этомъ-то послѣднемъ случаѣ и проявились ярко его характеристическія черты, здѣсь-то онъ и доказалъ, что способенъ только накопляться, играть безгласныя, а не важныя историческія роли. Заботясь о развитіи у насъ крупныхъ механическихъ заведеній, правительство для начала поддерживаетъ ихъ, между прочимъ, казенными заказами. Что же вышло? Первыя наши большія механическія и кораблестроительныя фирмы основаны были лѣтъ 20 назадъ иностранцами. Понемногу въ составъ ихъ начали входить русскія, которыя впослѣдствіи получили тамъ преобладающее значеніе. Параллельно съ такимъ опаціонализированіемъ производства идетъ его дезорганизація: руководители перестаютъ заботиться о техническихъ улучшеніяхъ, нарушили принципъ спеціализаціи производства (первое условіе для полученія хорошаго и дешеваго товара), стали думать лишь объ одномъ: какъ бы побольше набрать разнообразныхъ казенныхъ заказовъ. Въ погонѣ за наживой нашъ капиталистъ ни чѣмъ не стѣснялся: строитъ онъ, напримѣръ, суда и узналъ о выгодномъ подрядѣ на прокатку рельсовъ, онъ берется за это дѣло, пристраиваетъ нужныя мастерскія, набираетъ кое-какихъ рабочихъ и орудуетъ. Сдалъ подрядъ, другой такой же работы нѣтъ, ибо кто же добровольно закажетъ рельсы судостроителю— но вотъ казнѣ нужны локомотивы... нашъ капиталистъ берется и ихъ приготовить: закрываетъ одну мастерскую, открываетъ— другую. Выходитъ и дорого, и гнило; и будетъ онъ такимъ образомъ существовать только до тѣхъ поръ, пока о немъ печется начальство, а умой руки послѣднее—и онъ лопнулъ: отъ нашего капиталистическаго механичества (или, вѣрнѣе, механическаго капитализма) останется одно скверное воспоминаніе.

Въ цѣлой статьѣ г. Николая — она найдется, можетъ быть, только одно мѣсто, какъ будто подтверждающее мысль, что «теченіе капиталистическое видимо переселяетъ». Мѣсто это слѣдующее. «При этомъ и въ самой общинѣ происходитъ весьма любопытное явленіе: не хозяйственнымъ хозяевамъ общество начинаетъ отводить худшую землю *(все равно не обработываютъ ея)*, сроки же передѣловъ земли хозяйственныхъ домовъ все увели-

чиваются и увеличиваются, такъ что мы присутствуемъ при актѣ превращенія общиннаго пользованія въ индивидуальное».

Но, во-первыхъ, приведенный фактъ совершенно побочный въ статьѣ г. Николая—она, и чтобы данныя подобнаго рода можно было положить въ основаніе теоріи о значеніи капитализма въ Россіи, недостаточно простого указанія на существованіе явленія, а требуется предварительное тщательное изученіе вопроса, что не было на сей разъ задачей автора. Во-вторыхъ, указанное явленіе общинной жизни даетъ намъ только знать, что община, какъ союзъ производителей, выкидываетъ изъ себя лицъ, переставшихъ быть таковыми; но и этимъ актомъ оно производитъ лишь формальное выкидываніе упавшихъ, имѣющее, впрочемъ, существенное значеніе для остающихся: худшая земля дается тѣмъ домохозяевамъ, которые «все равно не обработываютъ ея», т.-е. которые перестали быть земледѣльцами еще раньше; имъ земля не нужна, de facto они разорвали связь съ общиной, но de jure имѣютъ право на землю. Дать имъ полосу по жребію, значитъ обречь на запустѣніе новый участокъ земли (если имъ достанется унавоженная полоса) и заставить работающаго мужика тратить лишнія усилія на приведеніе въ годное для культуры состояніе пустыря, доставшагося ему отъ безхозяйнаго сосѣда. А у держащагося еще производителя такъ много разныхъ невзгодъ и тягостей, что было бы крайне наивно съ его стороны ухудшать свое положеніе ради требованій формальной справедливости. Слѣдовательно, указанное авторомъ явленіе нельзя приписать развитію внутри общины капиталистическаго теченія, хотя мы не отрицаемъ, что послѣ-реформенная экономическая политика правящихъ классовъ создала почву для появленія такого теченія. Но это, повторяемъ, вопросъ особый, хотя и очень важный, ибо въ общинѣ-то и можетъ пріютиться нашъ туземный капиталистъ. Теперь же мы заняты капитализмомъ западно-европейскимъ, блескъ котораго ослѣпилъ нашихъ доморощенныхъ экономистовъ и вызвалъ ихъ на попытку завести нѣчто подобное и у себя въ Россіи; но слѣпецъ—плохой руководитель, и оцѣнка ихъ усилій, сдѣланная г. Николаемъ—онъ, лишній разъ подтверждаетъ эту истину.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія работъ почтеннаго автора, которыя проливаютъ столько свѣта на наше экономическое положеніе и облегчаютъ русской мысли ея задачу—отыскать ту конкретную форму, въ которую, въ своемъ прогрессивномъ теченіи, должны вылиться наше народное производство.